

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Соч. Долг.

СОЧИНЕНІЯ
ДОЛГОРУКАГО

(Князя Ивана Михайловича.)

Угодень — пусть меня читають,
Противень — пусть въ огонь бросаютъ :
Трубы похвальной не ищутъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Издание Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, 18 Мая 1848 года.

Ценсоръ *Никитенко.*

БЫТІЕ СЕРДЦА МОЕГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ Ш^{МУ} ИЗДАНІЮ.

Бывали часто большія провсшества отъ мелкихъ причинъ. Одинъ иностранный писатель занимался собраніемъ многихъ событій, свидѣтельствующихъ сію истину, и выдалъ книгу, которую всякой читывалъ въ ребячествѣ. Мы, живущіе въ настоящее время, отвергнемъ ли противоположность сего замѣчанія, и не признаемся ли, что часто отъ большихъ причинъ рождаются мелкія провсшества? Напр. «Не сгори Москва, не растерзай Французъ всѣхъ библіотекъ въ столицѣ» я бы не печаталъ снова моихъ произведеній. По качеству, довольно бы для нихъ чести таскаться по свѣту и въ томъ нещеголеватомъ видѣ, въ какомъ представляется второе ихъ изданіе (чего для меня больше?); но и того почти вовсе нѣтъ. Для публики это не накладъ; но пріятели мои иначе объ этомъ судятъ, и я приношу имъ здѣсь новую жертву моего послушанія и пріязни.

Первое изданіе моихъ стиховъ, вышедшее въ 1802, году и второе въ 1808, были посвя-

щены женскому полу. Тогда страсти молодыхъ лѣтъ хотя уже не такъ пылко горѣли въ сердцѣ моемъ, однако еще не гасли, и я увлекался живостью моего воображенія далеко, можетъ быть, за предѣлы дозволеннаго. Принеся два раза женщинамъ дань пристрастія моего къ нимъ и плодъ восхищеній, я недавно простился съ ними на бумагѣ и, посвятя имъ же переводъ Флибера, изъявилъ въ предисловіи полную мою признательность сей очаровательной половинѣ человѣческаго рода, которой я обязанъ былъ столь многими счастливыми воспоминаніями въ жизни моей. Полно занимать ихъ собою! полно заниматься самому имп! Пора вспомнить, что я вторую половину столѣтія проживаю — и остаться при одномъ къ нимъ уваженіи.

Приступая нынѣ къ третьему и, вѣроятно, къ послѣднему изданію моихъ стихотвореній и собравши въ немъ все, что я написалъ въ теченіе разныхъ возрастовъ жизни, я хочу сдѣлать книгу мою памятникомъ благодарности — сего превосходнѣйшаго чувствованія изъ всѣхъ тѣхъ, коими Природа снабдила человѣческое сердце; и предъ кѣмъ излію я его нынѣ столь обильно, какъ не предъ Московскимъ Университетомъ, которому я столь много и толпкократ-

но въ жизни моей былъ обязанъ? Ему дерзаю посвятить труды мои! ему приношу сей вѣрнейшій мяѣ отъ него талантъ! — Онъ бѣденъ былъ отъ природы, воздѣланъ мною худо; но по крайней мѣрѣ я его не закопалъ, какъ рабъ лѣнивый, и сіе одно да будетъ его цѣною предъ симъ Святилищемъ Наукъ!

Въ семъ намѣреніи я руководствуюсь уже не тѣми восторгами, кои съ языка срывали и сливали съ пера льстивыя привѣтствія обворожительныхъ страстей; одна умилительная и глубокая признательность правитъ настоящимъ моимъ поступкомъ, и заблужденію нѣтъ никакого мѣста.

Назвавъ книгу мою *Бытіе моего сердца*, я привожу себѣ на память все бытіе мое моральное, и вездѣ нахожу непрерывающуюся нить благодѣяній ко мнѣ отъ Университета.

Подъ сѣнію его я озарился первыми лучами умственного свѣта. Въ немъ провелъ юность и выпускенъ на поприще жизни гражданской. Въ немъ обучался туне. — Тамъ благотворная душа *Шувалова*, назидательныя попеченія *Меллисино*, плодовитый геній *Хераскова* образовали умъ и сердце Россіянь! Память ихъ покровительства и благоволенія ко мнѣ спидеть со мною во гробъ! — Тамъ искусные воздѣ-

латели словеснаго вертограда: *Барсовъ*, *Рейхель*, *Ростъ* съ терпѣніемъ и кротостью изучали меня познаніямъ пріятнымъ и столь необходимымъ для жизни счастливой, для достиженія въ мірѣ семь цѣли спокойнаго существованія, для истиннаго благородства нашего одушевленія. — Тамъ прилежный наставникъ мой отъ самаго дѣтства и опытный руководитель *Чеботаревъ* пролагалъ мнѣ пути къ возвышенной нравственности и, подобіемъ собственнаго сердца своего, убѣждалъ вѣрить, что нѣтъ безъ скромности и добродѣтели благихъ дней въ подлунномъ мірѣ. — Забуду ли тѣхъ прославившихся въ отечествѣ нашѣмъ людей: *Страхова*, *Курику*, *Политковскаго*, *Кастрова*, коихъ осмѣливаюсь назвать своими сотоварищами по тому только отличному преимуществу, что я удостоенъ былъ чести внимать вмѣстѣ съ ними превосходнымъ лекціямъ нашихъ учителей, сидѣть рядомъ съ ними на одной и той же лавкѣ, и изъ коихъ каждый, съ снисхожденіемъ обращая на меня взоры свои, преподавалъ мнѣ ту мѣру понятія, какая необходима была, дабы сколько нибудь сблизить страшное разстояніе между ихъ дарованіями и моими слабыми успѣхами? — Забуду ли самыя стѣны тогдашняго храма Музъ, въ которыхъ испыты-

валъ я каждодневно столь великія щедроты Небесъ? — Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ и развалины ихъ любезнѣе всего дивнаго въ зодчествѣ нашего вѣка!

Университетъ не удовлетворился обученіемъ меня въ юности. Я вышелъ изъ школъ, но не удаленъ былъ отъ благоволенія его, и вмѣстѣ со вступленіемъ моимъ въ свѣтъ, наименовался *авскультантомъ вольнаго Россійскаго Общества*. — Тутъ я, уединяясь отъ шумнаго свѣта, посреди сановитыхъ мужей, учился думать и разсуждать; тутъ я вкоренялъ въ себѣ тѣ пріятныя впечатлѣнія, кои обращали меня съ любовію къ сему благотворному заведенію и кои, столь многія проливъ отрады на всю жизнь мою, присвоили меня Университету до самой старости.

Служба и обстоятельства, казалось, разорвали союзъ мой съ Университетомъ въ продолженіе возмужалости моей; но Университетъ не забылъ своего питомца, и я напослѣдокъ призванъ былъ къ отличію носить званіе Почетнаго его Члена. — Дипломъ его пребудеть неопѣненнымъ для меня пріобрѣтеніемъ!

Кто изъ смертныхъ, влачась на житейскомъ морѣ, не сражался съ волнами его, когда оно воздвизалось напастей бурею? Провидѣніе и

миѣ готовило свои злоключенія. — И тогда, когда я могъ, подражая огорченному чувству Порфироснаго Пѣснопѣвца, съ воплемъ изрѣщи: «*Ближніе мои далече мене сташа*» и тогда кто протянулъ миѣ дружескую руку? кто пригнулъ жало злобы? кто смягчилъ язву собственнаго отчаянія? Паки, и паки Университетъ! Хладнокровно взирая на коловратность отношеній мірскихъ, онъ удостоилъ меня новой чести, только уважительнѣйшей, сколько паче униженъ я былъ въ своей собратіи, — и нарекъ меня Почетнымъ Членомъ учрежденнаго въ немъ Общества Любителей Россійской Словесности. Новая заря для меня возсіяла! новое солнце изъ бурь на меня проглянуло! Скромность одна налагаетъ на уста мои печать — и я, воздавъ хвалу умершимъ, не смѣю распространить ее на живыхъ, дабы злая догадка досадителей моихъ не отнесла искренняго чувства къ одной лест недостойной моего пера.

Такъ поступалъ со мною Университетъ во всѣ эпохи жизни моей, всегда равно, и въ счастіи и въ несчастіи, въ ведро и въ туманъ, въ торжествѣ и въ униженіи: — и я ли забуду сію златую колыбель моего моральнаго младенчества!

Я знаю болѣе, нежели какой бы то ни было критикъ остроумный, или насмѣшливый, или ядовитый, написать можетъ, что мои сочиненія очень недостаточны и что вообще вся книга не стоитъ особеннаго вниманія. Соглашаюсь со всѣми рецензентами прошедшими, нынѣшними и будущими — знаю, что еслибъ, по примѣру многихъ, я принялся обрабатывать мои произведенія и убрать ихъ позыше, можетъ быть, изъ толстой одной книги пустяковъ я бы вырѣзалъ нѣсколько страницъ посредственнаго, и болѣе бы угодилъ разборчивымъ читателямъ; но смѣю привести къ извиненію себя въ томъ, что я дѣйствовалъ иначе, на зло принятымъ правиламъ, по одному собственному своему произволу, слѣдующее простое мое разсужденіе. Оно можетъ показаться ошибочно—я въ этомъ спорить не стану—но мое; ибо я люблю быть всегда *Я*, не заимствуя чужихъ нарядовъ.

Еслибъ я издавалъ книгу классическую, еслибъ хотѣлъ свои сочиненія сдѣлать образцовыми для другихъ, какъ наприм. въ стихахъ *Ломоносовъ*, *Державинъ*, *Мерзляковъ*, а въ прозѣ *Карамзинъ*, тогда бы я привлекъ на себя самую правильную критику; ибо кто учитъ другихъ, тотъ долженъ показать, что онъ самъ основательно выучился. Но я не одинъ уже

разъ увѣрялъ публику и непрестанно твердить ей стану то же: что я писалъ не для образованія системы новаго вкуса, а собственно для удовольствія своего и тѣхъ, кому перо мое нравится. Я никого не назидая, никому не даю уроковъ, не ищу прозелитовъ. Читать и писать были всегда мои двѣ стихіи, и ими я живу морально, такъ, какъ и всѣ люди живутъ воздухомъ по естеству. А что писать и читать, и какъ, въ этомъ я слѣдовалъ собственнымъ моимъ побужденіямъ. Пусть внятъ мой слогъ!! — Эпиграфъ заглавной въ книгѣ доказываетъ, что я этимъ не огорчаюсь, лишь бы не порицали моихъ чувствъ, моихъ правилъ, моей нравственности.

Вотъ основа въ моихъ сочиненіяхъ, которую я старался сдѣлать неприкосновенною, прочною! — и смѣю льстить себя надеждой, что укоризны меня не достанутъ. Что же надлежитъ до узоровъ, я ихъ охотно отдаю на жертву кому угодно. По мнѣнію моему, въ такомъ случаѣ лучшее дѣло не покупать и не читать книги, которая пехороша, которая не похожа ни на чью, которая не соображена ни съ римскими, ни съ греческими древними красотами и проч. и проч. Вотъ и все! — А сердиться за что? А браниться, называя ругательства кри-

тикою, позвольте откровенно молвить, и того хуже. Упрямого автора не исправишь, а себя лишь надорвешь. — Публикѣ барыша мало — самому себѣ живой накладъ.

Смотря на все книги и на свою съ этой точки зрѣнія, я очень мало поправлялъ мои стихотворенія — и въ 3 изданіи также много стараго вздора оставилъ, какъ и въ прежнихъ двухъ, да еще и много новаго прибавилъ; потому что я въ стихахъ моихъ хотѣлъ сохранить все оттѣнки чувствъ своихъ, видѣть въ нихъ, какъ на картвиѣ, всю исторію моего сердца, его волненія, перемѣну въ образѣ мыслей, ходъ ихъ въ разныхъ возрастахъ жизни и постепенное развитіе малыхъ моихъ способностей. Я ни одной бездѣлки, ни одного стиха не вымаралъ потому, что всякой напоминаетъ мнѣ какое-либо или происшествіе, или мысль, или чувство, которое на меня дѣйствовало тогда и тогда; словомъ, мнѣ пріятно себя находить ребенкомъ, мальчикомъ, мужемъ совершеннымъ и наконецъ старикомъ, — и видѣть, какою ниткою разсудокъ мой отъ 15 лѣтъ и до 50 прокладывалъ себѣ путь къ счастью въ томъ глубокомъ лабиринтѣ, что анатомисты называли *сердцемъ*. Вотъ ключъ той оригиналь-

ности, которую моимъ сочиненіямъ изволятъ многіе приписывать!

Конечно, предосудительно для великаго творца эпопей или трагедіи стать выше общаго мнѣнія и пожать деспотически всё правила принятаго вкуса; но не ужли и *Феклу* пѣть надобно такимъ же размѣромъ, какимъ пѣвали трубадуры своихъ красавиць? Отъ этой неволли Боже насъ избави!

И такъ, принеся нынѣ, какъ бѣдный пѣвецъ, убогія мои пѣсни на алтарь Аполлона, я почти себя чрезмѣрно награжденнымъ, если мудрые служители его благосклонною улыбкою продолжать во мнѣ то блаженное вдохновеніе *Природы*, которымъ красится всякая судьба, счастливится всякое уединеніе! — Такъ! Поэзія есть забава молодости, краса средняго возраста жизни и единственная отрада въ старости; и я, испытавъ сію истину, особенно въ послѣднемъ ея видѣ, готовъ признательно сказать, склоняясь къ западу дней моихъ:

«Тотъ вѣкъ златой провель, кто лирою своей,
«Не славой возгремѣлъ, былъ нуженъ для друзей.

Б О Г У.

Mon coeur peut s'égarer, mais il est plein de toi.

Г И М Н Ъ

ВЪ ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНІЯ.

Боже мой! кому иному
Я хвалы въ сей день воздамъ?
Лишь Тебѣ, Творцу благому,
Воскурю днесъ ошніамъ.
Въ горній храмъ къ Тебѣ да внидетъ,
Славы жертвенникъ обыдетъ,
И Ты мудрости щитомъ,
Какъ спасалъ меня донынѣ,
Такъ и въ новой сей годинѣ
Сохрани отъ золь мой домъ!

Ты, мнѣ жизни даръ пославши,
Мой животъ наполнилъ благъ;
Къ Христіанству мя призвавши,
Утвердилъ въ немъ первый шагъ.
Ты мою наставилъ юность,
Вольнодумцевъ наглу буйность
Отъ разсудка отвратилъ,
И, житейскихъ бѣдъ въ награду,
Брака далъ познать отраду .
И дѣтми благословилъ.

Ты страстей тревогамъ лютымъ
Не далъ смертно поражать;
Мыслямъ, гордостью надутымъ,
Запретилъ мой духъ смущать.
Въ день, когда на брань стремился,
Щитомъ вѣры ополчился,
Ты со мною былъ тогда;
При дверяхъ чертоговъ царскихъ
И среди трапезъ боярскихъ
Обрѣталъ меня всегда.

Когда мерзкія внушенья
Врагъ мой сѣялъ на меня
И, подъ игомъ люта мщенья,
Сокрушенъ ужъ падалъ я;
Когда други не познали
И родные одалъ стали —
Ты одинъ меня спасалъ;
Человѣка немощь зная,
Грѣхи юности прощая,
Сѣть коварства разорвалъ.

Ты, Свои святы законы
Мнѣ на сердцѣ впечатлѣвъ,
Противъ тѣхъ, кто любитъ стоны,
Воспалилъ мой лютый гнѣвъ.
И когда я подвизался,
Сильныхъ рогъ сломить старался,
Ища истины одной,
Люди мнѣ грозилн бѣдствомъ;

Но Ты, совѣсти посредствомъ,
Рекъ: — дерзай! се Азь съ тобой.

Не мечтая быть несчастнымъ
По сравненію съ царемъ,
Чту предъ тѣмъ свой рокъ прекраснымъ,
Кто меня бѣднѣй во всемъ.
Боже! дай, чтобы въ смиреньи
Я мечталъ себя въ сравненьи
Не съ носящими вѣсовъ,
Но туда стремилъ бы очи,
Гдѣ съ полднѣмъ и до полночи
Голодъ, скорбь, недугъ и стонъ!

Сколько въ свѣтѣ тѣхъ несчастныхъ,
Для которыхъ все—бѣда;
Въ недостаткахъ повсечасныхъ
Нѣтъ имъ къ радости слѣда.
А мнѣ Богъ, даруя нищу,
Далъ еще, что дать и нищу,
И всего на нужду есть.
Между добрыми сердцами
Еще я могу друзьями
Безъ ошибки двухъ, трехъ счесть.

Боже мой! кому жъ иному
Мнѣ хвалу въ сей день воздать?
Не вѣмъ Богу я чужому
Колѣнъ, сердца преклонять.
Ты, всевѣдущее Око!
Ставь отъ золъ меня далеко;

Ты бо вѣси, сколь я слабъ.
Усмири коль вознесуся,
И да съ правды не споткнуся,
Помня вѣкъ, что я Твой рабъ.

АКРОСТИХЪ.

Буди имя Господие благословенно отныиъ и до вѣка.

Блаженъ, кто Божества щедроты ощущаетъ,
Умъ дерзкій обуздавъ, на Бога уповаеъ,
Душою чтитъ Его, всей мыслию любя,
И съ жребіемъ своимъ вручилъ Ему себя!
Изъ тмы создавый свѣтъ вселенной всей Зиждитель,
Морей и суши Царь! будь дней моихъ хранитель!

Я истины прямой стези всегда ишу;
Гнушаясь всякой лжи, правдивымъ быть хочу.
О! сколь погрѣшно я законъ Твой разумѣю,
Суетъ мірскихъ оплотъ расторгнуть не умѣю;
Пріятности любви вкушая льстивый ядъ,
Обмануть всякой день я чаюшемъ отрадъ;

Дражайшею мечтою плѣнясь ежечасно,
Неволею влекомъ туда, гдѣ сердце страстно;
Единственно ему стремясь угождать,

Блаженствомъ чту въ любви всечасно возды-
хать,

Ловя, какъ-будто тѣнь, минуты бесполезны.
Ахъ! слабъ я предъ Тобой однимъ — лить токи
слезны;

Господство чувствамъ давъ и умъ разсѣявъ весь,
О чемъ, о чемъ пекусь я, пресмыкаясь здѣсь?
Судьбу, а не себя, напрасно укоряю,
Лукавства весь сосудъ до-суха испиваю;
Отъ счастья далѣкъ, хотя бѣгу за нимъ:
Все страхъ въ душѣ моей — все тма глазамъ
моимъ.

Ей, тако я живу, жить иначе не зная;
На благодати Твои, Всесильный, уповая,
Незыблему на нихъ надежду воспріявъ,
О, Боже! отъ Тебя жду новый умъ и нравъ.

Отторгни, разорви несовершенства узы!

Ты можешь, Боже! все: въ Твоей рукѣ союзы,
Непостижимо переть связавшіе съ душой
И сушіе въ борьбѣ всегда между собой.
Не зрѣть въ Тебѣ Отца, но судію лишь строга,
Есть мука всѣхъ лютѣй; — коль сладко видѣть
Бога

Источникомъ всѣхъ благъ, началомъ райскихъ
дней,

Душевныя тоски отрадой чтить своей.
О, Боже! всяка тварь — песчинка предъ Тобою!
Владѣя тмою міровъ, владѣешь Ты судьбою

Естественныхъ страстей предѣлы сохраняя,
Ко мнѣ всецѣдый взоръ и слухъ свой преклоня,
Адъ сердца утоли — и успокой меня!

РАЗМЫШЛЕНИЕ О СМЕРТИ.

Rendons graces à la nature
Et remettons lui sans murmure
Ce que nous eu avons reçu.

Напрасно, мню я, человѣки
Боятся смертнаго часа,
Напрасно льютъ они слезъ рѣки,
Когда ихъ времени коса
Какъ листь осенній бреетъ съ поля,
На что Всевышняго есть воля;
Что въ чинъ природы введено,
То вредно быть для насъ не можетъ:
И такъ, вотще веѣхъ насъ тревожитъ,
Что намъ кончатся суждено.

Представимъ мы, что между нами
Еще живутъ Адамъ и Ной,
Царей украшенныхъ вѣнцами
Вообразимъ огромный строй,

Всѣхъ странъ вождей побѣдоносныхъ,
Тирановъ сильныхъ и несносныхъ,
И сей одушевленный гадъ,
Который червю называютъ
И тысячами вдругъ считаютъ
Въ ревнижскихъ сказкахъ наугадъ.

Увы! куда бѣ тогда дѣваться
Такому множеству людей?
Вселенна бѣ стала колебаться
Отъ массы движущихся въ ней.
Тогда не царства межъ собою,
Одна чета съ другой четою,
За пай земли сразься до слезъ,
Кровей исполнили вселенну,
Воспламенили въ ней геенну,
Затмили дымомъ сводъ небесъ.

Наслѣдства всѣ бѣ исчезли права,
И каждый сталъ насильствомъ жить;
Одна естественна управа
Законы вздумала бѣ чертить,
Для жилъ пространства бы не стало,
Для пищи злака было мало
И для питья воды въ моряхъ;
Съ людьми звѣрь хищный бы сразился,
На общихъ пажитяхъ кормился,
Дѣлилъ овраги съ нимъ въ лѣсахъ.

Но смерть всему предѣлы ставитъ:
Враждамъ опредѣляетъ срокъ,

Среди злодѣйствъ злодѣя давить,
И страшенъ всѣмъ послѣдній рокъ.
Земля, свои храня законы,
Скрываетъ труповъ миллионы,
Межъ тѣмъ, какъ новый родъ растеть;
И тамъ, гдѣ предковъ гробы тлѣютъ,
Потомки ихъ пшеницу сѣютъ,
Живой на мертвомъ хлѣбъ свой жпеть.

Отецъ владѣлъ и наслаждался,
Родилъ дѣтей — пригрѣлъ, соблюлъ;
Птенцы вспорхнули, онъ скончался,
Свершивши подвигъ свой — уснулъ.
Угодно такъ Творцу правдиву,
Чтобъ всякъ изъ насъ шамашъ свой, шиву
Другому здѣсь передавалъ;
Чтобъ все изъ брения раждалось,
Среди теченія кончалось,
И мѣръ въ себѣ себя мѣнялъ.

Войдемъ во храмину страдальца,
Со всѣхъ несчастнаго сторонъ —
Бѣднякъ не можетъ тронуть пальца,
Въ немъ признакъ жизни: только стонъ—
Когда бы смерть ему не льстила,
Какая бъ въ немъ душевна сила
Могла снести такой животъ?
Но слячень, бѣдствуетъ всечасно,
И смерть, мгновенье столь ужасно,
Онъ зрѣтъ наполеннымъ красотъ.

Заглянемъ въ страшныя темницы,
Гдѣ стража, не воздрема, бдитъ,
Гдѣ мрачны обвиненныхъ лица
Грызенье совѣсти томить;
Тамъ жизнь есть образъ муки вѣчной,
Какой въ щедротахъ безконечной
Ни въ адѣ Богъ не сотворилъ:
Какъ странникъ ждетъ въ степи прохлады,
Такъ узникъ чаеъ той отрады,
Чтобъ дни его Творецъ свершилъ.

Куда бы кто изъ насъ укрылся
Отъ злобы хитраго врага,
Когда бы самъ онъ не страшился,
Что сломитъ смерть ему рога?
Летитъ и дѣйствуетъ злонаправный;
Но въ самый тотъ моментъ тщеславный,
Когда куеъ весь міръ, тиранъ,
И даже небо сдвинуть хочетъ,
Плутонъ во адѣ серпъ свой точитъ,
Махнулъ — и трупъ восхитилъ врагъ.

И такъ, судебъ опредѣленье,
Чтобъ тѣну смертию былъ предѣлъ;
Отнюдь не зло, — благотворенье
Для утомленныхъ нашихъ тѣлъ.
Чего жъ такъ много мы боимся?
Исчезнетъ страхъ, коль убѣдимся,
Что Пастырь добрый насъ пасетъ,
Который все на пользу строитъ,

И старца на одрѣ покоитъ,
И въ люлькѣ дѣтище блюдетъ.

Одинъ порокъ для насъ опасенъ;
И чѣмъ онъ больше въ жизни льститъ,
Тѣмъ, ближе къ гробу ставъ, ужасенъ,
И узы плоти тяготитъ.
Но если сердце благородно
Питаетъ чувство превосходно,
Любовью къ вѣчности горя,
Тогда сей свѣтъ, сколь ни плѣняетъ,
А смерти мигъ всегда бываетъ
Какъ утра краснаго заря.

МЕРТВЫМЪ.

De mortuis aut bene, aut nihil.

Объ мертвыхъ или добро реки, или молчи.

НА КОНЧИНУ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ.

—

Зри смертнаго предѣлъ—и слезы лей, Царица!
На хижину и тронъ Всевышняго десница
Равно простерла скорбь, недуги и печаль.
Въ порфирѣ ты—все мать и дщери мертвой жаль!
Давно-ль она цвѣла? — давно ли на престолѣ,
Избранная судьбой жить въ радостиѣйшей долѣ,
Возвысила вѣнецъ душевной добротой,
Цѣной ея купя всѣхъ подданныхъ покой?
Часъ рока наступилъ, и мечъ его ужасный,
Что смертью мы зовемъ, сей жизни врагъ все-
часный
Ей тлѣннѣю гробовъ быть жертвою обрекъ;
Средь благъ земныхъ, во прахъ низверженъ че-
ловѣкъ!

О, лютое души родительской мученье!
Какое, кто тебѣ предложитъ утѣшенье?
Какой витійства слогъ удобенъ врачевать
Того, кто осужденъ плодъ чрева потерять?
Марія! плачь; земля Твоимъ степаньямъ внем-
летъ

И само Небо ихъ со благостью приѣмлетъ.
Россія! възрыдай; не изъ обряда льстя.
Гласъ сердца вопіеть: она — твое дитя!
Забудешь ли, что та, чей жребій совершился,
Чей духъ, отъ тѣла взятъ, на небо преселился,
Въ твоихъ странахъ родясь, воспитана, выросла
И Россіяночкой быть своимъ трофеемъ чла?
Забудешь ли ея въ тебѣ благодворенья,
Въ наптіе судьбы, въ жестоки искушенья?
По качествамъ души, превыше трона ставъ,
Хранила Вѣры долгъ, отечества уставъ;
Въ чужія племена союзомъ увлеченна,
Ей родина была повсюду драгоценна;
Съ участіемъ о ней приѣмля добру вѣсть,
Чадъ Сѣвера хвалу себѣ вмѣняла въ честь.
И вспомни, наконецъ, что имя той носила,
Чьей славою громка твоя донывѣ сила!
Екатерина тамъ въ Екатеринѣ зрится
Низшедшій отъ нея духъ кротости и видъ;
Праматериныхъ дѣлъ издѣтства бывъ свидѣ-
тель,
И внука возвела на тронъ свой добродѣтель!
Природа въ колыбель ей все дары дала,
А генія печать отъ Неба приняла;
Но смертнаго, увы! суть кратки дни блаженства

И вмажь скрыть отъ насъ сей образъ совершенства!

Такъ! скрылась ты отъ глазъ; но вѣкъ жива
въ сердцахъ!

Да будетъ о тебѣ. улышанъ въ небесахъ
Плачь матери твоей, въ молитвѣ сокрушен-
ной,

Супруга тяжкій вздохъ; въ тоскѣ уединенной;
И тайный сей глаголъ, понятный только тамъ;
Гдѣ Богъ—единъ есть Царь, весь міръ—единъ
есть храмъ!

Стоя въ горестныхъ сиротъ въ странѣ, тебѣ под-
властной,

Исторженныхъ тобой изъ участи злосчастной,
Уступить ли въ слезахъ отечество твое?

Родимый градъ Петровъ, гдѣ воды, камень—все,
Младенческихъ твоихъ годовъ воспоминанье
Златого вѣка намъ животворить, преданье!

Москва, къ которой ты, средь лучшихъ жизни
лѣтъ,

Приближась къ ней, была восторга всѣхъ пред-
метъ,

Науки, письмена, художества свободны
Потомству предадутъ твой Геній превосход-
ный.

Черезъ долгой рядъ вѣковъ, въ молвѣ земныхъ
судбинъ,

Сольются имена тѣхъ двухъ Екатерины,
Изъ коихъ во Второй духъ творческій познали,
Подобіе Ея жъ въ послѣдней обожали.

А Ты, смиривъ чело предъ промысломъ Творца,
Страдающая мать! подъ тяжестью вѣнца
Щитъ Вѣры восприми, собравъ душевны силы,
И дочерей въ лѣпотѣ трикратныя могилы
Какъ жертву принеси покорности своей
Небесному Царю, владѣющему землей!

Чѣмъ выше насъ Ты здѣсь, тѣмъ ближе къ взору
Бога;

А горести — къ Нему вѣрнѣйшая дорога.
Очищенна душа, въ горнилѣ лютыхъ бѣдъ,
Паритъ на небеса подъ знаменемъ побѣдъ.
Воззри! коль широка россійскихъ странъ ограда!
Владыка ихъ — Твой Сынъ! народъ — Твои же
чада!

Ихъ мысли, чувства, взоръ къ Тебѣ обращены;
Всѣ блага ихъ въ Твоей судьбѣ заключены;
Хвала летитъ изъ устъ, отъ всѣхъ сердець лю-
бима,

А подданныхъ любовь—за гробомъ діадима!! —

НА КОНЧИНУ

Митрополита московскаго Платона.

Скончался велий Мужъ — россійскій Злато-
устъ,
Визанскій вертоградъ явился мрачень, пусть;

Уже пріяла въ сѣдѣ готовая пещера
Скудельный храмъ того, кого взрастила Вѣра!
Безсмертная душа на небеса паритъ,
У гроба въ тишинѣ Унынье приѣдитъ,
И прахъ его кропя чувствительной слезою,
Святителя блажитъ, любимаго Москвою.
Четырѣдесять лѣтъ Христовъ подвижникъ сей,
Владычна Дома стражъ, наставникъ былъ царей.
Умолкла проповѣдь, которой всѣ плѣнялись,
И князи, и рабы, и старцы умудрялись;
Вещаніямъ его желали всѣ внимать,
Изъ устъ его текла рѣкою благодать;
Каедры не сквернилъ онъ лестью фарисейской,
Языкъ его былъ мечъ на брани здѣсь житейской;
Единому Творцу какъ вѣрный рабъ служилъ,
А ближнему, какъ другъ, животъ свой посвя-
тилъ;
Напитанный прямымъ Евангельскимъ ученьемъ,
Онъ крестъ различныхъ золь умѣлъ носить съ
терпѣньемъ;
Любилъ величить Домъ небеснаго Царя,
И всё, что ни стяжалъ, повергъ у Алтаря;
Пѣлъ Богу сладку пѣснь во храмахъ и пустынѣ;
И руки простиралъ со трепетомъ къ святынѣ!
Въ училищѣ — отецъ, въ бесѣдѣ — любословъ,
Въ обители — монахъ, а въ кельѣ — философъ;
Грядущаго искалъ средь временнаго града;
Зря волка на пути, не бѣгалъ прочь отъ стада:
И Богъ, смутя врага, не попустилъ его
Ступить на мирный прахъ Левита своего.
Се нынѣ день насталъ душевныя свободы!

Путь узкій совершивъ, кинь ризу здѣсь природы
И смертное сіе, въ безсмертье облекись,
О, Пастырь мудрый нашъ! въ Едемъ водворись;
Нетлѣнной жизни зря десницу совершенну,
На лонѣ праотцевъ наследуй мзду блаженну!
А вы воздайте дань Владыкѣ своему,
Смиритесь предъ нимъ, простите все ему!
Еще въ послѣдній разъ, служители церковны!
Составьте въ честь ему печальный ликъ духов-
ный:
Реките въ полный слухъ, — и вамъ воспещетъ
свѣтъ:
Владыкѣ соборъ великъ, — но, ахъ! Платона
нѣтъ!

На кончину дочери моей, Княж. М... И...

Того, что сдѣлалъ Богъ, нельзя перемѣнить;
Онъ самъ, хотя великъ, не склоненъ измѣнить
Порядку естества, уставленцу отъ вѣка.
Создавшій тлѣнный міръ и перстна челоуѣка,
Въ законѣ положилъ непостижимъ Творецъ
Ничтожество вещамъ и существамъ конецъ.
Ужель изъ ничего извлекъ онъ всю вселенну,
Постылаю въ бѣдахъ, и въ счастья драгоцѣнну,

На то, чтобъ каждая тварь уставъ природы въ
ней

Могла перемѣнять по прихоти своей? —

О, нѣтъ! о Богѣ такъ напрасно помышляемъ,
Великимъ чтимъ Его, а малымъ представляемъ;
Одинъ лишь смертный жить не можетъ безъ того,
Чтобы вокругъ себя не шевелить всего;
Нѣтъ мыслей въ немъ, ни чувствъ отъ суеты
свободныхъ.

Не такъ свой правитъ мѣръ Владыка земпород-
ныхъ;

Онъ твердъ, какъ адамантъ, въ могуществѣ сво-
емъ;

Заботъ житейскихъ чуждъ и нѣтъ неправды въ
Немъ.

Назначивъ небу кругъ, землѣ ея движенъе,
Безъ слабости глядитъ на жертвоприношенъе.

Все въ свѣтѣ естеству покорно быть должно;
Терпѣть и уповать — вотъ все, что намъ дано!

Коль бросимся въ огонь — конечно, обожжемся,
Коль сунемся въ потокъ — водою захлебнемся;

Здоровый атенствъ удобенъ жить сто лѣтъ,
А праведникъ больной и въ полъ не доживетъ:

И такъ мы, относя подобныхъ намъ въ могилу,
Вотще винимъ Небесъ содѣйствующу силу;

Какіе соки намъ дадутъ отецъ и мать,
Такъ будемъ поздно жить, иль рано умирать.

Богъ дѣйствуетъ на духъ и подвиги душевны,
А плоть — гнилой сосудъ, вещественныя скверны,
Творецъ взялъ изъ земли и куклу сотворилъ;

Расшибся истуканъ - прахъ въ землю возвратилъ;
Тамъ паки изъ него, чудеснымъ измѣненъемъ,
Земля питаетъ мiръ другимъ произведенъемъ;
А если вѣру дать, что каждый человекъ
Не иначе вершитъ физическiй свой вѣкъ,
Какъ въ часъ, самимъ Творцемъ на то опредѣ-
леннiй,
То, Господи! прости мой ропотъ дерзновеннiй—
Возможно ли Тебя жестокимъ намъ не чтить,
Когда велишь жену и чадо хоронить,
Когда любви союзъ священнiй расторгаешь,
Безъ жалости отца дѣтей его лишаешь?
Нѣтъ! вѣрить не хочу, не буду никогда,
Чтобъ Богъ, Которымъ я живу, дышу всегда,
Богъ мира и щедротъ, предъ Кѣмъ благоговѣю,
Со трепетомъ служу, понять недоумѣю,
Велѣлъ вокругъ меня семейству умирать,
А мнѣ все пережить и слезъ не осушать?

Натура! ты одна въ страдательномъ стремлѣньи
Безъ умысла творишь подобныя явленья:
Лишаешь насъ отцовъ, супругъ и даже чадъ,
Не зная никакихъ въ пути своемъ преградъ;
Какимъ ударомъ ты меня не поразила?
Всѣ стрѣлы скорби злой, всѣ въ грудь мою
вонзила:
Лишила ты отца — я сирымъ быть узналъ;
Сестру ты отняла — я въ дружбѣ возстеналъ,
Все мало — ты жены явила мнѣ кончину,
И бѣдъ, какимъ нѣтъ словъ, влекла меня въ
пучину;

Чуть, чуть духъ перевелъ въ сообществѣ дѣтей,
И *Машеньку* взростя, сталъ видѣть уже въ ней
Тотъ образъ божества, что мать ея казала,
Когда въ ея душѣ моя свой рай вкушала, —
Какъ вдругъ свое дитя въ могилѣ я узрѣлъ!
Остыла въ жилахъ кровь — я весь оцѣпенѣлъ;
Всѣ громаы ярыхъ бѣдъ въ меня, какъ въ цѣль,
попали!

Чѣмъ, Небо, долженъ я Тебѣ кромѣ печали? —
О, ужасъ естества, какого выше дѣтъ!
Родитель еще живъ, а чадо уже мретъ!
Откуда, изъ какихъ ущелинъ мрачныхъ ада
Бѣда бѣжитъ въ мой домъ, какъ вихоръ полный
смирада?

Тебѣ, мой Богъ! Тебѣ, слезяся день и ночь,
Повѣдаю тоску, что я не вижу дочь, —
Природѣ долгъ плачу разрывомъ узъ тѣлесныхъ;
Но Ты, душъ нашихъ Царь, во областяхъ не-
бесныхъ

Съ Евгеніей въ раю Марію водвори,
И долу на меня взоръ милости проетри!
Увѣрь мой слабый умъ, сколь вѣрнѣе онъ удо-
бенъ,
Что язвы сердца Ты уврачевать способенъ,
И такъ, какъ спасеъ Ты ихъ, соединя съ Собою,
Спаси меня и всѣхъ оставшихся со мной!!

На кончину Ивана Ивановича Шувалова.

Шуваловъ! и твоей скончался жизни день!
Ночь смертна на тебя свою простерла тѣнь!
Твой духъ, оставя персть и образъ свой тѣ-
лесный,
Паритъ превыше сферъ, проникнувъ сводъ не-
бесный.
Блаженная душа! лети въ эдемскій рай,
И добрыхъ дѣлъ во мзду часть праведныхъ вку-
шай!
Скончавъ въ юдоли сей путь жесткій, скоро-
течный,
Въ селеніи благихъ животъ наследуй вѣчный!
Суеть мірскихъ пспивъ обильну чашу здѣсь,
Познай, коль краше ихъ стократъ небесна весь!
Узри лицемъ къ лицу Зиждителя вселенной:
Се таинственный къ намъ обѣтъ Его безцѣнной;
Услыши стройный хоръ безплотныхъ вѣхъ чи-
повъ,
Поющихъ сладку пѣснь: Осанна, Саваооъ!

Но если, тѣбѣ здѣсь совлекиши плоти ризу,
Удобень ощутить, что дѣлается пизу,
Внемли, что о тебѣ Россіане рекутъ,
Любимцы Музъ гласятъ, витіи вопіютъ:
Протектора, увы! наставника лишенно,
Святилище Наукъ въ унынье погруженно;

Водимый въ немъ твоей бережливою рукой,
Учитель, ученикъ, омыты все слезой.
Внемли, что о тебѣ питомецъ твой слагаетъ!
Не красну слогомъ рѣчь, онъ душу изливаетъ,
Колякой милостью обязанъ онъ тебѣ;
Ты съ юныхъ лѣтъ въ его участвовалъ судьбѣ.
Склони отъ горнихъ странъ твой взоръ къ его
печали!

Достоинства твои всегда его плѣняли.
Но если при тебѣ еще не славилъ ихъ,
Кто зналъ бы, что не лесть вина похвалъ та-
кихъ?

Доколѣ человекъ на свѣтѣ мочь являетъ,
То всякъ языкъ его блажитъ и восхваляетъ;
Когда же взять твой духъ, Шуваловъ, отъ
земли,

Прими моихъ слезъ дань и истину внемли!
Ты подвигъ совершилъ честнаго человека,
Усердіемъ къ добру полезенъ былъ полвѣка;
Царямъ ты былъ слуга и царства сынъ прямой;
Не случаемъ однимъ, ты высплелся душой;
Путями идущи единой только честнѣ,
Не жадничалъ ты быть кумиромъ подлой лести.
Ко славѣ бравной рокъ не клалъ тебѣ слѣда;
Блаженства тамъ не зрѣлъ, гдѣ чья-нибудь бѣда.
Чужихъ земель людей на распри вызывая,
Великимъ быть не мнилъ, кровь ближнихъ про-
ливая;

Среди своихъ гражданъ любя добро творить,
Соотчицей своихъ старался просвѣтить.
Отцовъ и матерей судьбу разыскавъ убогу,

Ты чадъ ихъ воспиталъ, далъ къ счастью имъ
дорогу.

Устроилъ для наукъ великъ въ столицѣ храмъ;
Благословляемъ былъ и вѣчно будешь тамъ;
Свидѣтели тому обширно Россовъ царство,
Духовныя чины, мѣщане и боярство,
Сколь пользы имъ принесъ нашъ университетъ!
Въ какихъ здѣсь должностяхъ его питомцевъ
нѣтъ!

Служитель Вѣры въ немъ и пастыри учились;
Въ Оемидиныхъ дворцахъ чиновники явились;
Ученыхъ видимъ въ немъ сословіе мужей,
Имѣемъ мы витій, пѣтовъ и врачей:
Вотъ вѣчной чести плодъ! за гробомъ онъ не
вянетъ.

Тебя, Шуваловъ! симъ Россъ славить не пре-
станетъ.

Колико произвелъ ты нравственныхъ людей,
Толико въ ихъ сердцахъ имѣешь алтарей!
Блаженъ тотъ міра край, отлично счастье граду,
Которому Богъ далъ такихъ мужей въ отраду!
Коснусь я, сколько зрѣлъ тебя въ твоей семьѣ:
Ты благъ и кротокъ былъ, тебя любили всѣ.
Не скажетъ про тебя злодѣй, скрипя зубами,
Ядъ аспидовъ лія коварными устами,
Что сдѣлать не умѣлъ ты зла, или не могъ:
Убойся, клевета! отметить тебѣ самъ Богъ!
Нѣтъ, память въ родъ и родъ тѣхъ красныхъ
дней пребудетъ,
Никто о томъ сказать потомству не забудетъ,
Что нѣкогда бы могъ Шуваловъ погубить;

Но въ чувства, въ сердце, въ духъ не могъ онъ
зла вмѣстить.

Не ставилъ онъ ума въ томъ крайня совершен-
ства,

Чтобъ счастье сдать свое на счетъ чужихъ бла-
женства;

Чтя Бога и умомъ и сердцемъ завсегда,

Нечестія стезей не шель ты никогда.

Прости, почтенный мужъ! прости, мой бла-
годѣтель!

Прими достойну мзду за Вѣру, добродѣтель!

Я въ жертву приношу одну лишь грусть мою,

И сердца въ простотѣ вѣщаю рѣчь сію:

Мой вздохъ и капля слезъ твой гробъ не укра-
шаетъ,

Но въ горнихъ тѣхъ странахъ, гдѣ духъ твой
обитаеть,

Не ставятъ ни во что тѣхъ почестей земныхъ,

Чѣмъ гордость рядить прахъ несчастныхъ
жертвъ своихъ.

Я, въ бѣдномъ словѣ семъ воздавъ благодаренье,

Всевышнему творю теплѣйшее моленье,

Да твой, въ неглѣбные вшедь изъ тлѣнныхъ здѣсь
оковъ,

Почіеть въ Богѣ духъ во вѣки всѣхъ вѣковъ!—

На кончину Г. Горича.

Когда гласъ радости повсюду раздается,
О благѣ Россіянъ вездѣ несется слухъ,
Невольно изъ очей monkъ токъ слезный льется,
Изъ радости въ печаль переходитъ вдругъ мой
духъ.

Очаковъ взять — сіе все чувства восхищаетъ!
Въ немъ Горичъ умерщвленъ — сіе зоветъ къ
слезамъ.

Сей истинный герой въ землѣ опочиваетъ,
Лишенъ отрады внять сплетаемымъ хваламъ.

Среди юнѣйшихъ лѣтъ во бранѣхъ навывая,
Не титуловъ лишь однихъ военныхъ онъ искалъ:
Прямымъ героемъ стать всехъ паче благъ желая,
Врагамъ Россіи мстить онъ яростно пымалъ.

Безстрашно Горичъ днесъ къ Очакову стремился,
Принесъ Россіи въ даръ храниму жизнь для ней;
И крѣпость одолѣвъ, на ней лишь утвердился,
Какъ рокъ пресѣкъ его теченье хвальныхъ дней.

Оружіе любя, любилъ и добродѣтель;
Бывъ добрый человекъ, коварствъ гнушался онъ.
Я лично его зналъ, и самъ тому свидѣтель,
Что честности ему всегда былъ святъ законъ.

Хоть смерть его славна, а жаль его велико.
Оплаканъ всеми сынъ отечества прямой;
Но жизни возвратить ему уже не можно,
А звуку торжества противенъ стихъ такой.

Пусть любящій его печаль тѣмъ облегчаетъ,
Что Горичъ доблестью безсмертье получилъ;
Что общая молва всѣхъ странъ о немъ вѣщаетъ:
Онъ славный вѣкъ провелъ, и славу смерть
вкусилъ!

На кончину Ф. М. Толстова.

Познавши здѣшнихъ странъ мечтательно бла-
женство,
Окончилъ ты, Толстой! недолголѣтній вѣкъ;
Прямого счастья днесъ познаешь совершенство:
Безсмертенъ сталъ ты тамъ—здѣсь былъ лишь
человѣкъ.

Кто милости творилъ, обиду ненавидя;
Кто могъ, и не хотѣлъ на ближняго возстать;
Кто, счастья надъ собой утѣхи лестны видя,
Надменности умѣлъ соблазны отражать:

Тому по смерти въ рай назначена дорога. —
Ты былъ таковъ, Толстой! лети въ объятья
Бога,
И буди отъ Него стократно награжденъ!

А вы, супруга, сынъ, друзья, его лишены!
Коль истинной къ нему любовью воспалены,
Престаньте слезы лить . . . теперь-то онъ бла-
женъ!

На кончину Ф. И. Глѣбова.

Не гордость, людямъ въ изумленье,
Поставила здѣсь камень сей;
Его воздвигло сокрушенье,
Любовь жены — и жаръ дѣтей.

Онъ тѣло Глѣбова скрываетъ,
Который въ правдѣ вѣкъ изжилъ,
И правды сей молва вѣщаетъ,
Что добръ, уменъ и честенъ былъ.

Возвышенъ чувствомъ и душою,
Усерденъ царству и царямъ,

Былъ, жертвуя самимъ собою,
Роднымъ родной — и другъ друзьямъ.

Блаженна душъ такихъ дорога!
Оставя сей плачевный край,
Идутъ онѣ въ объятья Бога.
Здѣсь плоти гробъ — тамъ духа рай!

На кончину П. Ф. Глѣбова.

Оставя мать, жену, дѣтей,
На небо Глѣбовъ преселился,
Къ Создателю природы всей
Отъ нашихъ глазъ навѣкъ сокрылся.

Здѣсь видимъ мы въ могильномъ снѣ
Твоей лишь плоти измѣненье;
Тамъ духъ твой въ сладкой тишинѣ
Вмѣстилъ ужъ Бога лицезрѣнье.

Кто честь и нравы сохранилъ,
Свершилъ тотъ вмалѣ долги лѣта;
А ты отечество любилъ
Превыше всѣхъ сокровищъ свѣта:

И Богъ потомство здѣсь твое
Соблюлъ родившей ты въ отраду;
Она ему отецъ, мать, все. . . .
Ей рай за то готовъ въ награду!

На кончину В. М. Жукова.

—
Вчера я былъ съ тобой, и на ночь лишь раз-
стался,

Надѣясь поутру сегодня вновь обнять;
Я всталъ — спросилъ, гдѣ ты? гдѣ Жуковъ? —
Онъ скончался.

Увы! на долгу ночь мой другъ ложился спать!

Вчера — ужасное для чувствъ воображенье! —
На смерть сестры моей ты мнѣ стихи читалъ;
Мнѣ слышится еще твое произношенье;
Еще перо свѣжо, которымъ ты писалъ;

Вчера ты былъ, что я; — сегодня что? — Не
знаю.

Вчера ты былъ у насъ, — сегодня гдѣ? —
Не вѣмъ.

Какъ мрачный океанъ твой путь я созерцаю,
И въ размышленіи теряюся моемъ.

Какъ выстрѣлъ изъ ружья тебя твой рокъ по-
стигнулъ.

Вчера задумалъ ты затѣевъ на сто лѣтъ;
Несчастный! — до утра ты съ нами не достиг-
нулъ:

Далекъ ужъ отъ тебя навѣки сталъ сей свѣтъ.

Любезною твоей бесѣдою питаюсь,
Всегда ее себѣ по сердцу находилъ;
Поэзіей твоей и прозою плѣняясь,
Писателя въ тебѣ пріятнаго любилъ.

И все то кроетъ гробъ, земля все поглощаетъ!
О, вышній Царь царей! сколь Ты непостижимъ!
Твой промыслъ насъ родитъ, Твой промыслъ
насъ кончаетъ;

Но жизни нашей край всегда необозримъ.

О, люди! долго ль вамъ мечтами возноситеся,
Въ химерахъ провождать печальну жизнь свою,
Ничтожествомъ земнымъ и бѣдностью гордиться?
Вы вѣкъ хотите жить, а смерть кричитъ: убью!—

Начальникъ живота и горныхъ сферъ Строитель!
Преставленному днесъ блаженцу жизнь воздай!
Не буди за грѣхи его ему отместитель,
И съ правыми ему отверзи двери въ рай!

На коячину И. И. Нарышкина.

—
Людей скончавшихся тѣла
Надгробныя камни сокрываютъ;
Но славою память ихъ вѣнчаютъ
Одни лишь добрыя дѣла.

Нарышкинъ, коего здѣсь прахъ
Съ землею навѣкъ соединился,
Благотвореньемъ вкоренился
Во всѣхъ пріятельскихъ сердцахъ.

Сюда придутъ его друзья
Прославить жизнь его хвалою,
Омочитъ прахъ его слезою
Благословенная семья.

А Ты, Творецъ! на жертву ихъ
Склони Свой взоръ сквозь неба еводы,
Отверзи мертву раю входы
И уврачуй болѣзнь живыхъ!

На кончину Кн. Е. П. Долгоруковой.

О, смерть! ничто тебя, ничто не отвращаетъ;
Ты рвешь и красоту и молодость губишь;
Твой алчный, страшный зѣвъ все въ свѣтѣ по-
глощаетъ;
Предѣлъ твой вѣренъ, твердъ—его не избѣжишь.

Княгиня! съ нами ты разсталася навѣки;
Не зрятъ уже тебя ни дѣти, ни супругъ;
Бесѣды твоя не слышатъ человѣки:
Приспѣлъ глаголь судьбы—тебя не стало вдругъ.

Ты краткій мигъ жила, но мигъ невозмущенный;
Какъ ясный день весны, онъ чистъ и свѣтелъ
былъ;
Незлюбимъ твой духъ и дружбой лишь прель-
щенный,
Дыханія страстей въ себя не допустилъ.

Какъ чистой жертвы даръ и непорочною Богу
Несется отъ земли душа честныхъ людей,
Отверзту предъ собой зришь прямо въ рай до-
рогу.
Се нынѣ ты познай всю цѣну части сей!

Мы Вѣры нашей чтимъ сладчайшія награды,
И знаемъ, что съ тобой увидимся мы тамъ;
Соч. Долг. 5

Но страждущимъ сердцамъ, увы! въ томъ иѣтъ
отрады
Въ тотъ часъ, когда сокрытъ любезный видъ
очамъ!

Какъ ближній, я грущу, что рано жизнь скончала;
Какъ родственнику, мнѣ тебя веѣмъ сердцемъ
жаль!

Горячая слеза моя на гробъ твой пала —
Вотъ жертва вся моя! . . . мой даръ — одна
печаль!

На копчину Кн. Н. С. Долгоруковой.

Княгиня! если ты въ селеніяхъ небесныхъ
Удобна видѣть то, что дѣлается здѣсь,
Взгляни на скорбь друзей, прими дань слезъ не-
лестныхъ:
Вдыханьемъ о тебѣ твой домъ напошенъ весь.

Незлюбиво ты жизнь свою препровождала,
И скромнымъ шла путемъ къ кончинѣ живота,
Ты къ сердцу своему сердца веѣхъ приближала;
Твой духъ не потрясла мірекая суета.

Сколь мужественъ ояъ былъ, явило то терпѣнье,
Съ какимъ спосила ты страдальческій недугъ.
Оказывая всѣмъ пріязнь и снисхожденье,
Всегда равно была готова для услугъ.

Съ чувствительной душой ты острый умъ имѣла,
Любила въ жертву цестъ для дружества себя,
И смерть сама за то, и смерть почитать хотѣла—
Безъ ужасовъ она коснулася тебя.

Отверзлася тебѣ дверь вѣчнаго покоя;
Ты тамъ уже, ты тамъ, гдѣ дней печальныхъ
вѣтъ.

Сверши надъ сей душой, въ раю ее устроая,
Сверши, Великій Богъ! таинственный обѣтъ!

Да снидеть на нее, за добру жизнь въ награду,
Неувядаемый безсмертія вѣнецъ!

Ты взялъ ее — Ты дай оставшимся отраду,
И язвы уврачуй болѣзненныхъ сердець!

А ты, чей нынѣ гробъ слезами орошаю,
Чьи добрыя дѣла я искренно цѣнилъ,
Отъ горней той страны, гдѣ я тебя мечтаю,
Воззри — и убѣдись, что я тебя любилъ!

На кончину В. Н. Чоглоковой.

Вяньте, вяньте, нѣжны розы,
И сокройся солнца свѣтъ!
Пусть траву знобятъ морозы;
Милой Вариньки ужъ нѣтъ!
Дни, столь многимъ драгоценны,
Миновалися судьбой;
Сердца нѣжны умерщвленны
Смертью Вариньки драгой.

Безъ суровости умѣла
Равнодушье сохранить;
Хоть плѣнять и не хотѣла,
Всѣхъ заставила любить.
Не нарядомъ щеголяла,
Но природной красотой;
Не жеманствомъ уловляла,
Но любезной простотой.

Вы, для коихъ все блаженство
Въ томъ, чтобъ милое любить,
Чтя въ ней образъ совершенства,
Не стыдитесь слезы лить!
Ты, чье сердце восхищалось
Сей дѣвицей юныхъ лѣтъ!
Рвись. . . Хотя много дѣвъ осталось,
Другой Вариньки ужъ нѣтъ!

НА СМЕРТЬ Г. МОРО.

—

Взгляните на дѣла всевышняго Творца
И зрите въ нихъ Его чудотворящу силу:
Зачатому въ студѣ Царю не шлетъ конца,
А храброму отверзь врагу его могилу.

Злодѣйство въ торжествѣ, въ позорѣ добродѣ-
тель:

Наполеонъ верхомъ, — Моро лежитъ безъ погъ;
Во ужасѣ тому вселенная свидѣтель. —
Но какъ постичь Тебя, непостижимый Богъ!

Россія надъ Москвой еще слезами льется,
Германія въ дыму своей свободы ждетъ,
И сѣверный пришлецъ съ отечествомъ дерется; —
Тристаты всѣ назадъ, — а Фараонъ впередъ.

Откуда столько силъ воздвигнулъ сей тиранъ?
Что было за него, все вдругъ противостояло.
Измѣна, притаясь, вползла въ тиранскій ставъ;
Но крѣпкій супостатъ не дрогнетъ все нямало.

Томимая войной, Европа восклицаетъ,
Прицѣляся въ него: Умри Наполеонъ!
Смерть ищетъ его зракъ, во всѣхъ рядахъ ле-
тасть;
Милльоны пали тамъ и тамъ, — но все не онъ!

Юношѣ Давыдову.

Постой! — взгляни — заплачь — се юноша ле-
житъ!

Чувствительная мать здѣсь прахъ его сокрыла,
Съ надеждой всѣхъ отрадъ въ немъ счастье
схоронила,

И съ смертію его къ ней смерть ея бѣжитъ.

Увы! прочтя сіе, кто трогаться не стапетъ?

Чье сердце не вздохнетъ и чья слеза не ка-
нетъ?

О Д Ы.

НА ОТКРЫТІЕ ЗДАНІЯ ДЛЯ БОТКА ПЕТРА I
ВЪ ПЕРЕСЛАВЛѢ.

Не титламъ громкимъ человѣки
Стремятся жертвы приносить;
Чтобъ жить въ потомствѣ долги вѣки,
Дѣлами должно изумить.
Вѣнцы, порфиры, діадимы,
Наряды еуть необходимы,
Дабы царевъ украсить санъ;
Но, ахъ! судьба и скиптры косить,
Изъ рукъ ихъ въ руки переносятъ,
И часто рветъ его тиранъ!

Дѣла не мрутъ, и имъ народы,
Дивяся, поздно послѣ насъ
Въ избыткахъ счастливой свободы
Похвальный возсылаютъ гласъ. —
Когда потомокъ предка хвалить,
Ужъ ли симъ подвигомъ умалить
Онъ современниковъ своихъ?
О, вѣтъ! — для мудрыхъ на престолахъ
Той славы быть не можетъ болѣ,
Что смѣло хвалятъ — и другихъ.

Дерзните жъ нынѣ Переславцы
Весь соймъ сыновъ своихъ собрать,
Геройскимъ духомъ, Петрославцы,
Петру спѣшите дань воздать!
Петромъ Россія вся гордится,
Ему Праправнукъ самъ дивится;
Онъ чтитъ всѣ подвиги его;
Усердно память ихъ вѣнчаетъ,
И тѣмъ отечеству являетъ
Великость духа своего.

Великій Петръ! Екатерина!
Богopodobные Цари,
Сугуба нашихъ благъ причина!
Имъ всюду зиждутъ алтари.
Не леть въ сей день воскликновенья,
Наполнивъ души восхищенья,
Внушаетъ намъ ихъ имена;
Не леть — исчезла ихъ награда,
Не рабій страхъ — уже досада
Владыкъ умершихъ не страшна.

О, Петръ! коль ты изъ странъ небесныхъ
Возможешь долу бросить взоръ,
Поверхность струй тебѣ извѣстныхъ
Окинь имъ, российский чудотворъ!
Еще твой боть здѣсь обитаетъ,
Народъ усердный восхищаетъ;
Онъ града здѣшняго краса.
Ладья твоя не обветшала;

Ее разрушить не дерзала
И острая временъ коса.

И ты, волна, Петру любезна,
Плещева озера, гордись!
Россіи долго бывъ полезна,
Пловцу великому дивись!
Играй сребристыми струями,
И купно съ нашими устами
Провозвѣсти его дѣла!
Его ты юность забавляла,
Его фрегаты колебала,
Подъ флагами его текла.

На зыби водъ твоихъ незлобныхъ
Онъ мѣрилъ страшный океанъ;
Къ героизму подданныхъ способныхъ
Готовилъ плыть вокругъ всѣхъ странъ.
Онъ рекъ — и флотъ единымъ словомъ
Россіи въ элементѣ новомъ
Примѣромъ сильнымъ доказалъ,
Что въ мірѣ все тому подвластно,
Чье сердце подвигами страстно,
Кто пылко славы возжелалъ.

Сей первый шагъ въ водахъ стѣсненныхъ
Казался юношѣ игрой;
Но плодъ забавъ толь просвѣщенныхъ
Умѣлъ предвидѣть нашъ Герой:
Онъ зналъ, веслами управляя,
Безстрашно бури побѣждая,

Что флотъ російскихъ кораблей
Во времена Екатерины
Преодолѣетъ всѣ пучины,
Уроки дастъ вселенной всей.

Се день благопріятный нынѣ;
Восторжествуй его, народъ!
Благодареніе судьбинѣ!
Ты долгъ соблюлъ тѣхъ воеводъ, *)
Которымъ Петръ своею рукою
Въ указѣ рѣзкою чертою
Самъ заповѣдъ здѣсь начерталъ,
Дабы суда его любимы
Оберегались невредимы;
Успѣхъ твой трудъ въ томъ оправдалъ.

Блаженны предковъ тѣхъ потомки,
Законъ монаршій сохранивъ!
Вы даже стѣнъ спасли обломки,
Въ которыхъ Петръ Великій живъ,
Отважной мыслью занимался;
Пылая славой, не гнушался
Принять отъ плотника совѣтъ.
Въ рукахъ того, на комъ порфира,
Мнѣ мнится слышать, какъ сѣкира
Ударовъ звуки раздастъ **).

*) Въ Переславскомъ уѣздномъ судѣ донынѣ хранится собственноручный о ботикѣ семь Петра I указъ.

**) Тутъ, при озерѣ, и покои были выстроены, кои назывались Гремячевскимъ дворцомъ. См. Истор. Петра I.

Возрите, древніе дворяне,
Съ восторгомъ на сѣи брега!
Сто лѣтъ тому, какъ Россіяне
Здѣсь зрѣли юнаго Петра;
Въ сей день, для здѣшнихъ странъ блаженный,
Когда съ крестами ходъ священный,
На лодкахъ былъ носимъ волной,
Онъ самъ своимъ тутъ судномъ правилъ,
Полки вокругъ и пушки ставилъ,
Чесмы прообразуя бой *).

Воспламени воображенье,
Сынъ мужественныя земли,
И сердца въ сладкомъ упоеньи
Екатерины вспомни дни!
Жена, всѣхъ выше женъ на свѣтѣ!
Тебя въ танцевенномъ совѣтѣ
Назначилъ перстомъ самъ Творецъ
На то, чтобъ міръ плѣнить войною,
Отечество стяжать душою,
Умомъ привлечь миллионъ сердецъ.

Любить царей есть добродѣтель,
Есть долгъ отечества сыновъ;
Коль царь народа благодѣтель —
Онъ образъ истинный боговъ.
Намъ въ отрасль Екатерины,
Въ Праправнукѣ Петра судьбины
Щедротъ умножили залогъ;

*) Анекдотъ историческій. См. тамъ же.

Нашъ духъ почувствовалъ блаженство,
Позналъ дней мирныхъ совершенство.
Чего бояться? — съ нами Богъ.

Для громкихъ дѣлъ, но бесполезныхъ,
Одна минута часто — вѣкъ;
А дѣлъ благихъ и свойствъ любезныхъ
Забить не можетъ человѣкъ:
Сто лѣтъ тогда какъ мигъ проходятъ,
И въ свѣжей памяти находятъ
Цари у подданныхъ себя.
Такъ Петръ и намъ вообразился;
Но твой не призракъ здѣсь явился, —
Праправнукъ воскресилъ тебя.

Прими, о Петръ! посильну жертву,
Котору жители сихъ странъ
Тебѣ приносятъ уже мертву,
Но живу въ сердцѣ Россiянъ;
Сей домъ, не зодчествомъ надменный,
Усердiемъ сооруженный
На то, чтобъ ботикъ твой вмѣстилъ,
Тебѣ да будетъ столь угоденъ,
Сколь былъ твой подвигъ превосходенъ,
Сколь онъ насъ славой озарилъ!

Тщеславье здѣсь не укорится —
Не для него сей созданъ храмъ;
Тотъ малъ, кто, жертвуя, стремится
Себя возвысить только самъ.
Дворянство цѣль предполагало,

(Апраксинъ сдѣлалъ къ ней начало) *)
Чтобъ инвалидовъ помѣстить,
Въ матросскомъ званьи ихъ избравши,
Петру сугубо тѣмъ воздавши,
Отъ золь ихъ дряхлость оградить.

Успѣхъ въ томъ будетъ всеконечно,
Мнѣ вѣдомъ Переславцовъ духъ;
Отечество любя сердечно,
Изъ нихъ ему всякъ сыщъ и другъ.
Уже я зрю вблизи то время,
Когда, сложивъ доспѣховъ бремя,
Матросъ, опершись о костыль,
Дѣтей вокругъ себя собирая,
На волны быстрый взоръ кидая,
Разскажетъ имъ чудесну быль.

Дѣла Петровы вспомянувъ ясно,
Иль отъ преданья сохранивъ,
Въ своихъ разказахъ безопасно,
Не устращась быть справедливъ,
«Вотъ здѣсь-то» скажетъ: «Царь-надежа,
«Не на боку лишь только лёжа,
«Трудился самъ и строилъ боть!
«Вотъ тутъ онъ имъ изволилъ править,
«Умѣль-ста родину прославить,
«Стоять гораздъ былъ за народъ!»

*) Степанъ Степановичъ Апраксинъ, переславскій помѣщикъ, назначилъ содержаніе одному изъ матросовъ.

Сказалъ — и слезы покатились
Изъ-подъ сѣдыхъ его ресницъ,
Геройски чувства возродились,
Въ восторгѣ палъ на землю ницъ. —
О, Росовъ племя безподобно!
Во всѣхъ вѣкахъ тебѣ удобно
Собой вселенную дивить,
Къ дѣламъ отважнымъ воскрыляться,
Въ гражданскихъ свойствахъ отличаться,
Царямъ, отечеству служить!

И ты, подъявъ чело кичливо,
Названьемъ славящійся мысь *)!
Сіе хранилище, какъ диво,
Предъ любопытными возвысь!
И въ ясны дни и въ свѣтлы noci
Да будутъ всѣхъ проѣзжихъ очи
Стремиться бросить взоръ сюда;
Да узрятъ домъ сей и вѣщаютъ:
«Се тако Переславцы знаютъ
Царямъ усердствовать всегда!»

Алтарь сей славы не погибнетъ —
Его Всесильный соблюдетъ;
Не всеу памятникъ воздвигнетъ,
Кто Бога въ помощь призоветъ: —
Монаршимъ къ намъ благоволеньемъ
И подданныхъ благоговѣньемъ,

*) Овъ донынѣ называется Гремячій.

Какъ нынѣ, будетъ вѣчно новъ!
Придутъ еще Петру дивиться,
Дворянствомъ русскимъ похвалиться,
Сто лѣтъ спустя, — сыны сыновъ!

НА ОТКРЫТІЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГИМНАЗИИ
1804 ГОДА, АВГУСТА 7 ДНЯ.

Великій Богъ и чудный въ дѣлѣхъ!
Вѣячая кротостью царей,
Среди вѣхъ странъ, во вѣхъ предѣлѣхъ
Возводитъ мышцей ихъ своей:
Онъ царства ими призираетъ,
Черезъ нихъ въ народъ изливаетъ
Обиліе, блаженство, миръ.
Разсыпая мракъ предубѣжденья
Лучемъ полезна просвѣщенья
Есть трудъ, достойнѣйшій порфирь.

Хвала тебѣ, благословенный
Дражайшихъ предковъ нашихъ вѣкъ,
Въ который Богомъ нареченный
Возсѣлъ на тронъ здѣсь Человѣкъ!

Великій, мочный, справедливый,
Въ судахъ и въ полѣ прозорливый
Петръ Первый, слава Россіянъ,
Возвысивъ подданныхъ собою,
Своей чудесною судьбою
Онъ дивенъ былъ въ очахъ всѣхъ страхъ.

За нимъ, въ отраду злой печали,
Нашли Елисавету мы;
При ней дни неба возсіяли
И вновь воспрянули умы;
Утихъ духъ мщенія и злобы,
Престала кровь въ отверзты гробы
Рѣкой съ приступковъ трона течъ:
Она едва его коснулась,
Какъ вся Россія улыбнулась,
И страшный сокрушился мечъ.

Отнявъ Петра, Елисавету,
Насъ Богъ страдать не попустилъ:
Явилъ Екатерину свѣту,
И здѣсь ей царствовать судилъ.
Какимъ перомъ воздать не ложно
Помазаницѣ сей возможно
За всѣ ея щедроты къ намъ!
Преемница Петровой дщери,
Она ко счастью многи двери
Отверзла русскимъ племенамъ.

Пресѣкла дни ея судьбина,
Израиль новый възрыдалъ;

Но скоро скиптръ Екатерины
Всесильный Александру далъ.
Сей пятны стерь съ него кровавы,
Плѣвилъ умы, проникъ во нравы,
Воздвигъ на кротости свой тронъ,
И, въ страхъ врагамъ, передъ собою
Поставилъ твердою стѣною
Любовь народа и законъ.

Се тако царская палата,
Держась Всевышняго рукой,
Всегда во благостяхъ богата,
Блюла въ отечествѣ покой;
И чтобъ могли мы жить блаженно,
Син Владыки постепенно,
Одинъ обнявши всѣ предметъ,
Любить науки пріучили,
Къ успѣхамъ ревность возбудили
И тусклымъ вѣждамъ дали свѣтъ.

На что бъ Творецъ всея природы
Намъ далъ способность разсуждать,
Когда бъ Онъ насъ лишилъ свободы
Натуры тайны испытать?
А чтобъ существъ познать миллионы
Дотоль, доколѣ въ томъ препоны
Намъ ставятъ нашихъ дней конецъ,
Намъ должно, должно просвѣщаться,
Смотрѣть, вникать, соображаться
И править путь своихъ сердець.

Не въ томъ прямое просвѣщенье,
Чтобъ міръ стараться претворить;
О, коль безумно заблуждене,
Творца творенію учить!
Но плодъ наукъ и прилежанья,
Смирная буйственны желанья,
Творить изъ насъ честныхъ людей,
Царю, отечеству полезныхъ,
Своимъ согражданамъ любезныхъ,
Надежныхъ твердостью мужей.

Науки цѣпью добрыхъ правилъ
Связуютъ общество гражданъ,
Чтобъ каждый въ нихъ за славу ставилъ
Не только чинъ одинъ и санъ,
Но чтобъ умѣлъ цѣнить выгоды
Стократъ знатнѣй самой породы,
Что онъ полезенъ для другихъ:
Кто симъ желаньемъ воспламенился,
Не тщетно въ школахъ тотъ учился.
Завиденъ духъ людей такихъ.

Се день, на то здѣсь посвященный!
Возрите, какъ россійскій Титъ,
Любовью къ намъ одушевленный,
Своихъ сокровищъ не щадить,
Но всюду съ пользой расточаетъ,
И здѣсь храмъ ветхій обновляетъ
Искусствъ, художествъ и наукъ.
Отцы! дѣтей сюда ведите,

Къ струямъ премудрости бѣгите,
Похвалъ раздайте вашихъ звукъ!

Сей звукъ достигнетъ повѣместно;
Услышитъ кроткій Государь,
Что градъ Владиміръ весь нелестно
Любви Ему воздвигъ алтарь;
Что онъ щедротъ Его причину
Воскресшу въ Немъ Екатерину
Съ восторгомъ чувствуетъ живымъ:
Ему животъ свой посвящая,
Десницу милостей лобзая,
Отцемъ Его зоветъ своимъ.

Питомцы юны! научитесь
Достойны быть Его щедротъ,
Ко свѣту истины стремитесь;
Во храмъ ея свободенъ входъ!
На васъ въ вниманіи глубокомъ
Пылливымъ духомъ, гордымъ окомъ
Глядитъ соотчичей соборъ.
Труды цареvy оправдайте,
Примѣръ въ себѣ потомкамъ дайте,
Утѣшите любопытства взоръ.

О, сколь великъ вашъ долгъ предъ свѣтомъ,
Наставники младенцовъ сихъ!
Онъ вамъ единственнымъ предметомъ
Назначилъ пользу, счастье ихъ.
Старайтесь кроткими путями
Владѣть ихъ гибкими умами,

Цѣня родителей залогъ!
Блюдите ихъ отъ чувствъ позорныхъ,
А паче умствованій вздорныхъ:
За нихъ на васъ Самъ взыщеть Богъ!

Да снидетъ лучъ Его эфирный
На сей младенцовъ вертоградъ,
И воспрославится домъ мирный
Величествомъ Его наградъ!
Тебя мы всѣ единогласно,
О, Боже! молимъ повсечасно:
Смиривъ и сердце и чело,
Монарха нашего спасаая,
И лѣты къ лѣтамъ прилагая,
Благослови Его зѣло!

Князю Пожарскому.

Коснулся гласъ тебя потомства,
Пожарской! въ областяхъ земли; —
Проснись, каратель вѣроломства,
Хвалы столбичныя внемли!
Москва, покрыта сѣдинами,
Вѣвчанина славными дѣлами,

Стремится прахъ твой возбудить,
Текущій вѣкъ тобой прославить,
Грядущимъ всѣмъ въ примѣръ поставить,
Тебѣ трофеей соорудить.

Ужъ двѣсти лѣтъ, какъ ты скончался:
Межъ насъ однако не забыть:
Твой вѣкъ тобою восхищався,
И нашъ тебя съ восторгомъ чтить.
Съ твоихъ временъ до нашихъ позднихъ
Хоть гробъ и тѣлъ твой въ преисподнихъ,
Но духъ въ Кремлѣ не умиралъ,
И подвигъ твой, до насъ извѣстной,
Огромной славы звукъ всемирной
Изъ рода въ родъ переливалъ.

Ужель вотще герой трудится,
Ля свою на браняхъ кровь,
Когда къ отечеству стремится
Печатать жизнью любовь?
Мы смерти тѣломъ лишь подвластны,
Но духомъ Богу сопричасны:
Дѣла безсмертными творять.
Коль мужъ явилъ дѣла велики,
Объ немъ тогда народны клики,
Спустя тмы тысячъ лѣтъ, гремятъ.

Гремятъ и сильные злодѣи —
Архива память ихъ хранить;
Но кто жъ тирановъ мавзолей
Съ гробницею Марковой сравнить?

Или равно для смертныхъ рода,
Чтобъ гласъ великаго народа
Блажилъ и клялъ своихъ вождей?
О, вѣтъ! та честь, которой воинъ
За доблесть праведну достоинъ,
Свѣтлѣ солнечныхъ лучей!

Какой бы лестью утонченной
Молва ни высила того,
Въ комъ вѣтъ добра черты священной,
Кто жаждетъ гибели всего;
Потомство ею не плѣвится,
Но истинной лишь озарится,
Обманъ исчезнетъ будто мгла:
Зане внутри совѣсти сердечной
Оттѣнокъ врѣзалъ вѣковѣчной
Самъ Богъ между добра и зла.

Подобно солнцу на Востокѣ,
Веспѣ являющу свой зракъ,
Огней безчисленныхъ въ потокѣ
Разсыпавшему ночи мракъ,
Вечерни тѣни пропадають,
Луна и звѣзды свѣтъ теряють,
Румянецъ красить горизонтъ,
Текутъ въ долины свѣжны горы,
Поютъ пернатыхъ робкахъ хоры
Столь искръ ударила въ черной поитъ:

Такъ точно жаромъ воспаленный
Любви къ отечеству прямой

И духомъ Божьимъ вдохновенный
Пожарской, истый нашъ герой,
Родясь для громкихъ дѣлъ и дивныхъ,
Летитъ во груди сопротивныхъ
Кидать миллионъ удачныхъ стрѣлъ!
Пришелъ, узрѣлъ, и побѣждаетъ,
Москву спокойствомъ ограждаетъ;
Затряса врагъ — и оробѣлъ.

Возри на тѣ кремлевы стѣны,
Гдѣ каждый шагъ твой — былъ успѣхъ,
Гдѣ духъ коварныя измѣны
Мutilъ безплодно чувства всѣхъ,
Гдѣ ты, обнявши добродѣтель
И благъ примѣрныхъ бывъ содѣтель,
Монаршихъ правъ не колебаешь;
Стяжанье ставя вѣчной славы
Превыше титуловъ и державы,
Мечемъ царю царево далъ.

О! коль суть низки предъ тобою
Тѣхъ царствъ отважные цари,
Которы подданныхъ слезою
Свискать желаютъ алтари!
Вотще велики быть нещуютъ,
Хотя десницу ихъ цѣлуютъ
И прахъ стезей боготворятъ:
Син рабовъ воскликновенья
Не тѣ суть сердца восхищенья,
Какими Титъ бывалъ объятъ.

Какой народъ, хвалясь дѣлами
Погибшихъ предковъ на войнѣ,
Ослабивъ ихъ лѣтописями,
Теперь — сейчасъ укажетъ мнѣ,
Кто былъ въ свой вѣкъ только хваленъ
И въ томъ съ Пожарскимъ княземъ равенъ
Чтобъ тронъ не ставить въ свой предметъ?
Пусть Римъ намъ Циципата славить;
Вселенна рядомъ ихъ не ставитъ:
Тотъ взявъ вѣнецъ — Пожарскій нѣтъ.

Равно ль (ахъ, нѣтъ) сложить корону,
Когда тягчитъ она чело,
Или тому открыть путь къ трону,
Кого наслѣдство возвело? —
Одинъ спокойствія желаетъ,
Какъ воинъ въ латахъ поспѣшаетъ
Сойти съ часовъ, чтобъ отдохнуть;
Другой какъ левъ на брани рыщетъ,
Въ поту добычи царской щетъ;
Нашель — не хочетъ и взглянуть.

Пожарской могъ, спася Россію,
Поляковъ, Шведовъ погубивъ,
Вознестъ высокомѣрну выю,
И гидру зависти убивъ,
Царемъ Москвы именоваться,
На лаврахъ скиптромъ утѣшаться,
И безъ смятенія стыда,
Онъ могъ плѣнному народу

Реши: — я далъ тебѣ свободу;
Хочу быть царь твой навсегда!

Но онъ наклопностью сердечной
Закону былъ повиновенъ;
Оружья славой скоротечной
Не могъ одною быть блаженъ:
Онъ мнилъ, что въ томъ краю вселенной
Ни тихой жизни, ни блаженной
Не могутъ смертные вкушать,
Гдѣ царскій родъ подъ игомъ страдаетъ,
Гдѣ похититель дерзкій жаждетъ
Во власть свою все поглощать.

Твоя, Пожарской, язвы тронуть
Россію вовѣки вѣковъ!
Когда сыны ея возстанутъ
И врагъ на нихъ воздвигнетъ ковъ,
Твоимъ примѣромъ воспламеняся,
Святою Вѣрой ополчяся
Противу ядръ, мечей и стрѣлъ,
Смятутъ злодѣевъ миллионы,
Во адъ вселятъ ихъ легіоны!
Не разъ уже весь міръ то зрѣлъ.

И кто въ странѣ толико славной,
Превознесенной твоей побѣдъ,
Ни съ чьими царствами не равной,
Которой весь трепещетъ свѣтъ, —
Кто кровь пролить не устремится,
Кто воевъ чуждыхъ убойтся,

Спасая Вѣру, честь, царя!
Любовь къ сѣдѣщему на тронѣ —
Вотъ мечъ къ російской оборонѣ;
Имъ всякая рѣшится прѣ.

О, вы, ревнующіе долѣ
Благополучныхъ нашихъ странъ
И влающіеся въ неволѣ!
Познайте сердце Россіянъ!
Не сила скиптра насъ лишь клонить,
Не бичъ на ратно-поле понить;
Какъ стадо трепетныхъ овецъ;
Изъ царскихъ устъ довольно слова,
Народъ въ ружьѣ — вся Русь готова:
Не страшень жизни имъ конецъ.

Когда Петра тѣснили Шведы,
Россію смясъ одолѣть,
Въ дыму полтавскія побѣды
Предъ Карломъ Петръ раскинулъ сѣтъ;
Когда, гордась своей судьбою,
Понизить насъ хотѣлъ войною
Ревнивой въ доблести Пруссакъ,
Солдатъ російскій встрепенулся,
Влетѣлъ въ Берлинъ — и улыбнулся.
Когда жъ дралися мы не такъ?

Какихъ чудесъ мы не видали
Въ Екатерининъ славный вѣкъ?
Луны кичливой рогъ сломали,
Повсюду Богъ предъ нами текъ.

Мы флоты жгли — мы брали грады,
Не смѣли ставить намъ преграды
Никто на сушѣ, ни въ водахъ.
Дерзнула Польша — и въ минуту,
Всѣхъ золь испивши чашу люту,
Погибла въ страшныхъ мятежахъ.

Къ Аоннамъ въ свойствѣ приближаясь,
Французы яркіе потомъ,
На Альпы кучами бросаясь,
Вездѣ несли соблазнъ и громъ;
Раздулись русскія знамена,
Запнулся въ подвигахъ Массена,
Сверкнулъ Суворова тамъ мечъ, —
Тотъ мечъ, что правда обнажила,
А милость Божья изострила,
Уча враговъ російскихъ съчъ.

Таковъ народъ непобѣдимый,
Который древній нашъ герой
Пожарской, въ немъ достойно чтимый,
Животворилъ своей душой, —
Таковъ онъ былъ тогда и нынѣ!
Столь кротокъ въ счастливой судьбѣнѣ,
Сколь твердъ въ опасныхъ временахъ,
Всегда царямъ своимъ покоренъ,
Между собою благотворенъ,
Великодушенъ и въ цѣпяхъ.

Ступай! — вотъ всѣхъ вождей російскихъ
И громоносныхъ войскъ законъ.

Отъ лѣдннхъ горъ до водъ каспійскихъ
Штыковъ слыхали нашихъ звонъ.
И вышѣ тотъ же духъ, искусство,
И превосходиѣйшее чувство
Любви къ отечеству храня,
Еще мы можемъ ополчиться,
За милу родину сразиться,
Лица не спрячемъ отъ огня.

Сто лѣтъ протекшія явили,
Среди безчисленныхъ тревогъ,
Которы твердь всю возмутили,
Колико милуетъ насъ Богъ.
Пожарской! встань и оглянися,
Вѣкамъ прошедшимъ удивися,
И Русь въ восторгѣ новомъ зри!
Въ ея межахъ Кавказъ, Таврида;
Подъ сѣнь Минервина эгида
Всѣхъ влекъ лучъ сѣверной зари.

Но, ахъ! когда волшебной силой
Нельзя противу естества
Разрушить связь твою съ могилой,
Гдѣ прахъ твой облегла трава, —
Когда тебѣ велѣло время,
Сложивъ доспѣховъ ратныхъ бремя,
Проникнуть духомъ небеса:
То пусть души геройствомъ страстной,
Движеньямъ робкимъ неподвластной,
Сіяетъ вѣчно тамъ краса!

Тебѣ подобныя герои
Плюды безсмертія тамъ жаутъ,
Съ мечемъ въ рукахъ сраженны воеи
Еще отечество блюдутъ;
Рымникской, Крымской, Задунайской
Въ прохладной жизни тихой, райской
На насъ съ улыбкою глядятъ. —
Покойтесь тѣни знамениты!
Хоть вы отъ нашихъ глазъ сокрыты,
Но души ваши къ вамъ летятъ.

Мы здѣсь всегда, съ благоговѣньемъ
Великимъ жертвуя мужамъ,
Тебѣ, Пожарской, съ изумленьемъ
Курымъ сердечный омиамъ,
Да видятъ прочихъ странъ народы,
Что мы средь узъ и средь свободы
Умѣемъ мужество почитать,
Умѣемъ тѣхъ вѣнчать хвалами,
Которы призваны Богами
Свой вѣкъ во славу пережить.

Когда бояръ російскихъ чада,
Изъ дѣтскихъ вырвавшись оковъ,
Видѣ стѣну отечественна града
Съ мечемъ изыдутъ на враговъ —
Придутъ на гробъ твой поклониться;
Отъ искръ его воспламенится,
Твой духъ предыдетъ въ ихъ рядахъ;
Въ полкахъ чужихъ ручьи багровы

Слѣды побѣдъ проложуть новы,
И ихъ не опрокинетъ страхъ.

Но въ дни блаженнаго спокойства,
Когда сестра, супруга, мать,
Вкушая плодъ благоустройства,
Войны престануть трепетать,
Въ сіе златого вѣка время,
Подъявъ трудовъ гражданскихъ бремя,
Придутъ старѣйшицы Москвы,
Трофеей твоей миртами вѣнчая,
Свое спасенье ублажая,
Сѣдья преклонить главы.

Тогда въ сей радости сердечной,
Котору дать лишь можетъ миръ,
Предметъ у всѣхъ народовъ вѣчной, —
Краса изящная порфиръ, —
Рекутъ: «Хвала тебѣ, Пожарской,
Подпора доблести боярской,
Россійской рати полубогъ!
Ты насъ врагамъ не выдалъ въ жертву,
А мы тебѣ несемъ въ даръ — мертву —
Любовь, почтеніе, восторгъ!»

НА ПОСТРИЖЕНИЕ БЛАГОРОДНОЙ ОСОБЫ.

Какое чудо привлекаетъ
Во храмъ днесь Божіихъ сыновъ?
Иль правды міра разсуждаетъ
Всевышній, ставъ между боговъ?
Иль вновь ковчегъ остановился?
Иль паки Моисей явился,
Нося скрѣжалъ заповѣдей?
Не Ангеловъ ли восклицанья,
Пророковъ рѣчи и гаданья
Трубой гласяся тверди всей?

Ахъ, пѣтъ! вся тварь въ успокоеньи,
Еще денницы новой ждетъ,
И въ трепетномъ уединеньи
Пустышникъ Богу пѣснь поетъ.
Но се жепу зрю благородну,
Отъ узъ супружества свободну,
Грядущу прямо къ алтарю;
Мірскую почестъ отвергаетъ,
Яремъ ипочества желаетъ
И вопіетъ царей къ Царю:

«Я міръ навѣки оставляю,
«Раздравъ завѣсу суеты,
«Къ Тебѣ, о Боже мой! взываю:
«Будь все одинъ для меня Ты!

«Страстей волненя укрощая,
«Кичливый помысль отгоняя,
«Стези спасенія открой!
«Дай свыше силу мнѣ мужаться,
«Противъ соблазновъ ополчаться,
«Усовершенствуй жребій мой!

«Тебѣ содѣйствующу, Боже!
«Клянусь въ терпѣнны все сносить,
«И прежнихъ лѣтъ цвѣтуше ложе
«Однимъ молитвамъ посвятить!
«Спра, нища, забыта буду,
«Сама вселенную забуду,
«Уставъ природы превзойду,
«Дѣтей и мать, и все, что было,
«Что есть, и вѣкъ что будетъ мило,
«Во гробъ забвенья низведу!

«Я вздохи сердца сокровенны
«Мечемъ духовнымъ посѣку;
«Я тѣмъ красоты разжжены
«Хламидой червой облеку;
«Закрывъ глаза, потщусь ихъ взгляды.
«Потщусь всѣхъ чувствъ и усть отрады
«Къ кресту съ собою пригвоздить:
«Металль нечувственный лобзая,
«На немъ Христа воображая,
«Въ объятяхъ Бога буду жить!

«О, важныхъ клятвъ глаголь ужасный!
«Услышалъ храмъ ихъ и стенеть.

«Но что за вопль мнѣ нынѣ страшный
«Изъ нѣдра сердца вопіетъ?
«Жена! . . . размысль свои обѣты,
«Представь Всевышняго совѣты
«И гласу совѣсти впемли!
«Противу чувствъ вооружайся,
«Но побѣдить не общайся:
«Природа царь всея земли!»

Природа, міромъ управляя
По волѣ вышня Существа,
Себѣ вовѣкъ не измѣняя,
Хранить предѣлы естества,
Черезъ многи годы къ смерти ближитъ,
И къ новымъ чувствамъ сердце движитъ.
Ему призраками маня;
Изъ устъ Давида токъ обленъ,
Но, ахъ! и тотъ цѣлитъ беземенъ
Отъ ранъ любовнаго огня.

Что съ возрастомъ твоимъ согласно,
Иль, мнѣишь ты, ряса устранишь?
Пріятну мысль, вздыханье страстно
Едина смерть лишь утолитъ!
Постой, еще себя изслѣдуй,
Движенью горести не слѣдуй,
И обратись на часъ къ себѣ!
Взгляни, какъ мать — ты чадъ бросаешь;
Взгляни, какъ дочь — ты мать терзаешь;
Друзья все плачутъ о тебѣ.

О, Боже! всяку плоть призвавый
Себѣ въ хвалу на бранный свѣтъ,
И къ смерти живу мя избравый!
Приблѣжи мой ко мнѣ предметъ!
Души бѣдами пресыщенной,
Души до смерти умерщвленной
Прости дражащій нынѣ стонъ!
Да не вмѣнится въ преступленье
Мое объ мѣръ сожалѣнье;
Не казни ищетъ твой законъ.

А ты, о, суетна вселенна,
Въ которой гблѣ я всякъ часъ!
Была и мнѣ ты драгоцѣнна,
Была — и будь въ послѣдній разъ!
О, мать! умѣрь свои печали!
Дни счастья для меня настали;
Мой слабый духъ не возмушай!
Сокрой отъ глазъ, увы! несчастныхъ
Плоды моихъ движеній страстныхъ! —
Друзья... мѣръ... жизнь... и все... прощай!

Невинность.

Спокойной совѣсти зеркало
И духа Божія черта,
Великихъ подвиговъ начало
И дѣвства смертныхъ красота,
Тебя, Невинность! ублажаю,
Ударить въ струны вновь дерзаю,
И дань сердечную принести!
Въ тебѣ зрю міра превосходство,
Сіянье славы, благородство,
Неувядаемую честь!

Невинность краше діадимы,
Свѣтлѣ радужныхъ круговъ,
Блаженства щитъ непобѣдимый
Противу зависти враговъ!
Души чистѣйше наслажденье,
Умовъ полезныхъ вдохновенье,
Восторговъ мать и дщерь Небесъ!
Повсюду ты боготворима;
Но ты же въ мірѣ сѣмъ гонима,
И токи льешь горчайшихъ слезъ.

О, чувство выше всякой страсти,
Которымъ рай отверзтъ для насъ!
Я правъ! — среди самой напасти
Меня животворитъ сей гласъ,

Въ изгибахъ сердца раздается,
Его отрада въ душу льется
Въ темницѣ, въ узахъ, въ нищетѣ.
Я правъ! — се мзда моя, — довольно!
Враги, терзайтесь! — мнѣ не больно;
Вашъ ковъ погибнетъ въ суетѣ!

Надъ правдой что возможетъ злоба?
Пускай лукавствующій врагъ
Тѣснить невиннаго до гроба
Съ улыбкой адскою въ устахъ;
Пускай въ немъ зависть ухищрена,
Какъ пещь халдейская разженна,
Палитъ всё зноемъ клеветы:
Путь мужа праваго не скользокъ;
Лукавыхъ путь и тма, и ползокъ,
И вихрь развѣетъ ихъ мечты.

Господь невиннаго покроетъ,
Избавитъ Ояъ его въ день лють,
Всещедрый домъ его устроитъ
И сотворитъ птенцамъ пріютъ;
Ни чадъ, ни присныхъ не оставитъ,
Друзей разсудливыхъ приставитъ,
И взвѣситъ каждый сердца вздохъ;
Не дастъ въ ровъ пагубный споткнуться,
Душѣ унынія коснуться,
И злomu — зло возмѣритъ Богъ!

Вотще владыкъ надменныхъ сила
Святую истину тѣснить;

Ни кровь, ни огонь, ниже могила
Ея сіянья не затмитъ.
Хотя правители вселенной,
Забывъ нерѣдко долгъ священный,
Влекутъ невинность на позоръ:
Она на плахѣ торжествуетъ,
И самый тотъ, кто съ ней враждуетъ,
Стоитъ съ мечемъ, потупя взоръ.

Примѣровъ множество бывало,
Къ несчастью, есть и будетъ впредь,
Какъ часто правда попадала
Въ умысленну коварства сѣть.
Еще былъ новъ сей свѣтъ природный
И юнъ сынъ персти первородный,
Какъ змій весь рай зашевелилъ;
Бѣжалъ Адамъ, бѣжала Ева,
И плодъ ея несчастна чрева —
Сынъ Каинъ Авеля убилъ.

Давно невинность обличалась
Предъ человѣческимъ судомъ,
Мечу безстрашно подвергалась,
Иль покрывалась стыдомъ;
И кто въ физическомъ семь мірѣ,
Кромѣ живущаго въ зѣирѣ
И движущаго небеса,
Кто можетъ въ храмъ сердечныхъ вникнуть,
До глубины его проникнуть,
Ума постигнуть чудеса?

Во имя правды лгали маги
И пророчали бредъ волхвы;
Не чистъ былъ судъ въ Ареопагѣ:
Овецъ вездѣ терзали львы.
Посмотримъ, что во Иудей
Творили съ Павломъ Саддукеи!
Прискорбевъ правды путь всегда.
И Римъ, который ублажаемъ,
До нынѣ громко прославляемъ,
Судилъ пристрастно иногда.

Настало время просвѣщенья,
Навыкли все соображать;
Явились новы разсужденья,
И всякій права сталъ искать.
Казалось, мѣръ добрѣе будетъ,
Дѣла неправедны забудеть
И сущность истины пойметъ;
Не то изъ опытовъ открылось:
Вселенна всячески кружилась,
А правда все на крестъ идетъ!

Открылись таинства природы,
Возникла всюду страсть наукъ;
Вдвинулись въ художества народы,
И торгъ предметомъ сталъ всехъ рукъ.
Искали въ знаньяхъ совершенства,
Забывъ, что въ свѣтѣ нѣтъ блаженства,
Когда на сердце пала ржа.
Листомъ ли дерева красны?

Мы хвалимъ ихъ, когда не кривы,
И сердцевина въ нихъ свѣжа.

Въ однихъ познаніяхъ обширныхъ
Какую пользу міръ нашелъ?
Теряя сокровище дней мирныхъ
И жертвой адскихъ сталъ крамоль.
Въ толпахъ мятежниковъ безцивнхъ
Колико пало неповнхъ ...
Во славу мнимаго добра?
Умовъ самолюбивыхъ ошибки
Производили все ошибки,
Изъ конхъ бѣдъ взрала гора:

Герои тѣ же человѣки,
Своимъ подвластные страстямъ;
Объ нихъ писали въ разны вѣки
Одно и то жъ по всемъ странамъ.
Похвалъ богату дань пріемлютъ,
Но часто въ сладкой вѣгѣ дремлютъ,
Не смѣя совѣсти будить;
Чужимъ землямъ уставы пишутъ;
А сами славой только дышутъ,
Алкая міръ весь разорить.

Завоеватель на престолѣ
Еще не есть желанный царь;
Гдѣ жизнь мила во всякой долѣ,
Тамъ только миль и государь.
Тамъ мечь добычей не гордится
И тмы кромѣшной не боится,

Ошибка тяжелой ставъ виной;
Злодѣй богатый не клевететь,
Бѣднякъ невинный не трепещеть
Громовыхъ тресковъ надъ собой.

Хвала тѣмъ днямъ благословеннымъ,
Въ которыхъ древній человекъ,
Ходя путемъ неразвращеннымъ,
Безъ бури могъ кончать свой вѣкъ!
Но гдѣ златое время въ мѣрѣ?
Объ немъ пѣты намъ на лирѣ
Поютъ прелестныя мечты.
Конечно, Небо не судило,
Чтобы одно лишь въ свѣтѣ было
Священно царство правоты.

Холодный потъ чело промочитъ,
Когда вообразишь себѣ,
Что всякой зло творить, какъ хочетъ,
Ругаясь ближняго судьбѣ.
Гораздо легче, мигъ страдая,
Ударъ послѣдній получая,
Навѣкъ вселенную забыть,
Чѣмъ въ истязаніяхъ томиться,
Не сдѣлавъ зла, во злѣ виниться,
И для насмѣшекъ лютыхъ жить.

Я чувство совѣсти умѣю
Поставить выше благъ земныхъ;
Но зла всю тягость разумѣю,
Предметомъ стать обидъ людскихъ.

Души теряется спокойство,
Когда вокругъ насъ одно нестройство,
И къ яснымъ днямъ не зримъ слѣда:
Животъ лишь чувственный наскучитъ.
А жизнь чувствительна замучитъ,
И сердце падорветъ бѣда.

Всевышній! — Ты единый можешь
Невинный успокоить духъ;
Ты сердце бѣдное встревожишь —
И пакн преклоняешь слухъ.
Тебѣ молитвы наши внятны,
И воздыханія стократны
Не утаятся отъ Тебя.
Увы! — когда наступитъ время
Сложить мірскихъ напастей бремя
Какъ узы тяжкія съ себя?

Доколѣ, Господи! продлится
Успѣхъ погибельныхъ умовъ,
И въ сердце бѣдное вонзится
Стрѣла кичащихся враговъ?
Но если правда безъ искусства,
Свободна мысль, нагія чувства
Родятъ злосчастіе свое, —
Возри на часть мою плачевну,
Внемли молитву повседневну:
Да прійдетъ царствіе Твое!! —

ПѢСНЬ ПОСЛѢДНЯЯ МОИМЪ СОВРЕМЕННИКАМЪ.

Partout on voit tant de fureur
Et tant d'ingratitude
Qu'on ne trouve plus le bonheur
Que dans la solitude.

—
Оставимъ чашу круговую, —
Вся сладость въ ней истощена;
Забудемъ юность золотую, —
Какъ вихрь умчалася она!
Подъ старость станемъ къ жизни вѣчной
Готовить разумъ нашъ безпечной!
Кто знаетъ, сколько разъ шагнуть
Еще позволить Провидѣнье,
Доколѣ въ горнее селенье
Оно душѣ укажетъ путь?

Померкло яркое свѣтло,
Которымъ нѣкогда любовь
Красу подсолнечной двоило
И поминутно грѣло кровь;
Исчезли тѣ очарованья,
Въ которыхъ всякаго желанья
Успѣхъ казался раемъ намъ,
И сердца сладкій соблазнитель,
Столь многихъ пдоловъ обитель,
Въ пустынный превратилось храмъ! —

Все въ тягость стало въ пышномъ градѣ
И солнце радостей зашло;
Отъ грусти насъ ведя къ досадѣ,
Всѣ силы время увесло.
Миръ — гробъ, а жизнь — несносна мука,
Когда печаль, унынье, скука
Какъ камень на сердца лежатъ;
Отъемлютъ сонъ, лишь ночь настанетъ!
Возбудятъ желчь, лишь солнце встанетъ
И душу цѣлый день томятъ!

Отъ благъ земныхъ уроки строги
Велятъ сворачивать мнѣ взоръ;
За нихъ вездѣ найдешь тревоги,
Отъ нихъ всегда съ разсудкомъ споръ.
Стезей проложенной ко славѣ
Нельзя при откровенномъ правѣ
Достигнуть тихаго конца,
Ужасно вѣкъ свой пробиваться,
Прогнавъ туманъ, въ другомъ теряться,
Чтобъ мечъ найти, гдѣ ждалъ вѣнца!

Не мнѣ вручилъ Творецъ вселенной
Талантъ полезнымъ въ мирѣ быть;
Фортуной рокъ определенной
Назначилъ мнѣ дышать и вить.
Страдать готовъ одинъ до гроба;
Придетъ мой часъ, земли утроба
И мнѣ очиститъ уголокъ:
Но слезъ друзей всѣ капли считать,

Смушенья ихъ всю тайну смыслить,
И жить!!! Нѣтъ, нѣтъ! сей долгъ жестокъ!

Вотще разумокъ представляетъ
Въ примѣръ намъ Грековъ и Римлянъ,
Великодушье предлагаетъ
Къ уврачеванью нашихъ ранъ;
Когда бѣда какъ вихрь несется
И сердце кровью оболется, —
Разсудка бесполезенъ гласъ:
Его холодны размышленья
Въ часы сердечна сокрушенья
Неубѣдительны для насъ.

Вотще хотятъ любимцы вѣка
И счастья вѣжные сыны
Заставить бѣдна человѣка,
Страдающаго безъ вины,
Превыше стать своей напасти,
Презрѣть молву, смѣяться власти,
Неправду холодно сносить.
Но кто же нынѣ безъ догадки? —
Не фразы, — слезы дружбы сладки;
И тѣ имъ тягостно пролить.

О, люди! знайте, что несчастье
Не отъ витійства ждетъ отрадь;
Ему душевное участие
Цѣпнѣй житейскихъ всѣхъ наградъ!
Поруганъ ближнѣй твой напрасно;
Ты внемлешь стонъ его всечасно:

Лети и душу разверни,
Противу злобы ополчися,
Безстрашно съ завистью сразися,
Уйми ее — и отдохни!

Чѣя слава можетъ во вселенной
Равняться съ подвигомъ того,
Который склонностью врожденной
Удобенъ жертвою всего:
Отвести злодѣя метящу руку,
Смягчить страдальца тяжку муку
И грудь его къ своей прижать?
Не чванства гордыми хвалами,
Но благодарности слезами
Трофей негиблющій стяжать?

Вотще и совѣсть бы желала,
Своей сіяя чистотой,
Извлечь убійственное жало
И сердцу сладкій дать покой;
Ахъ, вѣтъ! — и совѣсть не способна
Противъ удара рока злоба
Вложить въ десницу крѣпкій шить:
Она сама хоть насъ не мучить,
Но мужеству безъ пользы учить,
И сердце все-таки болить.

Для входа въ рай, въ чертогъ небесный,
Спокойна совѣсть вѣрный путь;
Но въ оболочкѣ здѣсь тѣлесной
Тѣснится ль меньше съ нею грудь?

Въ сокровищницѣ сей скудельной
Одинъ зрѣтъ правду безпредѣльной
Зиждитель міра и Творецъ;
Но люди въ ней читать не знаютъ;
По видамъ виѣшнимъ разсуждаютъ:
Молва законъ и судъ сердецъ! —

Когда въ узлищѣ я стражду
И неповинно цѣпь ношу,
Когда я голоденъ и жажду
И хлѣба по-міру прошу,
Хотя нѣтъ въ совѣсти волненья,
Тѣмъ меньше ль естества мученья
Везсовѣтнаго я терплю?
Того моральны мучать кары,
Меня физически удары,
И овъ не спитъ, — и я не сплю.

Твердятъ: подушка не вертится
У тѣхъ, чья совѣсть безъ пятна;
Напротивъ, многимъ крѣпко спится,
Хоть совѣсть въ уголь сожжена.
Увы! и въ замкахъ превосходныхъ
Для мирныхъ дней, отъ золь свободныхъ,
Какъ мало совѣсти одной!
Сей даръ небесъ, залогъ столь трудный,
Потщимся чистъ явить въ день судный;
А въ мірѣ съ нимъ накладъ живой! —

Такъ, такъ, отъ общества и свѣта
Пора мнѣ скрыться навсегда!

Я видѣлъ грозы бурна мѣта,
Пришла и осени чреда.
Съ людьми потерся я довольно;
Они меня кусали больно,
Пора ихъ раны залечить;
Тѣней съ природою сойтиться,
У ней быть счастливымъ учиться,
И миру старость довершить.

Уйду земли другой и неба
Искать въ безлюдныя страны!
Вездѣ лучи я встрѣчу Феба,
Вездѣ увижу зракъ луны.
Въ пустыняхъ тотъ же воздухъ дышитъ:
Но глазъ не зреть и слухъ не слышитъ
Тамъ образованнаго зла.
Не въ лабиринтахъ просвѣщенья,
Сокрыты тайны наслажденья;
Тамъ умозрительна лишь мгла! —

Вездѣ натура кровь и нищу
Трудамъ дѣятельнымъ дастъ,
Равно богату, какъ и нищу,
Свои щедроты бережетъ.
Душа безсмертная въ пустынѣ,
Чудясь движенья тѣлѣ причинѣ,
Паритъ всечасно къ небесамъ,
И разумъ, истиной водимый,
Сей огонь души неугасимый,
Вполнѣ владычествуетъ самъ! —

Изъ опытовъ давно я знаю,
У *Даламбертовъ* не учась,
Когда о мѣрѣ размышляю,
Что зло съ добромъ имѣетъ связь.
Что нѣтъ такого совершенства
Для идеальнаго блаженства,
Какого всеу здѣсь хотѣмъ;
Но есть въ дѣлахъ людскихъ отгѣнки;
Добра мы не лишимъ оцѣнки,
И зло меньшее извинимъ.

А въ нашихъ обществахъ развратныхъ
Какихъ и гдѣ границъ пекать?
Вкусн часа два, три пріятныхъ,
И будь готовъ всю жизнь страдать.
Въ нашъ вѣкъ людей совокупленье
Уже не радость, — а мученье:
То месть, то мзда, вездѣ злой духъ.
Корысть и зависть мѣръ плѣнили,
Путь состраданью заложили,
Ни чей ему не внемлетъ слухъ.

Медвѣдь въ берлогѣ потаенной,
И тотъ прохожимъ путь даетъ;
И только голодомъ стѣсненной
Добычу хищну увлечетъ.
Зарѣжетъ въ мигъ и черепъ вскрыетъ:
Но духъ исчезъ, — ужъ тварь не вретъ.
А человекъ когда напасть. . . .
Сперва легонько жертву равить,

Растравитъ язву — тамъ тиранить;
Еще не сытъ — вонзитъ кинжалъ!

Расторгнувъ съ міромъ всеѣ союзы,
Готовъ я жить уединенъ;
Меня нигдѣ не бросятъ Музы,
А съ ними я вездѣ блаженъ!
Вдали отъ шума, но въ природѣ,
Въ глуши забвенной, но въ свободѣ,
Не буду суетно, какъ здѣсь,
Луча надежды ожидая,
И скорби сущность ошущая,
Въ мечтахъ терять разсудокъ весь.

О, міръ! караль меня ты строго,
Любя сѣдинъ моихъ позоръ!
Душѣ изъязвленной столь много
Лишь Неба нуженъ тихой взоръ.
Когда жъ глаголь Его священный,
Столь страшный — вмѣстѣ столь блаженный,
Во мнѣ раздастся: умирай! —
Тогда, исполнивъ злобы мѣру,
Забудь вражду, и вспомня Вѣру —
Хоть гробу правый судъ воздай!!! —

РАЗСУЖДЕНИЕ О СУДЬБѢ.

Еще для истины перо въ рукахъ держу,
И землю позабывъ, на небеса гляжу.

—
Судьбы на свѣтѣ. нѣтъ! — все слѣдствіе при-
чинъ,

И счастья *) своего самъ смертный господишь,
Всѣмъ лѣтѣиши насъ такъ мыслить научилъ.
Коляко тысячъ душъ въ подлунномъ мірѣ жили,
Которыхъ каждый шагъ и подвигъ показали,
Что случай лишь мечта, — все Промыслъ укре-
ждалъ.

Мы случаемъ зовемъ такое приключенье,
Которое нашъ смыслъ приводитъ въ изумленье.
Событіе ли чуть какое тронетъ насъ,
Судьбой его зоветъ общенародный гласъ;
Затѣмъ, что человекъ хоть сплошь себя самъ
губить,
Но въ томъ ни передъ кѣмъ признаться онъ не
любитъ.

Куда ни кинемъ взоръ во множествѣ міровъ, —
На нашъ ли шаръ земной, или выше облаковъ,
Во всемъ находимъ планъ, всему даны законы:
Небесныхъ и земныхъ огромныхъ тѣлъ миллионы
Взаимной связью силъ вращаясь межъ собой,
Математической всѣ движутся чертой,

*) Подъ словомъ счастье, здѣсь разумѣется не почести,
или иное какое вѣнчаніе возвышеніе, а мирная и безмя-
тежная совѣсть.

И цѣли миновать не могутъ непремѣнной,
Къ которой править ихъ Архитекторъ вселенной.
А если допустить отважимся на часъ
Слѣпного случая вліяніе на насъ,
Коль многое, чего умомъ не понимаемъ
И часто осуждать съ нелѣпностью дерзаемъ,
Капризу приписать свобода естества,
Отвергнувши совѣмъ перстъ дивный Божества,
Увы! какую мысль мы выкинемъ ужасу
И въ хаосъ превратимъ подсолнечну несчастну!

Одно изъ двухъ велить разсудокъ полагать:
Лли нечаянность, или умыселъ признать;
Внезапности нельзя ни чѣмъ освободиться.
Коль такъ, — куда жъ ума работа вся годится,
Гдѣ духъ предвидѣнья, съ которымъ я рожденъ,
Гдѣ чувство мудрости, которымъ озаренъ?
Откуда извлеку, безъ воли я свободной,
Поступокъ мой благой и помыселъ негодной?
Когда въ страдательномъ такомъ стѣненьи я,
Гдѣ жъ добродѣтели и гдѣ вина моя?
И какъ я соглашу, въ сомнѣньяхъ толкъ теряя,
Софизмы съ истиной взаимно побѣждая,
Путь твердый и прямой Религій моей
Съ опасной и кривой случайности стезей?

Естественное зло одно лишь неизбѣжно!
Но если станемъ мы разсматривать прилежно,
Откуда къ намъ оно летитъ, какъ-будто вдругъ,
Коль будемъ примѣчать животныхъ дѣйствій
кругъ,

Увидимъ, что и бѣдъ физическихъ начало
Нерѣдко отъ самихъ отъ насъ проптекало.
Смерть ближнихъ и друзей такой для насъ ударъ,
Какого нѣтъ сильнѣй между природныхъ каръ!
Сей Неба мечъ не новъ—равно всѣхъ поражаетъ,
Въ пещерахъ застаетъ, на тронахъ настпгаетъ.
Когда бы умиралъ одинъ на свѣтѣ я,
И всѣмъ переживать осуждено меня,
Тогда бы приговоръ столь грозный надъ собою
Имѣлъ я право счесть единственной судьбою;
Но видя общій долгъ, жить съ тѣмъ, чтобъ уми-
рать,

Разсудокъ ропотъ злой обязанъ усмирять.
Зачѣмъ же, скажутъ мнѣ, тотъ вовсе не тоскуетъ
И свѣжъ, какъ твердый дубъ, лѣтъ за сто су-
ществуетъ;

Другой, въ недугахъ весь, шатается какъ стѣнь,
И дышетъ, такъ сказать, на ладанъ всякой день?
Спросите у себя, — причину совѣсть скажетъ;
Не случай вамъ, — а грѣхъ вашъ собственный
укажетъ.

Благоразумія совѣмъ забывъ уставъ,
И пламеннымъ страстямъ себя на жертву давъ,
Живутъ ли люди такъ среди растлѣнна свѣта,
Чтобъ мирно протекли опредѣленны лѣта?
Чего не дѣлаетъ безумный человѣкъ,
Чтобъ язвами покрыть и самый краткій вѣкъ?
И внѣ и внутренно сожженные страстями,
Недуги на себя мы возлагаемъ сами,
И часто въ мукахъ злыхъ безвременна конца
Вотще клянемъ судьбу, вотще винимъ Творца.

Природа въсѣхъ равно раждаетъ къ наслажденью.
А разумъ положилъ предѣлъ употребленью.

Животный механизмъ одинъ во всѣхъ тѣлахъ:
Тѣ жъ слезы бьютъ изъ глазъ, улыбка та жъ въ
устахъ;

Но тотъ лишь, кто собою искусно самъ владѣеть,
Въ спокойствѣ, въ тишинѣ вѣкъ долгій жить
умѣетъ, —

Полезно для себя, безвредно для другихъ
Естественную нить кончаетъ дней своихъ,
И смертью къ небесамъ изгладивши посредство,
Потомкамъ чисту кровь передаетъ въ наслѣдство.
Рѣшительно сказать, — физическій сей свѣтъ
Не есть случайности страдательный предметъ,
Но Творческой руки онъ трудъ неизреченной;
Все планъ въ немъ, — все законъ, — порядокъ
совершенной.

Возможно ли за снѣгъ несправедливо мнить,
Что нравственны бѣды должны происходить
Отъ случаевъ слѣпыхъ, неправильно текущихъ,
Одну другой во слѣдъ всѣ участи влекущихъ?
Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть! — Отъ физиче-
скихъ золь

Коль часто насъ спасти удобенъ произволь!
Тѣмъ болѣе отвести моральныя напасти
При помощи Творца, конечно, въ нашей власти.
Погрѣшности свои приписывать судьбѣ
Есть, попросту сказать, потворствовать себѣ.
Мы всякую хотимъ свою неосторожность
Оправитъ, приводя предлогомъ невозможность;

Но взглянемъ на себя не въ тусклое стекло:
Возвратю къ намъ всегда приходитъ наше зло *)
Такъ точно, какъ земля горячи испаренья
Туманомъ гонитъ вверхъ въ воздушныя селенья,
И, образу тамъ сводъ облачный густой,
Низводитъ ихъ въ себя жъ громовою стрѣлой.—
Судьба ли, папримѣръ, бываетъ виновата,
Когда отъ мотовства домъ барина богата
Изъ храма всѣхъ суетъ мгновенно иногда
Преображается въ пустыню навсегда?
Судьба ли то творитъ, что люди молодые,
А часто видимъ мы и очень пожилые,
Безъ памяти влюбясь, такой свершаютъ бракъ,
Который счастья дать не можетъ имъ никакъ?—
Судьба ли, а не глѣвъ, родитъ кровавы бранн,
Даетъ герою духъ и укрѣпляетъ длани?
Судьба ли, не корысть, несетъ черезъ океанъ
Отважнаго ловца съ богатствомъ разныхъ
странъ?
Судьба ли, наконецъ, даетъ успѣхи мести,
Коварству торжество, удачу горькой лести,
И пынѣшнихъ сердець, умовъ, связей раздоръ
Къ судьбѣ ли отнесемъ уму наперекоръ?
Или, подобно тѣмъ повѣтрямъ повальнымъ,
Гнилого воздуха влїяніямъ печальнымъ,
Которыя родятъ въ насъ временной недугъ,
Стихіямъ отдадимъ вину своихъ прослугъ?
Уже ли съ воздухомъ вдыхаемъ заблужденья,

*) Зло значитъ здѣсь не преступленіе одно, а всякая погрѣшность, вредъ, ошибка.

Упрямство, гордость, гнѣвъ и клятвы престу-
пленья? —

Съ стыдомъ признаться намъ долгъ совѣсти ве-
леть,

Что все, чѣмъ насъ судьба (какъ всѣ твердятъ)
разитъ,

Большою частію, по справкѣ самой вѣрной,
Есть плодъ безпечности; пль дерзости безмѣр-
ной.

Какъ часто, покорясь владычеству страстей,
Не смѣя разорвать ихъ пагубныхъ сѣтей,
Оспоривъ жарко тму полезныхъ доказательствъ,
Безъ умолку внимъ стеченье обстоятельствъ!
Неправда, — мы одни виною нашихъ бѣдъ!
Соблазнамъ проложивъ свободный къ сердцу
слѣдъ,

Балуя всякой дѣнь изнѣженныя чувства,
Порывъ ихъ удержать лишаемся искусства,
И только лишь тогда прочистимъ мы глаза,
Когда надъ головой виситъ уже гроза.

Нерѣдко страдаемъ мы за истину святую,
И наглый клеветникъ подноситъ чашу злую;
Нерѣдко властелинъ, оставя правды путь,
Обмануть, — взноситъ мечъ на неповинну грудь:
Бываетъ! — Но и тутъ, сообразясь прилежно,
Найдешь плоды своихъ ошибокъ неизбѣжно.
Вѣдь честь и правда имѣютъ свой предѣлъ;
Шагни черезъ него — и въ пропасть полетѣлъ!
Уму покорна быть должна и добродѣтель;
И всеу слабый мужъ зовется благодѣтель.

За пазухой змѣи отнюдь не согрѣвай;
Иль, ею уязвленъ, не па судьбу пѣнай:
Къ злодѣю протянувъ спасительную руку,
Мы сами отдаемъ себя на вѣрну муку.
Безъ собственныхъ оиоръ нечестье обличать,
По слову *Паула*, есть противъ рожна лишь прать;
Не къ мѣсту, кто велить съ богатыми равняться,
И карлу кто зоветъ съ богатырями драться?
Издравле начерталъ сей нравственый законъ
Изящной мудрости учитель Соломонъ.

Тотъ бѣдствовать всю жизнь въ животномъ
мирѣ будетъ,

Кто политическихъ силъ тяжесть позабудетъ;
Ихъ равновѣсіе толико жъ нужно намъ,
Какъ ровный воздухъ веѣмъ необходимъ тѣ-
ламъ.

Я слышу часто вопль, — такого-то убилъ,
А рядомъ съ нимъ того злодѣи пощадилъ;
Какой же это рокъ: — тутъ вѣдома вина:
Ружейному стволу препорція дана,
А воздухъ и огонь, въ немъ сжатые, мгновенно
Въ ту точку пулю шлютъ, гдѣ пасть ей непре-
мѣнно.

Мы знаемъ, что стрѣлокъ, досадою горя,
Стрѣляетъ иногда, какъ говорится, зря;
Въ рукѣ лишь только махъ — ударъ въ цѣль
самъ несется:

Физическій законъ нигдѣ не прошибется.

А сверхъ того ты зналъ, скакавши на войну,
Когда покинулъ домъ, родъ племя и жену,

Что тамъ не карты въ банкѣ — изъ пушекъ яд-
ра мечуть,
И вмѣсто нѣжныхъ ласкъ, плъ быють, или увѣ-
чуть, —
Зачѣмъ же ты пошелъ? — Взманилъ высокій
чинъ.

Не могъ спокойно жить, какъ мирный гражданинъ;
А послѣ, разсердясь, винить судьбу сталъ строгу
За то, что лекаря пилюль велѣли ногу.
Вотъ все и колдовство — чудеснаго тутъ нѣтъ;
Порядокъ естества таковъ же старъ, какъ свѣтъ,
И все разочтено, что дѣлается въ мѣрѣ,
До дня послѣдняго, какъ дважды-два — четыре. —

Я знаю, что къ себѣ нельзя такъ строгу
быть,
Чтобъ каждый въ жизни шагъ отъ зла пред-
охранить;
Что тѣсно съ суетой вырослся человекни,
Намъ истину сію свидѣтельствууютъ вѣки;
Но только лишь о томъ веду здѣсь разговоръ,
Что сами мы свой грѣхъ зовемъ къ себѣ на
дворъ.

Естественно весьма всему тому дивиться,
Что недовѣдомой причиною творится. —
Мы чувствуемъ ударъ — и первый сердца гласъ
Есть ропоть на судьбу, карающую насъ.
Простимъ сіе души невольное движеніе;
Но время приведетъ на мысль соображеніе:
Тогда, со всѣхъ сторонъ объявъ свою напасть
Все вспомя, осмотра и давъ разсудку власть,

Орлу создавъ крылѣ, сложила паука,
И словомъ, — Тотъ, Кто духъ свой вдунулъ въ
человѣка,

Толико возлюбя его съ начала вѣка,
Что Сына Своего на муки осудилъ,
Дабы крестомъ весь родъ Онь смертныхъ искупилъ:

Сей, всѣхъ существъ Господь, Творецъ одушевления,

Всечасны слезы намъ являть чудотворенья.

Я вѣрую сему, какъ неключимый рабъ;

Но былъ бы я умомъ и духомъ слишкомъ слабъ,

Когда бъ на свѣтѣ все, со мной что ни случится,

Чѣмъ сердце отъ вины моей же огорчится,

Приписывать хотѣлъ къ нечаяннымъ судьбамъ,

Или гадателей ко мнимымъ чудесамъ.

Стократно повторю — добро и зло извѣстно.

И гдѣ же подвиги, коль въ мѣрѣ все чудесно?

Когда бъ подумалъ я, что мнѣ назначенъ рокъ,

Что я родился быть или добръ, или жестокъ,

Что участь мнѣ дава, и какъ бы осторожно

Ни велъ себя — ее избѣгнуть не возможно;

Тогда бъ осталось мнѣ лишь только пить и ѣсть,

И плоти послужа, сложивши руки съестъ

Какъ пстукану, ждаты бездѣйственно могилы

Въ тотъ часъ, какъ взойдуть всѣ жизненные
силы.

Ахъ, нѣтъ! я не могу такъ думать о себѣ;

Предубѣдительной покорствуя судьбѣ,

Я дѣйствовать рожденъ — и дѣйствовать по волѣ.

Творецъ на выборъ намъ назначилъ разны доли:

Зависеть отъ меня — такъ точно отъ меня —
Быть добрымъ и худымъ, судьбины не вина.
Философы вотще съ ума насъ только сводятъ
И въ дѣйствиѣ ума темпераментъ приводятъ;
Напрасно говорятъ, что вышуклостью лба
Прообразуется и правъ нашъ и судьба;
Что мы родимся быть или кротки, или тираны,
Смотря, какіе въ насъ подъ черепомъ органы:
Къ чему весь этотъ вздоръ разстроенныхъ
умовъ,

Затянутыхъ узломъ вещественныхъ оковъ?
Что могутъ плоть и кровь надъ сильною душою,
Противъ ихъ мятѣжа всегда готовой къ бою?
Творецъ намъ покорилъ не тигровъ лишь од-
нихъ;

Онъ силу побѣждать намъ далъ себя самихъ.
Раскинувъ бытія простраивѣйшу картину,
Далъ смыслъ уразумѣть въ немъ всяческимъ
причину,

Проликнуть научилъ все тайны естества,
Постигнуть разныхъ тѣлъ животныхъ существа,
Внутрь сердца вкоренилъ безсмертья сладко
чувство,

Дѣятельность уму, рукамъ Онъ далъ искусство;
И яли, персти горсть, какъ иѣкій лютый врагъ,
Дерзну послѣ такихъ неизреченныхъ благъ
Помыслить, что весь міръ, что человекъ съ
душою,

Водимый къ пропасти какою-то судьбою,
Что случай лишь меня туда, сюда влечетъ,
Что небо и земля — все невзначай течетъ?

Обманъ! — Не могъ Творцемъ создаться безъ
расчета *)
Не только цѣльмй свѣтъ — ниже одна Юта!

Всевышній!—Ты явилъ и въ рай и въ адъ пути;
Дай силу совѣсти по первому идти,
На камнѣ Вѣры ставъ! Потщимся мы въ печалѣхъ
Глубоко начертать на уметвенныхъ скрыжалѣхъ
Урокъ Спасителя, идущаго на страсть:
Бди крѣпко — и молись — да не впадешь въ
нанасъ!

НА ИМЯННОЙ УКАЗЪ

О ДАЧѢ ЖЕНАМЪ УБИТЫХЪ ВЪ АРМІИ ШТАБЪ И
ОБЕРЪ-ОФИЦЕРОВЪ ПЕНСИОНОВЪ, СОСТОЯВШІЙСЯ
Августа 30 дня 1799 года.

Идите, вояны, на брани,
Животъ несите за царей!
Къ оружію прострите длани,
Покиньте дома женъ, дѣтей!

*) Слово расчетъ должно принято быть здѣсь не въ
одномъ числительномъ смыслѣ, а въ разумѣ намѣренія,
цѣли, закона.

Счастливый вѣкъ! — блаженно время! —
Съ васъ всѣхъ заботъ слагаетъ бремя
Россіи Царь, ея Отецъ!
За твердость въ подвигахъ подъятыхъ
Въ щедротахъ Павла пребогатыхъ,
Вамъ неба воздаетъ Творецъ.

Геройски вдовы ужъ не будутъ
Ходить за хлѣбомъ по дворамъ,
Уничженіе забудутъ,
И клятвъ не изрекутъ Богамъ;
Склоня къ нимъ взоръ благоутробный,
Примѣръ щедроты неподобный
Съ престола Павелъ показалъ:
Вдовства печали услаждая,
Мужей ихъ вѣрность награждая,
По смерти имъ жалованья далъ.

Гражданъ на брани убіенныхъ
Невинны, сирые пленцы
Почтутъ отцевъ имъ драгоцѣнныхъ
Побѣдоносные вѣнцы;
Они не возрыдаютъ болѣ,
Врастутъ въ благополучной долѣ;
Объ нихъ всечасно Царь болитъ:
Онъ имъ отцевъ ихъ замѣняетъ,
Отъ ига бѣдности спасаетъ,
Онъ ихъ возводитъ и хранитъ.

И ты, вдова! лишась супруга
Въ поляхъ страны тебѣ чужой,

Оплакавъ смерть вѣрнѣйша друга,
Забуди о себѣ самой!
Приди въ отечество драгое,
И Павла имя чти благое;
Онъ путь тебѣ въ него открылъ.
Его казна — твое богатство.
Познай судьбы твоей пріятство;
Тебя сугубо наградишь.

Хвалите Бога, Россіяне!
Еще Онъ не оставилъ васъ,
И имя Павла, сограждане,
Прославьте всюду всякой часъ!
Доколѣ милость имъ владѣетъ,
Ни въ чемъ онъ вѣкъ не оскудѣетъ;
Ему дастъ Богъ — и дастъ сто кратъ!
Любовь къ нему въ васъ преизбудетъ;
Не златомъ лишь однимъ онъ будетъ —
Сердцами подданныхъ богатъ.

Избавить нища и убога
Отъ расхищающихъ его,
Се къ славѣ, Царь, тебѣ дорога!
Се свойства сердца твоего!
Будь кротокъ, Павелъ! долги вѣки!
Тебѣ подвластны челоуѣки
Люби, щади и возвышай!
Господь тебя да назидаетъ,
Да вся вселенная вѣщаетъ:
Гдѣ кротость царствуетъ — тамъ рай!

НА ИМЯННОЙ УКАЗЪ

О КАРТОЧНЫХЪ ИГРАХЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ
АЛЕКСАНДРА I.

Хвала и честь тому царю,
Который правы исправляетъ
И неумѣренцу игру
Указомъ строгимъ запрещаетъ!
Игра ничто иное есть,
Какъ способъ (въ точномъ смыслѣ слова)
Пріятно часъ, другой провести,
Коль нѣтъ занятія иного.

Но зло вездѣ проложитъ слѣдъ.
Игра теперь уже выходитъ
Источникъ самыхъ тяжкихъ бѣдъ:
Она до крайности доводитъ;
Игрокъ нерѣдко въ краткій мигъ
Всего лишается въ азартѣ *);
И сколько есть домовъ такихъ,
Гдѣ весь насущный хлѣбъ на картѣ!

*) Слово, у игроковъ весьма употребительное, которое и техническимъ у нихъ назваться можетъ.

Искусство, конимъ чловѣкъ,
Невоздержанью строя бѣдство,
Прожить на счетъ другого вѣкъ
Нашель легчайшее посредство —
Обманъ, которымъ иногда
Вельможа съ самымъ низкимъ збродомъ
Готовъ, безъ всякаго стыда,
Чужимъ потѣшиться доходомъ.

И мы хотимъ, чтобъ противъ насъ
Суровыхъ мѣръ не принимали!
Дай волѣ мигъ — и мы тотчасъ
Какъ дикки козы забрыкали.
Для безразсудныхъ воли нѣтъ.
Благоразумная свобода
Изъ дѣлъ познать себя даетъ
У просвѣщеннаго народа.

А съ картой лечь и съ картой встать.
Подъ видомъ время провожденья,
Дабы взманить и обыграть,
Есть плодъ послѣдня развращенья.
Игра всегда родитъ задоръ,
Задоръ разсудокъ отлучаетъ,
А безъ него начнется вздоръ —
И добродѣтель исчезаетъ.

Хвала тебѣ, Россійскій Царь,
Блюститель правовъ на престолѣ!
Гдѣ врагъ пороку государь,
Тамъ все живутъ въ счастливой долѣ.

Что можетъ слаще быть для добраго царя,
Какъ, всюду вокругъ себя собою спасенныхъ зря,
Погибшихъ возводить — оковы рвать съ не-
счастливыхъ —

Открыть къ престолу путь вздыханіямъ под-
властныхъ?

Не титломъ царь великъ — но кроткою душой;
Не войскомъ онъ могущъ, но подданныхъ
судьбой

Порфирой все цари между собою равны;
Но Титъ и Антонинъ равно ль съ Нерономъ
славны?

Ахъ, нѣтъ! — Монарховъ мы изъ дѣлъ ихъ
познаемъ;

Жестокимъ платимъ дань — благимъ сердца да-
емъ.

Сибирскій! позабудь судьбы отягощенье.

Вольтеръ сказалъ: «не казнь повсюду — пре-
ступленье.»

Ты сердца своего невинность сохранилъ,
Порочнымъ торжествомъ ума не ослѣдилъ.
Узнавъ твои бѣды, твой ближній содрогнется,
Всеобщій гласъ тебя съ почтеніемъ коснется.
Ты дома — близъ тебя твой искренній—родной,
И мщенья не виситъ мечъ острый надъ главою.
Проникни, князь! молву послѣдня гражданина;
Кого изъ нихъ твоя не тронула судьбина? —
Свобода, — даръ Небесъ, навѣки твой удѣлъ:
На тронѣ Александръ — невинный будетъ
цѣль!

Нигдѣ достойной мзды не тратитъ добродѣтель;

Въ чертогахъ и въ тюрьмахъ — вездѣ ей Богъ
свидѣтель.

Сколь подвиговъ знаменитъ сопутницы твоей!

Какую похвалою воздать удобно ей!

Прости, почтенный мужъ, коль тайны открываю;

Восторга моего въ себѣ я не вмѣщаю,

Геройствомъ твердыхъ душъ единственно плѣ-
ненъ.

Какъ бы я былъ природой награжденъ,

Когда бъ любви прямой я жертву столько цѣннѣ

Достойно вострубить умѣлъ во всю вселенну!—

Ты плачешь. . . ахъ! слеза, сей первый вѣст-
никъ чувствъ,

Изъ сердца глубины влечется безъ искусствъ;

И въ радостяхъ она—она жъ и въ оскорблени

Смущенныя души являетъ всѣ движенія! —

Утѣшься, все прошло; Богъ тучи разогналъ!

Въ твоємъ, во всѣхъ сердцахъ день мира воз-
сіялъ!

Надежда, смертныхъ всѣхъ отрада сокровенна,

Которою живетъ и движется вселенна,

Надежда намъ сулитъ спокойство тихихъ дней.

Дай Богъ! (твержу стократъ отъ всей души
моей)

Чтобъ кротостью вѣвѣкъ подобенъ былъ от-
пущъ

Нашъ Первый Александръ Второй Екате-
ринъ!

П О С Л А Н І Я.

Иль кровію стяжалъ, иль вѣрностью въ под-
данствѣ.

На совѣсти твоей пятна мздонна нѣтъ,
И пенязей къ тебѣ не сыплютъ въ кабинетъ;
Лѣнтыягъ и шалуновъ не возишь за собою;
Не терпишь у себя картежнаго разбѣю;
Но роскоши платя дань должную и самъ,
Цорою, говорятъ, угашиваешь дамъ;
Уфа и Оренбургъ въ твои воински залы
Съ московскимъ щегольствомъ съѣзжаются на
балы;

Привѣтливость ко всемъ усерднѣ ты казать;
Къ заочнымъ не лѣнивъ на письма отвѣчать;
Не мнишь унижить тѣмъ ни сана, ни породы,
Когда употребишь мгновение свободы
На то, чтобы законъ учтивства сохранить: —
Чинъ права не даетъ ни съ кѣмъ невѣждой быть.
Храмъ Божій для тебя есть горнее селенье,
Въ которомъ ты, забывъ мірское оболщенье,
Духовною къ Творцу любовію горя,
Въ восторгѣ въ небѣ весь, блажишь царей Царя.
Ты всю свою страну къ наукамъ приучаешь,
Встаешь до нѣтуховъ, и самъ стихи читаешь,
Не думая, какъ тма полубояръ пустыхъ,
Что будто пользы нѣтъ для общества отъ нихъ.
Словесности любя и разумѣя цѣну,
Сумбурщицей не чтишь въ Расинѣ Мельпомену;
И, Галин познавъ въ Мольерѣ красоты,
Питовъ любишь ты волшебныя мечты.
Ты высшую хравить умѣешь добродѣтель, —
Тобою не забытъ ни другъ, ни благодѣтель;

Донинѣ помнишь, князь, мою старушку-мать
За то, что вмѣстѣ съ ней учился ты читать,
Родителей ея въ семействѣ воспитался,
И лаской стариковъ какъ сыночекъ обогащался:
Разительный примѣръ и правды той залогъ,
Что кровь даетъ родныхъ, а пастыря шлетъ
Богъ.

За то по смерти и мнѣ пребудутъ незабвенны
Портретъ твой и тулупъ *), какъ даръ неоцѣ-
вѣнный.

Довольно! — все сказала, что думалъ ужъ
давно.

Красны ль мои стихи, или нѣтъ, мнѣ все равно,
Лишь только бѣ ты проникъ мои глубоки чувства
И вѣрилъ, что я ихъ повѣдалъ безъ искусства.
Еще, когда бы ты былъ близко у двора,
Фелицы Внука зрѣлъ сегодня и вчера,
Я, можетъ быть, тебѣ, придворнымъ подражая,
И былъ и не былъ плель, хвалами изумляя,
Но кто изъ сплхъ господъ закинетъ вдругъ свой
взоръ

Со льдинъ Невы-рѣки на верхъ Рифейскихъ горъ?
Я льстить не приученъ ни Музой, ни природой:
Что чувствую — пишу, и съ полною свободой.
Въ отечествѣ моемъ кто читывалъ, меня
Тотъ знаетъ, что не льстивъ и простодушенъ я.
Питомъ никогда въ потомствѣ не воскресну,

*) Князь прислалъ мнѣ въ подарокъ портретъ свой и
прекрасный азіатскій тулупъ.

Въ архивахъ изотрусь,—но съ зависти не тресну,
И тѣмъ вознагражу подъ старость я себя,
Что чтить умѣлъ добро, и съ нимъ воспѣлъ тебя.
Оставля честь другимъ, познавшимъ ключъ науки,
Со мной далеко раздавать пріятныхъ пѣсенъ
звучи

Хочу, чтобы языкъ чужой о мнѣ не рекъ:
Онъ славный былъ пѣтъ, но подлый человѣкъ.

Будь здоровъ, почтенный князь! живи должай-
ши годы,
Мужайся на стезѣ достойной той породы,
Которая тебѣ дала свои черты! —
Подъ кровомъ Неба тотъ, кто дѣйствуетъ какъ
ты!

НЕСЧАСТНОЙ КРАСАВИЦѢ.

Тебя ли видѣлъ я, владычица Москвы,
Плѣнявшая въ свой вѣкъ брега самой Невы?
Тебя ли видѣлъ я отшельницею нынѣ,
Безъ друга, безъ родни, отчаянну въ пустынѣ,
Куда, чтобъ испытать послѣднюю напасть,
Не Вѣра привлекла — обманутая страсть?
Гдѣ дѣлась красота, гдѣ дѣлся видъ прелестный,
Въ Россіи до тебя едва ль кому извѣстный,

Которымъ Божество, создавъ твои черты,
Хотѣло, чтобъ Ему подобилася ты?
Что сталося съ твоей осанкой горделивой,
Сей вывѣской души невинной и счастливой?
Кто жаломъ острымъ стеръ, подобно злой пчелѣ,
Рисунокъ совершенствъ на радостномъ челѣ?
Потухъ всежгущій взоръ и пламенныя очи
Померкли какъ звѣзда въ туманахъ темной ночи!
Прелестны тѣ уста, гдѣ вся любви краса
Въ отверзтыи нѣжномъ ихъ вмѣщала небеса
И каждымъ словомъ духъ въ восторгахъ изумляла,
Безмолвная печать навѣкъ ихъ нынѣ сжала!
Куда ушли толпы вельможескихъ сыновъ,
Бѣгущихъ за тобой искать златыхъ оковъ,
Которыми ты ихъ опутывать любила,
Когда не сердцемъ ихъ, улыбкой лишь дарила?
О, время! ты летишь, и нѣтъ тебѣ преградъ!
То рай намъ на пути, то страшный кажешь адъ,
Блаженство и бѣда, печаль и восхищенье, —
Все случаевъ однихъ различное стеченье.
И ты лукавыхъ дней игралицемъ была,
Платила дань страстямъ и чувственно жила!
Чье сердце противъ язвъ судьбы жестокой твердо,
Коль Богъ попуститъ ей насъ гнать немло-
сердо?
Какъ кормчій, въ тростникахъ увязнувши съ
ладьей,
Изыскиваетъ путь за легонькой струей,
Чтобъ ею чистыхъ водъ пробиться на средину,
Далеко за собой оставивши пучину, —
Такъ силился твой умъ изъ омута суетъ

Прочистить сердцу путь и выйти съ нимъ на
свѣтъ:

Но бѣдный одолѣть свой рокъ сколь ни стре-
мился,

Погибъ — и наконецъ всѣхъ дѣйствій ояъ ли-
шился.

Что дѣлать безъ ума? — Жизнь — мука; свѣтъ —
хэось;

Не внемлетъ совѣтъ, не страшень гласъ угрозъ.

Готовъ уже твой стражъ, звенять неволн узы,

Весь свѣтъ расторгъ твои общественны союзы;

Бѣги отъ міра прочь — отрекся онъ тебя,

И ближній твой въ тебѣ не зрять уже себя:

Иди тянуть свое дыханіе въ пещеру.

О, если бы ты тамъ облобызала Вѣру,

И сладости ея внутри сердца ощутивъ,

Когда бъ могла познать, сколь духъ ея правдивъ!

Но могутъ ли вмѣстить ея дары священны

Потерянная мысль, разсудокъ помраченный?

Куда же, если смерть себя заставитъ ждать,

Дѣваться, дни свои плачевные скончать?

Безъ мира въ мірѣ жить несносно! Скрыться
въ кельи;

Тамъ четки замѣнять алмазны ожерельи:

Такъ думалъ, посмотрѣвъ я съ жалостью на ту,

Которой славилъ вѣкъ прошедшій красоту;

Вздохнулъ и поропталъ. — На что жъ намъ да-
рованья,

Художествъ и наукъ полезныя познанья,

Когда не бережетъ натура ничего?

Тоскуй, сѣдѣй, умри — и вотъ предѣлъ всего!

Разсудокъ мой вздрогнулъ. Чти Вѣчнаго законы,
Паси въ степяхъ овецъ, или садись на троны,
Остеръ будь, или тупъ, атлетъ, или дряхль и
слабъ —

Ты узникъ естества, титулъ твой — Божій
рабъ, —

Сынъ персти, крупный червь, мягушійся все-
часно,

Въ которомъ и добро не вовсе безопасно.

И слѣдуетъ ли намъ оттолъ, что давимъ тварь,
Тотчасъ и заключить, что мы надъ нею царь?

Откуда человѣкъ на гордость права хочеть?

Царь съ скиптромъ, а Парфень съ сумой равно
хлопочеть.

Ничто здѣсь не для насъ; мы сами для того,

Чтобъ цѣпь кольцомъ связать творенія всего.

Севодни ты Востокъ и Западъ покоряешь,

Севодни ты моря судами покрываешь;

А завтра какъ-нибудь, и не спросясь тебя,

Животный механизмъ разстроитъ чуть себя,

То дурь твою всѣхъ царствъ умы не сладятъ
справить,

И надобно тебя въ безумный домъ отправить.

Почто же ты, какъ кедръ, вздымаешь дерзкій лобъ,

Когда Деспотъ и Негръ въ одинъ ложатся гробъ?

Когда тотъ и другой, по дѣйствию природы,

Трепещутъ вногда малѣйшей непогоды?

О, истина! тебя все намъ познать велить —

И благо лишь тому, кого Господь смиритъ!

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ainsi de ses beaux jours parcourant la carrière
L'homme qui pas a pas a suivr son devoir
Tranquille le matin, et tranquille le soir
S'endort comme l'enfant sur le sein de sa mere.

—

Блаженъ, кто самъ въ себѣ умѣетъ
Свое спокойство находить!
Блаженъ, кто съ волей мочь имѣетъ
Страстямъ предѣлы положить!
Кто все, чѣмъ пышный міръ гордится,
Снискать постыдностью не льститесь,
Кто любить Бога, правду, честь,
И смѣлы взоры на лукавыхъ
Равно бросаетъ, какъ на правыхъ,
Кому не страшна злобы месть!

Чего, чего ему бояться?
Съ нимъ Богъ, съ нимъ истина Его;
Какихъ напастей устрашаться?
Предъ нимъ сѣтъ міра — ничего.
Онъ нища, сира не обидѣлъ,
Онъ ближня не возненавидѣлъ,
Свое чужимъ не умножалъ;
Подобно тигру разъяренну,
Въ лѣсу на агнцовъ устремленну,
Людей безсильныхъ не терзалъ.

Женой, по сердцу имъ избранной,
Безъ лицемѣрія любимъ;
Семьей, отъ Бога низпосланной,
Въ маститой старости хранимъ.
Когда дѣтей онъ поучаетъ,
Софизмами не обольщаетъ:
Одну лишь правду имъ твердитъ:
Она изъ устъ его рѣкою,
Сильна, важна, сама собою,
Безъ краснорѣчія, разитъ.

Какія случаевъ премѣны
Его способны колебать?
Какія мелкихъ душъ измѣны
Его возмогутъ огорчать?
Онъ знаетъ то, что свѣтъ сей Богомъ
Для добродушныхъ данъ залогомъ
Его безчисленныхъ щедротъ,
Которыхъ тотъ, кто въ немъ спокойно
Препроводилъ свой вѣкъ достойно,
Въ раю богатый взыщетъ плодъ.

Онъ знаетъ то, что въ сей юдоли
Творецъ назначилъ два пути:
Что непременно въ нашей волѣ
Любимъ изъ нихъ изъ двухъ идти.
Одинъ наполненъ красотами,
Усыпанъ иѣжными цвѣтами:
Иди, рѣзвись — и адъ встрѣчай;
Другой сквозь мрачныя долины

Отвсюду кажется злы стремнины —
Иди, терни — и увидешь въ рай.

Игрушки міра и паряды,
Изъ конхъ бьется цѣлый свѣтъ,
Суетъ мечтательны награды
За самый визкій чтить уметъ.
Все здѣсь и тлѣнно и не вѣчно,
И смѣхъ и горе скоротечно;
Постигнетъ смерти лютой часъ:
А тамъ какъ не съ чѣмъ появиться!
Сюда нельзя ужъ возвратиться,
Чтобъ добрыхъ дѣлъ собрать запасъ.

Любви, сей пагубнѣйшей страсти,
Посредствомъ коей челоуѣкъ
Слезамъ верѣдко и напасти
Приноситъ въ жертву краткій вѣкъ,
Ему не страшны вспламенѣнья;
Взирая на ея волненья,
Какъ водъ на возмущенный токъ,
Болитъ о слѣдствіяхъ несчастныхъ
Поползновеній нашихъ страстныхъ
И свой отъ нихъ спасаетъ рокъ.

Онъ душу, сердце, умъ и свойства
На пользу ближнихъ посвятя,
Храститъ тѣмъ связь благоустройства;
Но Богомъ смертнаго не чтя,
Не ставитъ въ женщинахъ кумира,
И выше всѣхъ предѣловъ міра

Возносить духъ свой къ небесамъ:
Какъ огонь, прорвавшись изъ строения,
Шлетъ паръ въ воздушныя селеня,
Такъ онъ стремится въ горній храмъ.

Всѣ твари, малы, плъ велики,
Влекутъ отъ Бога бытіе;
Цари земные и владыки
Имъ держать царствіе свое:
Онъ, зная то, съ благоговѣньемъ
И съ твердымъ удостовѣреньемъ,
Что быть властямъ самъ Богъ велѣлъ,
Въ лицѣ царей Ему послушенъ,
Въ гоненіи, въ славѣ равнодушенъ,
И въ злключеньяхъ духомъ смѣлъ.

Блаженъ, кому дала природа
Не только думать такъ — и жить!
Его ни знатная порода,
Ни чинъ не сильны изумить; —
Вотще бы ядъ умовъ опасныхъ,
Или хвала людей пристрастныхъ
Его усилилась тронуть:
Среди случаевъ вѣшнихъ, тѣсныхъ
Онъ правилъ внутреннихъ и честныхъ
Себя на добрый ставитъ путь.

Какъ камень твердый наединѣ,
Отторженный отъ дикихъ горъ,
Во мрачной безднѣ морскихъ пучинѣ
Страшитъ пловцовъ смущенный взоръ,

Сѣдя волны разъяряся,
Отъ сильной бури воспѣняся,
Въ него съ ужаснымъ ревомъ быють,
Его чудовища объемлють;
Ни чѣмъ, ни чѣмъ не поколеблютъ:
Сей камень вѣченъ будетъ тутъ!

Такъ твердь и тотъ на здѣшнемъ свѣтѣ,
Кто добродѣтель возлюбилъ,
Кто сердца въ искреннемъ обѣтѣ
Законы Божьи положилъ.
Когда другимъ большая сфера,
Призракъ страстей, честей химера,
Потребно множество суетъ;
Онъ средственнымъ тогда имѣнемъ
Владѣеть съ тѣмъ же утѣшенемъ,
Какъ-будто бѣ былъ его весь свѣтъ.

Гдѣ нуждъ естественныхъ границы,
Его желаньевъ тамъ предѣль;
Другимъ все надобны столицы —
Ему вездѣ хорошъ удѣль.
Въ глазахъ его лишь то прекрасно,
Что съ пользой истинной согласно;
И для другихъ и для него
Вездѣ душевный миръ находитъ
Затѣмъ, что оный происходитъ
Отъ чувства собственно его.

О, мой герой! о, мужъ примѣрный!
Великъ и счастливъ ты одинъ;

Ты образъ Божій истый, вѣрный,
Когда надъ сердцемъ господня!
Въ какомъ ни крылся бѣ ты народѣ,
Въ какомъ ни брошенъ темномъ родѣ,
Самой порфиры не желай!
Цари, когда страстямъ подвластны,
Бываютъ также сплошь несчастны;
А ты — вездѣ находишь рай!

Ты съ нимъ пребудешь неразлучно
Среди житейскихъ всѣхъ прѣмѣнъ;
Тебѣ нигдѣ не будетъ скучно:
Твой жребій благъ и совершенъ.
Тебя сограждане уважутъ,
Дѣла твои потомкамъ скажутъ,
И славы рогъ ихъ вострубитъ;
А здѣсь твой каждый шагъ уснѣетъ,
Твоя земля не оскудѣетъ:
Ее Всесильный угобзитъ.

Ахъ! если вправду обитаетъ
На нашемъ онъ земномъ шару —
Когда не мысль одна вѣщаетъ
Восторгомъ движиму перу, —
То гдѣ въ пространной поднебесной
Только подлинникъ прелестной
Найдешь средь смертныхъ естества,
Чья жизнь есть опытъ совершенства,
Чья смерть должна быть дверь блаженства,
Чей умъ есть пламень Божества?

Приду ли къ вамъ на пиръ, вельможи,
Искать подвижника сего;
Дерзну сказать — какъ мало схожи
На идеала моего! —
Твердя вездѣ: «вотъ Богъ свидѣтель!
«Что намъ любезна добродѣтель,
«Что другъ намъ всякой человѣкъ»,
Ужомъ и жабою вертитесь,
И диями ближняго стремитесь
Удвоить вашъ бесплодный вѣкъ.

Найду ль у васъ, вы, кои въ мірѣ
Философовъ названье взявъ,
Въ поверженной подъ мечъ порфирѣ
Явили буйство вашихъ правъ,
Съ конца въ конецъ всю твердь плѣнили;
Вы, кои съ корня своротили
Родство, пріязнь и судъ царей;
Вы, кои вовсе безъ закона
Обломками гордитесь трона
И хищность превзошли звѣрей?

У васъ ли, кои всё карая
Равно невинность и вину,
На вольность мнимую мѣняя
Прямой свободы тишину,
Разверзли адекія утробы
Непостижимой въ людяхъ злобы.
И души миллионы погубя,
Изъ книгъ писателей зловредныхъ

Гнилыхъ сердець, разсудковъ бѣдныхъ
Всосали горькій ядъ въ себя?

Ахъ, нѣтъ! не ваше поученье ,
Не ваши хитрыя слова
Плѣнять мое воображенье
Картиной мужа такова!
Скорѣй отъ васъ отворочуся
И отыскать его рѣшуся
Въ стѣняхъ у добрыхъ поселянъ:
Они умовъ не просвѣтили,
Но въ духѣ цѣлу сохранили
Невинность древнихъ христіанъ.

О, Боже! Ты, распредѣляя
Судьбы и чинъ вселенной всей,
Всю тварь дарами надѣляя
По роду, свойственному ей,
Когда щедротъ обогащеньемъ
Твоимъ всецѣльнымъ провидѣньемъ
Назначенъ бранный человекъ
Живымъ Тебѣ уподобляться,
По смерти раемъ наслаждаться
И некончаемый жить вѣкъ; —

То той же Ты всемогущей властью
Мою невинность сохрани!
Борись во мнѣ съ моею страстью,
Отъ стрѣль ея оборони!
Вели — и пусть святая Вѣра,
Сорвавъ личину съ лицемѣра,

Его соблазны обличить!
Вели — и пусть сердца кровавы,
Въ убійствахъ ищущія славы,
Геенна тотчасъ поглотитъ!

Тебя, Всевышній! призываю,
Душа озлобленныхъ сердецъ!
Въ Тебѣ желанье въ центрѣ вмѣщаю,
Любви начало и конецъ!
Коль мужъ, представленный здѣсь мною,
Угоденъ будетъ предъ Тобою,
Коль имъ наполненъ Твой законъ, —
Яви ко мнѣ Ты благость многу:
На ту жъ поставь меня дорогу —
Да буду я таковъ, какъ онъ!

Прогулка на Трехъ горахъ.

На что намъ тлѣнности примѣры
За триста лѣтъ до насъ искать;
Не все ль и днесь въ пространствѣ сферы
Ее удобно возвѣщать?
На что давнишнихъ царствъ паденье,
Народовъ сильныхъ истребленье,
Военный подвигъ злыхъ сердецъ?
Безъ нихъ всякъ можетъ научиться,
Природы свойствомъ убѣдиться,
Что въ мѣрѣ есть всему конецъ.

Вокругъ себя вездѣ бросая
Прилежно любопытный взоръ
И тѣль въ существенность вникая,
Вездѣ зрю смерти приговоръ,
Всеми предѣль, пора и время,
Во всемъ духъ жизни, дѣйство, племя,
И съ тѣмъ же вмѣстѣ вижу я
Неумолиму смерти силу
Въ одну влекущую могилу
И насѣкомыхъ и меня.

О, рокъ естественности тлѣнной!
Велишь — и вдругъ валится тронъ!
Животъ и смерть — вотъ сей вселенной
И основанье и законъ!
Въ образованіи природы
Перстъ Божій назначая годы,
Исчислялъ ихъ для твари всей.
Земля миллионъ существъ питаетъ,
Родитъ, раститъ и уможаетъ;
И послѣ все предается ей.

На дняхъ, прогуливаясь въ полѣ,
Плачевный опытъ зрѣлъ того,
Что смерть и въ самой красной долѣ
Не пожалѣетъ никого.
Въ саду, гдѣ всякой веселился,
Гдѣ воздухъ день и ночь курился
Благоуханьемъ нѣжныхъ розъ,
Гдѣ все дышало восхищеньемъ, —

Тамъ зрѣлъ я съ нѣкимъ отвращеньемъ
Пустыни мерзость и навозъ.

Когда я тутъ напоминаю
Моей веселости часы,
Всю нѣгу роскоши мечтаю,
Прошедша времени красы,
Едва себѣ повѣрить смѣю,
Съ трудомъ постигнуть разумѣю
Скоропостижность сихъ премѣнъ!
Давно ль я слышалъ тутъ самвики?
Севодни слышу враньи крики,
Паденье зрю согнившихъ стѣнъ.

Давно ль тамъ были маскарады,
Толпились тысячи людей,
Вездѣ игра, вездѣ прохлады,
Ракетки, плоски — тма затѣй?
Давно ль хозяицъ тороватый,
Вельможу звавъ на пиръ богатый,
Аршинныхъ стерлядей крушилъ?
Давно ль? . . . И вдругъ мечты пропали,
Всѣ въ преисподнюю низпали,
И тотъ, кто ѣлъ, и кто кормилъ.

Давно ль бояра изъ столицы
Туда съѣзжался смотрѣть,
Какъ, въ честь премудрыя Фелпцы,
Прозрачный будетъ щитъ горѣть?
Давно ль? . . . И все какъ сновидѣнье,
Обвороживши наше зрѣнье,

Исчезло послѣ малыхъ лѣтъ:
Столпы балкона повалились,
Цвѣты поблекли, птички скрылись;
Фелица! — и Тебя ужъ нѣтъ! . . .

При мысли сей я содрогнулся,
Мой быстрый притупился шагъ,
Стѣсненнымъ вздохомъ захлебнулся
И тму Ея представилъ благъ.
Тебѣ, кротчайшая Царица!
Тебѣ, премудрая Фелица!
Восторга жертву тутъ принесъ.
Коль смертный вновь животворится,
То пусть твой духъ тамъ усладится
Моимъ усердной каплей слезъ!

Цари! что ваше восхищенье?
Безсмертныхъ нѣтъ у васъ трофей;
Изъ бѣдныхъ устъ восклицовенье
Алмазныхъ скипетровъ славыи!
Фелицы память вѣчно чтима,
Щедротами боготворима,
Еще за гробомъ будетъ жить!
Сіе всѣмъ сердцемъ ощущаю,
И что здѣсь въ ясны дни вѣщаю,
Держаль подъ тучей говорить.

И такъ, увы! все тлѣнно въ свѣгѣ!
Умноживъ тяжкій вздохъ сказалъ:
Въ больномъ ли, въ маломъ ли предметѣ,
Такъ быть Всесильный указалъ;

Сему ничтожеству причастно,
Во всѣхъ стихіяхъ все подвластно
Отъ мелкой твари до большой;
И въ непрестанномъ семь волненьи
Житейскихъ кораблекрушеньи
Гдѣ жъ пристань? — Въ Вѣрѣ лишь одной!

Тобой, Религія святая!
Кто искренно одушевленъ,
Тотъ, смерть безъ страха ожидая,
Всегда спокоенъ и блаженъ.
Въ тебѣ вседневно утверждаюсь;
Не риторствомъ жрецовъ плѣняюсь,
Но истиннымъ твоимъ добромъ:
Меня въ печали утѣшаешь,
Меня въ гоненьи защищаешь,
Отводишь злочестивыхъ громъ.

Твои столпы пребудутъ вѣчны,
И время ихъ не потрясетъ!
Мечтанья смертныхъ скоротечны;
Въ тебѣ духъ Творческій живетъ.
Ты намъ велшь не воздыматься,
Любовью къ ближнимъ согрѣваться,
Любезна милости хвала!
Составъ скудельный исчезаетъ,
Богатство, слава — погибаетъ;
Но добрыя не мрутъ дѣла.

Прогулка въ Савинскомъ *).

Закатилось солнце красно,
Мѣсяць всталъ — и поблѣднѣлъ,
Небо вызвѣздѣло ясно,
Мой соловушка запѣлъ!
Лѣсъ дремучій за вѣтвями
Спряталъ птичекъ отъ ружья,
И въ тѣни между кустами
Въ омутъ свой текла струя.

Я, замученъ злой тоскою
И неправдою людей,
Шелъ безвѣстною тропою
Нить украдкой отъ друзей,
И внезапно очутился
Я въ волшебной сторонѣ;
Протиралъ глаза, крестился,
Ужъ не грѣзится ли мнѣ.

Тамъ нашелъ я садъ обширной
Въ островахъ между дорогъ,
Въ цветвѣхъ сельской жизни мирной
Честнымъ сердцемъ зрится Богъ. —
Тамъ все Вѣры возношенье,
Истой мудрости отливъ,

*) Помѣстье И. В. Лоп. близъ нашей подмосковной, гдѣ и стихи сіи писаны.

Каждый взгляд — есть поученье,
Каждый шагъ — іероглифъ.

Тамъ во храминѣ широкой,
При потокѣ чистыхъ водъ,
Открывается высокой
На столпахъ четырехъ сводъ;
Онъ героя вспоминаетъ,
Богатырской вѣкъъ златой,
Репняпа изображаетъ
Имя яркою чертой.

Тутъ Жан-Жаковъ образъ славный
Въ бездыханномъ гипсѣ зрю;
Живъ философъ благоправный,
Съ нимъ я духомъ говорю;
На стѣнахъ вокругъ читаю
Любомудрія уставъ;
Имъ свой разумъ просвѣщаю,
Образую гибкій нравъ.

Здѣсь угрюмый озирался
Съ удивленіемъ Сократъ,
Истуканъ его шатался, —
Онъ бѣжать хотѣлъ назадъ.
Сколько Сѣверъ ни гордится
Поднебесною своею;
Счастливъ тотъ, кому повѣстятъ
Тамъ случилось, гдѣ темнѣй!

Тамъ, за мрачными волнами,
Юнговъ островъ, — тутъ онъ самъ;

Меланхолія съ слезами
Предъ нимъ дѣетъ ейміамъ;
Ночь ему и мертву служитъ
Вдохновеніемъ своимъ:
Онъ въ кумирѣ даже тужитъ
И печаль виситъ надъ нимъ.

Ужась вдругъ вселился въ чувства,
Сердце дрогнуло во мнѣ!
Въ куклахъ разнаго искусства
Мысль моя наединѣ
Тѣни мертвыхъ возбуждала,
И сладчайшею мечтой
Зрѣнье, слухъ и рѣчь давала
Имъ подобныя со мной.

Вотъ китайская гавица
И Пекинъ въ моихъ глазахъ,
Вотъ Конфуція гробница,
Какъ невѣста, вся въ цвѣтахъ.
Идеально ѹокланяюсь
Мужу дивному сему,
И всѣмъ сердцемъ восхищаюсь
Жертвой умнаго уму.

Мимоходомъ возлѣ бочки —
Заглянулъ я и въ нее;
Тамъ прочелъ я двѣ-три строчки:
Чувствомъ добрымъ дышетъ все.
Чай, лагуны быль незавидный
Тотъ, въ которомъ Діогенъ

Нагишомъ блажилъ безстыдный
На позоръ своихъ времянь.

Вонъ рыбацая слободка,
Всякой ѣствой столъ закрытъ;
То-то жадному находка, —
Безпрестанно былъ бы сытъ.
Безъ чудесъ маляръ всея лица
Разныхъ рыбъ живописалъ:
Такъ въ Сидонѣ у вдовицы
Водяносъ не убывалъ.

Среди неводовъ и мрежей
Опрокинутый челнокъ
Возвѣщаетъ кистью свѣжей,
Какъ зовутъ сей островокъ.
Славься вѣчно, Ломоносовъ,
Знаменитый рыболовъ!
По витійству — слава Россовъ,
А по мѣрѣ — сынъ боговъ.

Сколь плѣнительна предметовъ,
Разнородна всюду смѣсь!
Тамъ затворъ Анакоретовъ,
Аполлонъ съ Олимпомъ здѣсь;
Тутъ сквозь новую руину
Воря (*) старая бѣжить;
Иль къ поддѣльному овину
Русскій пахарь свои тащитъ.

*) Имя *рыки*.

Но театръ уже мѣнялся,
Декорация сошла,
День на сцену снаряжался,
Ночь, сыгравши роль, ушла;
Кони Фебовы впряглись,
Ждали свистъ природы въ путь,
А планеты уплелися
За кулисы отдохнуть.

Между тѣмъ пора мнѣ было,
Кончивъ странствіе мое,
Пробираться въ свое жили
Разсказать домашнимъ все.
Но за кѣмъ же, думалъ вынѣ,
Столько миленькихъ затѣй? —
Кто умѣлъ на десятинѣ
Снять экстрактъ вселенной всей?

На мои недоумѣнья
Недалеко былъ отвѣтъ:
Стулъ, который для сидѣнья
Въ дубѣ, жившемъ двѣсти лѣтъ,
Очень выдолбленъ прекрасно,
Стоя на полѣ одинъ,
На письмѣ казалъ всѣмъ ясно:
Здѣсь помѣщикъ Лопухинъ *).

Наслаждайся, мужъ почтенный!
Вѣчно куплею своей;

*) На пнѣ этого дуба написано, что онъ росъ 200 лѣтъ тому назадъ; изъ него вышелъ стулъ очень покойный.

Садъ твой прямо садъ безцѣнный
Въ полномъ смыслѣ рѣчи сей. —
Пусть цари цѣною денегъ
Могутъ въ свѣтѣ все стяжать,
Но серебряныхъ копѣекъ *)
Гдѣ жъ кому это тысячъ взять?

Прогулка въ Кусковѣ.

Дворецъ роскошнаго вельможи,
Москвы любимый вертоградъ,
Гдѣ жизни дѣвь бывалъ дороже
Среди безчисленныхъ отрадъ,
Чѣмъ годъ въ иной странѣ прекрасной!
Тебѣ ли знать удѣлъ несчастной?
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Земли лоскутикъ драгоцѣнный—
Кусково! милый уголокъ,
Эдема сколокъ сокращенный,
Въ которомъ самый тяжкій рокъ

*) Эта дача куплена была предками И. В. Лоп. за 1,000 руб., кои заплачены серебряными копѣйками.

Въ воскресный день позабывался
И всякой чѣмъ-нибудь плѣнялся! —
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Восторги новые всечасно
Мѣнялись тамъ, какъ облака;
Кусково было всѣмъ запасно, —
Проси хоть птичья молока:
Куда пять пальцевъ ни протянешь,
Вездѣ пріятности достанешь.
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Свобода, мать увеселенья,
И роскошь съ нею за одно,
Изобрѣтали наслажденья
Для тѣхъ, кому судьбой дано
Кидать сребра и злата кучи,
Какъ сыплютъ градъ небесны тучи.
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Завяли мягкія равнины,
Цвѣтами воздухъ не курятъ,
Лужайки, тропочки, долины
Мальчишки всячинкой сорятъ,
Валятся стѣны залъ огромныхъ,
И въ нихъ не слышно звуковъ стройныхъ.
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Театръ волшебный подломился,
Хохлы въ немъ оперъ не даютъ,
Парашивъ голосъ прекратился,
Князья въ ладоши ей не бьютъ, —
Умолкли нѣжной груди звуки,
И Крезъ меньшей скончался въ скукѣ. —
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Пустыни нѣтъ ужъ для капризу,
Въ которой множествомъ пружинъ
Могли наверхъ подняться снизу,
Безъ лѣстницъ, гость и господинъ,
И молча требовать оттуда
Въ звонокъ на столъ различны блюда. —
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Изякли мраморны фонтаны,
Нептунувъ сухъ водопроводъ,
И брызговъ челюсти мѣдяны
Не шлютъ столпомъ въ небесный сводъ;
Прохлады нѣтъ при солнцѣ яромъ
И зной полдня варитъ все варомъ. —
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Подохли карпы златоперы,
Которыхъ звонъ въ колокола
Сзывалъ на край пруда матерый;
Волна ихъ сизая несла;

Нырнуть на пристаю — усь разложуть,
И хлѣбъ изъ рукъ господскихъ гложуть.

О, время, лютый врагъ всего!

Щадить не любить ничего.

Цари, царицы, поѣщая
Москву-старушку иногда,
Какъ боги въ самомъ нѣдрѣ райа
Въ Кусковѣ тѣшились всегда;
И тамъ веселой черни смѣхи
По рощамъ разносили эхи.

О, время, лютый врагъ всего!

Щадить не любить ничего.

Куда владыко твой дѣвался,
Кусково, царство всѣхъ страстей?
Графъ Петръ Борисовичъ казался
Безсмертнымъ быть на тверди сей;
Его печали не касались
И всѣ затѣи удавались

О, время, лютый врагъ всего!

Щадить не любить ничего.

И ты, сей точки обладатель,
Великолѣпнѣйшій богачъ,
Столицы всей очарователь,
Въ улыбку превращая плачь —
И ты съ Кусковымъ распростился,
Въ землянкѣ тѣсной уложился!

О, время, лютый врагъ всего!

Щадить не любить ничего.

Отъ восхода солнца до заката
Промча въ забавахъ жизни кругъ,
Послѣдній вздохъ пустилъ на злата:
Готовилъ пиръ — и умеръ вдругъ!
Москва вотще твой прахъ блажила,
Лобзала, пѣла и кадила;
 Но время, лютый врагъ всего,
 Щадить не любитъ ничего.

Ни ленты разнаго покрою,
Алмазны звѣзды съ жемчугомъ,
Ни груды денегъ за тобою
Не шли во слѣдъ въ твой новый домъ.
Урокъ данъ сильный Небесами,
Чтобъ не плѣняться суетами;
 Что время, лютый врагъ всего,
 Щадить не любитъ ничего.

Такъ въ свѣтѣ слава, честь, порода —
Все гибнетъ волею Творца!
Ветха становится природа;
Мгновенье общаго конца
Во всеобъемлющемъ пожарѣ
Постигнетъ вещи всѣ и твари;
 И само время, врагъ всего,
 Съ руля свернется своего!

Плачъ надъ Москвою.

Въ годину лютыхъ золь, въ день страшныя
бѣды,
Когда въ огнѣ Москва Везувій представляла,
Дѣтей своихъ во всё заставы извергала
И кровію гражданъ багрила ихъ слѣды,
Когда чрезъ двѣсти лѣтъ столицу вновь карали,
Сквернили алтари, въ домахъ и казнь и плѣнъ,
Бѣжали безъ ума толпы мужей и женъ
И весь домашній скарбъ злодѣю покидали, —
Взглянулъ и я на Кремль — ударилъ въ перся,
взвыль,
Схвата жену, дѣтей, давно люющихъ слезы,
Въ безпамятствѣ помчалъ на устье тихой Тезы;
И тамъ отъ всякихъ золь Господь меня укрывъ.
Тамъ малый городокъ уѣзднаго разряда
По роскоши своей давно большимъ сльветъ;
Въ немъ всякій жирно ѣсть, до дна изъ рюмки
пьетъ,
И подчивать гостей всё держутся обряда.
Нашелся добрый мужъ, который Бога чтилъ,
Въ воскресный день ходилъ къ обѣдни помо-
литься,
Хорошій хлѣбосоль, сообщество любилъ,
Своимъ добромъ готовъ со всѣми подѣлиться;
Съ прекрасною душой пригожая жена,
Два дѣтища — сестра — семейство составляли;

Въ обычаяхъ простыхъ пріязни обитали,
И совѣсти у нихъ не мучилъ сатана:
Увидя насъ, судьбу почувствовали нашу,
Пустили на житье въ свой собственный тамъ домъ,
Поставили хлѣбъ-соль и шей горячихъ чашу,
А сами вонъ пошли искать чужихъ хоромъ.
У нихъ, и день и ночь о родинѣ вздыхая,
Какъ-будто бы весь міръ въ послѣдній день го-
рѣлъ,
Унымый тотъ псаломъ царя Давида пѣлъ,
Который онъ сложилъ, Сіопъ воспоминая.

Гнѣвъ Божій надъ тобой, злосчастная Москва!
Изъ пышныхъ теремовъ явилось пенелище,
Пещерою сталъ градъ зіяющаго льва
И дикихъ всѣхъ звѣрей ужасно логовище!
Въ прямой чертѣ съ небесъ громовая стрѣла
Ударила во всѣ твои верхи златые,
И съ ревомъ изъ-подъ нихъ слетѣвъ, колокола
Провозвѣстили намъ дни новаго Батяя;
Во храмахъ кони ржатъ, а въ самыхъ алта-
ряхъ, —
О ужасъ христіанъ! и выговорить страшно! —
На мѣстѣ мирныхъ жертвъ — враги хватають
брашно,
И, шумны отъ вина, ристаютъ въ стихаряхъ!
Святыни домъ въ вертепъ разбоя превратился!
Кадило предъ Творцемъ небеснымъ не курятъ,
Ни тихихъ нѣтъ молитвъ, ни лампы не горятъ,
И схимникъ, воздохнувъ, съ обителью простился.
Летитъ на воздухъ Кремль, расшибся арсеналь;

Несыта мѣсть вездѣ мечи булатны движеть!
Но все уже смердить! — ножъ всю Москву за-
клатъ;
Безъ пищи самъ огонь лишь камень голый ли-
жетъ.
Таковъ твой жребій сталъ, градовъ россійскихъ
мать!

Тоскуютъ о тебѣ живущіе въ чертогахъ;
Нарядныхъ колесницъ тмы тмущей на дорогахъ,
Стремящихся къ тебѣ, какъ прежде, не видать.
Исчезли пиршества, и роскошь утомлена
Съ обозомъ векселей на Волгу утекла;
Толпа бѣжитъ за ней актеровъ изумлена,
Домъ игрищей погасъ, сгорѣвши весь до тла;
Святилища наукъ разграбленныя стѣны,
Ужаснѣй кажутъ намъ плачевный видъ Москвы,
И Музы, не найдя куда склонить главы,
Отправились искать на Камѣ Иппокрены.
Куда съѣзжаться намъ платить газетамъ дань,
О свойствѣ государствъ, за трубкой сидя, спо-
рить,
И ближнихъ и себя напрасно лишь задорить —
Путь счастливый тебѣ, клупъ англійскій, въ
Казань! —

Фабричный кивуль станъ, купецъ не промышля-
етъ,

Разнощикъ ни куда съ товарами нейдетъ,
Издѣлья, торгъ, мѣна, все стало, все страдаетъ,
И бѣдный мужичекъ ни нашетъ, ни оретъ.
О, день великихъ золъ! Но къ пушему несчастью,
У матушки-Москвы есть множество дѣтей,

Которыя твердятъ по новому пристрастью,
Что прахъ ея не есть бѣда Россіи всей. . .
Утѣшитъ ли кого сія молва народна?
Отечества я сынъ, и здѣсь сказать дерзну:
Россія! ты колосъ, — когда Москва свободна;
Россія! ты раба, — когда Москва въ плѣну!
Не ей ли ты должна той славою широкой,
Которую во всей вселенной нажила?
Не ею ли спаслась отъ пагубы жестокой,
Когда съ мечами къ ней Литва погана шла?
Москва ли не рачитъ о насъ, не образуетъ?
Готовитъ вѣрныхъ слугъ, надежныхъ согражданъ,
Даетъ мужей въ суды, людей въ военный станъ,
И злата не щадитъ, коль царь его взыскуетъ.
Отечественный духъ на каждомъ тамъ шагу
Любить родимый край издѣтства приучаетъ.
Видъ Краснаго Крыльца, — сей видъ одинъ внушаетъ
И рабства не терпятъ и рогъ сломить врагу.
Кому наружный видъ готическій противенъ,
Пускай бѣжитъ навѣкъ отъ нашихъ башенъ
тотъ!
Единственна Москва! — и тѣмъ-то градъ сей
дивенъ,
Что онъ изъ собственныхъ составилъ красотъ.
Орелъ парилъ надъ ней, когда она раждалась.
Любимое дитя сѣдыхъ богатырей
Расла какъ исполинъ — держала тронъ царей;
Черезъ множество вѣковъ геройствомъ отличалась;

Въ младенчествѣ еще совмѣстницъ превзошла:
Новгородъ гордый сталъ предъ нею на колѣни;
Палъ Кіевъ, хотъ всегда боялся рабства тѣни;
Владиміръ для нея дядиму снялъ съ чела.
Кто жъ равную съ Москвой наслѣдовалъ судь-
бину?

Самъ неба Царь ее прославить возжелалъ,
Великаго Петра въ ея стѣнахъ питалъ,
Великую на тронъ вѣнчалъ ЕКАТЕРИНУ.
Послушайте сію премудрую Жену:
Москва не городъ — міръ, Она сама писала *);
И Внукъ Ея, когда Россія задрожала,
Въ ней сердцемъ называлъ московскую стра-
ну **). —

Такъ ежели Москва есть сердце государства,
Отдавъ ее врагу, какая для него
Надежда избѣжать паденья своего?
Столицы суть вездѣ ограды крѣпки царства.
Безъ сердца бытіе кто можетъ сохранить,
Когда въ немъ вдругъ огонь антоновъ загорится?
Куда, кромѣ земли, нашъ бѣдный трупъ годится?
Сталъ маятникъ его — и уже полно жить.
О, Боже! возврати столицу намъ любезну,
Да паки предъ Тобой воздѣмъ ошміамъ,
Да воспрославится Твой велелѣпный храмъ!
Услыши, Отче нашъ! рабовъ молитву слезну,
Во славу, въ торжествѣ яви Москву опять;

*) Переписка ея съ Вольтеромъ, гдѣ она говоритъ:
Moscou n'est pas une vilée c'est un monde.

**) Смотри манифестъ Августа мѣсяца.

Изъ пепла возроди ее какъ чисту дѣву,
И, мѣру положи толь праведному гнѣву,
Дай разумъ на Тебя едина уповать!

Такъ мысленно взывалъ, когда въ странѣ лю-
бимой

Оставя мирный кровъ и хлѣбъ насущный мой,
Безъ родины давно. изъ края въ край гонимой,
Бѣжалъ сюда вкушать хоть маленькій покой.
Судьбы мнѣ здѣсь людей чувствительныхъ по-
слали;

Въ глуши, но въ тишинѣ, мы жили заодно.
Отъ искреннихъ сердець они намъ удѣляли
Садовъ своихъ плоды, и жита и вино;
У нихъ я зрѣлъ черты прямого состраданья.
Безъ платы, безъ даровъ и даже безъ услугъ
Въ лукавы наши дни какой названный другъ
Подобное творить, не чая воздаянья?

Но, ахъ! — хотя у нихъ пріятно было мнѣ,
А на сердцѣ тоски лежало тяжело бремя:
Я все смотрѣлъ въ окно, не разбирая время,
Не шлетъ ли вѣсти кто о нашей сторонѣ?
И се, летитъ она — о, радость вождельница!
Въ пыли, въ поту ямщикъ бьетъ тройку по бед-
рамъ;
Домашніе бѣгутъ — я въ слѣдъ кричу: что
тамъ?

Предчувствіе сбылось — Москва освобождена!
Для чувства сильнаго на свѣтѣ нѣтъ пера:
Уста молчатъ, когда что душу слишкомъ тро-
нетъ,

Въ потокѣ горькихъ слезъ рѣчь смѣшенная
тонетъ,

И легкій вздохъ, вѣщунъ сердечнаго добра,
Въ Москву скорѣй, въ Москву! — Когда чего
желаетъ

И требуетъ отъ насъ растроганна душа,
Вотще разсудокъ тутъ препятства полагаетъ:
Распутица — путь добръ, и вьюга — хороша.
Гостепрѣимное, любезное семейство!

Прости, доколѣ Богъ увидѣться велитъ.
Забыть твою прѣязнь не только стыдъ, — зло-
дѣйство,

И совѣсть отъ того меня предохранитъ.
Дай Богъ, чтобъ каждый въ немъ вседневно
наслаждался

Избытками добра и счастьемъ въ существѣ,
Чтобъ съ родиной своей вовѣкъ не расста-
вался!

Сей скорби нѣтъ тошнѣй въ моральномъ есте-
ствѣ.

И мы хворали здѣсь два мѣсяца *Москвою*;
Но, милостивъ Господь—взвились, и ну скакать:
Такъ стаи разныхъ птицъ со всеѣхъ сторонъ
весною

Летятъ въ привычный лѣсъ гнѣздо свое свивать.
Представилась очамъ паленая столица,
Еще сіяюща сквозь облако дымовъ;
Въ развалинахъ ея еще видна царица,
Рожденная ни чьихъ не принимать оковъ.
Хвала Тебѣ, Творецъ! убогихъ покровитель!
Ты храмину мою избавилъ отъ огня,

Мояхъ послѣднихъ крохъ всещедрыѣ былъ блю-
ствитель,

И за день до бѣды помиловалъ меня *).

Руины! кто на васъ безъ состраданья взглянетъ?

Ужаснѣйшій позоръ... здѣсь былъ Наполеонъ!

Доколь изъ пѣдръ Творца перунъ въ него не
гряветъ?

Иль Неба не достигъ отчанныѣ нашъ стонъ?

Оно жестокииъ насъ урокомъ поучаетъ,

Что нравственна ему пріятна красота;

Что къ ближнеиу любовь, не хитрость, градъ
спасаетъ,

И жертва безъ любви — одна лишь суета.

Дай Богъ, чтобы Москва, какъ нѣкогда вселенна

При Ноѣ отъ проказъ омытая водой,

Въ горнилѣ тяжкихъ бѣдъ огнями искушенна,

Очистилась отъ всѣхъ крамоль своихъ золой!

Тогда насъ наки съ ней и пепель не разлучитъ:

Гдѣ родины святой быть можетъ веселѣй? —

И я скажу въ слезахъ, какъ Сказочникъ насъ
учитъ:

Что матушки-Москвы и краше и милѣй? —

*) Я выѣхалъ изъ Москвы 31 Августа.

И красное словцо вездѣ перепустиль; —
Онъ тѣмъ надежнѣй путь въ чертоги проложилъ,
Гдѣ, сидя развалясь, немолчно баснословить,
Иль, стоя на часахъ, минуту счастья ловить.
Изъ трусости хвалить раскрашенное зло
Питовъ нашихъ дней оброчное тягло.

Онъ славить и бранить, что къ случаю при-
годно,

И строчки не черкнетъ по совѣсти свободно;
Въ неволѣ у властей, въ неволѣ у себя,
Онъ пишетъ день и ночь, напрасно трудъ губя.
Къ лукавству приученъ, изъ почести хлопочетъ,
Гдѣ плачетъ безъ причинъ, а гдѣ сквозь слезъ
хохочетъ;

Во весь кадила жаръ болвановъ ликъ курить,
Трофей выше звѣздъ случайному дарить.
О, бѣдный стихотворъ! сынъ тмы и заблужденья,
Водимый всегда молвой предубѣжденья!
Ты злѣй того раба свой даръ употребилъ,
Который, взявъ талантъ, шедъ, въ землю его
скрылъ.

Прости, что я съ тобой такъ вольно разсуждаю!
Но скаредомъ того послѣднимъ почитаю,
Кто, будучи рожденъ съ способностью писать,
Высокихъ истинъ смыслъ народу изъяснять,
Кто Демосѣеново приобрѣтя искусство,
И добродѣтели цѣнить умѣя чувство,
Сквернить свое перо, топя его во лжи,
И плевелы садить на нивахъ чистой ржи;
Влечетъ прямую честь на жертву мнимой чести,
Во всякій стихъ кладетъ приправу подлой лести.

И что жъ? — какой себѣ награды ждеть за то?
Презрѣнья!—мзды другой не дастъ ему никто.
Хоть трудъ его трубитъ издательская стая,
Но скоро, хвастовство и наглость примѣчая,
Разумный кинетъ мужъ писателя того,
Который, не щадя святого ничего,
Севодни пѣснь поетъ хвалебную вельможѣ,
А завтра начертитъ сатиру на него же,
Соображая съ умомъ французскихъ странъ,
Печатать лишь одинъ привѣтливый обманъ,
Сказать не то, что есть. — Благовѣстить за-
гадки,

Витійствомъ выжимать съ народа разны складки,
Писатель-временщикъ туритъ въ печатный дворъ
Поутру, ввечеру подряженный свой вздоръ.
Возможно ли, скажи, съ душою откровенной
Читать въ вѣдомостяхъ, какъ подвиги вселенной
Исказить иногда французскій попугай,
Пустая голова, но сладкій краснобай!
То бѣгство назоветъ понятнымъ онъ движеньемъ,
Богатствомъ — нащету, стонъ скорби — восхи-
щеньемъ,

Побѣды посулитъ и тамъ и сямъ — глядишь,
Листокъ переверни—ужъ онъ и за Калишь *)
Сосредоточиться во весь духъ устываетъ,
И мѣръ своихъ большихъ понять не дозволяетъ;
А если набѣжитъ фортуны часъ благой,
Того гляди, что онъ Остриинъ вѣкъ золотой

*) Все сіе въ похвалу Наполеона печаталось въ ино-
странныхъ листахъ его панегиристами.

На фразлахъ подвезеть въ тотъ міра край пре-
лестной,

Гдѣ твари на убой недостають словесной,
Гдѣ пушки то и знай людей, какъ мошекъ, бьютъ,
И по сту тысячъ вдругъ потомковъ къ предкамъ
шлютъ.

Нѣтъ! нѣтъ! не такъ писать піиту принадле-
жить.

Хочу, чтобъ онъ былъ твердъ — пусть правду
чисту рѣжетъ.

Чѣмъ можетъ Небесамъ признательность явить
За то, что дали даръ ему стихи творить,
Инымъ, какъ не судомъ строжайшимъ челоуѣка
Въ дѣяньяхъ своего и времени и вѣка?

О случаяхъ мірскихъ съ чего намъ разсуждать?
Какъ внуку будетъ дѣдъ свой вѣкъ передавать,
Когда не стануть намъ—дѣеписатель вѣрный—
Изящныхъ книгъ творецъ—піить неліцемерный
Въ прямыхъ чертахъ казать достоинства людей?
Иначе какъ спознать, кто добръ былъ, кто зло-
дѣй?

Рѣшительно скажу: когда бы меньше льстили,
Конечно бы добрѣй и лучше люди были.

Но лестъ, какъ тать ношной, вселяется въ нашъ
духъ,

Пыль броситъ намъ въ глаза и зашекотитъ слухъ;
Плѣнясь подъ звукомъ лиръ хвалою мы негодной,
Мечтаемъ славы быть достойны превосходной,
Не чувствуя, что тотъ, кто къ небу взводитъ насъ,
Для выгоды готовъ и въ адъ свалить подчасъ.
По мнѣнью моему, чѣмъ больше кто учился,

Словесности плодомъ съ успѣхомъ насладился,
Тѣмъ долженъ тотъ сильнѣйшій порокъ уничижать,
Во славу Божества даръ Божій расточать,
Хвалить одно добро, съ нечестіемъ сражаться,
Невѣжество учить, фанатику смѣяться, —
И правду предпочтя всеѣмъ счастья играмъ,
Безъ трепета ее вѣщать самимъ царямъ.
Чего смотрѣть ему, что ценсоръ не похвалитъ;
Тѣмъ истинный талантъ отнюдь онъ не умалитъ,
Когда, приноровясь къ обычаямъ мірскимъ,
Печатать не велитъ наборщикамъ своимъ
Того, что Вѣра, честь рекла, а совѣтъ пропу-
стила,

И что съ согласья ихъ душа въ огнѣ чертила.
Восторговъ дань пѣтъ вездѣ пріобрѣтеть;
А въ родивъ своей когда жъ пророкъ живетъ!
Ученый мужъ писать обязанъ для вселенной
Изъ пользы лишь одной, для цѣли той священной,
Чтобъ разумъ и сердца людскія убѣдить
Въ согласья межъ собой съ благопріязною жить;
Очистивъ отъ скорлупъ разврата дикіи нравы,
Поставить міру храмъ въ пустыняхъ хищиной
славы.

Вотъ истинный предметъ любителя наукъ,
Которому соха милѣй, чѣмъ шлемовъ звукъ!
Онъ долженъ позабыть во бдѣніи работы
Любостыжанія широкіе расчеты,
И сидя за перомъ, не для того потѣтъ,
Дабы за сладкій стихъ въ петлицу крестикъ
вздѣтъ;

Изъ виду у него чтобъ вѣчность не терялась,

Безсмертіемъ идей душа бы воздымалась. —
Умремъ—и все свое возьметъ себѣ земля;
Но духъ вовѣки живъ—его не тронетъ тмя:
Въ изящныхъ письменахъ залогъ его хранится,
Грядущи племена придутъ въ рудѣ сей рыться,
Чтобъ черпать изъ нея свѣтлѣ злата лучъ
И солнце озаритъ персть мудраго изъ тучъ.
Для общества людей, къ поверхнѣсти прилеж-
ныхъ,

Запасъ огромный мы стиховъ имѣемъ вѣжныхъ.
Простительно пѣвцу минутныя тоски,
Когда его любовь потянетъ за виски,
Веверю назвать ледащую Калмычку
За то, что сдѣлалъ онъ вздыхать по ней при-
вычку;

Но клятвы на судѣ потомства ждуть того,
Кто силы истощилъ искусства своего
На то, чтобъ выхвалять, добра надѣвъ личину,
Моральныхъ тяжкихъ золь ужасную пружину.

Вотъ исповѣдь моя тебѣ, любезный другъ!
Внимательно прочти, когда найдешь досугъ;
Увидишь изъ нея, зачѣмъ лѣнивъ бываю,
Въ журналы никакихъ стиховъ не посылаю.
Писать прекрасный вздоръ для распрекрасныхъ
дамъ

Безъ года въ пятьдесятъ труда себѣ не дамъ;
А дѣло говорить разсудокъ запрещаетъ:
Не все то хорошо, что сердце соблазняетъ.
Итакъ пускай по мнѣ прочтутъ, что я пи-
салъ,

Увидятъ, какъ я жилъ, какъ чувствовалъ, меч-
талъ. —

Я жить хочу, — люблю, — и міромъ забавляюсь;
Но, выучень бѣдой, уже не помогаюсь
За острое слово громъ вызвать на себя,
Отъ кого спаси Всесильный и тебя! —

Торжество совѣсти.

Нѣтъ краше ничего, какъ жить съ собою въ
мирѣ!

Безсовѣстному нѣтъ спокойства въ цѣломъ мірѣ;

Тщеславіе бы какъ ни высило нашъ рогъ,

Все пагубно тому, кого оставилъ Богъ: —

Вотъ истинный законъ премудрости правдивой,

И философія души благочестивой!

Разсмотримъ въ существѣ владыкъ благую часть,

Ихъ силу, ихъ корысть, величество и власть.

Счастливы ли тотъ изъ нихъ въ чаду похвалъ

народныхъ,

Владѣя тмою темъ языковъ разнородныхъ,

Который, возгордясъ удачною войной,

Веѣ жатвы усѣривъ кровавою росой,

Дымяся предъ людьми фараонитской славой,

Изобличается отъ совѣсти лукавой? —
Тиха ль его заря? безстрепетенъ ли сонъ?
Послушайте въ ночи его прискорбный стонъ,
Объятая душа змѣями вѣроломства
И Неба слыша судъ и поздняго потомства,
Сквозь грезы сообща страхъ скрежетный ему,
Покоя не даетъ ни крови, ни уму:
Подобнаго царя въ непостижимой долѣ
Давно ли зрѣли мы у Гамовъ на престолѣ?
Чтобъ дать сигналъ бѣдамъ, народовъ слышать
стонъ,

Довлѣло произнестъ: плетъ Наполеонъ!
Не имъ ли Богъ предрѣкъ, открывъ геены бездну,
И небо мѣдяно, и персть земли желѣзну?

Наружности однѣ лишь дѣйствуютъ на насъ:
Богатство и престолъ для нашихъ алчныхъ глазъ
Суть вывѣской всегда блаженства и покоя.
Завидно титло всеѣмъ падменнаго героя;
Молвы стоустой кликъ, сіяніе вѣнца,
Величественный видъ огромнаго дворца,
Ласкателей народъ и гулъ рукоплесканья,
Поникшее чело гражданскаго собранья,
Толпящая чернь какъ пчель журчащій рой,
Въ безчисленныхъ крестахъ оруженосный строй,
Торжественныхъ столповъ совѣстны солнцу
своды,

Булатные мечи, сокровище свободы,
На коихъ вражыхъ ранъ запекшаяся кровь
Свидѣтельствуетъ всеѣмъ къ отечеству любовь,
Жрецовъ, поющихъ ликъ побѣдную пѣснь Богу,
Курящихъ предъ вождемъ кадилами дорогу,

Ружейный адскій залпъ, — звоновъ раскатный
ревъ

И громъ изъ пушечныхъ неутомимыхъ чревъ;
А тамъ пинтовъ сонмъ на сладкозвучной лирѣ,
Нарѣчиемъ боговъ дающій дань порфирѣ;
А тутъ хоръ юныхъ дѣвъ, сей первый даръ не-

бесъ,
Щедротъ ихъ къ намъ залогъ, край Творче-
скихъ чудесъ:

Все, все, нашъ бѣдный умъ къ восторгамъ воз-
буждаетъ.

Увы! кого тшета изъ насъ не обаваетъ?

Поставимъ рядомъ съ нимъ источникомъ суетъ
Богатство—нашихъ душъ любезнѣйшій предметъ,
Кумиръ, который все пути сердечны править,
И часто велий грѣхъ наверхъ блаженства ста-
вить:

Богатый можетъ все, чего бъ ни захотѣлъ;
Изъятія здѣсь нѣтъ, — весь мѣръ его удѣлъ;
Свободнѣе царей, — тѣ дома лишь великя;
Отъ подданныхъ своихъ внимая громки клики,
Не могутъ иногда, по званью своему,
Стремиться въ край чужой, какъ вздумалось кому:
Носящій санъ слуга,—а служба что? — Неволя;
И царская ее не избѣгаетъ доля. —

Богатый — тотъ одинъ владыка надъ собой;
Онъ золотомъ облитъ, какъ дерево корой.
Чужое; — слова нѣтъ такого въ лексиконѣ;
Даль деньги — все его, и вѣрно все въ законѣ;
Боярамъ ближній другъ, съ монархами за свой;
Въ Пекинѣ первый гость, въ Стамбулѣ не чужой;

Куда ни загадалъ, летитъ безъ принужденья,
Вездѣ ему пиры, вездѣ увеселенья!
Соскучилось въ Москвѣ, не взмиллся климатъ,
Онъ въ Римѣ! — Слышу, тамъ кричатъ ему: ви-
вать!

Въ Парижѣ у него всѣ милостыни просятъ;
Въ Италиі къ нему жъ художества приносятъ.
Богатому Дербентъ и Або за Невой,
Какъ просто говорятъ у насъ: подать рукой;
Все спѣетъ по его малѣйшу произволу;
Пріятенъ своему, любезенъ иѣжду полу.
Проснется — цѣлый полкъ служителей готовъ;
Изъ устъ его приказъ — велѣніе боговъ! —
Ложится почивать въ сералѣ дѣвъъ прекрасныхъ,
И дремлетъ тонкимъ сномъ въ объятяхъ сла-
дострастныхъ.

Садится ли за столъ — гроздь алаго вина
Самъ Бахусъ въ чашу жметъ и въ сердце льетъ
до дна

Летитъ ли по гостямъ — карета золотая,
Лакеевъ, гайдуковъ и скороходовъ стая;
Въ кивотѣ изъ стекла богатой развалясь,
Съ улыбкою глядитъ, какъ брызжетъ всюду грязь
Изъ-подъ золотыхъ копытъ шестерки идумейской,
Ярящейся въ дыбы подъ шорою черкесекой.
Какая бы игра въ театрѣ ни была,
Всѣ лучшія мѣста дирекція дала;
Карету прежде всѣхъ его къ крыльцу подво-
зятъ,
Всѣ мелкіе чины вокругъ его елозятъ,
А крупныя себѣ вмѣняютъ въ знатну честь

Съ нимъ молвить слова два, хоть рядышкомъ
присѣсть.

Чего ему искать? — о чемъ ему крушиться?

Не наша сухота,—все съ неба въ домъ валится;

А что всего милѣй, — и истина полна:

Богатый вѣчно правъ, безгрѣшенъ, безъ пятна.

На что ему стяжать моральныя доброты?

Онѣ не вексея, — не выложишь на счеты;

А съ деньгами какихъ нельзя пороковъ сбыть,

Достоинствъ наклепать, талантовъ прикупить!

Дуракъ ли кто — премудръ; безграмотенъ —
все знаетъ;

Безчестенъ — день и ночь о чести помышляетъ;

Безбожникъ, изувѣръ,—всѣ въ городѣ твердятъ,

Что нѣтъ святыхъ мужей, коль первый онъ не
святъ;

Обманщикъ, езуитъ, — журналъ однако пишетъ,

Что легкое его для ближнихъ только дышетъ;

Холодный сибаритъ, — давно ли я читалъ,

Что въ пользу бѣдныхъ онъ комедию давалъ;

Онъ злобенъ, на корню отъ желчи черной сох-
нетъ,

И жжетъ и рубитъ всѣхъ, и ни по комъ не ох-
ветъ,

Всѣ въ голосъ за него: какая чернота!

Всѣ ради присягнуть, что это клевета.

Короче, въ немъ все даръ, изящность, превос-
ходство!

Сомнительно ль его хоть мало благородство,

Отыщется тотчасъ наемный хронологъ,

И выведетъ, что онъ породой чуть не Богъ.

Богатому на что молвою дорожить;
Онъ можетъ какъ тиранъ всесвѣтнѣй говорить:
Я царь и надъ молвой! — Облыжна, или права,
Дать славу я могу; — себѣ же самъ я слава!
Послушай богачей, какъ вздумается имъ
Геройствомъ въ правотѣ похвастаться своимъ:
Я честенъ! — ничего не требую съ народу.
О подвигъ! своего ему миллионъ доходу;
А рядомъ важный домъ, наполненный всего;
Спросите только чей? — Правителя его.
Туда на цѣлый день вся шайка истцовъ хлынетъ,
Шампанское кипятъ и самоваръ не стынетъ
Я чистъ, — нельзя сказать, чтобъ лакомъ былъ
къ дарамъ;
Повѣрю, — всю Москву дарить ты сможешь самъ.
О, фениксъ въ естествѣ, изнѣженный сынъ Неба!
Какъ сытому легко не ѣсть чужого хлѣба!
Нѣтъ, нужду, нищету и голодъ испытай,
А послѣ правотою похвастаться дерзай.
Но ты ни безъ вины, ни по винѣ не страдаешь,
И по уши въ добрѣ; тепло, не тощъ, не жаждешь:
Души твоей не жметъ ужасная тоска,
Что по-міру пойдетъ семейство безъ куска;
Что, можетъ быть, иныхъ погонитъ недостатокъ
У псовъ твоихъ отнять и падали остатокъ
Вздымайся до небесъ, — твой вѣкъ, твоя пора!
Гдѣ Богъ твой, укажи? — алмазная гора!
Нѣтъ! виѣшнее ничто намъ счастье дать не
можетъ;
Коль совѣсть не чиста, — и ясный день трево-
житъ.

Безстыднаго царя кровавый видя тронъ,
Злодѣйскій произволь, поправшій весь законъ,
Мы зрѣли изумясь Небесъ долготерпѣнье,
Всеобщее предъ нимъ колѣнопреклоненье;
Проникнемъ же теперь въ тотъ внутренній тай-
никъ,
Гдѣ малъ передъ собой, предъ свѣтомъ кто ве-
ликъ!

Посмотримъ, какъ въ своихъ чертогахъ отды-
хаетъ,

И въ очередь свою какъ совѣсть поздравляетъ!
Умолкъ народный шумъ,—исчезъ волшебный рай,
И гласъ ея проникъ: — стань Кесарь, отвѣчай!
Когда ты на престолъ вскарабкался беззавно,
Въ свидѣтельство меня не призывалъ ли явно
Предъ Небомъ и землей, что будешь справедливъ,
Съ разсудкомъ милосердъ, по разуму правдивъ?
Дни счастливы дая подвластному народу,
Сулилъ ты охранять права его, свободу;
На истивѣ святой укоренить свой тронъ,
И, чуждъ отъ прихотей, блюсти одинъ законъ;
Обиженнымъ клялся давать защиту скору,
Несчастному покровъ, безродному подпору;
Щедроты проливать изъ кроткаго пера,
И стражемъ вѣрнымъ быть всеобщаго добра;
Духъ злобы заключить въ узилища жестоки,
Ошибки извинять, наказывать пороки.
Безъ крайности войны клялся не начинать,
Трагуну всякій день въ добротяхъ подражать;
И край свой удаливъ отъ всякія напасти,
Хотѣлъ, чтобъ все твоей завидовали части:

И что жъ изъ этихъ клятвъ явилось наконецъ?—

Народа своего ты бичъ, а не отецъ!

Не вѣря ни кому, — лукава осторожно,

Обманываешь всѣхъ, кого и какъ возможно:

Отвсюду молодежь подъ пушки волокутъ,

Всѣ хлѣбъ ѣдятъ въ слезахъ, захлебываясь
пьютъ;

Нѣтъ правды на судѣ, ни милости у трона;

Всѣ слышутъ, и никто не унимаетъ стопа;

Унылая тоска какъ чемеръ сердце жметъ,

Игрушка никому на разумъ ужъ нейдетъ;

Налогамъ свою сварилъ всю землю варомъ,

И воздухомъ дышать едва ли можно даромъ!

И кѣмъ ты окруженъ?—Взгляни на свой совѣтъ!

Болтаютъ всѣ красно, — а правды слова нѣтъ.

Шпіоновъ полонъ дворъ, на подкупы всѣ чивы,

Доносами твои наполнены архивы;

Гражданскія дѣла безъ смысла всѣ рѣшаютъ;

Злодѣи и чистъ и правъ,—а правый виноватъ;

Въ духовныя дѣла мѣшаясь безъ разбора,

Главой себя нарекъ священнаго собора;

И храмы осквернивъ Небеснаго Царя,

Грабительство простеръ до вратницъ алтаря!

Меня ли оболестишь трофеями своими?

Вельможамъ ихъ кажи,—диви полсвѣта ими!

Чужія племена тебя превознесутъ

И титуло божества въ угарѣ поднесутъ;

Повсюду прослывешь вождемъ побѣдоноснымъ;

Но дома назовутъ владыкою несноснымъ.

Съ полками на штыкахъ быть пугаломъ всѣхъ
странъ

Способенъ, такъ какъ ты, послѣдній атаманъ.
Меня не примирятъ съ тобою удачны брани,
Ни славы торжество, ни золотыя дани;
Я благости одной ищу въ душахъ людей,
А ты всегда въ крови, какъ яростный злодѣй.
Гражданскій царь прямой бывалъ ли забѣлка?
Быть славнымъ алчетъ онъ,—но, ахъ! совѣтъ
иначе.

Увы! какой вѣнецъ, какой чугунный щитъ
Отъ совѣсти царя въ день брани защититъ?
Грызеніе ея, всечасная тревога,
Суть тартаръ для владыкъ, забыть дерзнувшихъ
Бога!

Богатые! и васъ, средь злата тяжкихъ грудь,
Не пощадитъ ее немздопріимный судъ!
Міръ праздники любя, за нихъ хвалитъ васъ бу-
детъ;
Но совѣсти упрекъ и въ крѣпкомъ снѣ разбу-
диль,

Истяжетъ,—кто изъ васъ какъ благо наживалъ.
Отвѣтствуйте! — ея допросовъ часъ насталъ.
Вѣщай, кичливый сынъ великаго героя!
На ближняго бѣдахъ свое блаженство строя,
Не тѣмъ ли въ наши дни царямъ подобенъ сталъ,
Что правомъ тяжкихъ силъ въ родствѣ все по-
хищаль?

Въ крутыя времена жестокаго гоненья,
Когда твою сестру, незнавшу преступленья,
Сослали безъ вины изъ красныхъ теремовъ
Въ далекихъ жить снѣгахъ, въ тюрьмѣ между
штыковъ, —

Ты духъ имѣлъ лишить ее въ такой напасти
Въ имѣннн отца ей слѣдующей части; —
Все мало:—двухъ сиротъ ея злосчастныхъ зря,
Анаѣму судьбы на цѣлый родъ простра
И горькой нищетѣ оставивши на жертву,
Сугубо въ нихъ разилъ родительницу мертву!—
Сюда, Махиабель! По модѣ челоуѣкъ,
Отечеству служба мздонмно весь свой вѣкъ,
Чѣмъ нажилъ, говори, огромное имѣнье?
Сокровище твое — чужое разоренье! —
Прекрасный держишь домъ, и нектаръ сладкій
пьешь,
Весь городъ всякій разъ на праздники зовешь;
Но взглянь вокругъ себя, на кровы тѣхъ не-
счастливыхъ,
Иль временно тебѣ, или совсѣмъ подвластныхъ,
Которыхъ ты всего имущества лишилъ,
Иное съ молотка за полицѣны купилъ;
Хозяйственно другихъ опекою своею
Заставилъ навязать суму себѣ на шею;
Тамъ, мѣру положивъ неправеднѣйшей мзды,
Ты почеркомъ пера все отнял на суды;
Тутъ нагло торговалъ прекрасною женою,
Здѣсь строилъ, созидалъ все деньгою чужою.
Блѣднѣй и трепещи! — я вѣчно при тебѣ;
Приду — и облчу въ какой-нибудь судьбѣ! —
Страшишь меня и ты, врагъ юношества скрытный,
Чужихъ фортуновъ пасосъ и зѣвъ ихъ ненасытный,
Безжалостный игрокъ! — Чего у тебя нѣтъ!
Откуда? Мечешь банкъ вотъ ровно сорокъ
лѣтъ,

И нагло всё́мъ твердишь: — «Я все трудами
нажилъ.»

Но меньше ль согрѣшилъ, когда ты не уважилъ
Долгъ ближняго прямой, и лежа на тузѣ,
Неопытныхъ смѣясь отчаянной слезѣ,
Въ одягъ несчастный мигъ рѣшительнаго бѣдства
Лишилъ навѣкъ дѣтей отцовскаго наслѣдства.

Фортуна! гдѣ бы ты ни ставила престолъ,
Какихъ не чаялъ благъ, не избѣгалъ я золь,
Но ежели стяжать мнѣ жребіи несравненной
Цѣною совѣсти предложить возмущенной, —
Дарами ты меня своими не прельстишь:

Хвала чужая — грязь, коль самъ себя не чтишь.

Умѣренный удѣлъ и скромное жилище

На родинѣ святой, отцовомъ пепелищѣ,

Гдѣ опытъ научалъ издѣтства мудрымъ быть,

Надежды всё свои на Бога положить;

Гдѣ разумъ сатанинъ во мглѣ своей глубокой

По бѣздамъ не ведетъ въ ровъ пагубы жесто-
кой;

Гдѣ чистая душа, свободна отъ страстей,

Даетъ всему красу невинностью своей: .

Тамъ, тамъ, — оставя всё теоріи невѣрны.

Ищите счастья, умы высокоумны!

Тамъ страшенъ только грѣхъ, великъ небесный
Царь,

Тамъ твердъ Его законъ и святъ Его алтарь!

Лукавство паути съ улыбкою не вяжетъ,

И взора своего зла ненависть не кажетъ;

Тамъ хитрость простоты съ ножомъ не стере-
жетъ,

Ни зависть острыхъ ранъ, лобзая, не даетъ;
Тамъ кроткая любовь, сопутница смиренья,
Въ полезномъ для другихъ находитъ наслажденья:
Вотъ истинныхъ отрадъ, естественна черта!
За нею все туманъ, — вездѣ лишь суета.
Мы счастья хотимъ, но, ахъ! того не знаемъ,
Что сами отъ себя пути къ нему теряемъ!
Одинъ душевный миръ родитъ сіе добро;
Не дастъ его ни мечъ, ни золото, ни серебро.
Правдивый никогда о вѣшности не тужитъ,
Химерами надутъ, полубогамъ не служитъ;
Онъ знаетъ, кучу книгъ прочтя уединенъ,
Что вѣчно не бывалъ тщеславный мужъ блаженъ;
Что почести двора, чины, кресты съ эмалью
Доходятъ иногда со всякою печалью;
Что нужды ему въ томъ, что онъ въ лѣтопсеяхъ
Безсмертнымъ по себѣ не сдѣлаетъ свой прахъ,
Что слава не звучитъ повсюду въ рогъ широкой
Ни подвиговъ его, ни мудрости высокой;
На что ему царя великолѣпный санъ,
Или правленья жезлъ, или персидскій станъ:
Столь тяжки бремена равняются ли долъ,
Въ которой онъ живетъ по доброй своей волѣ?
Захочетъ ли всю жизнь въ походахъ погубить,
Ведя войну сто лѣтъ, миръ ложный заключить?
И вновь опять летѣтъ, схвата перуцъ и стрѣлы,
Земель завоевать послѣдніе предѣлы?
Онъ, меньше суетясь, довольнѣе въ глуши,
И первымъ благомъ чтитъ спокойствіе души.
Захочетъ ли, стѣсня свою и вѣхъ свободу,
Прихожія держать набитыя народу?

Потерянный досугъ — одинъ лишь только шумъ;
Въ привѣтствіяхъ пустыхъ разбросанъ мелкій
умъ:

И этотъ ли трофей, которымъ свѣтъ гордится,
Блаженствомъ почитать мудрецъ не постыдится?
Пускай его вездѣ не ставятъ ни во что,
Услугъ просить къ нему не бѣгаетъ никто,
Пускай его тѣснятъ, уничтожаютъ, давятъ,
Чужими иногда пороками безславятъ, —
Онъ въ правилахъ своихъ какъ твердый дубъ
стоитъ,

И буря золь мірскихъ его не шевелитъ;
Невзгоды вынося съ безропотнымъ терпѣньемъ,
Онъ брошенъ отъ людей — но взысканъ Прови-
дѣньемъ,

И Небу поручивъ себя на всякій часъ,
Подъ мирнымъ кровомъ ждетъ трубы послѣдній
гласъ

О, совѣсть, вѣрный стражъ, и ангелъ нашъ
хранитель,

Ума чистѣйшій свѣтъ, души путеводитель,
Незлюбивыхъ вѣнецъ, а злыхъ сердець бѣда,
Предтеча страшнаго великаго суда!

Съ тобою Богъ привелъ донынѣ жить безспорно:
Блюди, да дней конецъ свершу я незазорно,
Чтобъ тѣлу смерть дала забвенья тихій сонъ,
А духъ, умученъ здѣсь, — нашель бы рай въ
день оный! . . . —

ПРЯТЕЛЮ.

ШУТКА ЗА ШУТКУ.

Enfin bornant le cours de tes galanteries,
Alcippe, il est donc vrai, dans peu tu te maries.

VOILEAU DESP.

Итакъ, ужъ наконецъ, уставши волочиться,
Любезный свбаритъ, изволилъ ты жениться;
Тихонько, безъ чиновъ, не сообща друзьямъ,
На утренней зарѣ явился съ милой въ храмъ,
И тамъ предъ алтаремъ свидѣтелю священну
Далъ клятву сохранить къ ней вѣрность неиз-
мѣнну;
Не ставя ни во что обычныхъ прихотѣй,
Ты въ долгъ не покупалъ богатыхъ овощей;
Ты шаферовъ по насъ не разсылалъ въ каретѣ
О бракѣ возвѣститъ на розовомъ билетѣ:
Завидую твоей отвагѣ я, мой другъ!
Еще ты не попалъ людей въ отборный кругъ,
Въ которомъ всякій тотъ анаемѣ предастся,
Кто безтолковому обряду не поддастся.
Хвала тебѣ и честь! — Но дѣло не о томъ;
По совѣсти скажи, — глазъ на глазъ, шепот-
комъ:
Какую Богъ послалъ тебѣ въ женитьбѣ долю,

И позлащаетъ ли любовь твою неволю? —
Неволю! — скажешь ты — какой бы лже-
мудрецъ
Симъ словомъ поносить отважился вѣнецъ? —
Изъ устъ какого ты отверженца природы
Услышалъ, будто бракъ послѣдній вздохъ сво-
боды?

Постой, не горячись! Я также, какъ и ты,
Лелѣялъ въ головѣ различныя мечты,
Романовъ я прочелъ и самъ въ мой вѣкъ не мало,
И много пыли мнѣ изъ нихъ въ глаза попало;
Но всѣ восторги прочь—отъ нихъ горитъ сырѣ
боръ,

Волнуется душа и разумъ поритъ вздоръ:
Разсудокъ остудитъ назначенъ сердца пламень,
И нашихъ всѣхъ онъ дѣлъ быть долженъ проб-
ный камень.

Жениться — благъ законъ! — Гдѣ другъ вѣр-
нѣй жены? —

Подпоры тверже нѣтъ, какъ дщери и сыны.
И какъ подъ старость жизнь могла бы выно-
ситься,

Когда бъ не льстили мы въ потомкахъ возро-
диться?

Я истину сію, испытывая самъ,
Два раза я въ мой вѣкъ водилъ невѣсту въ храмъ,
И въ участи своей, Небесъ благоволеньемъ,
Для многихъ былъ мужей счастливымъ исклю-
ченьемъ!

Все такъ; — но въ мысляхъ свѣжъ Детушевъ
философъ,

Въ которомъ напзустъ знавалъ я тму стиховъ,
И пышнымъ иногда-разказомъ величался,
Когда я на театръ предъ публикой являлся;
Воскликну какъ Аристъ за книгой у стола: ...
«Такъ, все пріятно здѣсь! — супруга мнѣ мила,
«Съ почтеніемъ ее люблю я всею душею,
«Блаженство нахожу дѣлиться съ ней судьбою,
«И ею что любимъ, увѣренъ крѣпко я;
«О чемъ же горевать? — Ахти! она моя!» —
Прошу не хохотать и чуръ лишь не сердиться!
Посмотримъ, отчего такой контрастъ родится:
Сравнимъ одно съ другимъ, — увидимъ, можетъ
быть,
Что женщинъ обожать ловчей, чѣмъ съ ними
жить.

Припомни, какъ тебя знавалъ я холостого,
И съ тѣмъ собой смѣни себя же молодого!
По волѣ проводя съ утра до ночи день,
Ты вѣгою дышалъ, тебя тучнила лѣнь;
Небрежно полчаса хозяйствомъ занимался,
И послѣ до полднѣ мечтаньямъ предавался;
Домашній бытъ тебѣ заботы не давалъ;
За трубкой табаку ты кофе попивалъ
И, лежа на софѣ, безъ всякаго убранства,
Зависѣть не любилъ отъ моднаго тиранства.
Для сердца, для ума коль пищи захотѣлъ —
Тму мертвыхъ мудрецовъ вокругъ себя имѣлъ
Любую книгу взявъ и съ ней сядясь къ камину,
Ты новою всегда выискивалъ причину
Съ насмѣшкой мнѣ твердить, когда приду къ тебѣ,

Что я всегда въ санахъ, разстѣянъ и въ гульбѣ,
Тогда какъ ты, капризь погоды презирая,
Въ покоѣ, тепломъ духъ садовый обоняя
Между цвѣтовъ и травъ прозябшихъ на окнѣ,
Находишь рай земной съ собой наединѣ.
Любя стихи писать и прозой заниматься,
Ты схватишь вдругъ перо, и — станешь разга-
раться;

Восторгъ, пѣнговъ духъ и пламенникъ страстей,
Заронитъ искру въ кровь и путь покажетъ ей, —
Полетѣя токъ стиховъ, и ты, съ улыбкой цѣж-
ной,

Восхитишься, когда, во мзду за трудъ прилеж-
ный,

Удастся остру мысль, или чувство изъяснить
И журналисту свой листочекъ подарить.

Пробило часъ и два — но ихъ ты не счита-
ешь,

Отъ стрѣлки ни на что приказа не ожидаешь,
Въ чернильницу перо до завтраго кладешь,
Надѣнешь сюртучекъ — и со двора идешь,
Не въ гости — охраня Господь отъ сей нево-
ли! —

Ты хочешь погулять, и за-просто, безъ холи,
На Мишина взглянуть, зайти на бульваръ,
Отвѣдать, хорошо ль варить форель Пакаръ;
Взоръ бросить на пруды, сойтиться тамъ съ
народомъ;

Прошла ль Москва-рѣка провѣдать мимоходомъ;
И послѣ, воротясь, обѣдаешь одинъ.

Дѣвчонка, коей ты названьемъ господинъ,
По чувствамъ — вѣрный рабъ, все кушанье под-
носитъ

И взглядомъ воровскимъ себѣ подачки просить;
Покушалъ — и опять ложисься на диванъ.

Приборщица свяла салфетку, соль, стаканъ,
Плитой накурено, — уйтить самой осталось:
Нѣтъ мастера на грѣхъ!

Въ игрушкахъ застаесть вечерняя пора.

Бѣгунъ твой запряженъ и ждетъ тебя съ двора.
Накинувши капоть, въ защиту отъ ненастья,
Въ клобъ англійской летишь искать въ бостонѣ
счастья;

Въ туманномъ тамъ чаду несмѣтныхъ чубуковъ
По двѣсти ловишь въ вистъ некусныхъ игроковъ.

Межъ тѣмъ, пока на бой герои не сойдутся,
Въ газетную зашелъ, — рѣкой тутъ вѣсти льются,

И безтолочь и толкъ, и выдумка и быль,

Со многихъ языковъ летитъ словесна пыль;

И тутъ ты познаешь, что карточны колоды,

Что трубка съ табакомъ — суть знаменье сво-
боды;

Что воля состоитъ въ способности шагать,

Безъ шляпы, взадъ, впередъ, чтобъ время уби-
вать.

Или махнешь въ театръ, и взявъ билетъ въ при-
хожей,

Въ каморку, кою мы обязаны звать ложеи,

Увидишь, избочась, какъ Ярбъ, Сеидъ, Эней

Умѣютъ разсмѣшить чувствительныхъ людей,

Какъ движетъ очеса комедіантовъ стая,

Желая заслужить воскликновенье рая.
День кончится, и ты воротишься домой,
Въ убѣжище свое, гдѣ ждетъ тебя покой,
Гдѣ мягкой пуховикъ сонъ сладкій приготовить,
И гдѣ страстямъ обрядъ ни въ чемъ не преко-
словитъ.

Не такъ ли ты живалъ, скажи, любезный другъ,
Когда былъ одинокъ? — Но нынѣ ты супругъ:
Какое близъ тебя я вижу превращенье!
Исчезъ волшебный рай какъ легко сновидѣнье!
Покинувъ для жены обычай свои,
И уши и глаза совсѣмъ ужъ не твои;
Не тотъ сталъ кабинетъ, — и это очень явно,
Что въ спальню изъ него прорублевъ входъ не-
давно;

Приборщницы твоей вертлявый слѣдъ простылъ:
Украдкою вздохнувъ, съ двора ее спустилъ,
И вдругъ на мѣстѣ сей физической богини
Все утро на глазахъ ужасныя рабыни,
Сѣдя, какъ ковыль, у стѣнъ твоихъ торчатъ,
То шуря глазъ, другимъ въ замочну щель гля-
дятъ,

То въ дверь, на цыпки ставъ, приложатся ушами,
Иль шмыгъ, да шмыгъ къ тебѣ открытыми по-
слами, —

И такъ-то стражу бдитъ законная жена,
Чтобъ не похимистилъ добычи сатана.
А тамъ къ тебѣ валитъ дородный управитель,
Не денегъ, не бѣля, но векселей рачитель;
Обручку поклонясь, подносятъ жирный счетъ,

Который подпиши, не заводя хлопотъ.
Когда жъ тебѣ читать всѣ наши сочиненья?
Мурнычатъ у огня тѣ сладки пѣснопѣнья,
Которымъ никогда никто не поражалъ,
Нелединскій одинъ въ огнѣ души слагалъ?
Пойдетъ ли тутъ на умъ поэзіей питаться,
Съ Державинимъ парить, съ Жуковскимъ на-
слаждаться;

Досугъ ли, часъ, другой, разнѣжась отдохнуть,
Полить цвѣты въ горшкахъ и въ птичникъ за-
вернуть?

Въ пріятныхъ пустякахъ, когда не жметъ забота,
День цѣлый разсорить безъ цѣли, безъ отчета?
Задумавшись — вздремнуть, проснувшись — хо-
хотать?

Собраться со двора — и съ мѣста не вставать?
О, счастливый удѣлъ философа такого!
Примолвимъ на ушко: притомъ и — холостого!

Въ уборной по тебѣ отправленъ ужъ курьеръ;
Чу, голосъ подають: «Ну, что жъ, пора, топ сбер!
«Карета подана, — вѣдь этакъ опоздаемъ!»
Везутъ тебя; куда? — А вотъ сейчасъ узнаемъ.
Ты губу закусилъ, бѣжишь, въ карету сѣлъ.
Къ Абрамушкѣ! — пошелъ! — Цугъ сѣрыхъ по-
летѣлъ.

Кузнецкій мостъ для васъ давно готовилъ ткани.
Все нравится женѣ, ты — платишь тяжки дани.
И тутъ мадамъ и здѣсь; подалше — магазинъ.
«Нѣтъ, Майковъ лучше всѣхъ: тамъ есть алек-
ксандрія; —

«Туда мой другъ!» — Изволь! Пришлось жить
въ каретѣ.

За то ты сталъ знатокъ въ перкалѣ, въ пети-
нетѣ.

Уже на башнѣ часъ вечеренъ загремѣлъ,
Женатый новичекъ еще съ утра не ѣлъ
И просится домой. — Картоновъ тму забралъ,
Безъ денегъ и съ тряпьемъ обѣдать поскакали.
Хлѣбъ-соль всегда вкусна, когда желудокъ тощъ;
Любовь и аппетитъ приправятъ и овощъ.
Безъ дальнихъ прихотей, лишь только два ку-
верта,

Однако же филе, притомъ не безъ десерта,
Загѣмъ, что въ статѣ такъ издавна введено:
Хоть яблоки подай, — иначе жить грѣшно!
Трапезой наслаждаясь съ дражайшею женою,
Пора бы, чай, въ халатъ, хотъ часикъ взять
покою;

Не тутъ-то было, нѣтъ: хозяйшкѣ твоей,
Перемѣнивъ капотъ, тюрбанъ и все и вся,
Неутомимая, тащитъ опять въ карету,
Съ визитами къ родитѣ, къ друзьямъ, по цѣлу
свѣту.

Четверкой по-ямски (вся масти вороной),
Для свадебныхъ суетъ нарочно нанятой,
Ты новый родъ спозналъ страдательной забавы,
И карточки сорнишь съ заставы до заставы,
Нещадно тѣхъ браня, кто съ лаской принималъ,
И въ сутки наковецъ второй походъ сломалъ.

Увы! еще тебѣ готово искушенье!

Приготовляй, мой другъ, свое долготерпѣнье:

Сегодня славный балъ — вотъ новая бѣда!
Не раньше какъ въ полночь съѣзжаются туда
Все бая, что ни клекъ, о томъ едва не плачутъ;
Но карта прислана — наряжятся и скачутъ.
Уйди въ свой кабинетъ: есть время отдохнуть
И съ горькою слезой старинку вспомнать;
Спѣши, пока твоя сладчайша половина —
Пора дать имя ей, — пусть будетъ Жо-
зефина, —

Причешется и свой удѣляетъ нарядъ.
Въ уборной вижу я зеркальный цѣлый рядъ;
Изъ многихъ лампъ огонь свой лучъ въ стекло
бросаетъ

И, отражая, предметы озаряетъ;
Тамъ битую весь en plein тюникъ самъ Циклеръ
шилъ,

И каждый платья сгибъ Амуръ заморозилъ;
Тамъ крупныхъ жемчуговъ съ алмазомъ оже-
релье,

Совмѣстное въ цвѣтахъ природѣ рукодѣлье;
Тутъ разныхъ влагъ сосудъ и смѣсь дунистыхъ
травъ

Для мягкости волосъ и глянца ихъ составъ;
Здѣсь пропасть мелочей, какъ - будто безъ ис-
кусства,

Кокетство припасло, чтобъ дѣйствовать на чув-
ства;

Косынка, поясокъ, подвязочка, корсетъ

Но мнѣ ли срисовать Венеринъ туалетъ?

Гдѣ ты, блаженна тѣнь пѣта вдохновенна,

Которому въ Руси завидуетъ вселенна?

Гдѣ скрылся твой духъ, перо и геній сей,
Которымъ всѣхъ плѣнилъ ты въ Душенькѣ своей?
О, юные пѣвцы любви и восхищенья,
Вы, конькъ состоитъ вся жизнь изъ наслажденья!
Вамъ трудъ сей предлежитъ; воспойте женскій
поль!

Я чтить его всегда и — ежели нашелъ
Дни счастья на землѣ,—къ нему по отношенью;
Чье сердце по его не бьется повелѣнью?
Дѣлите мой восторгъ! Кто женщинъ не любилъ—
Нѣтъ солнца для того — и Богъ его забылъ!...

Но что-то ты творишь, мой схимникъ ново-
брачный,
Ушедши къ камельку питать свой недугъ мрач-
ный,
Бесѣдой въ тишинѣ, не съ Музами — съ собой?
Ты ропщешь чуть не въ слухъ, что съ модною
женой
Лѣтъ подь сорокъ тебя чортъ дернулъ соче-
таться

И съ вертопрашествомъ свободой помѣняться.
Для взора давъ масштабъ, для ласки сказавъ часть,
И къ ручкѣ подойти извѣстно сколько разъ;
Повѣстки молча ждешь и погги хоть кусаешь,
Явилась красота и . . . все позабываешь.
Ликъ ангельскій въ глаза какъ молнія блеснулъ,
Во всѣхъ чертахъ себя Венерилъ сынъ вдохнулъ;
Взоръ томный — сладкихъ чувствъ истолкова-
тель пѣжвыи

Улыбка съ простотой — путь къ сердцу неиз-
бѣжный,

Станъ гибкій и прямой — всѣхъ прелестей со-
боръ,
Въ прическѣ тонкій вкусъ, затѣйливый подборъ
И вымыселъ шитья и хитрость въ мелкой складкѣ,
Да, скажемъ, не смотря на ценсорозъ нападки,
Что всякая на ней булавочка поетъ;
Ахъ! къ милому лицу, скажите, что вейдетъ?
Вошла, взглянула — все ей покорно взору!
«Вѣдь ты не долго ждалъ, — и мы приѣдемъ въ
пору!»

Не стану говорить о множествѣ гостей
Прибывшихъ на балъ, о роскоши затѣй,
Которыми у насъ хозяева тщеславны
Умѣютъ угождать на вкусы своеправны, —
Все пляшетъ и шумятъ: здѣсь вальсъ, тутъ
гулъ, тамъ смѣхъ
И крепсъ и болтовня обворожаютъ всѣхъ;
А ты, какъ угадалъ, съ женою показался,
Лишь въ залѣ котильонъ въ кружокъ форми-
ровался.
Вотще путемъ хитрилъ, то важно, то шутя,
Честное слово взять, чтобъ долго не гостя,
Отъ ужива ульнуть уклончивымъ манеромъ,
Она ужъ поднята пригожимъ кавалеромъ
И стала въ общій кругъ; а кругъ, вѣдь, до зарн
Никто не разорветъ, хоть что ни говори.
Что дѣлать? — Для тебя осталось наблюденье:
Разсматривай людей, ихъ нравы, заблужденье,
На спѣсъ большихъ господъ взгляни, пожавъ
плеча,

Прислушай, какъ они другъ другу егоряча
Безъ логики свои доводы отпускають,
Крѣпя ихъ только тѣмъ, что все всѣхъ лучше
звуютъ.

Ужъ за полночь давно и третій часъ течеть,
Объ ужинѣ никто докладывать нейдетъ;
Морфей влетѣлъ въ окно и съ воздухомъ на-
ружнымъ

Макъ сыплетъ на глаза всѣмъ барынямъ окруж-
нымъ,

Не дремлетъ лишь оркестръ и — храбрый ко-
тильонъ,

Часъ-отъ-часу рѣзвѣй одолѣвая сонъ,

Со стула и на стулъ красотки вальсируютъ

И свѣжихъ на-прокатъ прыгунчиковъ вербуютъ.

Несчастный муженекъ! — а ты чуть-чуть не
спишь!

Повюхай табачку — вновь мысли освѣжишь;

По комнатамъ пройдишь, вѣдь есть гдѣ посло-
няться,

На бронзы позѣвать, статуямъ удивляться;

Вѣрна ли древность въ нихъ, чей образъ — от-
гадай,

Архитектурныя ошибки замѣчай,

Написанну сличи Венеру на плафонѣ,

Сходна ль она съ твоей, что пляшетъ въ ко-
тильонѣ.

Но вотъ пошелъ въ походъ ужъ водочный
лотокъ

И двинулся къ столу танцовщиковъ потокъ;

Терзають осетровъ голодные корнеты —
И превращаются чудовища въ скелеты.
Но бѣднѣе тебя отбило отъ бѣды;
Ты съ-роду не видалъ еще такой бѣды.
А милая твоя супруга-Жозефина,
Восторговъ и досадъ законная причина,
Манить тебя къ себѣ и на ушко: «Мой другъ!
«Я завтра позвава въ короткій самой кругъ.
«Тамъ будутъ *jeuа d'esprit* и *en actions* шарады;
«Ты знаешь, для меня нѣтъ болѣе отрады:
«Потѣшь меня, *mon cher*, и ежель—*vous m'aimez*,
«Сыщи ии *joû mot* — иль сдѣлай буриме.»
Шепнула и *baiser* тебѣ въ лобокъ послала,
Смиренья въ знакъ, сама ладонь поцѣловала.
Какъ счастливъ ты опять! — Весь ужинъ про-
ходилъ,
Французскій лексиконъ на память протвердилъ
И въ мигъ карандашемъ замѣтилъ словъ дву-
сложныхъ
Для остренькихъ шарадъ премножество возмож-
ныхъ.

Пиръ конченъ на зарѣ. — Не ѣхать ли домой?
«*Mon cher!* одну кадрийль; минуточку постой!»
Помилуй! разсвѣло! — Мазурку заиграли
И каблучками всѣ красотки застучали;
Чье сердце устоитъ? — Конечно, дьяволъ самъ
Ввелъ пляску въ мѣръ на зло такимъ, какъ ты,
мужьямъ.
Вдругъ солнце вмѣсто свѣчъ всю залу озарило;
Но легкій хороводъ и то не устыдило.

И бѣдный философъ, невольный балагуръ,
Хоть волкомъ вой, да жди ла грекъ и матрадуръ;
Когда бы не бѣда ужасная случилась,
Какойъ едва ли гдѣ слыхать намъ доводилось, —
Кто думаетъ пожаръ, кто — рухнулъ потолокъ,
Супругъ одинъ лишь радъ, что лопнулъ башма-
чекъ,

По счастью его, на милой Жозефинѣ.
Скакать уже нельзя! — Проклятыя судьбины!
Въ слезахъ принуждена уѣхать безъ чиповъ,
Насмѣшекъ побоясь болтливыхъ языковъ.
Угрюмый съ нею мужъ въ шинель свою зарылся,
И чуть-чуть не къ полднямъ въ постели очу-
тился.
Въ такомъ порядкѣ дѣлъ всю дань беретъ Мор-
фей.

Признайся, ничего нѣтъ лишняго въ картинѣ;
Готовъ ее на судъ отдать и Жозефинѣ.
Пошлюсь на всѣхъ мужей, свободы древней
нѣтъ, —

Ее уже давно оплакиваетъ свѣтъ;
И женщины, ее у насъ отнявъ навѣки,
Умѣли отомстить за то, что человѣки,
Естественный законъ во зло употребя,
Мечтали взять ихъ полъ въ подданство за себя.
Исчезли времена племенъ патріархальныхъ,
И стерлась навѣки семей первоначальныхъ.
Жена тогда была лишь первая раба:
Въ покорности тверда, вліяніемъ слаба,

Какъ говорить преданье: свои коклюшки знала,
И носа не въ свои дѣла не уставляла;
Варить умѣла щи, артельны хлѣбы печь,
И мужа своего внимая грозну рѣчь,
Не смѣла молвить да, когда онъ нѣтъ ей ска-
жетъ;

Отвѣтъ бывалъ одинъ: хозяйинъ какъ прика-
жетъ! —

А нынѣ но о томъ на что и говорить?
Когда ужъ удалось имъ насъ перехитрить,
Когда любовна страсть, смягчая будто нравы,
Изъ устъ ихъ принимать велѣла намъ уставы—
Осталось намъ одно спасеніе, мой другъ:
Ихъ ласки покупать цѣной своихъ услугъ;
Мечтать, что мы цари, доколь онѣ насъ любятъ,
И рай воображать, когда насъ приголубятъ.
Ахъ! если счастья здѣсь рѣсуется лишь тѣнь,
То въ сладкихъ пусть мечтахъ текутъ и ночь и
день! —

Вотъ опытный урокъ! — Хотя мое болтанье
Возбудитъ, можетъ быть, въ тебѣ негодованье,
Пріятеля прости, надъ коимъ ты стократъ
Любилъ и самъ шпынять за то, что онъ женатъ.
Долгъ красенъ платежемъ; но мести я не знаю
И счастья тебѣ отъ всей души желаю! —

П О С Л А П І Я
К Ъ А Н О Н И М А М Ъ.

Г Л А Ф И Р Ъ.

Le plaisir d'aimer est l'effense precieuse en voyée par les Dieux, et dont une goutte parfume les mers. —

St. Lambert.

Глафира! ты одна весь умъ мой заняла.
Мнѣ весело тогда, когда ты весела;
Твоя печаль меня томить и огорчаетъ;
Съ тобой мнѣ хорошо, въ разлукѣ все смущаетъ.
Ты помнишь разговоръ вчерашній мой съ тобой,
Въ которомъ я, твоей заявившия судьбой,
Привязанность мою тебѣ открытъ старался.
Напрасно я твоимъ вниманіемъ ласкался!
Глубоко скрывъ тоску, поѣхалъ я къ себѣ;
Дорогой помышлялъ лишь только о тебѣ.
Сопутствовали мнѣ повсюду злы печали;
Уста мои тебя и дома называли.
Раздѣлся, легъ я спать; но сонъ не шелъ на умъ;
Тревожило меня собранье мрачныхъ думъ.
Вскочилъ — ходилъ — сидѣлъ — илѣлъ пѣсни, —
все напрасно;
Глафира! ты вездѣ мечталась мнѣ всечасно.
Расклатъ я свой каминъ, подвинулъ кресла, сѣлъ,

И вѣчнымъ смерти сномъ уснуть бы тутъ хотѣлъ.

Геката мнѣ въ окно лучи свои бросала
И блѣднымъ свѣтомъ ихъ мой уголь озаряла;
Сладчайшія мечты текли въ отраду мнѣ.
Послушай, что съ собой вѣщаль наединѣ;
Когда бы, говорилъ, мнѣ мудрость боги дали,
Какою въ старину во Греціи сіяли, —
Я родъ бы смертныхъ всѣхъ къ ногамъ ея при-
влекъ,

Глафиру божествомъ вселенныя нарекъ!
Когда бы призванъ былъ я свѣту дать уставы,
Глафирой обольстя и самы дики нравы,
Велѣлъ бы всюду то закономъ почитать,
Что вздумается ей хотѣть и приказать;
Когда бъ, какъ Александръ побѣдоносный славенъ,
Среди владыкъ земныхъ ни съ кѣмъ я не былъ
равенъ, —

Въ то время бы, въ свой плѣнъ подсолнечную
взявъ,

Сей плѣнъ повергъ предъ ней со множествомъ
державъ;

Когда бъ, какъ Димосѣенъ, словами изумляя,
Могъ души колебать, на все ихъ побуждая, —
Хотѣлъ бы я тогда заставить цѣлый свѣтъ
Почувствовать, что ей нигдѣ подобныхъ нѣтъ;
Когда бы, какъ Вольтеръ, познавъ стиховъ ис-
кусство,

Умѣлъ я, такъ какъ онъ, восхитить смертныхъ
чувство, —

Тогда бъ не только самъ я рѣшмы сталъ слагать,

Чтобъ свойства въ нихъ ея безцѣнны просла-
влять,

Но всѣмъ, на общій ладъ настроивъ громку лиру,
Во всѣ концы земли велѣлъ воспѣть Глафиру!

Когда бы, какъ Лукуллъ, Антоній и Помпей,

Я роскошью своей возмогъ дивить людей, —

Тогда бы серебра и злата тяжки груды,

Сапфиры, жемчуги, кораллы, изумруды

И, словомъ, всѣхъ сторонъ сокровища собравъ,

На каждой жизни мигъ дарилъ ей тму забавъ:

Тамъ въ садъ бы обратилъ разсѣлины ужасны,

Пустилъ бы здѣсь изъ горъ воды потоки ясны;

Или когда бъ я былъ такъ сплюю богатъ,

Какъ силенъ былъ Милонъ въ Кротонѣ, гово-
рять, —

Тогда бы, одолѣвъ и камни и ограды,

Виновниковъ ея малѣйшія досады,

Какъ куколъ изъ земли, коверкалъ и ломалъ,

И махомъ лишь однимъ во адъ ихъ посылалъ!

Въ такомъ восторгѣ чувствъ, едва ли вѣроятномъ,

Но сердцу моему по совѣсти пріятномъ,

Еще я мыслилъ такъ: о, еслибъ царь я былъ! —

Вельможъ бы въ мой совѣтъ всегда при ней во-
диль,

И подданныхъ моихъ ни мало бъ не стыдился,

Что прелестямъ ея мой разумъ покорился!

А если бъ Небеса хотѣли наконецъ,

Чтобъ въ рубищѣ гниломъ я въ полѣ пасъ овецъ. —

Въ простой тогда рожокъ наладивъ пѣсню слезну,

И тамъ бы не забылъ Глафиру мнѣ любезну!

Но будучи, что я, почти для свѣта мертвъ,
Какую принести могу изъ тѣхъ ей жертвъ,
Которыя въ умѣ теперь воображаю?
Сказать: люблю тебя! вотъ только, что я знаю.
Люблю пріятно тамъ, изъ устъ безцѣнно тѣхъ,
Которыхъ мы любить находимъ край утѣхъ;
Но тотъ, кто въ насъ вселилъ холодное почтенье,
Въ устахъ того люблю—есть намъ отягощенье.
Покамѣстъ самъ съ собой бесѣдовалъ я такъ,
Заря грядуща дня, развѣя ночи мракъ,
Съ небесной тверди скрывъ сіяющи свѣтила,
Готова солнцу входъ, луны фонарь гасила;
Мелькающій огонь въ камнѣ исчезалъ,
Рабочій мой народъ во всѣхъ избахъ вставалъ;
Последняго изъ нихъ ревнуя низкой долѣ,
Хотѣлъ бы лучше быть въ его тогда неволѣ.
Но сжалился со мной владыка сна, Морфей,
Ужъ легкій сонъ леталъ вокругъ моихъ очей.
Дремотой тонкой я лишь только усладился,
Какъ вдругъ передъ меня мой геній появился:
Подвиглась отъ него вся храмина моя,
Ни неба, ни земли тогда не видѣлъ я
Онъ страшень былъ, свирѣпъ, бросая быстры
взоры,
Казалось, онъ скликалъ страшилищъ всѣхъ со-
боры;
И все, чѣмъ можетъ быть испуганъ человѣкъ,
Онъ, въ дѣйство приведя, громовымъ гласомъ
рекъ:
О, буйный сынъ суеты! ты все любовью таешь!
Иль такъ мои тебѣ совѣты уважаешь?

Спокойство потерявъ, златые дни губишь.
Какими отъ любви себя плодами льстишь?
Ея различныхъ мукъ иль жертвой былъ ты мало?
Какое зло тебя, несчастный, миновало?
Канихъ не испыталъ, вѣщай мнѣ наконецъ,
Лютѣйшихъ въ свѣтѣ каръ чувствительныхъ сер-
дець?

Когда мнѣ жизнь твою хранить велѣли боги,
Предвидѣвъ ужъ тогда твои судьбины строги,
Колючій тервь на путь любви я насадилъ
Нарочно съ тѣмъ, чтобъ ты къ нему не подходилъ;
Но ты, презрѣвъ мои полезныя угрозы,
Гдѣ кроются змѣи, туда ходилъ рвать розы;
Когда бѣжалъ искать подъ тѣнью ты отрадъ,
Тамъ тартаръ жегъ тебя, не рай плѣнялъ про-
хладъ.

Къ счастью, сколько разъ, пути презрѣвши благи,
Ты падалъ лютыхъ бѣдъ въ крутѣйшіе овраги!
Въ столь зрѣлыя лѣта, о, сколь ты сердцемъ
юнъ!

Но бойся на себя вооружить перунъ!
Не всеу отъ любви тебя я отвращаю;
Внемли, и помни вѣкъ, что я теперь вѣщаю:
Коль хочешь въ мірѣ семъ спокойствіе вкусить,
Забудь, что сердце есть, и перестань любить...

При словѣ семъ мое исчезло привидѣнье,
При словѣ семъ и сна скончалось улажденье.
Престать любить! вскричалъ; -- или я чловѣкъ
На то, чтобъ самъ себя я мучилъ весь мой вѣкъ?
Или на тотъ конецъ, о боги! я рѣдился,

Чтобы какъ дикій звѣрь въ пещерахъ хоронился;
Чтобъ, сердцу находя любезнѣйшій предметъ,
Біенію его не чувственъ былъ? — Нѣтъ! нѣтъ!
На что мнѣ жизни сей безплодно продолженіе,
Коль долженъ я любви отвергнуть обольщеніе?
На что мнѣ слава, честь, чрезъ кои нашъ жи-
вотъ

Есть образъ адскихъ мукъ, основа злыхъ заботъ?
На что богатство мнѣ? к чему сама порфира,
Когда отъ глазъ моихъ отнимется Глафира?...
О, нѣтъ! когда бы мнѣ и гробъ въ любви най-
титъ, —

Любовь есть рай души... я буду вѣкъ любить!

Ей же.

Le ciel fit pour s'aimer les coeurs qui se ressemblent.

Въ счастливой жизни часъ спознавшись съ
тобою,

Власть полну далъ тебѣ, Глафира, надъ собою;
И сердцемъ и умомъ владѣя ты моимъ,
Къ блаженству кажешь путь владычествомъ сво-
имъ!

Любви твоей одвой всѣхъ паче благъ желаю,
Всею мыслію тебѣ, всѣмъ сердцемъ угождаю.

Мнѣ опытъ говоритъ, когда гляжу на свѣтъ,
Что каждый смертныхъ шагъ есть новый знакъ
суеть;

Симъ опытомъ привыкъ все видѣть равнодушно,
И чувствовать, что мнѣ съ тобою лишь не скучно;
Съ тобой еще могу найти я тихи дни,
Связь дружбы, жаръ любви и — радости одни;
Вседневно для меня рай новый создаешь,
Бесѣдою своею мой разумъ исправляешь:

Ничто не можетъ такъ нашъ умъ образовать
И самый жесткій нравъ къ добру располагать,
Какъ женщинъ милыхъ намъ пріятны убѣжденья.
Что можетъ постоять противу ихъ внушенья?

Ни въ школахъ мудрецы, на кааедрѣ монахъ —
Не въ силахъ произвести того въ людскихъ умахъ.
Что женщина творитъ однимъ перѣдко словомъ.
О дѣйствіи такомъ, весьма уже не новомъ,
Напрасно сталъ бы здѣсь я рѣчь мою плодить;
Кому не удалось сей правды ощутить?

Какимъ бы твердымъ кто шитомъ не оградился,
Въ какой безвѣстный край вселенной ни со-
крылся, —

Гдѣ солнца свѣтитъ лучъ, вездѣ любовь живетъ,
И тутъ — и тамъ — и здѣсь она его найдетъ.

Любовь, сей даръ Небесъ, огонь всея природы,
Которымъ искони живутъ всѣхъ смертныхъ роды,
Присущенъ былъ Творцу, какъ міръ Онъ сози-
далъ:

Онъ съ духомъ жизни—духъ любви Адаму далъ.
Когда бы въ насъ любви не дѣйствовала сила,
Что былъ бы человекъ?—лишь кукла—глыба ила.

Оставя разговоръ о важности причинъ,
Какими твари всѣ, храня свой въ мірѣ чинъ,
Естественнымъ между собою привлеченьемъ,
Живуть одна съ другой взаимнымъ восхищень-
емъ, —

Въ молчаніи почтимъ Всесильнаго дѣла!
Вникая въ нихъ, нашъ умъ—густая только мгла.
Гармонію сію между свѣтилъ небесныхъ
И самыхъ мелкихъ тѣлъ, едва намъ здѣсь из-
вѣстныхъ,

Едва ль удобенъ кто, Глафира, понимать;
Нашъ долгъ — дивиться ей и слѣпо обожать.
Довольно, если мы, въ предметъ взявъ челоуѣка,
Каковъ онъ сотворенъ отъ перваго дня вѣка,
Разсмотримъ что любви владычество творить,
Когда его душа огнемъ ея горитъ;
Какія чудеса въ его находимъ нравѣ,
Въ разсудкѣ и душѣ, въ моральномъ всемъ со-
ставѣ.

Какого бѣ свойства самъ онъ ни былъ по себѣ,
Въ какой бы приведенъ онъ ни былъ жите судьбѣ,
Но въ милой если зреть своей противну волю,
Согласно съ ней тотчасъ сыскать стремится
долю;

Препятства вѣтъ для той, которая мила:
Вездѣ за ней идетъ, куда бы ни вела.
Обычаямъ своимъ и вкусамъ досаждая,
Всѣ силы противъ ихъ разсудка напрягая,
Лишь чуть возникнетъ въ немъ хоть маленькій
порокъ,
Стыдится, ищетъ скрыть, и самъ къ себѣ жестокъ.

Упрямъ ли онъ — она его всегда смягчаетъ;
Сердить ли — безъ труда на милость преклоняетъ;
И, словомъ, что она ни молвить — то законъ.
Я видѣлъ игрока горячаго въ бостонъ,
Который, проигравъ, изъ мѣры вонъ терялся;
Хотя не злымъ онъ былъ, тутъ бѣшенымъ ка-
заяся;

Повѣришь ли ты мнѣ, Глафира, или нѣтъ —
Онъ плакивалъ, когда поставитъ разъ лабетъ,
Тотъ самый же теперь весь столъ напишетъ ими,
Когда играетъ онъ съ пріятельми своими.
Я пьяницъ многихъ звалъ, которые — не пьютъ;
Скупыхъ, которы — все имѣнье раздаютъ;
Мотовъ, которымъ — жаль копѣйку бросить стало;
Повѣсь, которыхъ — вдругъ смирнѣе не бывало:
И всѣмъ премѣнамъ симъ, волнующимъ въ нихъ
кровь,

Одну и ту жъ вездѣ причину зрѣлъ — любовь.
Она меня къ тебѣ, Глафира, обращаетъ,
Подобно какъ магнитъ желѣзо привлекаетъ;
Она даетъ права сильнѣе всѣхъ властей;
Я ею вѣчный рабъ во области твоей.
Колико ты ума пріятностью богата,
Которая въ глазахъ моихъ дороже злата,
Только и любовь моя къ тебѣ сильна!
Но умъ любви моей не первая вина:
Разсудка твоего обширность понимаю,
Достоинства души я чту, люблю и знаю;
Все мало для любви, сильнѣй приманка есть,
Ее намъ не даютъ ни родъ, ни умъ, ни чисть.
Какая же? — Мила... вотъ чувства совершенство,

Вотъ сердца талисманъ и наше въ немъ бла-
женство!

О, если бѣ иногда въ уныньи кто сказалъ,
Чтобъ онъ совсѣмъ безъ чувствъ на свѣтѣ жить
желалъ,

Не вѣрь, Глафира! — Нѣтъ, еще тотъ не ро-
дился,

Кто жить бы не любя минуту согласился.

Пристрастiе меня уже не возмутитъ;

Но истинной любви мой духъ не измѣнитъ.

Ее нельзя купить ни силы принужденьемъ,

Ни златомъ, ни красой, ниже благотвореньемъ;

Свободна такъ, какъ духъ, она сама вспыхнетъ,

Обниметъ сердце вдругъ и потихоньку жжетъ.

Прямой любви черты вовѣки неизмѣнны;

Чувствительны сердца! — онѣ для васъ свя-
щенны! —

Глафира! вотъ объ ней понятiе мое,

И признаки познай и правила ее:

Невинный, чистый умъ, безъ замысловъ тщеслав-
ныхъ,

Свободная душа отъ прихотей злонравныхъ:

Порокъ любезенъ быть не можетъ никогда,

Но слабость извинять есть долгъ любви всегда;

Участiе въ бѣдахъ; въ печали сожалѣнье,

Взаимное во всемъ другъ къ другу обращенье;

Въ опасности животъ за друга въ жертву несть,

За кровь его свою, за честь свою дать честь —

Вотъ истинна любовь, богами въ насъ рожденна!

Иное все лишь бредъ разсудка поврежденна.

Законъ такой любви ужъ ли, Глафира, строгъ?

Ахъ, нѣтъ! даю тебѣ я сердце въ томъ въ за-
логъ;
И вѣрь, что сколько дней мнѣ жить ни дове-
дется,
Симъ образомъ любить оно не отречется.

Ей же.

Un coeur bien atteint veut qu'on soit toit à lui.

Признательности данъ плачу здѣсь, Музы, вамъ!
Чрезъ васъ я счастливъ былъ, имѣя цѣну тамъ,
Гдѣ каждымъ жизни днемъ, какъ райскимъ, вос-
хищался,
Гдѣ сладкой дружбы я избыткомъ наслаждался,
Гдѣ могъ, что на душѣ, въ свободѣ полной сдать,
Гдѣ слово даже грусть я зачалъ забывать;
Вы послѣ бурныхъ дней мучительныя страсти
Служили иногда отрадой мнѣ въ напасти.
Скучалъ ли я о чемъ, или о комъ болѣлъ —
Перо мое! къ тебѣ прибѣжище имѣлъ.
Но кистью черной сплошь чертилъ свои картины,
И множилъ только тѣмъ досадъ моихъ причины.
Узналъ Глафиру — вдругъ я сдѣлался не тотъ:
Гдѣ мыслей чернота, гдѣ дѣлалась тма заботъ?

Всѣ ясны стали дни, всѣ тихи стали ночи,
Поутру, ввечеру, среди глухой полночи,
Когда бы въ чувства кто мой проникнуть могъ,
Узрѣлъ бы, что она въ нихъ царствуетъ какъ
Богъ.

Бывало, коль при ней о чемъ-нибудь сгрусну-
лось,
Какъ паръ съ стекла сойдетъ, лишь только улыб-
нулась;

Желаніямъ ея навстрѣчу я бѣжалъ;
Уму ея во всемъ мой умъ порабощалъ;
А сердце для кого жъ такъ сильно трепетало?
По голосу ея движенъе воспримало.
Глафиры быстрыйъ взоръ былъ царь души моей;
Доволенъ, счастливъ, радъ, лишь только былъ
бы съ ней.

Гдѣ жъ смертныхъ наконецъ спокойство обитаетъ,
Когда такая жизнь его не продолжаетъ?
Или среди такихъ безцѣнныхъ сердцу благъ
Не цѣлой жизни путь, одинъ начертанъ шагъ?
Увы! не такъ сей свѣтъ устроенъ отъ начала,
Чтобъ радость въ немъ для насъ до гроба оби-
тала:

Проглянетъ и блеснетъ, какъ молнія съ небесъ;
За ней гремитъ громъ бѣдъ и льется дождикъ
слезъ.

Наполненъ весь народъ лишь хитрости, лукавства;
Въ устахъ игра ума, въ глазахъ весь ядъ ко-
варства;

Обманъ за все, про все, безъ финту ни на часъ,
И столь развращена вся нравственность у насъ,

Что если дружбы кто покажетъ восхищенья,
Не вѣрять имъ никто, вмѣняя въ обольщенья.
Нельзя сказать люблю, чтобъ тысячи комеръ *)
Не славилъ вездѣ: ахъ! онъ влюбленъ, ма-шеръ **);
Смотри, какъ онъ глядитъ, взгляни, какъ онъ
скучаетъ;

Примѣтила ли ты, какъ часто онъ вздыхаетъ?
И словомъ, изъ своихъ умовъ зловредныхъ тутъ
Богъ вѣдаетъ, какихъ догадокъ не сметутъ.
Хоть скромность двухъ друзей есть выѣска
прямая,

Однако все мнятъ, о дружбѣ разсуждая,
Что-будто другъ прямой не можетъ жарокъ быть,
Что-будто долженъ онъ безъ ревности любить;
Короче: все равно, что другъ, что дикій камень.
Ахъ, нѣтъ! Глафира, нѣтъ! и въ дружествѣ есть
пламень.

Любовникъ—это пылъ, а другъ—есть тотъ огонь,
Который свѣтелъ, тихъ; но чуть его лишь тронъ,
Усиляся, и онъ зажжетъ, что прикаснется,
И мрачнымъ клубомъ дымъ его тотчасъ завьется.
Я съ ревностью всегда друзей своихъ люблю
И въ сердца ихъ ни съ кѣмъ стать рядомъ не
терплю;

Чтобъ взоры ихъ, слова и всякое движенье
Мнѣ искренно вездѣ казали предпочтенье.
Сего-то я вотще всю жизнь мою искалъ;

*) Французское слово, значить сплетчица.

***) Французское слово, значить милая, и въ большомъ
у дамъ уподобленіи.

Изъ черна дна земли тотъ лютый день возсталъ,
Въ который мнѣ пришло невольно догадаться,
Что некогда тебѣ, Глафира, мной заняться.
Ты скрыла сердце мнѣ, лишила тѣхъ рѣчей,
Отъ коихъ слабый умъ всей силы ждалъ своей;
Въ глаза твои мой взоръ колко ни стремится,
Не можетъ твой съ моимъ ни въ чемъ ужъ со-
гласиться;

А я—и вотъ въ чемъ рокъ мой болѣе суровъ—
Тебѣ ставъ другомъ разъ, пребуду ввѣкъ та-
ковъ.

Я твердъ, умѣю быть любви въ безсмертномъ
чувствѣ,

Хоть славится нашъ полъ обманывать въ ис-
кусствѣ.

Ты знаешь, я не лживъ; такъ вѣрь, Глафира, мнѣ,
Что вспомню о тебѣ во всякомъ жизни днѣ;
Что чту своихъ отрадъ сокровищемъ, богат-
ствомъ,

Воображать тебя съ умомъ твоимъ, съ пріят-
ствомъ;

Что буду вѣкъ тебя съ боязнію любить,
Съ восторгомъ всѣ твои дѣянія хвалить,
И правиломъ твои пребудутъ мнѣ совѣты:

Вотъ сердца моего дражайшіе обѣты!

Одно уже добро осталось для меня,

Чтобъ помнить о тебѣ; ихъ цѣлость сохраня.

Печали сносны тѣ, въ которыхъ другъ любезный,
Снявъ бремя ихъ съ души, даетъ совѣтъ полез-
ный.

Но, ахъ! съ какой бѣдой тѣ горести сравнять,

Отъ конхъ рвись одинъ и некому сказать ;
Которыхъ самъ твой другъ ставь первою виною,
Глубоки роетъ рвы, гдѣ путь лежитъ къ покою:
Вотъ муки, кои мнѣ чувствительность дала!
А все-таки ты мнѣ, Глафира, все мила!

Итакъ я, Музы! васъ теперь не приглашаю;
Глафиру потерявъ, всѣ вкусы вдругъ теряю.
Тебя лишь, Циммерманъ, тебя съ твоей тоской
Зову, какъ друга, я бесѣдовать съ собой!
Когда судьбы хотять, чтобъ въ жизни сей пла-

чевной

Печаль и тѣснота удѣлъ нашъ былъ вседневной;
Когда Всевышній такъ вселенну учредилъ,
Чтобъ всякой бремена бѣды своей сносилъ,
И дружескихъ связей небесно упоенье
Вмѣнялъ во бредъ страстей, разсудка въ изступ-
ленье:

То ты меня теперь увѣрь и убѣди
И твердостью души своей меня снабди!
Хочу я, такъ какъ ты, одинъ изныть въ семь
мѣрѣ,

И опытомъ самимъ хочу явить Глафирѣ,
Что если друга въ ней найти я не успѣлъ,
То свѣтъ сей для меня, съ ней розно, — опу-
стѣлъ.

Такъ если бѣ иногда намъ съ правды не свих-
нуться,
Пришлось бы, не доживъ урочныхъ лѣтъ, рех-
нуться.

Я ближнему готовъ ошибку чувствъ прощать,
И въ слабостяхъ ума всёмъ сердцемъ извинять:
Споткнуться мудрено ль, когда Купидо тящеть;
Но черныхъ дѣлъ душа моя хвалить не станетъ.
Съ проступкомъ различать развраты надлежитъ;
Одинъ упалъ — вскочилъ, другой весь вѣкъ ле-
житъ.

Коварства не терплю, измѣны ненавижу;
Мнѣ пасмуренъ тотъ день, когда ихъ опытъ
вижу.

Всѣ страсти намъ вредятъ, воспаменя кровь;
Но меньше всѣхъ стыдитъ невинная любовь.
Прискорбно, что успѣхъ неравенъ удается:
Иному только взглядъ въ добычу достается,
Кому словечко, вздохъ, кому одинъ обманъ.
Быть витяземъ въ любви не многимъ жребій
данъ;

Однако молодцовъ такихъ нѣтъ на примѣтѣ,
Которымъ безъ любви жить нравилось на свѣтѣ.
Бѣги отъ женщинъ прочь, скитайся по горамъ;
Попалась лишь одна — и вся мораль къ чертямъ.

Къ чему клоню я рѣчь, догадливый узнаетъ;
А въ комъ догадки нѣтъ, тотъ пусть не пони-
маетъ.

Дуракъ всегда болтунъ, не смыслить, да вредить;
А скромный смѣтитъ все, и кстати замолчить:

Онъ знаетъ, что любви оковы очень гибоки,
А жестки отъ одной любовниковъ ошибки.
Но если сямъ стихамъ (оно не мудрено)
Въ рукахъ любезной быть судьбою суждено,
И ежели они (вотъ это мудрененько)
Покажутся и впрямъ написаны гладенько,
То я за слабый трудъ, наполненный отрадъ,
Немногого прошу въ замѣну всѣхъ наградъ,
(Не для того, чтобъ былъ бездѣлкою доволенъ,
И радъ бы много взялъ, въ чужомъ никто не-
воленъ),
А именно того, чтобъ всякой день хоть разъ,
Истерику лишь прочь, и въ самой рѣзвой часъ,
Коль могутъ быть пригомъ капризы всѣ избѣжны,
Людмила на меня взоръ бросила бы нѣжный,
И слыша, сколько мукъ, любя ее, терплю,
Отвѣтствовала мнѣ: и я тебя люблю . . .

Незнакомой въ столицѣ.

На что ты знать меня желаешь?
Ни я уменъ, ни я пригожь.
Напрасно ты воображаешь,
Что-будто я любезень; — ложь!
Тѣ дни давно уже промчались,
Въ ночи забвенья потерялись,

Когда такимъ напрасно слылъ.
Измѣны, скука и печали
Черно мой нравъ образовали,
И духъ во мнѣ совсѣмъ увылъ.

Лишь міромъ началъ утѣшаться,
Тотчасъ онъ мнѣ противенъ сталъ;
Чѣмъ больше сталъ съ людьми сближаться,
Тѣмъ больше жизнию скучалъ;
Какъ скоро зла успѣхъ увидѣлъ,
Сообщества возненавидѣлъ,
Съ тѣхъ поръ и свѣта не люблю:
Безстрастно жизнь моя влечется,
Какъ нитка грубая прядется,
И тягость бытія терплю.

Я мнилъ, изъ дѣтской вышедъ школы,
Забавами себя маня,
Что небо радостей престолы
Вездѣ воздвигнетъ для меня;
Что грусть есть слабыхъ душъ химера,
И что подсолнечная сфера
Вмѣстилице честныхъ людей;
Что въ свѣтѣ любятъ всѣ другъ друга;
Что каждый шагъ нашъ есть услуга,
А міръ — семья прямыхъ друзей.

То мнѣнье молодости было,
Восторгъ души, еще простой;
Въ пятнадцать лѣтъ что веселило,
То въ тридцать рушить нашъ покой.

Тогда все было мнѣ пріятно,
И все казалось вѣроятно,
Хоть чуть гладенько кто солжетъ;
Но выросъ — и обманъ примѣтилъ,
И поздною догадкою смѣтилъ,
Что сердце не въ устахъ живетъ.

Въ такомъ несносномъ положеньи
Отчаянно томяся вѣкъ,
Какія можетъ утѣшены
Себѣ придумать человѣкъ?
Разсудокъ мало помогаетъ,
Гдѣ сердце ноетъ и страдаетъ,
Гдѣ темная повсюду ночь,
Совѣта нѣтъ, посредствъ нимаго,
Друзей подавно не бывало,
И ближніе бѣгутъ все прочь.

Чей умъ, какъ ни былъ бы способенъ,
Лишенный всякихъ вдругъ опоръ,
Чей умъ переноситъ удобенъ
Мірскихъ пристрастievъ раздоръ,
Къ изгибамъ хитрости привыкнуть,
Лукавства глубины пропикнуть,
Узнать, гдѣ правда, гдѣ обманъ,
И видѣть день отъ дня яснѣе,
Что чувства, конъ всехъ нужнѣе —
Любовь и дружба — лишь романъ?

Родясь съ чувствительной душою
И приучивъ ее любить,

Какой возможно путь къ покою
Въ такой вселенной находить?
Ушелъ бы въ пропасти далеки,
Гдѣ не родятся человѣки; —
Но сердце мнѣ куда дѣвать? . . .
Оно вездѣ со мной пребудетъ,
Оно Глафиры не забудетъ!
Иль съ нею жить — иль умирать!

Такъ, ты единственно родилась
Восхитить чувства мои,
Умомъ и правомъ отличилась
Отъ всѣхъ живущихъ на земли;
Любви непостижимой силой
Ты сердцу моему быть милой
Была въ природѣ создана;
Твой взоръ владычествуетъ мною:
Пусть править ояъ моею судьбою;
Она ему покорена.

Глафиры нѣтъ — пуста вселенна! —
Пуста — такъ мыслю — и не лгу.
Сколь многихъ участь ни блаженна,
Завидовать ей не могу.
Ничто меня не изумляетъ,
Ничто желанья не раждаетъ.
Пуститься снова въ пышный свѣтъ;
Отъ рубища и до порфиры
Все видѣлъ — и кромѣ Глафиры
Ей-ей пріятнаго ужъ нѣтъ!

Сие одной предпочитанье
На чувствахъ сердца основавъ,
Могу ли въ комъ родить желанье
Узнать мой, дикой, впрочемъ, нравъ? —
Къ тебѣ рѣчь, паки обращаю,
Еще тебя спросить дерзаю:
На что ты хочешь звать меня?
Перо ль мое тебя плѣнило?
Оно того не заслужило;
Такъ много не мечтаю я.

Единой правдѣ посвящая
Мои досуги въ тишинѣ,
Глафирой душу восхищая,
Пишу, что кроется во мнѣ;
Нѣмой бумагѣ безъ искусства
Ввѣряю искреннія чувства,
Но славы въ речахъ не ишу.
Угоденъ — пусть меня читаютъ,
Противенъ — пусть въ огонь бросаютъ:
Трубы похвальной не хочу.

Прости мою мнѣ откровенность!
Притворству я не обученъ;
Чужда мнѣ автора надменность:
Дерзну ль быть ею зараженъ.
Но если сказанное мною
Не приметъ силы надъ тобою;
И безуспѣшенъ я найдусь:
Тогда волшебствъ ненадо много,
Была бъ извѣстна лишь дорога;
Вели — изволь, я покажусь.

Незнакомой въ уздѣ.

Пріятную свою настроивая лиру,
Кто хвалить мой каминъ и милую Глафиру,
Чье пѣжное перо столь пышною хвалою
На свѣтъ выводитъ вновь талантъ убогій мой!
Коль въ правду пишешь ты, что я тебя не знаю,
То жаль, что тѣхъ стиховъ творца не отгадаю,
Которыми, за трудъ мой міру угодить,
Одна страшилась ты чрезмѣрно наградить;
И будетъ для меня хвалы твоей безцѣнной,
Не требуя ея безумно отъ вселенной.
Коль чувства тронуть могъ хотя одной души,
Стихи мои уже довольно хороши.
Моихъ трудовъ предметъ — едино упражненіе;
Занятіе само собой есть утѣшеніе;
А впрочемъ, знаю самъ, что нѣтъ въ стихахъ
моихъ

Такого ничего, за что бъ замѣтите ихъ.
Итакъ, принявъ хвалу твою съ благодареньемъ,
Я чту ее себѣ пріятнымъ ободреньемъ.
Коль всякой такъ, какъ ты, ихъ въ праздности
прочтя,
Захочетъ мнѣ сказать поистинѣ, не лѣстя,
Что занятъ ими былъ хоть мигъ одинъ пріятно,—
Чего еще желать? — Сіе лестнѣй стократно,
Чѣмъ въ одахъ похвала обманчивая та,
Котору сплошь плетутъ коварныя уста.

Твоею похвалою, почтенна незнакомка,
Я щедро награжденъ, и вкупѣ очень громка.
Что можетъ твоего поступка быть нѣжнѣй:
Отъ благодарности скрываешься моею!
Не риѣмы лишь мои, ты мысли ободряешь,
И самымъ тѣмъ меня сильнѣй въ нихъ утвер-
ждаешь.

Такъ—истинно нельзя—и споръ бы былъ упрямъ
Иначе безъ хлопотъ достигнуть счастья намъ,
Какъ шествуя путемъ умѣренности въ свѣтѣ.
Кто множество затѣй имѣетъ вдругъ въ пред-
метѣ,
Въ желаньяхъ, какъ въ волнахъ, колеблемъ весь
свой вѣкъ,

Тотъ чадо суеты и бѣдный человекъ;
Мнѣ жалкими, всѣхъ тѣхъ разсудокъ представ-
ляетъ,

Которыми *авось* какъ хочетъ управляетъ.
Удача пусть его на парусахъ несетъ;
Но вѣтеръ чуть не тотъ—и все ко дву пойдетъ.
Такъ мыслилъ я всегда, такъ буду думать вѣчно,
И если хвалишь ты меня чистосердечно,
Коль образъ мыслей мой тебѣ угоденъ сталъ,—
На чтò желаешь ты, чтобъ я тебя не звалъ?
Когда сказать того не хочешь въ Ипокрентѣ,
Дабы не подвергать себя ея измѣнѣ,
Ужъ ли ты средствъ иныхъ не сыщешь, чтобъ
про то,

Кто ты, кромѣ меня не свѣдалъ бы никто?
Чтобъ я твоихъ стиховъ не смѣлъ считать на-
смѣшкой,

Будь искренна, какъ я; назвать себя не мѣшкой.
За что хотѣтъ меня пріятности лишитъ
Признательность мою волюнѣ тебѣ явить?
Ее въ стихахъ сихъ нѣтъ, перо мое тупѣтъ,
Воображеніе часъ-отъ-часу слабѣтъ,
И чувствую, увы! что время то прошло,
Въ которое оно поправиться могло.
Всему своя пора! — Покорствуя Naturѣ,
Я краткой жизни мигъ скончалъ въ литературѣ,
Доколь пинтовъ духъ меня животворилъ,
Я, можетъ быть, его восторгомъ веселилъ;
Предѣлъ моихъ теперь способностей я вижу,
А кое-какъ писать — до смерти ненавижу.

Тебѣ принадлежитъ Парнасса знатный край;
Пиши — и своего Ванюшу восхищай!
Позволь подчасъ и мнѣ свою услышать лиру;
Согласіемъ ея плѣняй мою Глафиру,
И искренней любви заимствуя черты,
Представь златыхъ намъ дней небесны красоты!
А мнѣ вели изъ устъ воздать благодаренье
Живѣе, чѣмъ сіе полмертвое творенье,
Которымъ я принести тебѣ стараюсь въ даръ
Послѣдній мыслей плодъ—послѣдній сердца жаръ.
Но если ты въ своемъ упорствѣ пребываешь
И чести сей меня достойнымъ не считаешь,
По крайней мѣрѣ знай (и вѣрь словамъ моимъ),
Что буду помнить вѣкъ столь лестный анонимъ

П А Р А Ш Ъ .

Я былъ въ гостяхъ у Селимены,
Прекрасный видѣлъ тамъ боскетъ;
Въ диванѣ зеркальныя стѣны,
Въ гостиной розовый паркетъ.

Въ который край ни оглянуся —
Красно, богато и свѣтло!
Чего рукой ни дотронуся —
Все бархатъ, мраморъ, иль стекло!

Во изумлени любовался
При Селименѣ тамъ на все;
Умомъ своимъ ей посужался,
Но сердце пряталъ отъ нее.

Рѣкою льются тамъ шарады,
Въ большомъ почтеннѣ каламбуръ;
Стихи терзаютъ безъ пощады,
А въ лампахъ свѣтитъ petit soug.

Хозяйка походя смѣется
Всегда на чей-нибудь да счетъ,
Друзьямъ перѣдко достается,
Какой въ семьѣ вести расчетъ.

Словца безъ умыслу не скажетъ;
Глазамъ великій недосугъ;

Съ надменностію тонкой кажетъ
Свои алмазы и жемчугъ.

Она нерѣдко пустошь мелеть
Про тѣхъ, кого бѣжитъ обнять;
По-русски молвить: мягко стелеть,
Да жестко, сказываютъ, спать.

Иному дастъ такую зорю,
Что кровь приводитъ всю въ игру:
Остра, бойка — я и не спору;
Да только мнѣ не понутру

Меня, спасибо, тамъ ласкали
Хозяйка, гости; вся семья,
Впередъ почаще приглашали;
Но врядъ опять вернусь ли я:

Отъ нихъ, лишь только все усѣлось,
Поѣхалъ къ Нашенькѣ сидѣть:
Мнѣ сердцемъ жить въ тотъ день хотѣлось,
А не на золото глядѣть.

Хоть бѣдныхъ комнатокъ Параши
Не злата рядить красота,
Но, ахъ! онѣ чертоговъ краше:
Въ нихъ дружба; честь и простота.

Не сыщешь тутъ хрустальныхъ вздоровъ.
Ни шума праздничныхъ забавъ,

Не застать солнца тмой уборовъ;
Все дрянъ — да что-то все на нравъ.

Здѣсь въ мысляхъ полная свобода:
Хотя проврешься — не бѣда:
И на чужомъ дворѣ народа
Никто не тронетъ никогда.

Гостей не стая къ ней валится;
Пять, шесть персовъ — беседа вся.
Никто вспотѣвши ни чинится;
Всѣ тутъ родня, всѣ тутъ друзья!

Хозяйка суясь не хлопочетъ:
Есть кресла — сядь, не хочешь — стой;
Кому смѣшно — пускай хохочетъ;
Кто любитъ пѣть — пожалуй пой.

Она свое пригожество знаетъ,
Но такъ имъ мало дорожить,
Что даже часто забываетъ,
Гдѣ зеркало ея стоитъ.

А Селимена . . . (ахъ, какъ стыдно! . . .)
Съ трюмо почти не спуститъ глазъ;
И какъ ни кроется, но видно,
Что въ день сойдется съ нимъ сто разъ.

Что я красою понимаю,
Что я зову любезной быть,

Въ тебѣ то, Пашенька, встрѣчаю;
Другимъ дано лишь только слыть.

Твоимъ подобьемъ Стернь плѣнялся;
Его Элиза такова;
Въ тебѣ (онъ самъ бы въ томъ признался)
Она родилась съизнова.

Мое сравненіе не ложно:
Въ твоемъ углу небесный рай;
Въ немъ горя чувствовать не можно,
И скука сердца не замай.

Любовь прямая безъ примѣра,
Не знаема вселенной всей,
Съ тобой лишь только не химера;
Она въ душѣ живетъ твоей.

Она-то общество плѣняетъ,
Въ которомъ дни свои ведешь,
Она всечасно посѣщаетъ
Тотъ домъ простой, гдѣ ты живешь.

Жеманства маскою дурною
Ты прочь ее не отразишь,
Молвы боязню пустою
Ты дружбы ябъжной не страшишь.

Живи разсудка подѣ закономъ,
Богатыхъ не ревнуй судьбѣ;

Къ богатымъ придутъ все съ поклономъ,
А съ сердцемъ бросятся къ тебѣ.

И такъ я съ ней залепетался,
Что, на часы когда взглянулъ,
Ахти, полночь! — дѣмой помчался.
Путемъ-дорогой такъ смекнулъ:

Парашу вѣчно не забуду!
Мила мнѣ будетъ навсегда!
Къ ней всякой вечеръ ѣздить буду,
А къ Семименѣ — никогда.

С у д ь б ы *).

Tous les sorts sont tirés, soyez content du votre.

Судьба моя, судьба, судьбинушка лихая!
Ужъ ли мнѣ одному такая ты дана?
Или подъ жаркій часъ изъ ада сатана
Наслалъ тебя, мою плоть брэнну искушая?

Бывало, какъ назадъ десятокъ лѣтъ вернуся,
Все спѣло въ одинъ часъ, чего ни пожелалъ,

*) Писаны въ Пензѣ въ началѣ 90 года.

Безъ умолку съ утра до ночи хохоталъ;
А нынче въ цѣлый годъ двухъ разъ не улыбулся.

Бывало, какъ съ двора поѣду прогуляться,
Насилу четверня моя бредетъ домой,
Умучу бѣгуновъ полдюжину зимой;
Теперь впрягутъ и цугъ—да не куда дѣваться.

Бывало, какъ зимы дни кратки наступаютъ,
Во всеѣ дома зовутъ по карточкамъ на балъ,
Нерѣдко скороходъ на островъ звать ѣзжалъ; *)
А нынче такъ и въ клубъ съ подпиской не
пускаютъ.

Бывало, межъ собой собравшихся дворяне,
Когда во что-нибудь задумаютъ играть,
Въ бесѣду ихъ подмечь не смѣетъ забѣгать;
Здѣсь баринъ и слуга, коль въ барскомъ онъ
кафтаѣ.

Бывало, у боярѣ, отличнымъ просвѣщеньемъ
Безъ страха могъ я въ рѣчь съ хозяиномъ вой-
тить,
Безъ чванства онъ со мною изволилъ говорить;
А здѣсь послѣдня тварь глядитъ съ пренебре-
женьемъ.

Судьба! за что жъ ты такъ въ дугу меня со-
гнула?
За что, скажи, тебѣ толико вдругъ не милъ?

*) На балъ Каменнаго Острова при Дворѣ Великаго
Князя.

Нельзя ли, чтобъ я сталъ попрежнему, какъ
былъ,
Чтобъ солнышко изъ тучъ на дни мои взгля-
нуло? —

Ну, что ты тамъ въ грязи столь ярко рас-
шумѣлся?

Вѣдь всё равно съ тобой живутъ, не какъ хо-
тятъ:

Отъ завтра не уйдутъ, вчера не возвратятъ;
Такъ ты ли здѣсь одинъ на радость заговѣлся?

Бывало, затвердилъ... Меня спроси старушку,
Что, гдѣ, когда и какъ случилось у васъ;
Не только что людей, я цѣлый свѣтъ подчасъ
Верчу, ломаю, бью, какъ дѣтскую игрушку.

Когда стихіевъ Царь, міровъ громады строя,
Вселенну въ лѣпотѣ и славѣ сотворилъ,
Онъ мнѣ изъ первыхъ рукъ сей шаръ земной
вручилъ,
Мнѣ ввѣрилъ Онъ пути младенца и героя.

Какъ мечетъ банкъ игрокъ налѣво и направо,
Такъ точно ваши всё я замыслы верчу:
Спасаю отъ ядра и стрѣлы, кого хочу;
Горить и тухнетъ мной царей великихъ слава.

Бывало, на Руси не смѣи тому учиться,
Чему гораздъ Французъ, что Нѣмецъ разумѣлъ;

Бояринъ на коврѣ богатомъ пилъ и ѣлъ,
Не смысла отъ раба инымъ чѣмъ отличиться.

А нынче, посмотри на сѣверну столицу!
Царевичи, цари, послы толпой валяютъ;
Гдѣ знали прежде дебрь, всеневны дива зрятъ
Съ тѣхъ поръ, какъ я на тронъ послала къ нимъ
Фелицу.

Бывало, Карлъ Петра разить и погоняетъ;
Бывало, Карла Петръ въ турецки царства гналъ;
Бывало, польской конь въ Москвѣ соборъ топ-
талъ:

А нынче сто магнатъ одинъ москаль пугаетъ.

Былъ пышный богатырь, хотѣлъ и дѣлалъ
много;
На что поному вѣкъ, на то ему лишь мигъ;
Пришла моя пора, мой гласъ его достигъ:
Гдѣ зрѣлъ онъ къ славы путь, тамъ въ гробъ
легла дорога.

Бывало, князь прямой, изъ всѣхъ вельможъ
вельможа,
За истину, за тронъ и жизни не щадилъ,
Царю всегда вездѣ онъ правду говорилъ;
А нынче всякой лжетъ, лишь только бѣ было
гожа.

Бывало, на часокъ иной попавши въ моду,
Кареты, дворъ, людей мѣняетъ каждый день,

Лобзая благъ земныхъ обманчивую тѣнь;
А нынѣ нужный хлѣбъ имѣеть лишь и воду.

Бывало, проскакавъ со славою полсвѣта,
При тронѣ, при полкахъ, великій мужъ вездѣ,
Богатствами ни съ кѣмъ не равенъ былъ ни гдѣ;
А дочь его теперь набойкою одѣта.

Бывало, кто въ кредитъ обѣда не достанетъ,
Кого портной, ящикъ изъ денегъ тормозать,
Кто свой послѣдній скарбъ несетъ въ ломбардъ
въ закладъ,
Тотъ счастливыхъ творить лишь тѣмъ, что мило
взглянетъ.

Такъ можешь ли ты быть въ роптаньяхъ столь-
ко злобенъ,
Когда я исключать не смыслю никого;
Никто не отведеть теченья моего,
И путь мой прекратить часъ смерти лишь удо-
бенъ.

За гробомъ нѣтъ судьбы, нѣтъ случаевъ пре-
мѣны;
Тамъ истина, тамъ Богъ, тамъ жупель, или рай,
Всѣхъ подвиговъ предѣлъ, людскихъ желаній
край;
Тамъ вѣсятъ ихъ дѣла на вѣрные безмены.

А здѣсь тебѣ меня не одолѣтъ ворчаньемъ;
Не такъ, какъ хочешь ты, живи какъ я велю:

Иного дни черню, иного дни бѣлю,
И что взвалила я, умѣй носить съ молчаньемъ.

Не первый ты, повѣрь, и не послѣдній будешь,
Кому со счастьемъ жить придется на переکورъ;
За дѣло погрузишь, помучишься за вздоръ:
Но ведра только мигъ, ненастья годъ забудешь.

Бѣды и тѣснота суть даръ мой драгоценный;
Я ими чищу нравъ и разумы острою,
Къ благимъ дѣламъ сердца преклонными творю.
Будь счастливъ, человекъ, добра нѣтъ во все-
ленной.

На правду мало словъ. Повиненъ предъ тобою,
Повиненъ, о, Судьба! въ безуміи моемъ.
Коль сердцемъ тотъ жестокъ, кто счастливъ
здѣсь во всемъ,
Останься жъ мнѣ навѣкъ ты строгою судьбою.

Безъ благодати душа — сосудъ, исполненъ
скверны;
Безъ благодати нашъ умъ ни что, какъ только
бредъ;
Безъ благодати вся жизнь есть цѣпь горчайшихъ
бѣдъ:
А благодать намъ съ собой приноситъ мзды без-
мѣрны!

Сослуживцу *).

Безъ чванства философъ, любезный человекъ,
Котораго Парнасъ молодой украсилъ вѣкъ!

Мой первый стихъ къ тебѣ я робко обращаю:
Прими и полюби — вотъ все, чего желаю . . .

Уже насталъ Ноябрь и съ нимъ стучать мо-
розы,

Садовники спѣшатъ соломой скутать розы;

Осенней тьмотой покрылись небеса,

Ликъ солнца поблѣлъ, раздѣлился лѣса;

Снѣгъ мелкій какъ холстомъ всю землю усти-
лаетъ,

Шумливый всталъ Борей и воздухъ возмущаетъ;

Носносная мятель у всѣхъ глаза слѣпитъ,

Прохожій въ свой чуланъ зажмурившись бѣжитъ.

И съ нуждою своею клянетъ онъ злу погоду:

Что можетъ быть зимы лютѣе пѣшеходу!

Не меньше жалокъ ты, кто бъ ты таковъ ни былъ,

Кому теперь скакать въ кибиткѣ рокъ судилъ!

Рожденья своего минуту проклинаешь,

Къ чертямъ затѣи все тщеславныя ссылаешь.

Подобную тебѣ я участь самъ имѣлъ,

И часто въ розвальняхъ бѣду твою терпѣлъ,

Когда ѣзжалъ въ Москву по клобу пошататься,

Или во градъ Петра на службу въ срокъ яв-
ляться.

*) Писано въ первой молодости, еще не печатано.

Блаженъ, кто, лжебогамъ не ставя алтарей,
Спокойно тянетъ нить безвредныхъ свѣту дней,
Въ умѣренности все свое богатство ставитъ
И выжиги въ печи отъ скупости не плавить!
Помѣщикъ отставной, обмазавъ глиной домъ,
На полгода засѣлъ внутри своихъ хоромъ;
Разъ десять топить въ день, по столько жъ ча-
рокъ дуетъ,

Про старой свой походъ съ сосѣдами толкуетъ;
Щей, каши есть горшокъ, а пива не занять,
По сколько хочетъ разъ ложится въ сутки спать;
Однѣ, или съ гостями, въ тулупѣ тепломъ ирѣтъ;
Ногтей онъ не стрижетъ и бороды не брѣтъ;
Что нужды въ томъ ему, что снѣгомъ замело,
Лишь только бы хоромъ съ подошвы не свесло;
А впрочемъ, ни о чемъ старикъ мой не хлопочетъ,
Доволенъ — и съ утра до вечера хохочетъ.
Для тѣхъ, у коихъ скорбь на сердцахъ не скре-
бетъ,

Кто весело средн семьи своей живетъ,
Погоды всѣ равны; — я самъ то ощущаю,
Въ каминѣ огонекъ почаству раздуваю;
Тамъ, сидя у него, надъ стужею смѣюсь,
И приступовъ къ себѣ мороза не страшусь,
Съ безвѣчностію всѣхъ поступки примѣчаю,
Ребенка тормошу и мать его ласкаю;
Не трачу дней златыхъ въ гаданьяхъ о войнѣ,
Что будетъ черезъ годъ на шведской сторонѣ,
Гдѣ Турокъ пощелкать, какъ славный миръ со-
ставитъ,
Или, пройдя Кюмень, Чухонцевъ позабавитъ.

Не намъ сихъ громкихъ дѣлъ, не намъ извѣ-
стенъ слѣдъ;

Въ бессонницѣ министръ пускай тревожитъ свѣтъ,
А мнѣ моей судьбой назначено лѣниться,

Смѣяться дуракамъ, на счетъ ихъ веселиться.

Кто самъ умнѣй меня, тотъ смѣйся надо мной;

Пусть пользуются всѣ свободой дорогой.

Для ближнихъ безъ вреда пусть время всѣ про-
водятъ,

Смѣются пусть тому, смѣшное въ чемъ нахо-
дятъ;

Свобода мысли — есть безцѣнное добро.

Что пользы, коль дадутъ вселенной мнѣ серебро

И вмѣстѣ съ нимъ запрутъ туда, гдѣ въ прежни
годы

Задѣлывали кладъ старинные народы?

Гдѣ нечего достать, на что тамъ и металлъ:

Не въ златѣ Богъ, не въ немъ отрады намъ по-
слалъ.

Кто маленькимъ добромъ довольствоваться смыс-
литъ,

Насущнымъ хлѣбомъ сытъ и дни въ забавахъ
числитъ,

Любимъ своей женой и самъ привязанъ къ ней,
Безъ ревности готовъ двухъ, трехъ позвать дру-
зей,

Тотъ счастливѣе всѣхъ на сей земной планетѣ.

Колко бъ высоко ни стали мы на свѣтѣ,

Естественный законъ всѣхъ въ землю повалитъ;

Червь гложетъ царскій трупъ и тля гробницы
тлитъ.

Тотъ легче бремя золь житейскихъ переноситъ,
Чьи скромныя дѣла мѣръ меньше превозноситъ;
Пріятный на лицѣ его мы видимъ смѣхъ,
Завидливый его не перебьетъ утѣхъ,
Онъ ревности ни въ комъ собой не поджигаетъ;
Вельможа на него холодный взоръ бросаетъ.
Чѣмъ менѣе тщеты, тѣмъ ближе счастье къ
намъ.

Повѣрь, любезный другъ! простымъ моимъ сло-
вамъ,

Доволенъ будь своимъ, чужого не желая,
Внѣ родины своей искать не льстися рая;
Ошибки и соблазнъ! Куда ни сунься ты,
Порокъ вездѣ найдешь и тѣ же суеты.
Всѣхъ Богъ распредѣлилъ равно и безпри-
страстно:

Тому далъ пылкой духъ, другому сердце стра-
стно:

Тебѣ талантъ открылъ перомъ своимъ плѣнять,
Ему и ниже съ нимъ бумагу лишь марать;
Иного на мишень турецкой пушки ставя,
И выстрѣлы ея всѣ въ грудь его направля,
Вернуться допустилъ здорова, цѣла въ домъ;
Другого разорвалъ на вылетѣ ядромъ.
Всякъ участи своей повиненъ покоряться,
Съ терпѣньемъ все сносить, въ безвѣрьи не те-
ряться.

Какой-то старичокъ умно весьма сказалъ,
Онъ, видно, больше насъ на свѣтѣ испыталъ:
«Съ ума чтобъ не сойти, мѣшай дѣла съ без-
дѣльемъ.»

И вправду, что есть жизнь? Смѣсь горести съ
весельемъ.

Послѣдуя ему, хочу свой вѣкъ прожить:
Вотъ способъ ни о чемъ на свѣтѣ не тужить.

СЕРДЕЧКЪЮ.

Послушайся меня — долой тоску съ двора;
Съ подругою такой въ минуту посѣдѣешь.
Живи, покаместъ жить не минула пора;
А смерть придетъ съ серпомъ, — хоть дюжъ,
не уцѣлѣешь.

Ученые давно рассказываютъ намъ,
Что всеу горевать о томъ, въ чемъ мы не властны;
Что всякой долженъ быть покорень Небесамъ —
Твердятъ о томъ вѣковъ намъ опыты всечасны.

Послѣдуй мудрецамъ, и сердцу дай покой;
Не мучь его, мой другъ, разборчивостью стро-
гой,

Разсудка не питай чувствительной тоской,
И къ вѣчности бреди естественной дорогой!

Натурой созданы, — въ натурѣ мы живемъ,
Законами ея намъ должно управляться;

По милости ея мы спимъ, ѣдимъ и пьемъ,
По милости ея мы можемъ наслаждаться.

Тотъ бредомъ зараженъ обманчивыхъ страстей,
Кто мнитъ, что жизни сей минуты драгоценны,
Такъ точно какъ жемчугъ на днѣ густыхъ морей,
Во внутреннихъ жильяхъ сердечныхъ сокровенны.

Въ ошибокѣ тотъ, кто мнитъ, что счастье сердце
Въ обмѣнѣ нѣжныхъ чувствъ, въ душевномъ
восхищеньи,
Что вздохъ, слеза и взоръ суть радостей вѣнецъ,
Что вѣстники всѣхъ благъ сердечныя бѣнья.

О, жалкія умовъ испорченныхъ мечты,
Которымъ въ жертву мы несемъ союзъ природы,
И жизни сей цѣнить не смысла красоты,
Бѣжимъ въ оковы зла отъ прелестей свободы!

Увы! я самъ искалъ такихъ же въ свѣтѣ благъ.
Романами пути прокладывалъ ко счастью,
И пагубнымъ считалъ тотъ каждый смѣлый шагъ,
Который велъ меня печально къ безстрастью.

Я самъ свой лучший вѣкъ истратилъ весь на то,
Чтобъ нѣжиться, вздыхать, за всѣми волочиться;
Съ успѣхомъ мнѣ подать совѣтъ не могъ никто;
Какъ вихрь изъ страсти въ страсть мой духъ
любилъ стремиться.

Очнулся наконецъ: — что радости? — Прошло
Прекрасныхъ лѣто дней, весиѣ не возвращаться,
Снѣгъ старости напалъ на сморщенно чело;
Кумиръ любви расшибъ — и полно заблуждаться.

Натура! виноватъ твой сынъ передъ тобой!
Но ты, какъ вѣжна мать, меня благословила,
Дала мнѣ поиграть въ мечтахъ моей судьбой,
А здравіе мое и силы сохранила.

Въ тебѣ одной я зрю источникъ всеѣхъ отрадъ!
Кто черпать изъ него умѣетъ осторожно,
Того налящій зной не жжетъ въ тѣни прохладъ;
Доволенъ, веселъ, бодръ и счастливъ тотъ не-
ложно.

Натура намъ не лжетъ и разуму не льститъ;
Воспользуйся, мой другъ, щедротъ ея богат-
ствомъ!

Купидо журавля на небѣ намъ сулить;
Натура насъ прямымъ довольствуетъ пріятствомъ.

Взгляни вокругъ себя на все ея дары:
Чего нѣтъ въ естествѣ вещественнаго міра?
Чего намъ не дадутъ сырой земли пары,
Согрѣтые лучемъ, испосланнымъ съ зенита?

Тамъ въ житницы поля скирдами платятъ дань,
И греча твой сусѣкъ засыпала крупами,
Тамъ ленъ для слугъ твоихъ готовить бѣлу ткань,
А скотъ твой зреть луга, уставлены стогами.

Тамъ гибкій хмѣль, вѣясь вокругъ тоненькихъ
жердей,
Для праздника въ чаны народу разольется,
Съ занозой артишокъ. — кудрявый кочень щей,
И маленькой горохъ, — все для тебя ведется.

Здѣсь множествомъ цвѣтовъ весь воздухъ ваку-
ренъ, —
Ты въ сладкой тишинѣ ласкаешь обонянье,
Чудесной пестротой твоей взоръ обворожень:
О, сколько намъ утѣхъ даетъ благоуханье!

Вотъ шпанскихъ вишенъ лѣсъ, царь фруктовъ
ананасъ,
Лимоновъ сочныхъ рядъ, и груша духовая:
Какой для вкуса шпръ, для пресыщенья часъ!
Владѣльцу ли спхъ мѣсть прилично жить скучая?

Тамъ дынь, арбузовъ тма, тамъ сладкій виноградъ
На рамахъ разложилъ свои тяжелы кисти;
О, радостная вѣтвь! — утѣшиѣе стократъ
Сокъ лознаго плода дамасскія корысти!

Дай слуху радость внять пѣснь ранню соловья,
Войди въ дремучій лѣсъ, отечество пернатыхъ,
Тамъ соколъ, чижъ, снигирь, какъ общая семья,
Вьютъ гнѣзда и птенцовъ выводятъ въ нихъ кры-
латыхъ.

Речешь — огромный домъ тотчасъ тебѣ готовъ.
Умѣй лишь изобрѣсть вещамъ употребленье:

Не долженъ ли мужикъ нагнувъ хребетъ ахать?
Не мучить ли его то зной, то непогода?

Гдѣ чижъ поетъ вверху, тамъ змѣй шипитъ въ
травѣ, —

Не все то хорошо, что взоръ прельщенный хва-
литъ;

Червь точитъ красный цвѣтъ на мягкой муравѣ,
И прежде чѣмъ ѣсть медь, пчела тебя ужалитъ.

Что нѣтъ добра безъ зла, согласенъ я съ тобой,
Согласенъ въ томъ, что трудъ товарищъ насла-
жденья;

Повѣрь же мнѣ и ты, что радостный покой
Намъ лѣнь одна не дастъ: то плодъ есть упра-
вленья.

А если безъ труда нѣтъ въ свѣтѣ ничего,
Не лучше ли, мой другъ, въ занятіяхъ полезныхъ
Основывать столпы блаженства своего,
Чѣмъ туне тратить жизнь въ тенетахъ у лю-
безныхъ?

Страстей быстра стезя, съобъ пей ты не тужи;
Натуры путь вѣрнѣй, съ него лишь не сбивайся,
Ума по пустякамъ въ химерахъ не кружи,
Земное все люби, а небомъ восхищайся.

Восторгъ есть твари, данъ единому Творцу;
Ему принадлежить всѣхъ смертныхъ изумленье;
Какъ чада мы сему небесному Отцу,
Единому должны воздать благоговѣнье.

Затѣмъ весь міръ для насъ, для разума и
чувствъ.
Плѣняйся красотой, чти строго добродѣтель,
Наукъ полезныхъ другъ, любитель будь ис-
кусствъ,
Сосѣду доброхотъ и дворни благодѣтель.

Умѣренность храня, за лишнимъ не гонись, —
Натура никогда насилій не прощаетъ;
Дары ея во зло употребить страшись, —
Невоздержаніе цедуги привлекаетъ.

На что запасовъ намъ лѣтъ на сто хоронить?
Кто жаждетъ лишь владѣть, тотъ жалкій рабъ
расчета;
Всечасно въ страхѣ тотъ для скарба долженъ
жить.
Владѣльцу нуженъ стражъ, — гдѣ стражъ, тамъ
и забота.

А я насущнымъ сытъ, природѣ пѣснь пою;
Физическимъ любя довольствомъ наслаждаться,
Я сладострастіе изъ полной чаши пью,
И чувственнымъ спѣшу отрадамъ предаваться.

Что можетъ лучше быть при силахъ естества,
Какъ вдоволь пить и ѣсть и спать безъ возму-
щенья?
Нѣтъ истиннѣй добра для смертныхъ существа;
Все прочее — мечты и бредъ воображенья.

Дорать сказалъ, и я весьма согласенъ съ нимъ *):
Насъ можетъ острый умъ любезностью просла-
вить;

Но въ правду если мы счастливы быть хотимъ,
Стомахъ намъ лишь одинъ удобенъ то доставить.

Хозяйку я люблю какъ друга, какъ жену,
Но къ Богу я еѣ въ стихахъ не примѣняю;
Съ ней вмѣстѣ кое-какъ тягло свое тяну,
Не строю лиры ей, а попросту лобзаю.

Быть можетъ, заключать, что я матерьялистъ;
Но съ совѣстью въ ладу, пазваньевъ не пугаюсь:
Поклепъ съ себя стряхну какъ дубъ осенній
листь;

Суды людей тщета, — я ихъ не ужасаюсь.

Не мни, чтобъ для меня безъ радостей былъ свѣтъ
Затѣмъ, что жизнь моя вокругъ старости вер-
тится;

Предѣлъ утѣхамъ смерть, не нумеръ нашихъ
лѣтъ, —

И старецъ иногда всѣмъ сердцемъ веселится.

Царица благъ земныхъ, роскошница забавъ,
Натура! сохрани мои оставши силы!

Блюди отъ новыхъ бурь еще мой пылкій нравъ
И дай спокойно мнѣ достигнуть до могилы!

*) L'esprit peut rendre un homme aimable mais l'estomach le rend heureux.

С о с ѣ д у.

Пора, сосѣдушка безпечный,
Пора за умъ приняться намъ!
Оставимъ городъ, другъ сердечный:
Въ немъ жить не нашимъ головамъ.
Приищемъ двѣ деревни рядомъ
Съ уютнымъ домикомъ и садомъ,
Какъ предки наши заживемъ;
Чужихъ обѣдовъ не попросимъ,
Кафтановъ житыхъ не износимъ,
И рубль копѣйкой сбережемъ.

Чего въ Москвѣ мы не видали?
Какихъ еще диковицъ ждатель?
Ужъ ли до сихъ поръ не устали
Людей смотрѣть, себя казатель?
Еще ли міра обращенье
Дать можетъ сердцу утѣшенье
И жизнь пріятною творить?
Коварство чувства одолѣло
И всемъ на свѣтѣ надоѣло
Другъ друга нескренно любить.

Хватись-ка, сколько лѣтъ съ тобою
Я здѣсь безвыѣздно живу;
Хоть я не знатнаго покрою,
Но въ людяхъ чѣмъ-нибудь слыву:

Иной зоветъ меня откушать,
Другой *авось* мой любить слушать.
Друзей, родни соборъ большой;
А паче ширь когда дается,
Тогда чужой въ родню причтется:
Бѣда ль на дворъ, — друзья домой.

Расторгни завѣсь заблужденья,
Взгляни, мой другъ, прямѣй на свѣтъ!
Вездѣ примѣтишь обольщенья;
Пріязни видъ, а дружбы нѣтъ.
Не мни, что гдѣ тебя ласкаютъ,
Тебя единственно желаютъ;
Ахъ, нѣтъ! — то звонъ пустыхъ лишь словъ.
Или твой голось полюбился,
Или въ актеры пригодился; —
Тебѣ нельзя — другой готовъ.

Другой — для тѣхъ, кому судьбою
Дано чувствительными быть,
И мысль сія равна съ бѣдою.
Меня не трудно замѣнить.
Я ставлю сердцу въ муку люту
Остановиться хоть минуту
На мысли бѣдственной такой.
Кто душу нѣжную имѣетъ,
Тотъ эту язву разумѣетъ,
Тотъ тяжкій вздохъ раздѣлитъ мой.

Театры, балы, маскарады —
Вездѣ съ друзьями хорошо;

Въ самихъ-то въ нихъ мой отрады:
 Безъ нихъ и прѣзникъ ни во что.
 Взаимность чувствъ и правовъ сходныхъ!
 Среди обычаевъ свободныхъ
 Въ тебѣ небесный вижу рай.
 Но всеу, всеу симъ и льстится;
 Здѣсь всякой только суетится
 Скакать весь день изъ края въ край.

Не въ жизни столько развлеченной
 Лежитъ ко счастью смертныхъ путь.
 О, счастье, нещичко вселенной!
 Позволь хоть на себя взглянуть!
 Хотя въ пріятномъ сновидѣннѣ
 Яви ты намъ свои прельщенья!
 Когда твой день до насъ дойдетъ,
 Тебя, какъ тѣнь свою, мы ловимъ;
 Бѣжимъ, бѣжимъ — и не погонимъ.
 Надежда все сулитъ впередъ.

Меня въ мой вѣкъ судьбы качали
 Какъ яликъ на морѣ волна,
 То выше бѣдъ приводымали,
 То мрачна вдругъ касался дна;
 Упалъ и пресмыкаюсь низко;
 Но былъ и я отъ солнца близко;
 Вездѣ встрѣчалъ я все одно:
 Коль солнце чуть кого пригрѣтъ,
 Тотъ рѣдко, рѣдко разумѣтъ,
 Что многимъ очень стужено.

Кого фортуна отличаетъ
Огь прочихъ смертныхъ на вершокъ,
Тотъ тѣмъ ходули обцвляеть,
Что всѣхъ валитъ какъ куколь съ ногъ.
Чужихъ напастей онъ не смыслитъ;
Кипящи слезы наши чпслитъ
Какъ-будто бисеръ, или жемчугъ,
Которымъ онъ блеспуть стремится,
Когда въ чертоги появится,
Гдѣ полкъ предъ нимъ трепещеть слугъ.

Напрасно дѣды говорили,
Что городъ-де, то норовъ свой.
Не въ наше время, видно, жили,
И правъ ихъ былъ совѣтъ иной.
Въ нестройствѣ нашихъ общихъ вздоровъ
Одинъ теперь повсюду норовъ;
Ему никто не измѣнитъ:
Большой бояринъ всѣхъ толкаетъ,
Богачъ безъ умолку болтаетъ,
А бѣдный съѣжившись молчитъ.

Склонись, дружище мой любезный!
Вели возокъ свой заложить;
Разсудка внявъ совѣтъ полезный,
Умѣй великодушенъ быть!
Оставимъ вертопрашны нравы,
Простимся съ скукой у заставы, —
Москвѣ челомъ, да и качнемъ.
Полюбишь скоро ты деревню;

Тамъ сердца непорочность древию
И праводушіе найдемъ.

Не встрѣтитъ взоръ нашъ изумленный
Огромныхъ башенъ яркой шпицъ;
Но сколь прелестнѣй видъ почтенный
Крестьянскихъ добродушныхъ лицъ!
Въ семьяхъ у нихъ все ладно, стройно,
Въ избѣ тепло, въ душѣ спокойно,
Разсудокъ бодръ и мысль свѣжа;
Тоска бровей тамъ не насунитъ,
За грань села никто не ступитъ:
Его утѣхи тамъ межа.

Такую красную картину
Всёдневно зрѣть стократъ милѣй,
Чѣмъ, дня проспавши половину,
Къ полвочи кучу ждать гостей;
Чѣмъ цугъ нанявши по ямскому,
На праздникъ къ барину большому —
Чуть свѣтъ — съ визитомъ покатить,
Изъ дому въ домъ съ билетомъ ткнуться,
Или по лавкамъ повернуться,
Чтобъ чѣмъ-нибудь глаза взманить.

Свѣтила дневна лучъ янтарный
Когда вселенну озаритъ,
Сей мигъ въ природѣ свѣтозарный
Никто изъ насъ тамъ не проспитъ.
Творцу златыхъ небесныхъ сводовъ,
Царю безчисленныхъ народовъ

Хвалы тамъ жертву воздадимъ!
Потомъ, бесѣдуя съ друзьями,
Языкъ не спрячемъ за зубами,
Неправдѣ мы не споровимъ.

Когда за столъ обѣдать сядемъ,
Онъ тамъ накроется простой;
Его въ игрушки не нарядимъ:
Хоть шей горшокъ, да самъ большой.
Чины московски позабудемъ,
И цѣну собственности будемъ
Тамъ въ полной мѣрѣ ощущать;
Огонь въ каминѣ раздувая,
Проказы дѣтства веминая,
Въ избыткахъ сердца хохотать.

Въ обширной области природы
Какое поле для забавъ!
Вкушая прелести свободы,
Мы свергнемъ иго лютыхъ правъ,
Которы женщинамъ надъ нами
Мы безразсудно дали сами.
Въ чугунныхъ ползая цѣпяхъ,
Отъ нихъ душа тамъ пыть не станетъ,
И сердце саднить перестанетъ,
Исчезнетъ вѣроломства страхъ.

Но ты молчишь, мой другъ, вздыхаешь.
Ужъ ли испорченъ столько ты,
Что правдамъ симъ предпочитаешь
Столичный вихрь и суеты?

Сирень разнѣженные взоры,
Уловокъ полны разговоры
Когда еще тебя манять,
Ищи жъ друзей и ошибайся.
Въ любви всечасно рвись, терзайся,
Змѣями ревности объять.

А я, твою познавши цѣну,
Тиранъ сердце, прекрасный полъ!
Оплакавъ разныхъ чувствъ измѣну,
Хочу спастись отъ новыхъ золъ.
Меня твой умъ не обворожитъ,
Ни взглядъ твой больше не встревожитъ;
Прошу навѣки исключить
Изъ списка тѣхъ 'страдальцовъ нѣжныхъ,
Твоихъ любовниковъ прилежныхъ,
Которыхъ любишь ты томить!

Да что болтать здѣсь слишкомъ много?
Сквозь слезъ смѣяться тяжело!
Санная выпала дорога,
И мягко ѣхать и свѣтло.
Прости, соедѣ! и веселися,
За рѣчь мою не разсердися:
Я правдѣ крѣпостной слуга. —
Велю впрягать свои клѣченки,
Въ сапяхъ укутавшись въ шубенки,
Урьмъ — и вся тѣ не долга!

М о р ф е ю.

Блаженная способность спать!
Ты даръ Боговъ неоцѣненный!
Тобой мы можемъ сокращать
Прискорбной жизни путь стѣсненный.
Когда чрезмѣрною тоской,
Иль скукой чувства бременятея,
Ты смертнымъ жалуешь покой,
Велишь пріятно забываться.

Во снѣ, какъ-будто на шарахъ,
Мы такъ и сякъ перебиваемъ,
Въ различныхъ видахъ и странахъ
Себя внезапно представляемъ.
О, если бъ такъ какъ Робертсонъ,
Куда задумалъ, шаръ направилъ,
Направить могъ и я свой сонъ, —
Въ Москву бъ сей часъ себя поставилъ!

Тогда не только бы я въ ночь
Уснуть отъ скуки торопился,
Обряды міра кинувъ прочь,
Средь бѣла дня бы спать ложился;
Уснулъ — и видѣлъ бы тотчасъ
Себя въ объятіяхъ Дуняши.
О, вождедѣльный въ жизни часъ!
Ты самыхъ дней небесныхъ краше!

Ее всечасно бы ласкалъ,
Огнемъ воспламеняемъ страсти;
Въ сладчайшихъ грѣзахъ забывалъ
Моей разлуки съ ней напасти;
Ловилъ бы каждый милый взглядъ,
Которымъ духъ животворила,
И нѣга чувственныхъ отрадъ
Мея бѣ у ногъ ея томила.

По, ахъ! мечтою льстя себѣ,
Суровой правды множу бремя,
Не помогая тѣмъ судьбѣ,
Мученья продолжаю время: —
Нельзя ни самымъ крѣпкимъ сномъ
Убить тѣхъ сутокъ скорбь ужасну,
Которы шлетъ небесный громъ
Въ разлукѣ съ милой сердцу страстну.

Какой несчастный въ жизни сей
Не радъ минутѣ сей пріятной,
Не жаждетъ, вдругъ забывшись въ ней,
Смягчить судьбы своей превратной!
Ложится боленъ, бѣденъ, сиръ,
И сонъ своимъ очарованьемъ
Влечетъ въ минуту цѣлый міръ
На встрѣчу всеѣмъ его желаньямъ.

Любимецъ счастья иногда,
И самъ, уставши, спать захочетъ.
Не вѣрьте случаю всегда!
Не всякъ тотъ веселъ, кто хохочетъ;

Министру также нравень сонъ,
Который вдругъ его склоняетъ,
Изъ-за работы да на тронъ
Хоть на минуточку сажаетъ.

Бываетъ часто, скажутъ мнѣ,
Такое страшно привидѣнье,
Что больше вытерпишь во снѣ
Стократъ, чѣмъ на яву, мученье.
Бываетъ — знаю; но тогда
Испугъ такъ сильно чувства тронетъ,
Что вмигъ проснешься, и всегда
Мысль бодрая весь страхъ прогонитъ.

Но случай сей не могъ бы быть,
Когда бъ умѣлъ я снами править;
Все такъ бы зналъ расположить,
Чтобъ мыслямъ страха не доставить;
Воображенія мечтой
Дарилъ кому какой угодно:
Тогда бъ и днемъ колпакъ ночной
Надѣтъ казалось съ модой сходно.

Кому не страшно сонъ терять?
Его все любятъ въ цѣломъ мірѣ.
Такимъ добромъ пренебрегать
Не станутъ даже въ Кашемирѣ.
Хотя Брамины шшутъ тамъ,
Проснувшись рано, разны вѣсти;
Тѣмъ крѣпче спать по всемъ домамъ
Отъ усыпительной ихъ лести.

Когда, въ избыткѣ райскихъ благъ,
Владыко, сидя на престолѣ,
Чтобъ встать съ постели, первый шагъ
Чинитъ нерѣдко по-неволѣ;
Когда вельможа, отъ добра
Безмѣрной праздностью скучая,
Желалъ бы съ утра до утра
Дремать, всѣхъ ближнихъ забывая:

То сколько жъ намъ, простымъ умамъ,
Лишеннымъ всѣхъ забавъ на свѣтѣ,
По крайней мѣрѣ по ночамъ,
Приятно сонъ имѣть въ предметѣ!
Ей-ей, пришлось бы безъ него
Въ своемъ селѣ съ ума рехнуться.
Гдѣ вѣтъ для сердца ничего,
Увы! какъ тошно тамъ проснуться!

П А Р Ф Е Н У .

Парфенъ! напрасно ты вздыхаешь
О томъ, что долженъ жить въ степи,
Гдѣ съ горя, съ скуки изнываешь.
Ты бѣденъ — слѣдственно терни.

Блаженство даромъ достается
Такимъ, какъ ты, на небеси;
А здѣсь съ поклону все дается.
Ты бѣдень — слѣдственно проси.

Коль баринъ на смѣхъ поднимаетъ,
Вмѣняй то въ честь и не ропщи;
Тобой онъ тѣшиться желаетъ.
Ты бѣдень — слѣдственно молчи.

Не смѣй отнюдь тѣмъ обижаться,
Что некогда ему тобой
Въ своей уборной заниматься.
Ты бѣдень — такъ въ сѣняхъ стой.

Иной шага не переступитъ,
Съ софы не тронется своей,
А сходно все доставеть — купитъ.
Ты бѣдень — бѣгай и потѣй.

О, бѣдность! горько жить съ тобою!
Нельзя и чувствамъ воли дать.
Я, разсуждая самъ съ собою,
Не могъ вовѣкъ того понять,

Какъ могутъ люди быть такіе,
У коихъ множество всего,
И въ томъ же свѣтѣ есть другіе,
У коихъ вовсе ничего?

Иной въ прекрасѣйшей палатѣ
Даетъ вседневный пиръ друзьямъ;

А рядомъ съ нияъ въ подземной хатѣ
Другой не бѣсть по цѣлымъ днямъ.

Богачъ теряетъ десятицу,
И всѣ кричатъ: — какой уронъ!
А бѣдный выронитъ полтину —
И ни кому не жалокъ онъ.

Обиженъ сильный — шумъ, тревога;
Обиженъ сирый — быть должно!
Иль въ области всецельна Бога
Парфень и Крезъ не все равно?

Ужъ ли различны всѣмъ на свѣтѣ
Удѣлъ судьбы, природы даръ?
Инымъ все радости въ предметѣ,
Другимъ, что шагъ — то и ударъ.

Ахъ, пѣтъ! нельзя, чтобъ Провидѣнье,
Создавъ меня, тебя, его,
Прошло все благотворенье
Изъ насъ изъ трехъ на одного.

Равно насъ матери утроба,
Равно и носить и родить;
И всѣмъ, въ свой часъ открывъ дверь гроба,
Равно насъ смерть туда валить.

За что жъ? — Опять позабываешь,
Что ты не долженъ разсуждать,

Ко всѣмъ вопросы посылаешь;
А зналъ бы ты, Парфень — молчать.

Терпи свое тихонько горе,
И знай, что наша жизнь была
И будетъ впредь такое море,
Въ которомъ гадовъ несть числа.

Разсудкомъ тщетно ты хлопчешь
Предразсужденье одолѣть;
И если волею не хочешь,
Насильно будешь же терпѣть.

Такъ вѣрь ты мнѣ, Парфень! держися
Пословицы казачьихъ странъ;
По ихъ системѣ жить учися:
Терпи — и будешь атаманъ.

**С Т И Х И,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ОТКРЫТЫМЪ
ЛИЦАМЪ.**

А... И.... Вил...вой.

Ко счастью путь лежитъ одинъ —
Любовь, — другого нѣтъ въ природѣ;
И самый знатный господинъ,
И низшій рабъ въ простомъ народѣ,
Любовью движутся, живутъ.
Не слава дни даетъ блаженны;
Мгновенья жизни вождельницы
Отъ сердца нѣжнаго текутъ.

Для славы тошно мигъ прожить;
Для сердца радъ бы жить два вѣка:
Воспламеняться и любить
Есть рокъ и свойство человѣка.
Дадимъ царямъ земной весь шаръ,
И пусть на немъ все покоряютъ;
Но что потомъ? — Они скучаютъ,
Когда любви въ нихъ стынетъ жаръ.

Любовь есть искра Божества,
Непостижимая причина
Началъ и дѣйствій естества.
Любви конецъ — души копчина.

Вездѣ находимъ суету,
И славы гибнутъ возглашеньи;
Въ одномъ любовномъ восхищени
Безсмертныхъ благъ мы зримъ черту.

Взгляните вы вокругъ себя
На все, что міръ сей населяетъ:
Все ищетъ счастья любя,
Восторгамъ чувства посвящаетъ.
Тѣснитъ ли врагъ, вельможа, дворъ,
Сама ль спиной фортуна стала:
Подруга сердца прпласкала —
И вся печаль какъ-будто вздоръ.

Творецъ такъ свѣтъ образовалъ,
Что въ немъ любви все строить сила;
Примѣровъ опытъ не казалъ,
Чего бъ она не побѣдила.
Всѣ дань платили страсти сей
И въ спискахъ слугъ ея стояли;
Монархи въявь пренебрегали,
А тайно жгли кадло ей.

Тебѣ одной принадлежитъ
Самодержавіе вселенной!
Тебѣ во слѣдъ вся тварь бѣжитъ;
Ты узелъ мира совершенный!
Когда злостраждетъ скорбный духъ,
Въ тебѣ онъ ищетъ утѣшенья;
Любовь, источникъ наслажденья,
Обворожаетъ взоръ и слухъ.

Приди жъ теперь въ поникшій домъ
Дѣлить со мной невзгоды міра;
Тебѣ давно уже знакомъ
Песчаный садъ, каминъ мой, лира!
Все ту же бѣдность ты найдешь;
Но чудеса тебѣ не чужды:
Въ богатство превратятся нужды,
И небо тамъ, гдѣ ты живешь!

ВОСПОМИНАНИЕ ВЪ РАМЗАѢ *).

Н... М... Заг...вой.

D' un souvenir que rien n' efface
Mon coeur est toujours prévenu,
Mon coeur à chaque instant qui passe
Redemande — un plaisir perdu.

Вотъ путь, которымъ я, раскланявшись народу,
Изъ Пензы на *Ramzai* ѣзжалъ вкушать свободу.
Я ту же здѣсь луны въ небесномъ сводѣ зрю,
Тому же на зарѣ внимаю соловью,
И тѣхъ же вокругъ себя пріятелей встрѣчаю,
Ихъ ласку, ихъ пріязнь, какъ прежде, ощущаю;

*) Вотчина Н. М. З. подъ Пензою.

Но, ахъ! я самъ не тотъ, и время на крылахъ
Промчалю много чувствъ въ семнадцати годахъ!
Очарованія сердечныя пропали,
Заботы на лицѣ моемъ нарисовали .
Ужасно явственно, что пятьдесятъ мнѣ лѣтъ.
Погибъ веселый духъ, какъ вянетъ нѣжный цвѣтъ!
Всѣ рѣзвятся, шумятъ, другъ дружку взапускъ
ловятъ,

А я сижу какъ пень, какъ тучи думы бродятъ.
Сберется ль молодежь подъ скрипку поплясать,
Въ посыльвы короли, или въ фанты поиграть,
Повѣся носъ, въ углу гляжу на ихъ забавы,
И съ завистью ворчу: о времена! о нравы!
Хотѣлъ бы къ нимъ пристать,—не прежняя пора.
Никто не возвратитъ того души добра,
Которое съ своей мы юностью теряемъ,
А время не щадя безъ пользы убиваемъ
Ребенокъ хочетъ быть скорѣе женихомъ.
Женихъ невѣсту взять, мужъ сдѣлаться отцомъ,
Отецъ, жена сына, торопится быть дѣдомъ, —
И къ старости летимъ мы всѣ такимъ же слѣ-
домъ.

Извѣстно, что нельзя сего перемѣнить;
Но зря могилу, какъ объ люкъѣ не тужить?
Коль жаль бываетъ намъ имѣнья, денегъ, вадору,
Которыя даетъ безъ всякаго разбору,
Вода насъ по путямъ и счастья и золь,
Сынъ случая слѣпой, фортуны произволь,
То какъ намъ не жалѣть о времени протекшемъ,
О каждомъ даже томъ мгновенны мимошедшемъ,
Котораго Творецъ протягиваетъ цить,

И самъ, его прервавъ, не спиешь возвратить?
Владыки и цари земли порабощенной,
На разные мотки дѣля клубокъ вселенной,
Все могутъ, что хотятъ; указъ ихъ нмѣнной
Ворочаетъ людскимъ кармапомъ и судьбой:
Однако же, хотя всѣхъ смертныхъ вышн клопятъ,
Секунду на бѣгу они не остановятъ.

О время! — отъ чего жъ тобой не дорожатъ?
На деньги всякой скупъ, на время торовать.
Иной сочтетъ за грѣхъ убить копѣйку даромъ,
Цѣлковый потерявъ — кончается ударомъ
Отъ страха, чтобъ его рубля не сглазиль кто:
А день, недѣлю, годъ не ставитъ ни во что:
Ни прозы, ни стиховъ не пишетъ, ни читаетъ,
Потягиваетъ пуншъ, лѣнится и зѣваетъ. —

О, дѣтушки мои! — блюдите каждый часъ,
Доколѣ въ васъ огонь сердечный не погасъ!
Живемъ мы два мига — сказалъ Княжнинъ пре-
красно;
Я съ нимъ же повторю и коротко и ясно:
Въ томъ счастья весь секретъ, чтобы любить
впопадъ.
Съ любовью жизнь барышнъ, а безъ любви —
накладъ.

П... П... Нарышкину *).

Vallons, fleuve, rochers, plaisante solitude,
Si vous fûtes témoin de mon inquietude,
Soyez le désormais de mou contentement.

—

Зачѣмъ, скажи, мой другъ, поѣду я въ Москву? —
И здѣсь мнѣ хорошо — тихохонько живу.
По милости Творца, вокругъ меня непушта;
Читаю по утрамъ Бесѣды Златоуста;
Непостижимаго постигнуть не ишу,
Лишь вѣрю и молюсь, — и духъ надеждой льщу,
Что Богъ, Который благъ и кротокъ безконечно,
Пріемлетъ какъ отецъ раскаянье сердечю;
Безъ роскоши пустой проводимъ мы свой день,
Не мучать насъ труды, не развращаетъ лѣнь:
Умѣренность во всемъ полезну сохраняя,
Живемъ, на черный день копѣйку сберегая;
Что въ землю посадилъ и что съ нее собралъ,
То поваръ намъ сваритъ — и сытъ, чѣмъ Богъ
послалъ.

Чувствительности здѣсь ничто не нажимаетъ;
Природа въ простотѣ разсудкомъ управляетъ.
Каминъ и *Филиберъ* **) въ теченье цѣла дня

*) Писано въ деревнѣ.

**) *Филиберъ*, романъ, сочиненный г. Коцебу, который я переводилъ.

Взаимно скуку прочь гоняютъ отъ меня.
Дешевлѣ, чѣмъ въ Москвѣ, дрова здѣсь покупаю,
Старпину къ огню пристрастью угождаю;
То съ крѣпкой душой я при камелькѣ сижу,
То, въ руки взявъ перо, романъ перевожу.
Читалъ ли *Коцебу* ты, новое творенье,
Прекрасное его (по мнѣ) произведенье,
Въ которомъ описалъ онъ кистию живою
Воображенія власть надъ пылкою душой,
Читалъ ли, говорю, прилежно *Филибера*?
Какъ сходны въ немъ черты живого характера
Съ природою самой и съ тѣмъ, что цѣлый свѣтъ
Намъ въ опытахъ явилъ незрѣлыхъ нашихъ лѣтъ!
Ахъ! подлинно вся жизнь проходитъ въ отно-
шеньяхъ!

Я вижу ихъ въ бѣдахъ, я зрю ихъ въ наслаж-
деньяхъ.

Одно продлится день, другое цѣлый годъ;
По отношеніямъ весь движется народъ!
И дружба и любовь, и ненависть и злоба,
Все гибнетъ, — ничего нѣтъ твердаго до гроба;
Та цѣпь, что съ дѣтскихъ лѣтъ соединяетъ насъ,
По мѣрѣ, какъ растемъ, все рвется каждый
часть;

Подъ старость точно то жъ — обманъ во слѣдъ
обману,

Опомнитесь не дасть и точить свѣжу рау.
Да кто не испыталъ сей истины большой,
Что зло всегда бѣжитъ за доброю душой?
Ахъ! сколько я и самъ, при случаяхъ лукавыхъ,
Встрѣчалъ, какъ Филиберъ, министровъ сухощавыхъ,

Которыхъ почиталъ друзьями въ двадцать лѣтъ!
Они же, въ пятьдесятъ настроя мнѣ тму бѣдъ,
Съ холонокровою язвительной насмѣшкой
Въ несчастіи моемъ играли мною какъ иѣшкой.
Богъ съ ними,—я на нихъ гляжу какъ на звѣрей.
Прекраснѣйшій урокъ для головы моей,
Что связи наши всѣ житейскія не вѣчны,
Бѣгутъ какъ облака пріязни скоротечны,
Что сильныхъ нашихъ чувствъ красивыя мечты
Обманы суть ума и сердца суеты!

Но гдѣ же мой предметъ? — въ какое раз-
мышленье

Далеко увлекло меня воображенье?

Къ пріятелю пять строкъ собирался написать;
Чего грѣха таить — я самъ люблю мечтать:
Когда перо въ рукахъ, въ глазахъ огонь камня —
Отвлечься отъ себя всегда какъ тутъ причина.
Но возвратимся мы на перву рѣчь, мой другъ;
Моихъ занятій здѣсь хочу окончить кругъ.

По чести говорю, въ деревнѣ намъ не скучно:
Мы всѣ между собой живемъ единодушно;
Одни лишь вечера несносно тяготятъ
Почти во весь день ночь, — но подъ носомъ го-
рятъ

Четыре вещества: дрова, воскъ, масло, сало *),
Чтобъ ночи озарить густое покрывало.
За то мы въ казино, въ бостонъ между собой

*) У насъ подлинно дрова жгутъ въ каминѣ, намъ по-
лаютъ восковыя свѣчи, дѣтямъ сальныя, а по стѣнамъ, въ
лампахъ, горитъ масло.

Играемъ иногда до полночи глухой;
 А тамъ, чтобъ возбудить покрѣпче усыпленье,
 Съ полчаса мечу одинъ долготерпѣнье *);
 Задумавшись, люблю я масти подбирать,
 И карты какъ сойдутъ, зѣвну — и лягу спать.
 Жена, мой вѣрный другъ, меня не покидаетъ;
 До крайности мила, но тѣмъ лишь досаждаеть,
 Что въ вистъ ко мнѣ всегда пойдетъ безъ ко-
 зырей,

И править своихъ дамъ на счетъ моихъ царей.
 Сестрица, — та всегда о всѣхъ объ насъ въ печали,
 Что въ домѣ для потребъ денегочекъ намалѣ;
 Дочь *Варшюка*, дабы скорѣе время шло,
 Расписывать взялась мой почеркъ на-бѣло;
Митюша-философъ труды свои имѣеть,
 Надъ путешествіемъ моею руки потѣеть:
Евгеша иногда мнѣ пѣсенку споеть
 И милымъ голоскомъ къ восторгамъ увлечеть;
 А бойкой *Рафаилъ* въ пріятностяхъ свободы
 Качели лѣпитъ намъ изъ карточной колоды.
 Двѣ барышни: одна насмѣшлива, рѣзва,
 То въ заркало глядитъ, то пугаетъ канва;
 Другая — той я далъ прозванье *Анемоны* —
 Славнѣ красотой *Надировой* короны,
 И каждая изъ нихъ, чтобъ молвить въ добрый
 часъ,

Водой не замутятъ подъ крышкою у насъ.
 Классонъ мой пожилой, пріятель нашъ старинный,
 Всей нашей слободы строжайшій благочинный,

*) Я такъ перевелъ французское названіе: *grande patience*.

Со мной всегда готовъ на жаркій выйти споръ,
Когда дерзну сказать, что Галло *) поретъ
взоръ;

Еще одна вдова, житейскими волнами
Прибитая въ нашъ домъ, давно уже все съ нами;
Да добрая моя старушка мадамъ Варчъ,
Безъ мала 30 лѣтъ съѣдая здѣсь свой харчъ,
Въ каморочкѣ одна чулки вмолачанку вяжетъ,
А въ праздникъ во весь день на Библию наля-
жетъ.

Сверхъ вашихъ грѣшныхъ душъ еще два существа,
Переселились къ намъ изъ царства естества:
Болоночка-Азоръ въ ногахъ моихъ играетъ
И шелковой своей волною щеголяетъ,
Межъ тѣмъ, какъ у меня надъ самой головой
Сингирь клюетъ зерно и брызжется водой.
Тепла въ мятель искать къ намъ пташка при-
летала,

Слуга ее словилъ, и въ клѣточку попала.
Рѣчистая тутъ вся и безсловесна тварь,
Надъ коей здѣсь въ сельцѣ я самый мелкій царь.
Сосѣди у насъ есть, но рѣдко посѣщаютъ,
Куда ихъ Богъ несетъ, — гдѣ тихо — тамъ ску-
чаютъ.

Да я и не тужу. Что лучше, какъ семья?
Пускай укажутъ мнѣ, гдѣ внѣшніе друзья?
У насъ съ тобой онъ есть, и прямо закадышный;
Добротами богатъ, но участи не пышной.

*) Извѣстный провозвѣстникъ черепословной системы,
о которой я вѣчто молвилъ въ сочиненіи моемъ на Судьбу.

Да гдѣ его искать? — онъ въ дальней сторонѣ;
Намъ тошно всѣмъ по немъ, а больше прочихъ —
мнѣ.

И такъ я провожу въ деревнѣ жизнь пріятно,
Благодаря Творца небеснаго стократно
За то, что, искусивъ терпѣнье до зѣла,
Пить разъ намѣстѣ семь поднесъ мнѣ чашу зла,
Смирнлѣ мой пылкій нравъ путемъ уничиженья,
Исторгъ изъ суеты, даль духъ удивенья
И средство показалъ въ самомъ себѣ стяжать
Добра, какого намъ цари не могутъ дать.
О, сколько зрю вокругъ себя людей радушныхъ
Покорности, любви и жертвъ великодушныхъ!
До поздней ночи вплоть отъ раняго утра
Какъ много соберу моральнаго добра,
И въ подвигахъ людей, привыкнущихъ къ стра-
данью,
Примѣровъ обрѣту къ сердечну назиданью!
Тотъ вѣкъ не развернетъ своихъ душевныхъ
силъ —
Повѣрь ты мнѣ — кому мятежъ мірской лишь
милъ.

Дай срокъ! — вотъ Новый годъ подходитъ; я
пріѣду
Отдать Москвѣ поклонъ, съ тобой вести бесѣду.
Но только, чтобъ тебя не проняла тоска,
Заранѣй знай, что ты найдешь во мнѣ дичка;
Мнѣ кажется, у васъ самъ воздухъ смѣщенъ
съ скукой —
Увы! ужъ я совсѣмъ не прежній Долгорукой,
Который никакихъ забавъ не пропускалъ,

Румянецъ ясныхъ двей подь тучи новы скрылъ.
О, если бы не рокъ, только вдругъ превратный,
Нарушилъ мой досугъ невинный и пріятный,
Когда бы не читалъ вседневно я газетъ,
Изъ конхъ ясно зрю, сколь зло постраждетъ
свѣтъ, —

Тотчасъ бы переслалъ къ тебѣ съ попутнымъ
вѣтромъ

Спасибо въ длинный листъ широкимъ гекзамет-
ромъ,

И въ немъ бы изъяснилъ получше, сколько могъ,
Какъ я люблю читать твой плавный, чистый
слогъ.

Мнѣ многіе твердятъ: «что, братецъ, ты такъ
скученъ;

Какая намъ печаль, что смертныхъ родъ заму-
ченъ?

Пускай дерутся тамъ; — надъ ними бы тряслось,
Лишь только бы *прижнуть* самимъ не довелось.

Чужія племена не тронь злодѣи губять;

Не нашу тысячу, вѣдь, слава Богу! рубятъ.»

Прекрасный эгоизмъ! — Я, грѣшный человекъ,
Такъ мыслить иногда не выучуся ввѣкъ.

Подобнаго себѣ люблю равно съ собою,

Въ какой бы онъ климатъ ни брошенъ былъ
судьбою;

Всѣхъ вѣръ и языковъ, *своихъ, чужихъ ли странъ*,
Газетовой на немъ, сермяжный ли кафтанъ,

Равно мнѣ ближній милъ, равно о немъ жалѣю,
Доколь онъ гражданствъ спокойный, — разумно;

А сколько же теперь такихъ злодѣи бьютъ,

Которыхъ сироты кровавы слезы льютъ,
Которыя, во злѣ не будучи участны,
Всей тягостію зла подавлены несчастны!
Какіко робкихъ душъ въ сей самый кроткій часъ,
На томъ концѣ земли, въ виду ста тысячъ глазъ,
Плотской сатанаплъ мечами поражаетъ,
Имущества, семьи и родины лишаетъ!
Какъ можно, слыша гулъ тревогъ, не трепетать,
Смѣяться въ тишиѣ, ѣсть сладко, крѣпко спать?

Есть деревня, мой другъ, Россійскаго народа
Пословица у насъ: — *въ семьѣ не безъ урода.*

Такъ думалъ, да и могъ такъ думать старый вѣкъ,
Затѣмъ, что былъ тогда незлобей челоуѣкъ;

И всякой, кто чужимъ невзгодьемъ наслаждался,
По рѣдкости своей — уродомъ всеѣмъ казался:
Но нынѣ вѣкъ другой.—Съ изнанки мы возьмемъ
Пословицу свою, и такъ перевернемъ:

Въ толпѣ мнѣхъ людей и добрый попадется.

Кто жъ добрый, зря его въ бѣдѣ, не содрогнется?

Но дѣло не о томъ, забудемъ на часокъ, —
Ты въ Псковѣ, я въ Москвѣ—и западъ и вос-
стокъ;

Займемся лишь собой! — Послушай же, пріятель,
Княженя безъ князей свободный обыватель!

Прекрасно ты поддѣлъ на старости меня!

Сиропилъ на дняхъ, гдѣ ты? — и слѣдъ про-
стылъ, — а я

Лишь только за тобой послать вчера собрался
(Вчера полвѣка мнѣ и съ годикомъ промчался),
И думалъ, что съ тобой за рюмкою вина,
Еще кой съ кѣмъ въ кругу, я, дѣти и жена,

О вздорѣ нашихъ дней пріятельски поспоримъ,
Подпустимъ въ кровь огня и сердце раззадоримъ;
Бѣжитъ къ тебѣ слуга,—а между тѣмъ на дворъ
Почтарь несетъ ко мнѣ различныхъ писемъ сборъ,
И въ нихъ одно твое. — Откуда? — Изъ Рязани.
Экъ на, куда твои по лужамъ плыли сани!
Признаться, я качнуль разъ пять, шесть голо-
вой.

Уѣхать не простясь, — какой обычай злой!
Прочтя письмо, гляжу: стихи, стихи прекрасны,
И собственно ко мнѣ, — всё оправданья ясны;
Сердиться не могу, — быть такъ, простилъ сто
кратъ:

Кто хвалитъ, тотъ когда бываетъ виноватъ;
Да ты же весь причетъ моихъ Рандъ возносишь,
Такъ мило, такъ остро въ винѣ прощенья про-
снись,

Что не хотя его перо тебѣ даетъ, —
Повинной головы и мечъ вѣдь не сѣчетъ.
Но все-таки мнѣ жаль, что мы съ тобой раз-
сталсъ;

Боюсь, сойдясь на часъ, чтобъ году не видались:
Кто знаетъ, чтò родитъ грядущій съ неба день?
Меня прижметъ карманъ, тебя задержитъ лѣнь,
И будемъ слышать мы другъ о другѣ лишь вѣсти.
По крайней мѣрѣ дай ты слово мнѣ по чести
Хоть изрѣдка писать. — Я правиломъ себѣ
Поставилъ навсегда, скажу то жъ и тебѣ:
Заочная пріязнь перомъ лишь только дышетъ;
Какой тотъ къ чорту другъ, кто строчки не
напишетъ!

Въ грѣхѣ такомъ ты мнѣ не будешь. чай, пѣ-
нять,

Смотри, какой я лясть изволил намарать!

Но если надоѣстъ посланіе ужасно,

Меня ты не вищи, пожалуй, въ томъ напрасно;

Во всякомъ есть изъ насъ свой собственный
изъянъ,

И самолюбя червь всеобщій нашъ тиранъ.

Прекраснѣйшій приславъ картель мнѣ стихотвор-
ный,

На поединокъ сей пріятель твой покорный

Съ плохимъ своимъ перомъ явится принужденъ;

И знаю напередъ, что буду побѣжденъ,

Но трусктъ не велтъ ни чести долгъ надмен-
ный,

Ни рыцарскій уставъ, ни Музь соборъ священ-
ный

Довольно ли въ строкахъ начальныхъ погру-
стилъ?

Довольно ли, мой другъ, въ концѣ письма шу-
тилъ?

Прости! дай Богъ тебѣ и здравья и покоя!

Желаю, чтобы ты, дѣла свои устроя,

И жатвою былъ сытъ и деньгами богатъ,

Въ пріязни никогда лукавствомъ виноватъ;

Еще хочу, чтобъ мать всѣхъ благъ земныхъ —
натура,

Хранила бы тебя подъ крылышкомъ амура:

Амуръ еще твой другъ, а мой — ужь явный
врагъ,

Отъ Лилы при тебѣ не отлеталъ на шагъ,

Чтобъ *Има*, косй ты, какъ кажется мнѣ, таешь
И пламенно еще до-сихъ-поръ обожаешь.
Любила пѣть съ тобой ту пѣсенку мою,
Которую ужъ я едва, едва пою.

И . . Н .

К л а с с о н у .

Ede, bibe, lude; post mortem nulla voluptas.

Я съ Вѣлой распрощался,
Мой любезный другъ, Классонъ!..
Только поздно догадался,
Негодяю крикнуть: вошь!
Знать, что Богъ съ начала вѣка
Сотворилъ такъ человѣка,
Сердце вставилъ глубоко,
Душу спряталъ далеко,
Что и ловкой сплошь дѣтина
Дурака не разберетъ;
Сколь нерѣдко здѣсь скотина
Тонкой умницей слыветъ,
Все потомки въ нашемъ братѣ!
Обтеки вселенну вскачь,
Вездѣ встрѣтишь вопль и плачь,

То жь во всякомъ ты климатѣ.
Мудрена природа въ насъ,
Мудренѣе во сто разъ,
Чѣмъ въ звѣряхъ, во птицахъ, въ рыбѣ,
Чѣмъ металла въ твердой глыбѣ;
Жаль, что въ сердцѣ иногда
Слухового нѣтъ окошка,
И нельзя взглянуть немножко,
Что творится въ немъ когда.
Но природа такъ слѣпила
И въ народѣ учредила,
Чтобъ, зажмурясь весь свой вѣкъ,
Теръ дорогу человѣкъ:
Смотрить много — видитъ мало,
Бѣтъ въ меду змѣино жало,
Яму видитъ лишь тогда,
Когда свергнется туда.
Къ чему рѣчь моя стремится
Хоть сказать бы не хотѣлъ,
Да пришло ужъ повиниться,
Что меня Французъ поддѣлъ —
Да какой? — увы! безчестной
Поваришка-басурманъ,
Моихъ денежекъ тиранъ,
И изъ слугъ слуга почетный.
Ты знавалъ его искусство,
Ты приправъ его ѣдалъ;
Объяденья тронуть чувства,
Правда, мастеръ онъ бывалъ.
Помнишь славные паштеты,
Пирожки а l'Antoinette,

Иль Субиковы пошлеты,
Или вспомни винегреть:
То-то нѣжное питанье,
Амброзія лже-боговъ!
Гдѣ художнѣй сочетанье
Можно зрѣть земныхъ плодовъ?
Льстить однако жъ не намѣренъ,
Хоть хвалить его люблю.
Вѣртель былъ ему невѣренъ,
Его суповъ не терплю;
Впрочемъ, столъ убрать богатый,
Башню въ слойкѣ показать,
Фракъ надѣть щеголеватый,
И vous êtes servi сказать,
Кто жъ другой всему съумѣетъ
Такъ проворно споровить,
Въ одночасѣ кто поспѣетъ
При столѣ и въ кухнѣ быть?
Нѣтъ, прошу меня уволить,
Правду мнѣ сказать позволить,
Что каковъ Віала былъ,
Міръ такихъ двухъ не родилъ.
Ахъ! напрасно сожалѣнье
Сообщаю вамъ свое;
Его нагло поведеніе
Сердце взорвало мое.
Нынче въ ярмарку какъ съ нами
Онъ при кухнѣ прѣзжалъ,
Дьяволъ снесъ его съ купцами,
Земляка къ нему наслалъ.
Вмигъ другъ друга распознали,

Оба женъ своихъ помчали,
И въ квартиру къ намъ пришли:
Лучше мѣста не пашли
По-французски напроказить,
Съ-пьяну женъ обезобразить;
Въ банкъ играли цѣлу ночь
И во всю бѣснись мочь.
А пазавтра я хватился
Для гостей готовить столъ,
Мой Вιάль запропастился,
Не спросясь, чутъ свѣтъ, ушелъ;
За такія мнѣ досады
Въ годъ пятьсотъ рублей платить
Не найдя большой отрады,
Я рѣшился его сбить:
Чортъ тебя возьми, *Віала!*
Пошии другихъ, какъ я,
У кого разсудка мало
И ума, какъ у меня.
Овъ, съ двора отъ насъ съѣзжая,
За долги попалъ въ тюрьму;
Цѣль чугуна пуловая
Не понравилась ему:
Сидя въ стулѣ, неудобно
О поварнѣ разсуждать.
Часового неспособно
Винегретомъ обольщать.
Такъ-то въ свѣтѣ семь судьбина
Всякимъ средствамъ учить насъ;
Съ плута падаетъ личина,
Когда гибнуть стукнетъ часъ.

Онъ обманывалъ три года
Меня всякому на смѣхъ,
Самого теперь уroda
Капдалы крушатъ за грѣхъ.
А убытокъ въ наказанье
Миѣ остался одному;
Своей слабости познанье
Польза важная уму!
Хоть теперь и не французской
Подадутъ на столъ ragoût,
Но горшку и каши русской
Аппетитъ придастъ du goût.
Аппетитъ лишь бы продлился,
Только онъ бы не лѣнился
Временами миѣ служить,
Безъ Віалы можно жить;
А какъ онъ-то насъ покинетъ,
Вотъ, любезный другъ, бѣда!
Пусть вселенная вся гинетъ,
Коль прискучила ѣда!

Н. Ф. Остолопову.

Есть городъ на Руси по имени Борзна,
Въ которомъ не найдешь ни сливокъ, ни вина;
Однако жъ иногда почтовы эстафеты
Привозятъ и сюда журналы и газеты; —

Хоть не чѣмъ живота со вкусомъ накормить,
По крайности есть чѣмъ головушку вскружить.—
Пока монахъ коней во градѣ тамъ кормил,
Мы, сидя у Жида, газеты проходили,
И вдругъ какой сюрпризъ пріятный я нашелъ:
Отъ Остолопова стихи къ себѣ прочелъ,
Которыхъ разсудилъ онъ быть меня достойнымъ
За то, что я воспѣлъ, хоть голосомъ нестрой-
нымъ,

Но твердымъ, отъ души, невпипности хвалу
И видѣлъ не страшась летящу въ грудь стрѣлу.
Судить о мастерствѣ стиховъ на разумѣю,
Бывъ самъ предметомъ ихъ, и права не имѣю;
Но долженъ и хочу отвѣтъ въ нихъ сочинить
Тому, кто сдѣлалъ честь мнѣ трудъ свой по-
святить:

Признательности дань плачу чистосердечно!
Въ сношеньяхъ между насъ пристрастья нѣтъ,
конечно,

Затѣмъ, что хоть его плѣняюся перомъ,
Однако жъ съ нимъ совсѣмъ донынѣ не знакомъ.
За что жъ другъ другу льстить? — Вѣдь дѣло
не невольно.

Онъ чувствуя писалъ, я также — и довольно!
Стихи одинъ размѣръ, — мысль вывѣска души;
А въ комъ она добра, тотъ всячески пиши:
Въ искусствѣ заслужить хвалу какъ ни пріятно,
Но въ чувствѣ сходство зрѣть пріятнѣе сто-
кратно.

Для славы и любви, съ тѣхъ поръ, какъ созданъ
міръ,

Не тысяча одна, настроивалась лирѣ;
Миръ витязямъ! — пора пѣвцамъ ихъ утомиться,
Къ невинности пора съ свирѣлью обратиться.

Такъ, Остолоповъ, такъ! она источникъ благъ,
Котораго взмутить не въ силахъ лютый врагъ!
Прилгать ее себѣ способны и злодѣи, —
Видали мы не разъ подобныя затѣи;
Но какъ ни лакируй порочнаго пятна,
А глянецъ вмигъ сойдетъ и мерзость ихъ видна:
Въ невинности себя подложной не увѣришь,
И совѣсти гнилой всѣхъ прежде бездну смѣришь.
Быть вправду, или прослыть — какая развота!
Одно души есть рай, другое — пустота,
Сонъ тонкой, да и тотъ чрезмѣрно скоротечный.
Обманомъ уловляя быть можетъ миръ безпеч-
ный,

И съ честнымъ иногда бездѣльника сравнивать,
Болвана въ мишурѣ героемъ называть;
Но гласъ души не лживъ: ему хоть поздно внем-
лютъ,

И очи совѣсти непоминутно жъ дремлютъ;
Невинности прямой приспѣетъ торжество,
Дастъ цѣну ей народъ — прославитъ Божество!
Какъ солнце послѣ бурь, разбивши тучи мрачны,
Лучъ яркой испошлетъ на нивы всюду злачны,
Такъ, съ помощью Творца, Его заемля духъ,
Невинность клеветы разгонитъ подлый слухъ. —
Повѣрь мнѣ, нѣтъ серебра и злата столько въ
мирѣ,

Меча нѣтъ у вождей, ни силъ въ самой порфирѣ

Которыя бѣ могли невинность погубить
И мзды ей отъ Небесъ назначенной лишить.

Награда въ насъ самихъ, — но горе подо-
зрѣнью!

Оно всегда летитъ во слѣдъ предубѣжденью,
И качествамъ души не смѣя вѣры дать,
Въ порочный видъ снѣшитъ невинность искажать,
Чтобъ самолюбія заносчива тирана
Вѣвка не помрачить, ставъ жертвою обмана.
Сей гидръ силу далъ нашъ мнимо-славный вѣкъ,
Сталъ хитростью великъ — малъ въ духѣ чело-
вѣкъ,

Сердечну доброту рассчитаю покоряя,
Благоразуміемъ коварство называя,
И въ людяхъ и въ вещахъ онъ видитъ только зло,
И снисхожденіе свирѣпствомъ зарасло.
Чугунны времена! — увы! — Своротимъ взоры!
Не пользу, вредъ родятъ подобные укоры.
Довольны будемъ тѣмъ, что можемъ иногда,
Чужая ли, своя — коль тронетъ насъ бѣда,
Подъ кровь уединясь, въ молитвѣ сокрушенной
На помощь призывать къ себѣ Творца вселенной;
А книги, а перо — какой богатый кладъ
Для сердца, жаждуща чувствительныхъ отрадъ!

Посланье прочитавъ; однако жъ, Остолоповъ,
Не ставъ меня въ числѣ тѣхъ жесткихъ мизан-
троповъ,
Которые грѣхомъ смертельнымъ даже чтутъ
И то, за что ребятъ ужъ въ школахъ не сѣкутъ,

Предъ чьимъ провозгласяеть судилищемъ ужас-
нымъ

За острое слово — мятежникомъ опаснымъ,
И съ конми вовѣкъ въязни не сведешь,
Доколь ихъ странности отъ нихъ не переймешь;
Узнай меня, — вѣтъ, я десятка не такова:
Всѣмъ добрымъ людямъ другъ — и только золь
на злова

Былъ молодъ и вѣвалъ волшебную любовь;
То время ужъ прошло — кипуча стынетъ кровь,
Невольно сѣдша смиряться научила
И опытовъ стезей съ разсудкомъ примирила:
Такъ всякому изъ насъ Природа въ свой чередъ
Безъ метафизики укажетъ путь впередъ. —
Скажу я о себѣ: — Слякочася всѣ кости!
Ахъ! скоро, можетъ быть, земельки двѣ-три горсти
Творецъ міровъ и мнѣ велитъ отмежевать!
Тогда ужъ ничего не буду я писать;
Спокоятся мои превыспренни зоицы
И клятвъ ихъ отражать не будетъ спудъ мо-
гилы.

Въ пріятеляхъ я пишу — въ говителяхъ богатъ
Но ты къ ней подойдешь, во Аполлонѣ братъ,
И вспомянувъ вѣснь мою невинности правдиву,
Пошлешь отъ сердца вздохъ, слезу прольешь
нелѣстиву!

КНЯЖНѢ В. П. ВОЛКОНСКОЙ.

I. *

На именины.

Дай Богъ, княжна! чтобъ ты отнынѣ
Счастливо дни свои вела,
И въ лучшей смертнаго судьбинѣ
По волѣ сердца бы жила:
Съ утра до вечера смѣялась
Севодни, завтра, всякой день,
И скуки мрачной не касалась
Тебя ниже малѣйша тѣнь!

Дай Богъ, чтобы разсудокъ вѣрный
Твой ивлкій нравъ остерегалъ,
Ума совѣтъ нелицемѣрный
Ошибки чувствъ предупреждалъ!
Чтобъ случай тѣсный не встрѣчался
Необходимости съ тобой,
И вѣжнѣйшій взглядъ не орошался
Болезни горькою слезой!

Дай Богъ, чтобы въ семьѣ согласной,
Въ кругу достойнѣйшихъ друзей,
Считала радостью всечасной
Число бѣгущихъ нашихъ дней!
Они чтобы въ виду имѣли
Твоимъ желаньямъ угождать,

Чтобъ всѣ въ глаза тебѣ глядѣли,
Любя и взоръ ихъ отгадать!

Дай Богъ, чтобъ горестну измѣну
Въ пріязни, въ дружбѣ не познавъ,
Ты жизни всю вкушала цѣну,
Храня взаимностей уставъ!
Чтобы съ тобой веда бесѣду,
И тотъ, кто вовсе немилымъ,
Позналъ бы нѣжныхъ чувствъ побѣду
Надъ свойствомъ пасмурнымъ своимъ!

Дай Богъ, чтобы въ твоей онъ долѣ
Всѣхъ благъ собраніе вмѣстилъ!
Чего жъ еще желать мнѣ болѣ?
Прости, еще одно забылъ:
Дай Богъ, чтобы сама Природа,
Твое пристрастье чтя къ лунѣ,
Велѣла бъ ей во всѣ дни года
Играть съ тобой въ твоємъ окнѣ!

II.

На новый годъ.

Встрѣчай, княжна! время обнову
Въ спокойствѣ духа, въ тишинѣ!
Дай Богъ мой старъ — но въ риѣму нову
Одѣть его нѣтъ силъ во мнѣ;

Сказавъ тебѣ въ избыткѣ чувства,
Что я въ Варваринъ день сказалъ,
Я всѣ стиховъ моихъ искусства
Тебѣ тогда въ даръ сердца далъ,

Тебѣ, чье сердце такъ умѣетъ
Подарокъ дружества цѣнить,
Способность рѣдкую имѣетъ
Внимать пріязни и любить.
На то, чтобъ нѣжно изъясняться,
Не нужны вовсе тамъ мечты.
Гдѣ духъ влекутъ нашъ восхищаться
Прямая права красоты.

Онѣ-то всѣхъ въ тебѣ плѣняютъ,
И не увянутъ никогда.
Года лишь случаи мѣняютъ;
А добрый нравъ хорошъ всегда.
Съ нимъ всѣ взаимности пріятны,
Онъ дружбѣ самый твердый шитъ;
Ума движенія коловратны
Хорошій нравъ всегда смиритъ.

Не ставлю я въ моемъ предметѣ
Похвалъ пріятностей твоихъ;
Пріятныхъ женщинъ много въ свѣтѣ,
Достойныхъ мало. — ты изъ нихъ.
Я даръ хвалы воздать стремлюся
Однимъ чувствительнымъ сердцамъ.
Я къ нимъ съ восторгомъ отношуся;
Блаженствомъ ихъ блаженъ я самъ.

Твое да будетъ совершенно —
О семь, дай Богъ, я повторю,
Не льстя, какъ всѣ обыкновенно,
Но тронуть сердцемъ говорю:
При первомъ утрѣ нова года
Дай Богъ (скажу я въ сотый разъ),
Чтобъ все тебѣ дала природа,
Что счастиемъ сльветъ у насъ!

III.

ВЪ ДЕНЬ СВѢТЛАГО ВОСКРЕСЕНЬЯ.

Свѣтлый день Христовъ явился,
Съ нимъ сопутствуетъ весна;
Зимней почи мракъ сокрылся,
Жизнь природѣ отдана:
Воды плещутъ, льдины таютъ,
Хвалить Бога всяка тварь;
Въ радостяхъ сердца играютъ,
Знаждется любви алтарь.

Свѣтлый день Христовъ встрѣчая
Въ безмятежной я судьбѣ,
Дружбы тихой рай вкушая,
Всѣхъ желаю благъ тебѣ:

Чтобы такъ, какъ день сей красный,
Текли жизни твоей дни;
Чтобъ очей твоихъ видъ ясный
Казалъ радости дни.

А когда сама ты будешь
Въ жизни счастье находить,
Тверда въ дружествѣ пребудешь
И престанешь слезы лить, —
Въ безпрестанно красномъ лѣтѣ
Обновлюсь тогда и я;
Тогда всякой день на свѣтѣ
Будетъ свѣтелъ для меня.

IV.

На имянины.

Я, годъ назадъ, въ сей день молился
Творцу безчисленныхъ міровъ,
Чтобы твой рокъ обогатился
Избытками Его даровъ,
И тѣмъ же духомъ пакн нынѣ
Его о томъ же я молю,
Въ твоей участвуя судьбинѣ,
Тогдашній стихъ возобновлю.

Дай Богъ, княжна, чтобъ ты здорова
И счастлива всегда была;
Чтобъ никакая мысль сурова
Вовѣкъ на умъ тебѣ не шла;
Чтобъ все желанья исполнялись,
Какія бь ни имѣла ты;
Чтобъ даже въ истинѣ сбывались
Пріятныхъ сновъ твоихъ мечты.

Дай Богъ, чтобъ ты, несчетны годы
Проживъ во множествѣ утѣхъ,
Невинной прелести свободы
Всегда вкушала безъ помѣхъ,
И чтобъ, родившись столь способна
Къ себѣ привязывать людей,
Была сама себѣ подобна
И тѣмъ на свѣтѣ всѣхъ милѣй!

Дай Богъ, чтобъ всякой случай въ мірѣ
Казалъ тебѣ столь ясный видъ,
Сколь ясенъ цвѣтъ небесъ въ зѣнрѣ,
Который взоръ твой веселитъ!
Какъ любишь ты, княжна, отмѣнно
Изъ всѣхъ цвѣтовъ цвѣтъ голубой,
Чтобъ такъ любима неизмѣнно
Друзей и сердцемъ и душой!

Дай Богъ, чтобъ Ангелъ кроткой, мирный
Твой каждый шагъ располагалъ,
Отъ язвы зависти пронырной
Тебя во всѣхъ путяхъ спасалъ!

Будь, словомъ, всѣхъ счастливѣй въ свѣтѣ!
Мнѣ больше печего желать.
Что я сказалъ въ прошедшемъ лѣтѣ,
Готовъ всечасно повторять.

Мои желанья, мое чувство,
Одни съ тѣхъ поръ и по сей часъ;
Не нужно клятвы въ томъ искусство,
Что опытъ оправдалъ сто разъ.
Что преданъ я тебѣ сердечно,
Во всѣхъ движеньяхъ зришь моихъ;
Дай Богъ, чтобъ могъ и я быть вѣчно
Достоинъ милостей твоихъ!

V.

Дочернія любви достойный образецъ!
Всею нѣжностью души природой одарена,
Живи ты долгій вѣкъ спокойна и блаженна
Ко счастью всѣхъ тебѣ приверженныхъ сер-
децъ!

КНЯЖИВЪ В. Н. ДОЛГОРУКОЙ.

I.

ПРИНОШЕНІЕ.

Княжна! позвольте мнѣ поднести вамъ бездѣ-
лушку:

Она сочинена для васъ, для васъ однихъ.
Я въ прозѣ не богатъ, еще бѣднѣй мой стихъ;
Но въ пѣсенкѣ простой дарю лишь я игрушку.

Гитары вашей звукъ плѣнить меня умѣлъ;
Я слышалъ, какъ на ней пріятно вы играли:
Что голосъ произвелъ, то струны выражали;
А я стоялъ, молчалъ, дивиться только смѣлъ.

Довольно я давно замѣтилъ, что природа
Дала вамъ даръ сердца какъ струнки шевелить;
Меня лишь тѣмъ она хотѣла надѣлить,
Чтобъ, видя васъ, забыть, что въ чувствахъ есть
свобода.

II.

П ъ с н я.

Почто напоминаешь
Протекшіе года?
Почто ты заставляешь
Себя любить всегда?

Дай волю мнѣ скрываться
Отъ прелестей твоихъ,
Дай смѣлость не бояться
Заразъ очей драгихъ!

Вездѣ меня находитъ
Твой образъ дорогой;
Онъ каждый шагъ мой водить
Туда, гдѣ былъ и твой.

Въ тоскѣ моей ужасной
Сокроюсь ли куда, —
Побѣгъ мой — трудъ напрасный:
Гдѣ ты, тамъ я всегда.

Въ пещерѣ дикой, мрачной
Убѣжища мнѣ нѣтъ;
Въ струѣ воды прозрачной
Твой взоръ меня найдетъ.

Лишь только разнесется
Твой голосъ по горамъ,
То въ слѣдъ ему несется
Мой вздохъ — вся мысль — я самъ.

Я самъ, прервавъ унылый
Моихъ вздыханьевъ стонъ,
Бѣгу къ тропѣ той милой,
Гдѣ слышался мнѣ онъ.

Бѣгу къ немилосердой,
Чтобъ духъ ея склонить;
Но, нѣтъ! ты камень твердый, —
Не знаешь ты любить.

Ты страстныхъ чувствъ волненья
За счастье не чтишь,
Ты вздохомъ изъясненья
Понять не дорожишь.

Въ разсѣянности свѣта
И въ пышности пустой
Ищи забавъ предмета,
Губи свой вѣкъ златой;

А я, въ любовной страсти
Не зная благъ иныхъ,
Люблю ея напасти
Сносить у ногъ твоихъ.

III.

На имянины.

Барварѣ въ небесахъ севодни я молился,
Чтобъ Варинькѣ земной Богъ счастье нпеслалъ;
То съ вѣрою къ одной я духомъ возношлся,
То сердце все къ другой съ любовью посылалъ.

Барвара въ небесахъ свята и преподобна;
Барвара на землѣ, какъ Душенька, мила!
Геройствомъ Вѣры та явилась безподобна:
Земная—весь свой полъ въ пріятствѣ превзошла.

Та голову свою за Бога положила,
И горней славы тѣмъ приобрѣла вѣнецъ;
Ты головы другихъ всегда съ ума сводила
И давъ брала со всѣхъ чувствительныхъ сердець.

Еще прибавлю стихъ — и всеъ тебя узнають:
Достойна, хороша, чувствительна, умна.
Теперь гдѣ ни прочтуть, въ минуту отгадають,
И скажутъ, встрѣтя всеъ:—такъ, это ты, княжна!

ПЕРЕПИСКА ВЪ СТИХАХЪ
СЪ КНЯГИНЕЮ В. А. ТРУБЕЦКОЙ.

I.

АКРОСТИХЪ ЕЯ.

Какъ твои творенья внятно
Наставляютъ разумъ мой!
Я бесѣдную пріятно,
Занимаясь тобой.
Ими смыслъ мой просвѣщаю,
Въ нихъ утѣхи находя;
Ароматный сокъ вкушаю,
На затѣйной слогъ глядя.
Много замысловъ въ немъ вижу,
И люблюсь остротой;
Хитрыхъ козней ненавижу,
А плѣняюсь чистотой,
И искусствомъ объясняться,
Легкимъ средствомъ умъ питать,
Отъ кощунства удаляться, —
Вотъ искусство, какъ писать!
Имъ перо твое водимо,
Чту пріятность чувствъ твоихъ;
Даръ имѣешь ты нелѣстимо
Объясняться сладко въ нихъ;
Лиру строишь ты согласно,

Гласнымъ строимъ слухъ плѣня,
Объясняешься прекрасно
Рѣдкимъ слогомъ для меня.
Услади еще тѣмъ пѣньемъ,
Коиъ стройный тонъ даешь!
Обучи твоимъ умѣньемъ
И меня, какъ ты поешь!

II.

Акростихъ мой.

—

Кто, честности прямой уставы понимая,
Незлобія въ очахъ пріятный носитъ видъ,
Язвительныхъ укоръ за умъ не почитая,
Гордится тѣмъ однимъ, чтобъ не чинить обидъ,
И славы блескъ прямой, почтенный человекъ,
Находитъ не въ чинахъ, а въ качествахъ пря-
мыхъ.

Я чаялъ, что уже въ испорченномъ семъ вѣкѣ
Вотще бы было мнѣ искать людей такихъ.

Ахъ, нѣтъ! и въ наши дни я зрю, что Прови-
дѣнье,

Ревнуя показать величество свое,
Въ особѣ той, что здѣсь прочтется нареченье,
Атличіемъ тѣхъ свойствъ украсилъ и еѣ.
Разсудка на пути ставъ твердою ногою,

Атъ всѣхъ страстей себя геройски сберегла;
Ана, и надъ самой возвысившись судьбою,
Любѣйшихъ среди бѣдъ всегда равна была.
Ей нѣтъ иныхъ заботъ, иной за нихъ награды,
Какъ только зрѣтъ свое семейство въ тишинѣ;
Согласіе и миръ — вотъ все ея отрады!
Анѣ превыше всѣхъ въ сей смертной сторонѣ.
Нѣжнѣйшей дружбы въ ней вся скромность оби-
таеть;

Душа ея чиста, какъ лѣта ясный день;
Разсѣянная жизнь ее не обольщаетъ.
О, сколько отъ нее далеки праздность, лѣнь!
Въ часы, какъ отъ трудовъ домашнихъ свобо-
дится,

Нерѣдко и въ стихахъ и въ прозѣ, говорятъ,
Ана своимъ перомъ умѣетъ веселиться;
Тщеславной похвалою ее не изумятъ.
Рисунокъ бѣденъ сей; но если бъ украшеньемъ
Умѣлъ бы я его поэзіи убраться,
Безцѣннымъ бы почелъ для сердца утѣшеньемъ .
Ей чувство моихъ сію дань первую воздать!
Цѣпями моего незнанія стѣснѣнный,
Картины сходной я не смышлю довершить;
А подмижникъ ея, въ добротѣхъ совершенный,
Я буду, пока живъ, съ почтеніемъ любить!

III.

ВОЗРАЖЕНІЕ ЕЯ.

Полезный для меня урокъ твой получила.
Прочтя его, тотчасъ себя я спросила:
Похожа ль на портретъ, который начерталъ,
Когда въ умѣ твоёмъ меня воображалъ? —
Со всѣхъ сторонъ себя я разсмотрѣть хотѣла;
Что видишь ты во мнѣ, найти я не умѣла.
Увы! къ несчастію, и тѣни не нашла,
Взглянувъ на подлинникъ, когда въ себя вошла.
Но въ пользу для меня урокъ твой обращаю,
Изъ заблужденія тебя я возвращаю.
Не думай обо мнѣ, какъ началъ мыслить ты:
Очисти зрѣніе — исчезнутъ красоты,
Наполнилъ коимъ ты свое воображеніе.
Когда хотѣлъ писать о мнѣ изображеніе.
И если подлинно добра кажусь совнѣ,
Повѣрь, что не найдешь добра того во мнѣ.
Какая же тому, ты спросишь, есть причина?
Моя наружная притворная личина,
Который, можетъ быть, притворный кроткій видъ
Спокойство внутренно и тмы добротъ сумитъ.
Знай, твой урокъ велѣлъ себя мнѣ прикоснуться,
Въ зеркало совѣсти велѣлъ онъ мнѣ взглянуться:
Въ кристаллѣ чистомъ тамъ увидѣла себя.
Ты путь мнѣ показалъ; благодарю тебя!

IV.

Мой отвѣтъ.

—

Нѣтъ! Истина сама перомъ моимъ водила,
Въ стихахъ къ тебѣ она тебя изобразила.
А если видишь въ нихъ несходство ты съ собой,
Не мысли, чтобы я плѣняемъ былъ мечтой;
Но это (извини простое изреченье)
Есть паче гордости одно уничиженье.
Прими, княгиня, ихъ, равно какъ и сіи,
Того почтенья въ знакъ, которое твои
Достоинства во мнѣ навѣки поселили,
А милости его съ любовью съединили.
Когда жъ бы (но сіе никакъ не можетъ быть)
Я долженъ былъ обманъ въ лицѣ твоемъ найтить,
Или пристрастія движенью скоротечну
Отдать на счетъ мою хвалу чистосердечну,
Тогда бы Небеса молить вседневно сталъ,
Чтобъ истинной меня никто не просвѣщалъ.
Но, вѣтъ! обманъ такой не нуженъ здѣсь ни мало;
Достоинство твое давно всѣхъ привлекало:
Оно, какъ скромно скрыть его ни ищешь ты,
Души твоей вездѣ являетъ красоты
Твой взоръ коварныхъ душъ отнюдь не возвѣ-
щаетъ;
Душа его зажжетъ, а сердце посылаетъ;
И ими научивъ, княгиня, знать себя,
Путь правды кажешь мнѣ; благодарю тебя!

V.

На любовь *).

—

Какое я на дняхъ прекрасно
Стихотвореніе читалъ!
Признаться должно безпристрастно,
Давно такого не слыхалъ,
Судить объ немъ не смышлю строго;
Но каждый, вкусъ имѣя свой,
Божусь, что какъ ни пишутъ много,
Никто не трафилъ такъ на мой.

Съ какимъ въ немъ авторъ восхищеньемъ
Любви изображаетъ власть!
Съ какимъ подробнымъ наблюденьемъ
Онъ вникъ въ сію всеобщу страсть!
Во всей связи пространна свѣта
Вліянье кажетъ намъ ее;
Коснувшись каждаго предмета,
Животворитъ любовью все.

А больше всѣхъ мнѣ полюбилось
Четверостишіе одно;
Чье сердце бѣ имъ не восхитилось!
Послушай, другъ мой, вотъ оно!

*) Сія стихи подвесены мною къягигѣ по прочтеніи написанныхъ ею на любовь.

Изъ слова въ слово не возможно
Его тебѣ мнѣ сообщить;
Но содержаніе вложено
Потщусь всемѣрно изъяснить:

Люби ты тварь (онъ такъ вѣщаетъ) *)!
Сія любовь живетъ въ тебѣ:
Любитъ Творецъ повелѣваетъ;
Но той любви не трать въ себѣ,
Который пламень чловѣка
Съ его Творцемъ соединилъ;
Въ которой Богъ любви отъ вѣка
Ему свой рай опредѣлилъ.

Какая истина глубока
И усладительна для всѣхъ!
Она смягчитъ суровость рока,
Она невпныхъ мать утѣхъ!
Отъ сихъ стиховъ я въ восхищеньи,
И съ ними для меня ничто,
Ничто не можетъ быть въ сравненьи!
А авторъ ихъ не знаю кто.

Я слышалъ, будто ихъ писала
Одна любезныхъ свойствъ жена:

*) Въ ея сочиненіи другой мѣры были стихи, и вотъ они слово отъ слова:

«Люби ты тварь, любитъ Творецъ повелѣваетъ;
Не только той любви въ себѣ не потеряй,
Которая тебя съ Творцемъ соединяетъ,
Въ которой Богъ любви тебѣ устроилъ рай.

И въ томъ сомнѣнья нѣтъ ни мала:
Весь городъ знаетъ, что она
Не только думать такъ умѣетъ,
Но къ мыслямъ чувства приложить,
И даръ во всѣхъ сердцахъ имѣетъ
Любовь къ себѣ производить.

Ахъ! если бѣ я не побоялся
Стиховъ впередъ не сочинять,
Сию жъ минуту бы рѣшился
Ей благодарность написать
За то, что разумъ убѣдила
Своимъ пріятнѣйшимъ перомъ,
И почитать любовь склонила
Первѣйшей степени добромъ.

Я ей навѣки тѣмъ обязанъ:
Она согрѣла духъ во мнѣ.
Боявшись къ людямъ быть привязанъ
До пывѣ, даже и во свѣ,
Я вдругъ теперь раждаюсь снова,
И начинаю находить,
Что счастье въ томъ, чтобы другова
Съ собою наравнѣ любить.

VI.

На надежду *).

—
Ты любовь намъ описала
Восхитительнымъ перомъ;
Ты надежду показала
Превосходнѣйшимъ добромъ.

Будь еще, поэтъ любезный!
Будь еще готовъ писать,
И рисунокъ столь полезный
Не лѣнися докончать.

Покажи намъ свойство вѣры,
Воспали въ насъ ею кровь;
Безъ нее — увы! — химеры
И надежда и любовь.

Если я, любовью тая,
Не повѣрю самъ ни чьей,
То какая мука злая
Поравняется съ моею?

Точно такъ же погибаетъ
И надежды лучъ навѣкъ,

*) Послѣ вышенисанныхъ стиховъ на любовь, ею же сочинены другіе на надежду.

Если вѣрой не бываетъ
Подкрѣпляемъ человекъ.

Вмѣстѣ все сѣ три чувства
Суть единый путь къ добру;
Сядь писать — на что искусства?
Силу дасть душа перу.

Кто съ надеждою способенъ
Ощущать любовь, какъ ты,
Всекопечно тотъ удобенъ
Вѣры выразить черты.

И кому жъ (скажу нелестно)
Свойство сей семьи святой
Можетъ больше быть извѣстно,
Какъ не матери самой?

Все сѣ тебя склоняетъ
Сію третью дочь списать;
Кто жъ ихъ всеѣхъ короче знаетъ?
Натурально — ты ихъ мать!

VII.

Стихи, присланные ею же ко мнѣ въ 1809 году,
по случаю изданія мною книжки, подъ названіемъ:
«Сумерки моей жизни.»

Богъ порядки учредилъ,
Чтобы дневное свѣтило
Всю вселенну озарило,
Когда день Онъ сотворилъ.

Къ ночи сумерки явились;
Въ сумеркахъ — лишь слабый свѣтъ
Съ неба намъ луна лѣтъ;
Тмою небеса покрылись.

Что же видимъ мы во тмѣ?
То, что кажется воображенье:
Грусти, горести, мученья!
Что вгнѣздилось во мнѣ.

А какъ день опять настанетъ,
Появится солнца лучъ,
Онъ прогонитъ мраки тучъ, —
Человѣкъ отъ сна возстанетъ.

Онъ почувствуетъ тогда,
Что онъ мракомъ окружался,

Когда въ горести вдавался,
И что сумерки — бѣда

Для того, кто унываетъ,
Кто не ищетъ самъ въ себѣ
Облегчить тоски въ бѣдѣ,
И тоской себя питаетъ.

Ты Евгени забыть,
Вѣрю, никогда не можешь;
Тѣмъ къ тебѣ почтенье множишь,
Что умѣлъ ее цѣнить.

Она въ вѣчность преселилась!
Не тоска по ней нужна;
Твоя милая жена
Въ домъ покоя возвратилась.

Гдѣ тоски и грусти нѣтъ?
Гдѣ спокойство обитаетъ?
Чего всякой здѣсь желаетъ, —
Но не здѣсь, а тамъ найдетъ. . . .

Богъ отрадь насъ не лишаетъ,
Покорися лишь судьбѣ;
Твой покой найдешь въ тебѣ:
Время горестъ утешаетъ.

Перенесши тяжело бремя,
Воли грусти не давай,

Но спокойства ожидай, —
Днесъ къ тому настало время.

Чувства новыя найдя,
Счастливъ будь съ твоей супругой,
Съ милой, вѣжною подругой,
Въ ней отраду находя!

VIII.

Отвѣтъ мой на нихъ.

Кто жаркой прожилъ день, тотъ ночи ждетъ
прохладной,
А послѣ черныхъ тучъ громовыхъ ярыхъ стрѣлъ;
Не вѣдая пути въ долину безотрадной,
При сумеркахъ какой прохожій не робѣлъ?

Для счастливыхъ сыновъ извѣженной природы
Вездѣ приноровленъ благопріятный рокъ;
Отъ нихъ туманъ бѣжитъ съ потьмами. Въ ан-
типоды,
Для нихъ и въ *Коль* день зимой не коротокъ.

Но тотъ, кому велитъ твердынь Создатель чудный
По лѣстницамъ крутымъ злосчастія шагать,

На гладенькой стезѣ тотъ путь находитъ труд-
ный;

Судьба ему вездѣ ударъ готова дать.

Хоть лѣтъ моихъ нельзя считать предѣломъ вѣка,
Хоть, можетъ быть, еще далеку отъ смерти я;
Но въ язвахъ сердца всѣ болѣзни человѣка
Случайность испытать заставила меня.

И вотъ зачѣмъ нарекъ я сумеркамъ жизни
Мой горькой плачь въ стихахъ и сердца тяжелой
вздохъ
Въ честь той, чье существо, безъ всякой уко-
рпзы,
Подобно Своему образовалъ самъ Богъ.

Вотще бы сталъ я ждать, обманомъ обольщенный,
Востока солнца вновь и краснаго утра;
Пусть юношу дивитъ позорище вселенной,
А мнѣ о небесахъ помыслить ужъ пора.

Доволенъ буду я и той судьбы услугой,
Коль вечеръ жизни дастъ спокойно проводить
За книгой у огня съ любезною подругой,
И ей сердечку дань послѣднюю заплатить.

С п о р ъ.

«Изъ двухъ свѣтилъ, что Богъ устроилъ
На освѣщенье тверди сей,
Луну хоть ночи Онъ присвоилъ,
Но солнца мнѣ она милѣй.»

Такъ мысль свою мнѣ изъясняла
Одна любезная жена *)
За солнце мнѣ досадно стало;
Вошелъ я въ рѣчь — и вотъ она:

Лучъ солнца грѣетъ и питаетъ;
Что можетъ быть его свѣтлѣй?
Онъ съ неба въ руды проникаетъ. . . .
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

Когда весной оно проглянетъ
И верхъ озолотитъ полей,
Все вдругъ цвѣсти, раждаться станетъ. . . .
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

Огнемъ его животворится
Вся связь вещественныхъ вещей,
Душа стихіевъ веселится. . . .
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

*) Кн. Вар. Алек. Тр.

Его всё твари ощущаютъ:
И хищный звѣрь и муравей;
Въ моряхъ чудовища играютъ. . . .
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

Съ какимъ желаньемъ тотъ, кто боленъ,
Въ избѣ своей ждетъ ясныхъ дней!
Увидитъ солнышко — доволенъ. . . .
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

За что жъ вы такъ къ ней пристрастились?
Позвольте, говорилъ, спросить:
Какимъ въ ней свойствомъ столь плѣнились? —
Всему должна причина быть.

«Вы очень сильно расхвалили,
Она сказала, солнца свѣтъ;
Но лишь примолвить позабыли,
Что солнце жжетъ, — а мѣсяцъ нѣтъ.»

«Лишь сводъ небесъ имъ озарится,
Съ нимъ встанутъ суеты всё вкругъ,
Весь смертныхъ родъ зашевелится,
Вездѣ начнется недосугъ:

«Тутъ всё заботы, попеченьи,
Житейскихъ дѣлъ мятежъ пойдетъ,
Умы и чувства въ развлеченьи,
И всякой внѣ себя живетъ.»

»Когда жъ луна чело подьметъ,
Тогда природа въ тишинѣ,

Какъ-будто въ утомленьи, дремлетъ;
Тогда и я — я вся во мнѣ.

«Къ ней взоръ мой смѣло простираю:
Она, какъ солнце, не спитъ;
Живу, люблю, и размышляю, —
Ничто меня не суетитъ.

«Сложивъ неволи всякой бремя,
Полна я мыслию моею,
И ни въ какое такъ я время
Души не чувствую своею.

«Конечно, если бы не знали
Мы неба и земли Творца,
Луну боготворить бы стали
Чувствительныя все сердца.»

Пришлось мнѣ съ нею согласиться
На мѣсяцъ солнце промѣнять,
Ея рѣчами убѣдиться
И самому себѣ сказать:

Впередъ не спорь, да будь умнѣе,
И знай, пустая голова,
Что всякой логики слабѣе
Любезной женщины слова.

СТИХИ
НА
РАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

1911

Тамъ сосланъ и казненъ—и поминай какъ звали!
Жена его съ нимъ все дѣлила, такъ какъ другъ,
Милѣй самой себя ей былъ ея супругъ;
Лишася въ немъ всего, въ монахиняхъ спасалась,
И схиму воспріявъ, средь Кіева скончалась.
Отецъ мой (и того уже къ себѣ взялъ Богъ)
Душею былъ богатъ, а счастиемъ убогъ.
Моя почтенна мать тяжелый крестъ свой носитъ,
Въ недугахъ изнурясь, вседневно смерти проситъ.
А я Jeannot tout court и голъ, такъ какъ соколъ.
Служа 18 лѣтъ, въ четвертый классъ вошелъ.
Жена моя добра, люблю ее какъ душу,
Люблю—но и подчасъ трясу ее какъ грушу.
Дѣтей вокругъ себя привелъ Богъ восемь счастье;
Но двухъ спросилъ назадъ, осталось только шесть.
Творецъ да будетъ имъ прибѣжище и сила,
И что восхощетъ Ояъ, чтобъ съ ними то и было!
За Нимъ, увѣренъ я, ни что ни пропадетъ:
Молитва, вздохъ, слеза—все мзду свою найдетъ.
Доволенъ будь, мой другъ, ты сею родословной!
Займу тебя теперь я описью подробной
Всего того, что здѣсь своимъ могу назвать. —
Снаружи напередъ начну я рисовать.
Натура маску мнѣ прескверну отпустила,
А нижню челюсть такъ запасну припустила,
Что можно бѣ изъ нея по нуждѣ, такъ сказать,
Въ убытокъ не входя, другому двѣ стачать;
Глазъ пара пребольшихъ, да подъ носомъ не вижу,
То есть я близорукъ, — ларнета ненавижу;
Хоть ростомъ никогда не буду великанъ,
Но въ рекрутской наборъ и мой годится станъ.

Вотъ все, что мнѣ на крестъ природа положила!
Увидимъ ниже, чѣмъ душонку снарядила,
Но вмѣстѣ все смѣшавъ, нельзя ей поспѣвать,
Чтобъ мѣтила во мнѣ товаръ лицомъ продать.
Родитель мой меня воспитывалъ, какъ должно:
Учился я всему, чему придумать можно;
Да что-то я на все тупенекъ смазу былъ:
Иное не далось, иное позабылъ.
По мѣрѣ лѣтъ моихъ прошелъ я всѣ науки,
На разныхъ языкахъ молили мнѣ азъ, буки;
Латынь, одну латынь — по складу, по толкамъ,
Твердилъ семь битыхъ лѣтъ—и все по пустякамъ;
Что денегъ Богъ пошлетъ, въ минуту сосчитаю,
А Математики совѣмъ, мой другъ, не знаю,
И сколько мастеровъ ни смучалъ я за ней,
Дошелъ до дѣлежъ, и въ пень сталъ у дробей.
Учился фехтовать за дорогую цѣну,
И вѣчно попадалъ не въ цѣль, а прямо въ стѣну.
Бывалъ всѣ въ барабанъ бои до одного,
А нынѣ, хоть убей, не помню ничего.
Въ манежѣ три зимы меня ль не муштровали,
Къ ѣздѣ на лошадяхъ всемѣрно приучали;
Но всеу затѣвать, чего нѣтъ на роду:
Не только что съ коня, съ клячки упаду.
Ты видишь, что я льстить ни мало не намѣренъ,
Итакъ въ моихъ словахъ пожалуй будь увѣренъ.
Учился я всему, но былъ успѣхъ въ томъ плохъ;
Наука въ сторонѣ, а я сталъ скамарохъ:
Няшу, пою, рѣзвлюсь, комедіи играю,
И въ знатныхъ людяхъ тѣмъ по нуждѣ промышляю.

Спасибо, что хотя на что-нибудь да гождь! —
До сихъ поръ мой портретъ со мною очень
схождь;

Жаль только, что моя пропала штукатура!
Посмотримъ, чѣмъ внутри снабдила мать-натура.
Слыхалъ я отъ жены, что-будто я уменъ;
Быть можетъ, что и впрямъ въ своемъ углу
смышлентъ.

Когда о чемъ-нибудь я съ ней перебиваю,
Скажу безъ хвастовства, не все же повираю.
Да въ этомъ вслухъ нельзя признаться мнѣ ни-
какъ;

А то вить скажутъ все: какой-ста ояъ дуракъ!
Пусть буду я таковъ, я право не сержуся
За то, что въ списокъ вашъ, людъ умной, не
гожуся.

Не чванъ ли я? — О, нѣтъ! и если бъ знатень
былъ,

За всякой бы поклонъ поклономъ я платилъ.
Самолубивъ ли я?—Къ несчастью, очень много,
И сей порокъ во мнѣ хоть школятъ очень строго,
Но что же дѣлать съ нимъ, коль слабъ его унять?
Во всѣхъ частяхъ собою кто можетъ управлять?
Я дикъ, тяжелъ и грубъ; но лзя ли быть иначе
Съ развратными людьми, съ такими наипаче,
Которымъ, говоря о правдѣ каждый часъ,
Все бойся, какъ бы имъ не трафить камнемъ въ
глазь?

Пріятно ль встрѣтить вдругъ на рыцарской хо-
дули

Того, кто въ цѣлый вѣкъ не видывалъ и пули?

Что хочешь говори, бичуется вся кровь,
Когда иной подлецъ вздымаетъ горду бровь,
Когда самъ о себѣ и Богъ вѣсть что мечтаетъ,
Увѣрить хочетъ всѣхъ, что звѣзды онъ хватаетъ;
А ты, когда предъ шмъ какъ подлый рабъ сто-
ишь,

Внутри своей души въ алтынь его цѣпишь.

Я гибкости въ себѣ ни мало не имѣю,
Въ клубокъ ни передъ кѣмъ свернуться не умѣю:
Иду своимъ путемъ, какъ должность мнѣ велитъ,
И гдѣ споткнется умъ, тамъ совѣсть подкрѣпитъ.
Я вепильчивъ, но во мнѣ духъ злобы не гнѣздится
И мщеніемъ моя душа не возгорится.

Коварствовать ни съ кѣмъ не смѣшно никогда,

И съ чувствами языкъ согласенъ мой всегда.

Здоровьемъ не богатъ, однако же доволенъ,

И, слава Богу! я не очень часто боленъ.

Въ герои не влечетъ меня мой тихій шагъ;

По склонности ушелъ отъ рыцарскихъ отвагъ.

Не зная, лучше что изъ этихъ двухъ пгрушекъ:

Пырнуть ножемъ въ углу, или дать туза изъ
пушекъ,

По логикѣ моей давно расположилъ,

Что такъ ли, или сякъ, да плохо, какъ убилъ.

Мнѣ мамки натвердя: вонъ, батюшка-князь, бука!

Пугнули такъ, что я боялся долго жука;

А нынче, какъ ужъ сталъ немножко смѣшленѣй,

Такъ только лишь однихъ боюсь, мой другъ —
людей,

И для того отъ нихъ поодаль часто жмуся,

Изъ-за угла на ихъ проказы я смѣюся: —

Подобно какъ въ лѣсу громовою стрѣлой
Падетъ, разбитъ въ щепы, кудрявый дубъ больш-
шой;

Громадою его весь мелкій лѣсъ разитя;
Что прежде защищалъ, то вмигъ стремглавъ
валитя;

Въ то жъ время деревцо въ кустарникѣ глухомъ,
Гдѣ чуть-чуть раздался стихивъ прѣ и громъ,
Отъ солнышка въ тѣни, отъ бурь въ уединенн
Разгнѣванныхъ небесъ не чувствуетъ волненья.
Природа не дала мнѣ больше сихъ даровъ;
Весь тутъ, какъ видишь ты, и безъ обиняковъ.
Но спросишь ты меня, чѣмъ въ жизни наслаж-
даюсь,

И въ праздности какой забавой занимаюсь? —
Мой другъ! отъ картъ меня уволить я прошу,
Бостону жертвы я совѣмъ не приношу;
За зайцемъ по полямъ съ собаками гоняться, —
Симъ правомъ сильнаго не мастеръ величаться.
О, женщины! лишь васъ съ пристрастіемъ люблю;
За васъ—для васъ—по васъ я многое стерплю!
Лишь взвижу гдѣ карнетъ, — пропалъ душой и
тѣломъ!

Не думай, чтобъ шутилъ; вѣтъ право, самымъ
дѣломъ.

Какихъ краевъ и лицъ я женщину ни зрю,
Готовъ для всякой храмъ и сердцемъ всѣхъ дарю.
Премудрости боговъ, о, ты, залогъ прекрасный!—
О, женщины! какой не любить васъ несчастный?
При васъ я и крохамъ сухого хлѣба радъ;
Безъ васъ — не надо мнѣ и мраморныхъ палатъ.

Причины у всего просилъ я околотка,
Почто я весь не свой, какъ встрѣтитея кра-
сотка;

Всякъ бредитъ свой доводъ, а кажется все врутъ.
Что нужды, пусть меня Сердечкинымъ зовутъ;
Купиду, вѣрь мой другъ, никто не одолѣетъ,
И всякъ изъ насъ его по-своему лелѣетъ.

Доколѣ свѣтъ стоитъ и смертныхъ родъ жи-
ветъ,

Отъ женщинъ насъ ничто нигдѣ не отвлечетъ.
Все моды проходя, одна другой мѣнялись:

Мужчины то въ шишакъ, то въ шапи наряжались.
Бывало, какъ изволь, вездѣ безъ пошлннъ ври;
А нынче сядь за столъ, и дѣлай de l'esprit.

Вѣкъ на вѣкъ не придетъ: то вдругъ затѣютъ
драться,

То примутся пахать, хозяйствомъ заниматься;
Теперь же посмотри (когда весь мiръ вверху
дномъ),

Мужчина за канва, а женщина верхомъ. . .

Прости — я отъ моей материи отбился;

Но къ слабостямъ людскимъ отчасти устремился
На тотъ одинъ конецъ, чтобъ дѣломъ показать,
Что тотъ же вкусъ всегда не можетъ насъ плѣ-
нять.

И такъ среди всего, что толь непостоянно,
Амуръ! хотъ отъ тебя сердцамъ людскимъ изъ-
янно,

Амуръ! одинъ лишь ты съ Адамовыхъ временъ
Данъ бралъ и будешь братъ со всѣхъ земныхъ
племенъ.

Адамъ въ раю олинъ за Евуоу гонялся,
Потомство тѣмъ взманилъ, — весь свѣтъ съ
тѣхъ поръ влюблялся,
Но съ той по временамъ и людямъ разпотои,
Что всеъ любезны быть имѣли способъ свой.
Итъ триста, на примѣръ, назадъ тому, я чаю.
Любовникъ не ибвалъ: Ахъ! я васъ обожаю!
Гулявною водою распысканный Сивавъ
Славянскимъ красотамъ не трафилъ бы на правъ;
Детрейшъ Гедрихъ самъ не такъ бы полюбился;
Когда бы прочъ усы и въ фрячекъ нарядился.
И также врядъ теперъ понравится паша,
Который, снявъ чайму, проскачетъ антраша.
Но, впрояемъ, всякъ свою красоточку голубить!
Владыка подъ вѣвцомъ, мужикъ въ отрешяхъ
любить.

За что же одного внимать въ любви меня?
Желалъ бы посмотрѣть; кто жъ въ этомъ и не я?
Я думаю, что ты, мой другъ велицемѣрный.
Доволенъ долженъ быть картиною столь вѣрной.
Прости! . . . пора письмо на почту отсылать;
Въ Москвѣ всему свой часъ, боюся опоздать.
Люби Jeannot; хоть онъ дѣтина незадорный,
Но будетъ навсегда слуга твой всепокорный.

НИЗОВАЯ ПОВѢСТЬ.

А н а!

— Quel plaisir au retour!
Quand le soir près du feu on se raconte ensemble
Ce qu'on a vu tel jour, en tel endroit: il semble
Qu'on le revoye encore, en se le racontant.

Я люблю путешествовать. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ въ ясное лѣто переноситься съ мѣста на мѣсто, разсматривать безчисленныя красоты природы, разбросанныя всюду на лицѣ земли, и въ чувствѣ сладкаго удовольствія дивиться дѣламъ небеснаго Верховотворца. Какъ счастливъ тотъ, кто можетъ располагать временемъ въ полной свободѣ, отерочивать отъѣздъ свой тамъ, гдѣ ему нравится, и уѣзжать немедленно оттуда, гдѣ соскучилось! Какъ весело, летая такимъ образомъ изъ края въ край, узнавать, что, гдѣ, когда случилось примѣчательнаго!

Нѣкогда въ первой молодости моей случилось мнѣ странствовать, изъ одного любопытства, по берегу Волги-рѣки въ селеніяхъ, лежащихъ между Саратовымъ и Астраханью. По привычкѣ, родившейся во мнѣ отъ меланхолическаго свойства, я любилъ всегда отыскивать дикія мѣстополюженія. Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ лѣтнихъ дней, проѣхавъ преднамѣренное разстояніе, я, за

нѣскольکو верстѣ отъ ночлега, вышелъ изъ кибитки и пошелъ до мѣста пѣшкомъ. Солнце было на закатѣ, луна выходила на горизонтъ и блѣдный лучъ ея посеребрялъ тихія воды исходящаго изъ Волги протока. Тутъ овладѣло мною какое-то внутреннее предчувствіе, что, вѣрно, въ сихъ мѣстахъ встрѣтятся глазамъ моимъ предметъ, достойный особеннаго вниманія; ускоривъ шагъ, я дошелъ до прелестной лужайки. Попадались мнѣ четы юношей и взрослыхъ мужиковъ съ ихъ женами. Иные сокращали путь свой (видно, не близкой) деревенскими пѣснями, сими непорочными свидѣльствами чувствъ поселанина; другіе съ нахмуреннымъ челомъ, бесѣдуя между собою, показывали наружными знаками свое изумленіе. Шумъ и толпа мѣшали мнѣ углубляться въ свои мечты; я шелъ отъ нихъ стороной и пробирался прямо въ тотъ лѣсокъ, изъ котораго возвращались по домамъ своимъ добрые сѣи жители глухихъ азійскихъ степей. По нѣсколькихъ шагахъ увидѣлъ колодець. Разбросанныя вокругъ его ведра и всякая посуда, омоченная еще водою, показывали мнѣ, что путешественники тутъ отдыхали и прохлаждались. Вблизи колодца стоялъ бѣлый простой камень съ надписью: «*Онъ былъ, и нѣтъ его.*» По надписи такой мудрено было мнѣ, безъ помощи другого, дознаться, кому сей камень служилъ мавзолеемъ. Осматривая все вокругъ себя съ примѣчаніемъ, я мысленно вопрошалъ небеса: кто кости свои положилъ въ такомъ

уединенномъ мѣстѣ? кто почилъ навѣки при семь потокѣхъ водъ прозрачныхъ? — Ничто не отвѣчало моему воображенію. Рѣшился идти далѣе, не теряя однако изъ виду сказаннаго памятника. Еще отошелъ немножко, еще ступилъ два раза, — и новая явилась очамъ моимъ картина: подъ тѣнью многихъ ивъ, сплетшихъ густыя свои вѣтви и давшихъ пѣшеходу отъ дождя и зноя защиту, стояла бѣдная хижина, отъ древности своей приклонившаяся къ землѣ, и внутрь ея входить, казалось, уже не безопасно. Я осмѣлился туда проникнуть. Ближе двухъ шаговъ отъ порога прислоненъ къ стѣнѣ убогій одръ, надъ которымъ вырѣзаны были изъ прекраснѣйшаго розоваго деревца, въ тамошнихъ краяхъ весьма обыкновеннаго, по имени *каторгѣ*, три буквы; слагающій ихъ выговаривалъ: *Ана*. Сильнѣе всего удивило меня въ этомъ сокрытомъ отъ наукъ убѣжищѣ (ибо какъ иначе можно было судить о немъ по описанной наружности?) цѣлый листъ бумаги, исписанный кругомъ. Я развернулъ свитокъ, нашелъ стихи, и къ нимъ служу читателю настоящимъ предисловіемъ. Прочтя ихъ съ жадностью разъ и два, но не смѣя надѣяться на свою память, съ другой стороны, не желая бросить ихъ безъ вниманія, еще менѣе готовъ будучи похитить, почитая все, что тутъ находилъ, какъ жертву, принесенную неподобному созданію чувствительнымъ пустынякомъ, я разсудилъ воспользоваться сіяніемъ луны, чтобъ сохранить списокъ, вышелъ изъ хижины, уви-

дѣлъ близко холмъ, взбѣжалъ на оный съ хар-
тією въ рукахъ, и, ставъ на одно колѣпо предъ
лучезарнымъ свѣтиломъ ночи, а другимъ замѣня
стола, вынулъ изъ записной своей книжки ло-
скутокъ бѣлой бумаги, карандашъ,—и въ минуту
копія стиховъ была моимъ приобрѣтеніемъ; по-
томъ, отнеся подлинникъ во храмину неизвѣстна-
го мнѣ старца (но нѣтъ, они уже не его; кто
умеръ, тотъ ни чѣмъ не владѣеть), оставилъ его
у возглавія одра, и съ подобающимъ нѣкоему бо-
жеству уваженіемъ трикратно поклонясь начер-
танному слову, воротился къ своей повозкѣ.
Трудно ли отгадать, что мнѣ не столько хотѣ-
лось найти и достигнуть до ночлега, успокоить-
ся, располагать новыя затѣи къ завтраму, опи-
сывать гдѣ былъ сего дни, для чего же не при-
бавить — и отужинать, какъ узнать, что все это
значило. Жаль было мнѣ; что я не догадался
взять съ собой проводника изъ попавшейся тол-
пы гулякъ; вѣрно, думалъ я, они здѣсь были и
часто сюда ходятъ; вѣрно, они всю тайну зна-
ютъ волшебнаго этого края; для меня по исти-
нѣ волшебнаго потому, что ничего не могъ въ
немъ понять догадкою. — Кто она? кто онъ?
безпрестанные были самому себѣ вопросы. —
Придумывалъ тысячу вѣроятностей, добрелъ я
до повозки, сѣлъ на блукъ, ударилъ тройку и
тотчасъ очутился въ деревушкѣ. Мелькающіе
сквозь маленькихъ стеклышекъ огоньки помогли
мнѣ разглядѣть, гдѣ спокойнѣе я могъ прию-
титься. Наконецъ вводитъ меня слуга въ избу.

Нахожу благословенную патриархальную семью престарѣлыхъ родителей, двухъ сыновей съ женами, двухъ дочерей съ мужьями, пѣсколькихъ внучатъ и двухъ правнучатъ въ люлькѣ. Всякой членъ сего почтеннаго общества занимался своимъ дѣломъ; между тѣмъ какъ старички, подобіиіея Аврааму и Саррѣ, слушали изустную повѣсть отъ старшаго ихъ внука о самомъ томъ мѣстѣ, съ котораго я пріѣхалъ. Сѣвши съ ними рядомъ я, не беспокоясь дымомъ отъ лучины, спрашиваю: Скажи, мой другъ, и мнѣ, что это за пещера, что за камень? кто она? кто оцъ?— Сѣдой мужичекъ съ иѣжной ласкою пробормоталъ внуку: «Начни, Петруша, сызнова: пусть барицъ послушаетъ.» Петруша бросился къ старикамъ на шею; дѣдъ и бабка его облобызали, и я, стократно благословляя добродушное семейство, готовился слушать занимательный рассказъ. Не намѣренъ будучи ничего къ нему прибавить, помѣщаю здѣсь въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какія юноша умѣлъ употребить въ своемъ разговорѣ. Когда сердце тропуто, наборъ словъ пустое преимущество. Прекрасно изъясняется всякой тотъ, кто, много чувствуя самъ, почувствовать заставляетъ и другого. «Видишь ли, барицъ! года за два умеръ здѣсь, въ «избенкѣ, подъ ветлами, старикъ. Богъ знаетъ «изъ какого онъ роду; только человекъ былъ «хорошій и добра дѣлалъ много. Лѣтъ съ 20 «какъ онъ здѣсь поселился; по зимамъ приста- «валъ у насъ, а лѣтомъ жила въ хижинѣ. Какъ

«пришло ему отдавать душу Богу, онъ узналъ
«свой конецъ и пошелъ къ колодцу, а подь
«тотъ часъ ѣхала барыня въ Москву, такая пре-
«красная! весь околотокъ величалъ ее краси-
«цей, да и проѣзжая наши боярченки ино мѣсто
«пріѣзжаютъ изъ Москвы въ свои вотчины, всё
«и нахвалиться не могутъ; ну знаешь, что такое
«хороша: такъ вотъ она-то подлинно, баютъ,
«хороша.—Старикъ нашъ ее увидѣлъ; она долго
«на него смотрѣла, вышла къ нему изъ кареты,
«а онъ что-то ей долго рассказывалъ, да съ раз-
«говору-та, што ли, надеѣлся, или такъ уже на-
«писано было на роду его, пришелъ къ колод-
«цу, подышалъ немного—и умеръ. Боярыня по-
«плакала надъ нимъ, дала въ деревнѣ денегъ, ве-
«лѣла при себѣ похоронить, и бумагу-то, что
«въ джизнѣ лежитъ, она же, какъ съ ней онъ
«говорилъ, такъ и написала; послѣ и камень
«этотъ изъ вотчины своей прислала: а намъ
«крѣпко-на-крѣпко наказала, чтобы ни бумаги въ
«шалашѣ и ничего тамъ не трогали; а сама те-
«перь живетъ въ Москвѣ. Мы сюда всякой
«праздникъ ходимъ гулять, старичка поминаемъ,
«а ей долгихъ лѣтъ у Бога молимъ.» —

Прослушавъ повѣсть, сообразя ее съ стихами
и взявъ всё нужныя о той красотѣ свѣдѣнія,
пріѣхалъ я въ началѣ осени въ Москву. Разсѣ-
янная столичная жизнь, непрерывныя забавы,
многочисленныя собранія доставили мнѣ случай
найти такъ называемую *Ана*. — Имѣвъ счастье
съ ней познакомиться, узнавъ качества ея души,

изящность характера, чувствительное сердце, образованный умъ и прекраснѣйшія черты лица, я согласился скоро съ умершимъ ея обожателемъ, что Ана есть одно имя, которымъ ее называть можно. — Знакомые мои часто отъ меня слышали: Ана была тутъ, Ана сидѣла тамъ, Ана-то то сказала на вопросы всѣхъ; да кто жь Ана? Я не умѣлъ ничего иного отвѣчать, какъ повторять стократно Ана. Чѣмъ постояннѣе я давалъ такой отвѣтъ, тѣмъ сильнѣе любопытствовали вопросники; и наконецъ день ото дня большѣ и большѣ почти всѣ видавшіе ее привыкли соглашаться со мною, и съ тѣмъ, съ кѣмъ я соглашался, что безпримѣрная красота не равняетъ ее ни съ кѣмъ, и что, будучи единственна въ своемъ полѣ многими рѣдкими пріятностями, ей нѣтъ наименованія приличнѣе, какъ Ана. Истина сія столь общественно всеми принята, что нынѣ всякой, или всякая, сказавъ другу и подругѣ своей Ана, увѣренъ, что особа, такъ названная отгадана безъ ошибки.

Нашлись между знакомыми моими люди, кои желали все это прочесть; угождая имъ, я написалъ и напечаталъ мою повѣсть. Жаль, что не далъ миѣ Аполловъ дарованій россійскаго Флоріана; всякой играетъ на своей дудкѣ какъ умѣетъ. Истина происшествія и снисходительное мое послушаніе пусть извиняютъ недостатки слога. Всѣмъ извѣстно, что судъ надъ моею прозою любителями словесности произнесенъ; что лежитъ до найденныхъ мною стиховъ, съ которыми, по сказа-

нѣ одного ученаго, я лучше *управляюсь*, нежели съ прозою, я ихъ выдаю здѣсь точно такими, каковы они лежатъ въ хижинѣ. Всякой можетъ ихъ самъ прочесть, если кому угодно отъ избытка денегъ—ибо нынѣ путешествовать не дешево, — съѣздить до мѣста. По необходимости, я прибавилъ послѣдній стихъ; разумѣется, что мертвецъ говорить о себѣ не можетъ. Все въ этой піесѣ подвержено критикѣ, я это знаю; и защищать противъ оной не берусь. — Къ извиненію старичка, скажу только, что, изнурившись долговременною жизнію, достигши недужной старости въ такія лѣта, когда многіе еще бодрствуютъ и къ жизни новыми узами привязываются, онъ не могъ страсти своей изъяснить по правиламъ грамматики и по ввусеніямъ стихотворскаго духа, напѣтаннаго эстетическими правилами. Не умъ его, душа лишь говорила, а на чувства Синтаксиса еще никто не сочинилъ; всякой заимствуетъ ихъ отъ природы. — Я написалъ мою сказку, или былъ, какъ кому угодно, въ память путешествію, которое доставило мнѣ различныя пріятности. Когда читать ее буду, стану воображать, что я тамъ, гдѣ все описанное случилось; представляю себѣ хижину, блѣдныя уста уединеннаго старца, къ которымъ хладъ смерти уже прикоснулся, но отверзающіяся еще для произношенія слова *люблю*; представляю ту руку; лобзаніями московскихъ жителей обремененную, которая начертала послѣднія его признанія, и трупъ его землей покрыла — мечты сіи дадутъ

и мнѣ вновь почувствовать, что сердце мое еще бьется для тѣхъ же чувствованій. — Читая повѣсть сію въ кругу моихъ пріятелей, въ семьѣ своей лѣтомъ въ саду, зимой у каміна, я буду убѣждаться и утверждать другихъ въ той непреложной истинѣ, что любовь непорочная есть лучшее достояніе человѣчества; что чувство ея родится вмѣстѣ съ нами и провожаетъ насъ въ могилу; что во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, во всякомъ возрастѣ, на всякомъ мѣстѣ, въ улыбкахъ юности и въ стenanіяхъ скорбной старости любовь владычествуетъ надъ нами, и сердце наше перестаетъ огнемъ ея цылатъ тогда только, когда гробовая доска скрываетъ оледенѣлый трупъ нашъ въ мрачное земли упокоеніе.

1.

Не въ громкой одѣ прославляю
Тебя, владычицу сердець,
Не въ пѣсни томной напѣваю
Моихъ унылыхъ дней ковецъ;
Кто прямо чувствовать умѣетъ,
Любви прямой кто жаромъ тлѣетъ,
Тотъ молча страсти кажетъ видъ:
Не красными любовь рѣчами,
Но пламенными лишь очами
Отъ сердца сердцу говорятъ.

2.

Любовь! . . . тебя я не боялся . . .
Смирнѣ въ пустыньхъ яркій являю . . .

Уже вратъ смерти я касался,
Недуги старости узнавъ;
Въ моемъ убѣжищѣ смиренномъ,
Ветлюю мрачной осыненномъ,
Твои тревоги забывалъ;
Міровъ Создателю превѣчну
Повѣдавъ тайну всю сердечну,
Конца своей кончины ждалъ.

3.

Кто знаетъ, думалъ я, иль вынѣ,
Иль завтра мой послѣдній день;
По общей смертныхъ вѣхъ судьбинѣ
Съ лица земли сотрусь какъ тѣнь.
Въ такомъ печальномъ размышлени
Забывъ мірскія наслажденья,
Я вышелъ въ близлежащій путь —
Къ источнику воды холодной,
Простеръ послѣдній шагъ свободный,
Чтобъ разъ на солишко взглянуть.

4.

О, Боги! сонъ ли мнѣ явили,
Или самихъ себя вы тамъ?
Чьимъ зракомъ духъ мой возмутили
Отверзтымъ сущимъ небесамъ?
Подобно Ангелу видѣнье,
Природы лучшее творенье
Я въ видѣ женщины узрѣлъ!
Собранье вѣхъ красотъ небесныхъ

Доселѣ смертнымъ неизвѣстныхъ,
Мнѣ поздно рокъ познать велѣлъ.

5.

Скажи, кто ты? въ тебѣ съ кѣмъ вижусь?
О, неподобная жена!
Полвѣка я на свѣтѣ движусь,
А не встрѣчалась мнѣ Ана.
Ана! но кто? недоумѣю,
Назвать ее я не умѣю.
Ана подобна лишь себѣ.
Земля тебѣ престолъ поставитъ,
Твою красу трубой прославитъ,
Но имени не дастъ тебѣ.

6.

Чело, покрыто сѣдвинами,
Я преклоняю предъ Тобой:
Продли еще хотя часами
Животъ, о, Боже! скорбный мой!
Твоихъ чудесъ все совершенство,
Грядуща царствія блаженство
Я зрю и ощущаю днесь;
Дай мнѣ симъ взоромъ насладиться,
Какъ новымъ свѣтомъ озариться!
Не гробъ, но рай мой будетъ здѣсь.

7.

Умы строптивыхъ обличатся,
И гордаго смирится бровь;
Во нравы ея насалятся
Щедроты, кротость и любовь.

Ея глаза всѣхъ глазъ умнѣе,
Ея уста всѣхъ устъ скромнѣе:
Все благо, мило, важно въ ней;
Ея душа какъ твердый камень,
Котораго безстудства пламень
Не тронетъ пылкостью своей.

8.

Но я, носимъ волнами жизни,
Уже къ пристанищу притекъ;
Спѣшу въ предѣлы той отчины,
Куда влечется человекъ.
Я много лицъ прекрасныхъ знаю;
Но что въ твоихъ чертахъ встрѣчаю,
Того ни въ чьемъ я не видалъ!
Едва въ небесномъ вертоградѣ
Быть можетъ духъ въ такой отрадѣ,
Какую мнѣ твой образъ далъ.

9.

Житейскихъ бѣдъ понесъ бы бремя,
Презрѣвъ злосчастья тверду связь,
Хотѣлъ бы вѣчности жить время,
Когда бъ дышалъ, любовью льстясь;
Но коль любезну быть неложно,
И самому любить не можно,
Что пользы землю тяготить?
Безъ нѣжныхъ чувствъ взаимной страсти
Чужія радости — напасти,
А собственнымъ нельзя и быть.

10.

Свершай свой путь, о, диво міра!
Тебя повсюду жертвы ждуть.
Бояровъ сонмъ, пінтовъ лира
Хвалы стократны возмѣдутъ.
Вкусн соблазны громкой славы;
Но не забудь среди забавы,
Что взоръ твой старца здѣсь плѣнилъ,
Который радость быть съ тобою
Цѣнилъ престоловъ всѣхъ цѣною,
И мало тѣмъ еще цѣнилъ.

11.

Когда жъ мои зеницы ока
Сомкнутся смерти вѣчнымъ сномъ,
И заустенья тма глубока
Падетъ на сей древесный домъ, —
Приди мой прахъ омыть слезою,
Вселить во гробъ своей рукою,
Сказавъ, что жаль меня тебѣ!
Сію чувствительности жертву
Воздай, молю тебя, мнѣ мертву!
— — — — —
Онъ рекъ, вздохнулъ, и се не бѣ.

САМОМУ СЕБѢ.

Одинъ, размыслясь въ кабинетѣ,
Спросилъ отчета у себя:
За что между всѣхъ женщинъ въ свѣтѣ
Одну лишь я люблю тебя!

Въ тебѣ что такъ мнѣ полюбилось?
За что ты прочихъ всѣхъ милѣй?
Или ты для того родилась,
Чтобъ былъ я жертвою твоей?

А ты, чтобъ, бывъ одна безстрастна,
Имѣла случай показать,
Что ты любовника несчастна
Способна мучить и терзать?

Въ тебѣ такое что-то вижу,
Чего въ другихъ совѣмъ не зрю;
И что въ иныхъ я ненавижу,
Въ тебѣ то жъ самое люблю.

Съ другими часто въ разговорѣ
Бываю веселъ и шутивъ:
Съ тобой при всякомъ твоёмъ взорѣ
Я что-то робокъ и стыдливъ.

Когда заочно представляю
Твои пріятности себѣ,

Я сердца сколь ни увѣряю,
Что много равныхъ есть тебѣ;

Мой умъ ихъ сотнями считаетъ:
Но лишь тебя завижу —
Сравненье тотчасъ пропадаетъ,
И ты милѣй всѣхъ для меня.

Что жъ дѣлать мнѣ теперь осталось?
Коль сердце борется съ умомъ,
Велѣть, — чтобъ сердце покорялось;
Хочу — да нѣтъ удачи въ томъ.

И силъ довольныхъ не имѣю
Биење сердца утолить.
Я ими живъ; я лишь умѣю
Тебя, какъ жизнь мою, любить!

Какое злое состоянье,
Изъ бѣдъ первѣйшая бѣда:
Терять любовное вздыханье,
Не зря взаимности слѣда.

Но, зная, судьбинѣ такъ угодно,
Готова адъ мнѣ въ жизни сей,
Чтобъ чувство, всѣмъ намъ столько сродно,
Души не трогало твоей;

Чтобъ ты милѣй мнѣ всѣхъ казалась,
Чтобъ отъ тебя съ ума сходилъ;
Чтобъ ты отъ глазъ моихъ скрывалась,
А я — чтобъ все тебя любилъ!

Д Р У Ж Б Ъ .

Amitié! tu regnas dans les beaux jours de Rhée.

Colardeau.

О, дружба! кто тебя не знаетъ,
Не знаетъ тотъ и красныхъ дней,
Въ минутахъ скучныхъ убиваетъ
Все время сладкой жизни сей.
Ужъ ли, раждая смертныхъ боги,
Бываютъ къ нимъ толико строги,
Что тартаръ зѣсь хотятъ создать?
Не вѣрю. — Жизнь есть даръ священный,
А дружба — способъ драгоценный
Ее спокойно провождать.

За что мы жизнью скучаемъ,
Найдемъ причину внутри себя,
Природѣ вѣчно досаждаемъ,
Живемъ другъ друга не любя.
Мы дышемъ въ зависти и злобѣ
И съ сердцемъ каменнымъ въ утробѣ
Однѣ другому строимъ ковъ.
Когда бъ лукавства не имѣли,
И къ ближнимъ дружбой пламенѣли,
Не такъ бы былъ нашъ рокъ суровъ.

Вы сами, люди, въ томъ виною,
Что вамъ приходитъ тошно жить;

Вы такъ убиты клеветою,
Что уже не смѣете любить!
Взгляните въ отдаленны вѣки. . .
Тамъ просто жили человѣки,
Какъ-будто бы одна семья;
Между собой, не ставя въ муку,
Дѣлили временную скуку,
Въ услугахъ радость находя.

Любили со вниманьемъ строгимъ
Въ чужой участвовать судьбѣ;
Тогда бывало грустно многимъ,
Коль одному не по себѣ:
За то стояли тверже грады,
Спокойства были въ нихъ ограды
Страхъ Божій — стыдъ — и трепеть зла;
Граждане въ бунтахъ не кружились,
Цари спокойно спать ложились,
Любовь народъ и тронъ брела.

За что мечтать напрасно нынѣ,
Что наше время — время бѣды?
Что предковъ нашихъ лишь судьбинѣ
Присвоенъ былъ ко счастью слѣдъ?
Природа видъ свой не мѣняетъ:
Насъ то же солнце освѣщаетъ,
Небесъ насъ кроетъ тотъ же сводъ,
Подъ конемъ дѣды наши жили; —
Тому жъ Творцу они служили;
Ихъ Богъ есть нашъ — онъ Богъ щедротъ!

Люби — и будешь счастливъ въ мірѣ . . .
Чего иного въ немъ желать,
Хоть въ низкой долѣ, хоть въ порфирѣ,
Какъ духъ свой дружбою питать?
Она съ небесъ на землю сходитъ,
Съ собою рай отрадъ низводитъ:
Что выше искренней любви? —
Не о страстяхъ здѣсь разсуждаю;
Ребячій бредъ сей забываю:
Угасъ ихъ жаръ въ моей крови.

Но другъ — что можетъ съ нимъ сравниться!
Онъ стражъ сердечной тишины.
Когда нашъ рокъ отяготится,
Когда страдаемъ безъ вины
Во обстоятельствахъ несчастныхъ
И въ разныхъ случаяхъ опасныхъ, —
Онъ намъ совѣтъ, опора, щитъ;
Онъ скромныхъ нашихъ тайнъ хранитель,
Онъ нѣжный нашъ благотворитель,
За насъ и жизни не щадитъ.

Врага ли сильнаго робѣю,
Убожество ли я терплю,
Въ совѣтѣ ль надобность имѣю,
Подъ игомъ немощей скорблю, —
Къ кому прибѣгну, какъ не къ другу?
Онъ мнѣ гоговъ явить услугу
Заочно такъ, какъ и въ глаза;
А если слабъ помочъ найдется,

По крайней мѣрѣ хоть сохнетъ
Съ моей слезой его слеза.

Слеза любви — она дороже
Миллионовъ многихъ въ лютый часъ.
Въ участьи друга вижу, Боже!
Всещедрый промыслъ Твой о насъ.
Когда любя насъ наказуешь,
Непостижимо Самъ врачуешь;
То чувство дружбы намъ явить.
Съ ней золь безъ гнѣва сносимъ бремя,
Съ ней жизни скоротечно время
Какъ чистый ключъ воды бѣжитъ.

Колико бѣ мы счастливы были,
Когда бѣ, сей истиной плѣняясь,
Уздами дружества скрѣпили
Необходиму смертныхъ связь!
Тогда бы жизнь намъ полюбилась,
Благопріятство бѣ водворилось
Равно въ шалашъ, какъ и въ чертогъ;
Престали бѣ мы роптать напрасно
И безъ ума твердить всечасно:
На что меня Ты создалъ, Богъ?

Такой вопросъ мнѣ не понятенъ;
Онъ выше смысла моего.
Мнѣ всякой въ жизни день пріятенъ,
И не клянущи ни одного.
Я утра радъ, когда проснулся,
Въ гостяхъ и дома веселюся,

Живу въ кругу честныхъ людей,
Чужому счастью не ревную,
На жребій свой не негодую,
Люблю, любимъ въ семьѣ моей.

Пускай иной мнѣ не повѣритъ;
Кто недовѣриемъ смущенъ,
Тотъ мнитъ, что всякой лицемѣритъ.
Что хочешь мни, — но я блаженъ!
Сіе сокровище велико!
Не царь, — царей даетъ Владыко;
Оно со мною родилось.
Веселый нравъ, воображенье,
Простое сердца обращенье,
Все это даромъ мнѣ пришло.

Не въ кучѣ толстыхъ книгъ мудреныхъ
Души спокойство я стяжалъ —
Оно бѣжитъ людей ученыхъ;
А я изъ опытовъ узналъ,
Что много вѣдать есть лишь мука;
Что всѣхъ нужнѣй одна наука,
Дабы счастливу въ свѣтѣ быть,
Царя небеснаго бояться,
Царю земному покоряться,
Блюсти свой долгъ, людей любить.

Иной не требую морали;
Съ ней счастливъ добрый человекъ:
Она смягчитъ его печали,
Онъ въ клятвахъ не скончаетъ вѣкъ. . . .

Тебѣ я сердце посвящаю,
Тебя въ немъ, дружба! заключаю;
Будь въ немъ, пока въ немъ жизнь духъ!
И сколько злоба всѣхъ ни жалитъ;
Во мнѣ спокойства не умалитъ;
Залогъ мнѣ въ томъ — душевный другъ!

ВОСХИЩЕНЬЕ.

Pour moi je l'avouerai soit raison ou foiblesse,
J'aime à desirer tout ce qui m'intéresse,
Et quand un plaisir pur vient m'animer mon cœur
Enivrè du bienfait, cherche le bienfaiteur.

Дня, въ который ты родилась,
Вожделѣнная заря
Въ третій разъ возобновилась,
Во мнѣ чувства тѣ же зря;
Съ новой радостью встрѣчаю
Милой день душѣ моей,
Съ новымъ жаромъ ощущаю
Быстрый взоръ твоихъ очей.

Оторвись отъ недосуга
Для меня хотя на мигъ;

И позволъ, чтобъ голосъ друга
До тебя въ сей день достигъ,
Чтобъ отъ сердца постоянна
Онъ успѣлъ тебѣ сказать,
Сколь готовъ я безпрестанно
Твоей волѣ угождать.

Каждый шагъ мой есть залогомъ,
Что всечасно мысль моя
Предъ тобой, какъ передъ Богомъ,
Безъ лукавствъ, открыта вся;
Всѣ дѣла до днесъ казали
Самымъ опытомъ тебѣ,
Что я всѣ твои печали
Взялъ охотно бы себѣ.

Ты свидѣтель всѣхъ вѣрнѣе,
Сколько я тебя люблю;
Ты всѣхъ вѣдаешь скорѣе,
Когда весель, или терплю;
И какъ много человѣки
Друбы вѣжностъ ни цѣнятъ,
Не восчувствуютъ вовѣки
Со мной равныхъ въ ней отрадъ.

Если можетъ другъ нашъ милый
Успокоить нашу грудь,
Удержать въ ней вздохъ унылый,
Такъ увѣрена въ томъ будь,
Что ни кто во всей вееленной
Не имѣетъ правъ, какъ ты,

Въ полной мѣрѣ преблаженной
Вкушать жизни красоты.

Оставляю равнодушнымъ
Долгъ обычая хранить
И съ прѣтствомъ имъ скучнымъ,
Безъ любви, къ тебѣ идтить.
Я и сердцемъ и словами
Отличаюсь отъ нихъ;
Не бѣгу къ тебѣ съ дарами,
А несу мой бѣдный стихъ

Когда въ немъ я упражнялся,
Всю подсолнечну забылъ,
Лишь тобою занимался,
И хвалою не дорожилъ;
Не просилъ сокровищъ тѣсныхъ
Я у Бога для себя;
Но чтобъ Онъ щедротъ безцѣнныхъ
Пролилъ рѣки на тебя;

Чтобы дни твоя прекрасны,
Уподобясь неба днямъ,
Отъ злодѣевъ безопасны,
Были бѣ радостны друзьямъ!
Съ сей молитвой прибѣгаю
Къ Богу искреннихъ сердець,
И надѣяться дерзаю,
Что ей внемлетъ мой Творецъ.

Ты, дражайшая причина
Восхищенья моего!

Ты пребудешь вѣкъ одна
Для меня милѣй всего!
Вѣрь любви моей неложной,
Вѣрь, что жертвы нѣтъ такой
Въ человѣчествѣ возможной,
Гдѣ бъ не презрѣлъ я собой.

Никакихъ владыкъ на свѣтѣ
Не завидую судьбѣ;
Я имѣю лишь въ предметѣ
Всегда нравиться тебѣ.
Иныхъ благъ я не желаю,
И дабы счастливымъ быть,
Одно средство только знаю:
Всей душой тебя любить!

Каминъ въ Пензѣ.

Каминъ, товарищъ мой любезный!
Куда какъ я тебя люблю!
Съ тобою въ сей юдоли слезной
Заботы всѣ свои дѣлю.
Когда природа умираетъ,
Когда насъ осень запираетъ

Въ темницу скучныхъ нашихъ стѣнъ,
Тогда, какъ листъ, и я желтѣю,
Къ огню прибѣжище имѣю,
Играю съ нимъ, уединенъ.

Хотя безъ всякаго убранства
Изъ камней грубыхъ ты сложенъ,
Не монументомъ гордымъ чванства
Въ моемъ углу ты быть сужденъ;
Тебя не мраморъ одѣваетъ,
Не стали лучъ въ тебѣ сіяетъ,
Не грань хрустальная блеститъ;
Пріятство ломкаго фарфора
Толпы невѣждъ не тѣшитъ взора:
За то ты грѣешь, тотъ давить.

Какъ ночь войдетъ ко мнѣ въ окошко,
И дня прогонитъ бѣлый свѣтъ,
Внесутъ ко мнѣ дровецъ лукошко
Въ моемъ быту затѣвѣ дѣтъ;
Вельможамъ я не подражаю,
На корабляхъ не добываю
Ни знатныхъ угольцевъ, ни дуть;
Дубовыми топлю дровами
Своими попросту руками
И самъ расклатъ, и самъ раздулъ.

Пока еще не разгорится
Костеръ моихъ дешевыхъ дровъ,
Мой взоръ съ пріятностью дивится;
Смотри на быстрый бѣгъ дымовъ;

Смотря, какъ искра искру тронетъ,
Какъ, изсыхая, влага стонетъ
И мѣсто пламени даетъ;
Огонь всѣ поры распираетъ,
Дрова трещатъ, а онъ вылаетъ,
И что ни встрѣтитъ, мигомъ жжетъ.

Одинъ въ потьмахъ, нога на ножку,
Я въ креслахъ нѣжусь у огня;
То сонъ вкушаю понемножку,
То мысль къ мечтамъ зоветъ меня:
Высоки замки шпански строю;
Стада рабовъ зрю предъ собою,
Готовыхъ манію внимать;
Вселенну всю межую взглядомъ;
Царей даю смятеннымъ градомъ,
Гоню морей предѣлы вснять.

Или, наскучивши войною,
Съ досадъ далеко бросивъ племъ,
Гонясь за новой суетою,
Спѣшу, въ мечтаніи моемъ,
Судей, корыстью оболъщенныхъ,
Судейскихъ чучель изумленныхъ
Поганы гвѣзда разорить,
Злыхъ ябѣдъ жало притупляя,
Злодѣйства капища сжигая,
Во храмъ святъ правды обратить.

Или, намыкавшись по свѣту,
Надѣлалъ пропасть славныхъ дѣлъ,

Опять къ любезному предмету
Несу убогой свой удѣлъ:
Каминъ поленьями питаю,
Всѣ думы въ кучу созываю,
И, грезы сонныя прогнавъ,
Влекусь ко сладку размышленью,
Плету хвалы уединенью,
Мірскихъ суетъ тщету познавъ.

«Чего ты хочешь, горделивый,»
Вѣщаю мысленно къ себѣ:
«Ко счастью мужъ несправедливый?
«Чего недостаетъ тебѣ?
«Ты хлѣбъ свой съ прихотью съѣдаешь,
«Жену прекрасную лобзаешь,
«Дѣтей любезныхъ тормошишь;
«Ты младъ и незнакомъ съ недугомъ;
«Отъ стужи печь къ твоимъ услугамъ,
«И въ нѣгѣ, сколько хочешь, спишь.

«Ты всеу молишь Провидѣнье,
«Чтобы, какъ Крезъ, ты былъ богатъ;
«Сребро и злато — обольщенье:
«Бѣднякъ покойнѣе сто кратъ.
«Кто мѣръ желаніямъ не ставитъ,
«Тотъ, сколько золота ни сплавитъ,
«Все будетъ бѣденъ передъ тѣмъ,
«Кто, по прибаскѣ русской, ножки
«Тянутъ умѣетъ по одѣжки,
«И мѣдный грошъ цѣнитъ рублемъ.»

«Напрасно и о томъ скажешь,
«Что не живешь въ иномъ краю;
«Не ужъ ли ты воображаешь,
«Что Лондонъ и Парижъ въ раю?
«Ахъ, нѣтъ! во все́ года и вѣки
«Вездѣ тѣ жъ были человѣки. —
«Богъ міру далъ все по поламъ;
«Нигдѣ нѣтъ ясаго блаженства,
«Нигдѣ нѣтъ благъ все́хъ совершенства:
«Есть смѣху часъ, есть часъ слезамъ.»

Такъ думу думалъ, и вздыхая
Воображалъ нашъ краткій вѣкъ;
Съ собой бесѣду продолжая,
«Не прахъ ли» мнилъ я: «человѣкъ?»
«Постигнетъ и его кончина
«Такъ точно, какъ среди камня
«Теперь огонь щепы палитъ.
«Вчера сей дубъ былъ знатенъ, славенъ,
«Въ лѣсу ни съ чѣмъ оя не былъ равенъ;
«Севодни срубленъ, — и горитъ.»

«Колко мы ни парохтимся
«Одинъ другого выше стать,
«Напрасно, право; суетимся;
«Хоть титло въ листъ; а умирать!
«Рожденья мигъ: есть шагъ къ могилѣ;
«Нельзя противиться намъ силѣ
«Законовъ вѣчныхъ естества;
«Конца достигнетъ вся вселенна;»

Но тамъ каминъ зло калятся,
И сплошь дрова такъ разгорятся,
Что не залетятъ морской кувшинъ;
А здѣсь воды, чуть жарко станеть,
Графина одного достанеть:
Спросилъ, да влилъ — погасъ каминъ.

Каминъ въ Москвѣ.

Еще мы лѣта не видали,
А ужъ опять зима какъ тутъ!
Морозы въ комнату вогнали
И долго выдти не дадутъ;
Краса природы измѣнилась,
Завѣсой ночи обложилась,
Ахти — что дѣлать? — что начать?
Придвинусь къ милому камину,
И съ нимъ мою тоску, кручину,
Какъ прежде, стану раздѣлать.

Въ какихъ краяхъ я ни шатаюсь,
Великъ ли, малъ ли былъ мой домъ,
Въ высокихъ замкахъ величался,
Иль крылся внутри своихъ хоромъ;

Каминъ мой зимній благодѣтель,
Вездѣ былъ дѣлъ моихъ свидѣтель —
По суткамъ съ нимъ жила въ одинъ;
Тоску, печали и досады,
Утѣхи, радости, отрады,
Все мой завѣдывалъ каминъ...

На всѣ судьбы людскія въ свѣтѣ
Когда я мысленно гляжу,
И у каминна въ кабинетѣ
О челоуѣчествѣ сужу,
Съ трудомъ въ моемъ воображеніи
О счастья общія всѣхъ мнѣны
Могу я съ правдой согласить:
Весь міръ шумитъ и колобродитъ;
Но вмѣсто счастья что находятъ?
Лишь новы способы тужить.

Цари, по самой доброй волѣ,
Оставя тронъ, бѣгутъ къ ружью,
Въ своей толь знаменитой долѣ
Клянутъ перѣдко жизнь свою.
Бояра, сколько не тучнѣютъ,
А также въ счастьи обѣднѣютъ,
Какъ самый ихъ послѣдній рабъ.
И тотъ въ своей огромной сферѣ,
И сей въ землянкѣ, иль въ пещерѣ,
Равно противъ напасти слабъ.
Вездѣ о счастьи писали,
И будутъ вѣчно толковать;

«И скотъ и тварь одушевлена
«Въ свой часъ лишатся существа.»

И такъ, то бредя въ кабинетѣ,
Межъ многихъ мертвыхъ мудрецовъ,
Я прогонялъ на бѣломъ свѣтѣ
Тоску осеннихъ вечеровъ;
То рубль одинъ миллиономъ множилъ,
То всю Сибирь на фракахъ прожилъ;
То ширь Лукуллевъ давалъ;
Иль философіи стезею,
Простая съ гостившею душою,
Червей въ могилѣ ожидалъ.

Камни! къ тебѣ я обращаюсь!
Ты въ скукѣ мнѣ великой другъ!
Коль въ мрачну думу углубляюсь,
Ты всю ее разгонишь вдругъ;
Ума и сердца заблужденья,
Страстей жестокия волненья
На память тотчасъ мнѣ явишь;
Чего напомнить не умѣешь!
Со всякимъ вздоромъ вмгъ посетишь,
Чело улыбкою даришь.

Какое множество ласкательствъ
Тебѣ я въ жертву приносилъ!
Любовныхъ клятвъ и отрицательствъ.
Тебѣ стопами я дарилъ;
Нерѣдко шитые жилеты,
Колечки, перстни, слезаты

Съ лучиною вмѣстѣ зажигаешь,
Огонь физической съ моральнымъ,
Въ угоду случаямъ печальнымъ,
Со всякою скромностью вѣнчалъ.

О, сердца сладкіе обманы!
Что можетъ съ вами быть равно?
Не вы спокойствія тираны;
Вамъ царство радостей дано.
Сто кратъ благословенны годы,
Въ которы красоты природы
Влюбляютъ снова каждый день!
Все въ мірѣ живо насъ плѣняетъ.
Гдѣ жъ правда? — Въ небѣ обитаетъ;
Въ низу ея лишь только тѣнь.

Учтись, смертные! учитесь
Во всемъ средину познавать;
И буну міра умудритесь!
Чего Богъ не далъ, гдѣ же взять?
Кто свѣтъ такимъ, какъ есть онъ, создалъ,
Кто всемъ изъ насъ свой жребій роздалъ,
Предъ Тѣмъ винися всяка тварь.
Во всемъ на власть Его надѣюсь,
А между тѣмъ сижу и грѣбюсь;
Каминь мой дворъ, при немъ я царь.

Я вижу часто, какъ родится
Отъ искры пламенной пожаръ;
Не такъ ли царствъ судьба вертится?
Горитъ война отъ мелкихъ сваръ.

Нигдѣ его не отыскали.
Ахъ! трудно счастье стяжать!
И я, мужикъ хоть немудреный,
Сказать то также, какъ ученый,
Могу: оно въ самомъ во мнѣ;
Да гдѣ и какъ найти? Не — знаю;
Въ печали — на яву страдаю,
А весель — все будто во снѣ.

Противъ страстей возставши лихо,
Чело нахмура, какъ Катонъ,
Когда въ душѣ его все тихо,
Философъ свой даетъ законъ:
«На что страстямъ порабощаться?
«Разсудку должно покоряться.
«Всѣ наши прихоти мечта;
«Все здѣсь, о люди! скоротечно:
«Ищите въ небѣ счастья вѣчно,
«А мѣръ — суеть есть суета.

«Коль сытъ однимъ — на что три б.лода?
«Коль есть кафанъ — на что ихъ пять?
«Къ чему потребна денегъ груда?
«Умрешь — съ собой вѣдь ихъ не взять.
«Стѣсни ты пуѣдъ своихъ границы,
«Бѣги въ деревню изъ столицы,
«Живи спокойно малый вѣкъ;
«Терпи обиду равнодушно;
«Сноси печаль великодушно,
«Будь выше, нежели человекъ.»

Да самъ ты что, мой поучитель?
Ты Богъ, иль Ангель во плоти?
Глубокой мудрости рачитель!
Позволь во внутрь себя войти!
Открой не умъ одинъ, но чувства,
Вѣщай безъ всякаго искусства,
Ужъ ли таковъ ты вправду сталъ?
Я вижу — тщетно лицемѣришь;
Сей проповѣди самъ не вѣришь,
И вышелъ ты — пустой кимвалъ!

О, если бѣ люди всѣ такъ жили,
Какъ имъ разсудокъ повелѣлъ!
Когда бы чувства тише были,
Источникъ крови бѣ не кипѣлъ,
Куда бы было жить прекрасно!
Все было бѣ мирно, безопасно,
Любовь была бѣ союзъ всѣхъ странъ;
Другъ друга люди бы не ѣли,
Ужиться межъ собой умѣли
Французъ, Арабъ и Мусульманъ.

О, если бѣ — это только слово
Когда въ заглавьи положу,
Одну ли землю — небо ново
Тотчасъ перомъ моимъ рожу.
Всѣ царства будутъ изобильны,
Всѣ люди будутъ равно сильны;
Нигдѣ ни снѣга, ни зимы,
Цвѣты расти вседневно станутъ,

Къ каминамъ бѣгать перестанутъ, —
Совсѣмъ переродимся мы.

Ахъ, нѣтъ! мнѣ жаль камня стало!
Оставимъ лучше все, какъ есть:
Того, что мнѣ на разумъ вспало,
Никакъ не можно произвести.
Пускай себѣ кружится сфера,
И пусть различная химера
Играетъ каждаго умомъ!
Творецъ все къ лучшему устроитъ;
Насъ нынѣ стужа беспокоитъ,
За то не страшень лѣтній громъ.

Молву я слышу повсечасну
О свойствѣ добрыхъ поселянъ:
Какую жизнь ведутъ прекрасну!
Законъ природы не попраиъ.
У нихъ грубѣй, твердятъ мнѣ, нравы,
Но несравненно ихъ забавы
Простѣе, нежели у насъ:
Другъ съ другомъ водятся въ свободѣ,
Не пьютъ и не ѣдятъ по модѣ.
Неправда! — такъ же, каковъ часъ.

Когда даются серенады
У васъ въ прекрасный лѣтній день,
Шумятъ прозрачны водопады,
Отъ зноя кроетъ кедровъ тѣнь,
Тогда мужикъ коня впрягаетъ
И плугомъ землю раздвигаетъ,

Или беремъ дровъ тащить,
Или сквозь тусклыя окошки,
Въ которы не видать ни крошки,
Зимою на мятель глядить.

Жену хочь часто онъ цѣлуеть,
Но коль обманъ подстережетъ,
Жесточе насъ вознегодуетъ
И за невѣрность сильно бьетъ.
Онъ милъ быть хочеть по неволѣ;
Не смысла правъ надъ нею болѣ,
Какъ то, что вѣнчанъ — пѣтой кусъ*).
И такъ какъ мы передъ министромъ,
Такъ точно онъ передъ бурмистромъ
Застѣчивъ, робокъ — тотъ же трусъ.

Согласенъ я, что наши страсти
Не нарушаютъ ихъ покой;
За то у нихъ свои напасти:
Уроки, порча, домовой.
И такъ они въ словахъ разбились,
Но въ вещи мало отличились.
Грущу и я, грустить и онъ.
А что мы модой называемъ,

*) Можетъ быть, сие выраженіе покажется многимъ странно; но мнѣ точно случилось видѣть въ отдаленной отъ Москвы деревнѣ бабу, которая, будучи прибита мужемъ, на вопросъ мой: любить ли она его? отвѣчала мнѣ и съ нѣкоторымъ сердцемъ: какъ же, мой батка! вить мы повѣчались; онъ пѣтой кусъ.

Мы точно то жъ у нихъ встрѣчаемъ:
Обычай ихъ въ селѣ — законъ.

Одно лишь уметованье наше
Влечетъ насъ бѣдныхъ разбирать,
Чья участь чьей судьбины краше,
Что лучше: ползать, или пахать.
Ахъ! всякой пошу свою тянетъ,
Вседневно въ мѣру силъ устанетъ,
Отъ дроворуба до царя.
Тотъ мнитъ, что я богатъ и тученъ,
А я—что онъ благополученъ;
Но все умовъ пустая пря!

Я тутъ себя не исключая,
Подобный прочимъ человѣкъ;
Въ желаньяхъ также убиваю
Безплодный мой и краткой вѣкъ:
Чужой ревную часто долѣ,
Въ воображаемой неволѣ
Кружу съ досады весь мой умъ;
Бываю многимъ недоволенъ;
Дни два грущу, да дней пять боленъ
Отъ бури беспокойныхъ думъ.

Каминъ! тобой не промѣняюсь
На всѣ сокровища вельможъ!
Тобою часто утѣшаюсь;
Всегда мнѣ мнѣ — вездѣ пригожъ.
Пускай печали неизбѣжны,
Но съ ними смѣхи часто смежны.

Ты будь престоль моихъ забавъ;
А книгъ моихъ съ меня довольно;
Отъ нихъ ни тѣсно мнѣ, ни больно:
Читаю то, что мнѣ на нравъ.

Когда же книгу я оставлю,
И углублю въ камнѣ мой взоръ,
Съ какимъ веселіемъ представлю
Различныхъ случаевъ сборъ!
Моей всей юности картину,
Суетъ успѣхи и причину
Тотчасъ въ умѣ вообразу;
На Сѣверъ, Югъ, и на столицу,
И на финляндскую границу
Какъ-будто я теперь гляжу.

Винюсь, мой Боже! предъ Тобою,
Я праздно молодость убилъ;
Влекомъ обычая волною,
И день и ночь мечтамъ дарилъ.
То тамъ, то сямъ я суетился,
Искать знакомства торопился
И мыслилъ: — «это все заемъ,
«Которымъ я кого есужаю;
«Современемъ сей долгъ, я знаю,
«Красенъ мнѣ будетъ платежемъ.»

Ошибся я въ моемъ расчетѣ,
Пропалъ весь трудъ мой ни во что,
И изъ людей мнѣ на примѣтъ,
Въ комъ я искалъ тогда, никто —

Не говорю благодаренье —
Ниже малѣйшее вниманье
Ко мнѣ съ тѣхъ поръ не показалъ;
И коль встрѣчать мнѣ ихъ случалось,
То — вѣроятно ль бы казалось? —
Иной меня не узнавалъ.

Таковъ сей свѣтъ, такіе люди,
И обитенщикъ не лжетъ Степанъ,
Конечно — что плыветъ, все уди,
Что ни дадутъ, клади въ карманъ.
Два слова я п *онъ* вовѣки
Въ одно не свяжутъ человѣки,
И врядъ найдешь ли гдѣ кого,
Кто бы, сосѣда повстрѣчавши,
Не мыслилъ, руку ему жавши:
Мнѣ все — другому вичего!

Пора ко правамъ примѣниться,
Мнѣ скоро будетъ сорокъ лѣтъ,
Пора изъ опытовъ учиться
Цѣнить людей, узнать сей свѣтъ.
Искать друзей есть обольщенье
И сердца суетно стремленье.
Исполнилася въ наши дни
Людекого равнодушья мѣра;
Не требуйте на то примѣра *):
Увы! — во множествѣ они.

*) На сихъ дняхъ дваменя поразили. Молодой мужчи-
на застрѣлился, и нѣкоторые изъ пріятелей его, съ ко-

Въ глаза другъ друга всё расхвелятъ;
Но случай лишь придетъ помочь,
Тотчасъ цѣны твоей умалять,
Пойдутъ, не молвя слова, прочь.
Умень ли кто, — тотъ такъ задавить,
Что цѣльмй вѣкъ тебя заставитъ
Объ немъ съ слезами вспомнать.
Дуракъ, — тотъ гдѣ ни повстрѣчаетъ,
Каменьевъ пропасть накидаетъ
И ими заградить твой путь.

А вы, которы безъ умолку
Чувствительностию надмясь,
Предразсудительному толку
Несете въ жертву сердца связь,
На что вы такъ дары небесны,
Любезность, умъ, черты прелестны,
Употребляете во зло?
Почто надъ чувствами другова
Толико ваша власть сурова,
Что жить не въ силу намъ пришло?

ими онъ обращался и въ кругу которыхъ почитаемъ былъ необходимымъ, поговоря объ этомъ, какъ о странномъ случаѣ, сутки, на другія поѣхали на балъ и плясали. — Умеръ также вѣкто скоропостижно, и вмѣсто кого-либо изъ родныхъ, или друзей, на свисканіе коихъ онъ лѣтъ съ 60 своего вѣка употребилъ, глаза ему закрыла сердобольная старая иностранка а въ гробъ прибрали рабыи руки. Тутъ также ни чья дружеская слеза на трупъ его не капнула. . . . Какая сильная для чувствительныхъ сердець наука!

Отъ золь такихъ моя отрада
Единый Богъ, — Богъ твари всей;
Мнѣ ничего уже не надо:
Не жду блаженства отъ людей.
Стократъ пріятнѣй, дома сидя,
Соблазновъ свѣта въ немъ не видя,
Съ своей семьею просто жить;
И, скромно время провождая,
Разсудку здраву угождая,
Дрова въ каминѣ шевелить!

Война каминовъ.

Собравшись съ мыслями своими,
Каминъ я новый сочинилъ;
Съ стихотвореньями своими
Его въ бюро мой положилъ.
Каминъ тамъ прежній встрепенулся;
Онъ, гостя встрѣтивши въ сердцахъ,
Высокомѣріемъ надулся,
И рѣчь повелъ въ такихъ словахъ:

Куда, скажи, каминъ московской,
Несетъ нелегкая тебя?

И кстатѣ ль въ сей бюро господской
Со мною въ рядъ кладешь себя?
Хоть я въ провинціи родился,
А ты въ Москвѣ произведенъ,
Но сколько бѣ симъ ты ни гордился,
Со мной не можешь быть сравненъ.

Ни въ чемъ, повѣрь, ты мнѣ не пара, —
Я шлюся въ томъ, на общій судъ;
Въ тебѣ той связи нѣтъ, ни жара,
Какія всѣ во мнѣ найдуть.
Вѣдь намъ здѣсь въ ящикѣ съ тобою
Свободно можно разсуждать,
И что мы молвимъ межъ собою,
Того никто не будетъ знать.

Пускай того жъ отца мы дѣти;
Но, ахъ! какая разнота!
Давно мой вѣсъ поставленъ въ свѣтѣ;
Ты мнѣ лишь именемъ чета.
По мнѣ отецъ мой сталъ извѣстенъ;
Въ печати два раза я былъ.
Суди, колико рокъ мой лестенъ:
Меня Французъ переводилъ!

Ты все вчернѣ на свѣтѣ видишь,
А я и черное бѣлю;
Ты съ желчью смертныхъ непазидишь,
А я всѣмъ сердцемъ ихъ люблю;
Ты путь ко счастью теряешь,
А я по немъ иду всегда;

Вездѣ коварство ты встрѣчаешь,
А я, напротивъ, никогда.

Напрасно мой отецъ старался
Дитя такое произвести;
Пускай бы тѣхъ дѣтей держался,
Отъ конхъ онъ пріемлетъ честь.
Себя, Меня, Авось, Глафиру
И Эгоиста написавъ,
Онъ долженъ былъ оставить лиру
И не искать надъ нею правъ.

Когда жъ, въ несносной нашей долѣ,
Пришелъ его падеья часъ,
Не мучь по крайней мѣрѣ болѣ
Своимъ присутствіемъ ты насъ!
Съ тебя здѣсь ящиковъ довольно;
Переберись изъ нихъ въ любой:
Но, право, намъ ужасно больно
Въ одномъ быть обществѣ съ тобой!»

Каминь московскій догадался,
Что съ самохваломъ труденъ споръ;
Онъ очень скромно отмолчался
И презрѣлъ весь его задоръ.
А я, чрезъ то познавъ упадокъ
Моихъ во стихотворствѣ силъ,
Дабы все въ должный ввелъ порядокъ,
Тотчасъ ихъ порознь разложилъ,

И самъ себѣ на замѣчанье
Сей случай безъ досады взялъ;

Когда я сдѣлалъ завѣщанье,
Изъ рукъ перо почти бросалъ,
Такъ уже подлинно напрасно
За новой риемой я летѣлъ;
Во всякомъ случаѣ опасно
Забуть способностей предѣлъ!

И такъ не буду я стремиться
Изъ точки выскочить моей,
Дабы до смерти не убиться,
Не стать посмѣшищемъ людей;
Но впредь, трудомъ умовъ полезныхъ
Любя свой разумъ занимать,
Въ воспоминаніяхъ любезныхъ
Дни сладки стану провождать.

За женщинъ.

Давно ль вамъ вздумалось, мужчины,
На женщинъ всеу разсердяться,
Пустыя сыскивать причины
Разрушить съ ними вашу связь?
Давно ль на умъ возшло желанье
Такое выдумать собранье,

Въ которомъ не было бы дамъ?
Гдѣ могутъ быть онѣ помѣха,
Благопристойная утѣха
Уже не существуетъ тамъ.

Еще такихъ диковинъ въ мірѣ,
Какъ свѣтъ стоитъ, я не слыхалъ,
Чтобы съ сумой, или въ порфирѣ,
Мужчина женщиной скучалъ.
Пристойно нашему лишь вѣку,
На посмѣянье человѣку,
Такую блажь въ немъ допустить,
Чтобъ естеству сопротивляться
И съ прилежаньемъ обучаться
Безъ женщинъ время проводить!

Ужъ ли, въ столь странномъ заблужденьи
Ума, кто хочетъ выдать знакъ,
Чувствъ вредны злоупотребленьи?
Но быть безъ нихъ нельзя никакъ.
Такую чудную химеру,
Превосходящу всяку вѣру,
Едва придумать я могу.
Въ какомъ умѣ вообразилась,
Въ какой душѣ она родилась?
Съ ней надо міра быть врагу.

Куда безъ женщинъ мы годимся,
Прошу злодѣевъ ихъ сказать?
Весь вѣкъ хлопочемъ, суетимся,
А изъ чего? — Чтобъ ихъ плѣнять.

На что жь плѣнять? — Чтобъ насъ любили,
Чтобъ сердцемъ насъ своимъ дарили;
А мы, владѣя сердцемъ ихъ,
Владѣя тѣмъ, всего что краше,
Блаженство находили наше
Во счастья женщинъ намъ драгихъ.

Безъ нихъ пріятныя бы чувства
Оледѣли вовсе въ насъ,
Исчезли бъ всѣхъ родовъ искусства,
Свѣтильникъ разума погасъ;
Мы стали бъ дики, своеправны,
Одной жестокостію славны;
Повсюду видѣли бъ раздоръ;
Какъ звѣри пищу восхищая,
Другъ друга тишины лишая,
То зло бы дѣлали, то вздоръ.

Куда бы дѣлося геройство,
И къ храбрымъ подвигамъ любовь,
Сіе сердце великихъ свойство,
Воспламеняющее кровь?
Къ какой бы милости склонились?
Какого буйства устыдились,
Когда бъ, достойныхъ женъ хвала,
Сія единственная мѣта
Всего подсолнечнаго свѣта,
Къ дѣламъ отличнымъ не влекла?

Въ огонь и полымя летаемъ,
Ни язвъ, ни смерти не страшась;

Успѣхи жизнью покушаемъ,
Препятствіями раздражась.
Какую жъ ищемъ мы отраду
Такихъ трудовъ себѣ въ награду? —
Восхитить женскіе умы;
И если овладѣли ими,
Трофеи броса передъ ними —
О, сколь благополучны мы!

Нельзя безъ женщинъ обойтись,
Когда безъ нихъ и часъ какъ вѣкъ;
Черезъ нихъ и съ ними веселиться
Природой призванъ человекъ.
Онѣ забавы умножаютъ,
Онѣ печали уменьшаютъ
И бремя живота легчатъ:
Отъ нихъ искать уединенье
Такое сердца преступленье,
Въ которомъ я не виноватъ.

Напрасно, право, вы, мужчины!
Хотите свѣтъ перемудрить,
И вонъ изъ общей всѣхъ судьбины,
Систему новую сложить.
Живите такъ, какъ жили прежде;
Любите женскій полъ въ надеждѣ,
Что онъ и нашему не врагъ:
Сей цѣлью Богъ вселенну вяжетъ
И твердостью ее намъ кажетъ,
Колико Онъ великъ и благъ.

Пускайте ихъ въ свои собранья,
Присутствіе ихъ ставя въ честь;
Сердце смѣшайте воздыханья:
И (буде счастье въ свѣтѣ есть)
То вѣрьте мнѣ — его неложно
Сыскать иначе не возможно,
Какъ только въ родѣ жизни томъ,
Гдѣ женщина, любя мужчину,
А сей, любя ее одну,
Не мыслятъ ни о чемъ другомъ.

Не лезть пристрастными устами
Точу я здѣсь въ моихъ словахъ;
Вы опытѣ истины сей сами
Всегда имѣете въ глазахъ.
Мы сплошь на женщинъ негодуемъ,
За вздоръ вспылیمъ и приревнуемъ;
Непримиримы имъ враги!
Но чуть лишь милая взоръ кинетъ,
Тотчасъ досада вся простынетъ,
И мы — покорные слуги.

Конечно, женщины имѣютъ
Способность насъ всегда вскружить,
И недостатки чувствъ умѣютъ
Ума проворствомъ замѣнить.
Въ нихъ сердце часто легковѣрно;
Но если мило намъ чрезмѣрно,
То что же дѣлать намъ съ своимъ?
Бѣжать въ пустыню? — Тяжко средство!

Тамъ тотчасъ насъ постигнетъ бѣдство,
И мы воротимся же къ нимъ.

Онѣ все это твердо знаютъ;
Имъ всякой помыслъ нашъ знакомъ;
Онѣ въ глазахъ у насъ читаютъ,
Въ кого когда имъ бросить громъ.
А намъ надлежитъ быть покорнымъ
И нравомъ вспылчивымъ, задорнымъ
Ни злобить ихъ, ни огорчать,
Любить всею сердцемъ — но съ искусствомъ,
Стараяся по ихъ къ намъ чувствамъ
И наши къ нимъ соразмѣрять.

Кто такъ себя располагаетъ,
Въ счастливой тотъ живетъ судьбѣ;
Кто женщину вовсе убѣгаетъ,
Не имъ злодѣй тотъ — самъ себѣ.
А я, уставы чтя природы,
Увымой не ищу свободы,
И быть въ бесѣдахъ ихъ люблю;
Лицемъ пригожимъ восхищаюсь,
Умомъ и сердцемъ наслаждаюсь,
И розно съ ними — только сплю.

Коль Богъ въ совѣтѣ самъ съ Собою,
Сложивъ Адама одного,
Хотѣлъ украсить рай женою
И создалъ Еву для него,
То какъ юдоль земная слезна
Могла бѣ безъ женщины быть любезна?

И какъ бы свѣтъ безъ нихъ стоялъ?
И такъ, не утсвуйте напрасно;
Ищите женщинъ повсечасно,
И пусть Lequin *) даетъ имъ балъ!

ПРОТИВЪ ЖЕНЩИНЪ.

Tel glose helas sur vos foiblesses
Qui brule des les partager.

За что на женщинъ намъ сердиться,
Когда не любятъ онѣ насъ?
Всего глупѣй о томъ крушиться,
Что въ нихъ извѣдали сто разъ!
Боговъ написано въ совѣтѣ,
Чтобъ имъ плѣнять, а не любить;
И такъ несчастливъ тотъ на свѣтѣ,
Кто хочетъ имъ угодень быть.

Иной противу ядръ воюетъ,
И сто смертей бездѣлкой чтить;

*) Имя иностранца, открывшаго академію музыки въ Москвѣ, отъ котораго нѣкоторые члены требовали, чтобы не было въ оной баловъ и чтобъ одни мужчины могли въ нее входить имѣть.

Спявъ латы — рыцарь мой горюеть —
О чемъ? — Дѣвчонка не глядитъ.
Другой законы возглашаетъ,
Судомъ и милостью великъ;
Пришелъ домой — судья вздыхаетъ:
Вскружилъ головушку парикъ *)!

Тамъ зрю — съ огромною трубою
Полю нгомъ скуки — астрономъ
Бѣжитъ, бѣдяжка, за звѣздою,
Предвидитъ дождь, и спѣтъ, и громъ;
Но чуть лишь женщина попалася
Хоть мало-мальски по глазамъ;
Наука вся въ трубѣ осталася,
И инструменты все къ чертамъ!

Или, въ горахъ одинъ скитаясь,
Упынья сгорбленъ тяготой.
Пустынникъ, свѣта укрываясь,
Владѣеть кое-какъ собой;
И тотъ, въ часокъ погоды ясной
Изъ горъ чуть выйдетъ погулять,
Попался женскою взоръ прекрасный:
Пошелъ любить — пошелъ страдать.

Однимъ лишь женщинамъ удобно
Въ умахъ такой хаосъ творить;
Кому иному столько сродно
Въ насъ кровь, какъ лужу возмутить?

*) Дамы ввели въ моду носить разныхъ цвѣтовъ парики.

Чѣмъ больше право понимаю
Умовъ ихъ складъ и стгибъ сердець,
Тѣмъ я сильнѣе пребываю,
Что въ гнѣвѣ создалъ ихъ Творецъ.

Наврасно я разговорился;
Иной подумаетъ и впрямъ,
Что, можетъ быть, я разсердился
На нихъ за что-нибудь и самъ.
О, нѣтъ! сказать по правдѣ должно:
За что досадовать на нихъ?
Любить никакъ имъ не возможно;
У нихъ есть пропасть дѣлъ другихъ.

Любить! — Смѣшно, такой бездѣлкой
Прервать ихъ важный недосугъ;
Любить душѣ прилично мелкой. . . .
Ну! что за диво вѣрный другъ?
Еще его когда-то станетъ
По-римски дружбу показать,
А между тѣмъ, какъ шмель, пристанетъ —
И лучше бъ вѣкъ его не звать.

Повѣрьте мнѣ, о, человѣки!
Любви и дружбы нынѣ нѣтъ.
Она родилась въ прежни вѣки
И не дошла до нашихъ лѣтъ.
Послалъ ли Богъ бѣды, печали?
Мы ради всѣмъ — мы любимъ всѣхъ;
Но тѣ же люди скучны стали,
Когда на насъ играетъ смѣхъ.

Ищи отъ женщинъ быть въ свободѣ,
Не будь ихъ другъ — не будь ихъ врагъ;
Ласкайся къ той, котора въ модѣ:
Но безъ любви — иныхъ нѣтъ благъ,
Какъ пить и ѣсть и веселиться.
Будь кстати шутъ — вездѣ поспѣй,
Остро солги, — но лишь дружитья
Привычки глупой не имѣй.

На балѣ какъ-то мнѣ случилось
Бесѣду слышать двухъ дѣвицъ;
Она мнѣ очень полюбилась:
Ma chère! — онъ хочетъ небылицъ.
Eh quoi! mon coeur? — та отвѣчаетъ;
А между тѣмъ тутъ вальсъ поспѣлъ.
Подруга жметъ — danseur терзаетъ —
Mais attendez . . . — какъ надоѣлъ!

Пока другіе вальсируютъ,
Онѣ опять за разговоръ: —
Взгляни — какъ эти двѣ танцуютъ:
Ah! quelle horreur! — и! что за вздоръ!
Да что жъ ты давеча сказала?
Ахъ! какъ онъ exigeant! — Онъ? кто?
Другая пара подбѣжала.
Я ждалъ конца — да гдѣ? — паръ сто.

Рѣзвитесь, милья вертушки!
И не заботьтесь ни о чемъ;
Мужчины ваши здѣсь игрушки,
Швыряйте ими какъ мячемъ!

А мнѣ простите, коль обидѣлъ
Прекрасный полъ картиной сей:
Я написалъ, что слышалъ, видѣлъ,
И вѣтъ тутъ выдумки моей.

Прошли мои весenni годы,
Уже я къ осени лечу;
Терпѣлъ я сердца непогоды,
И успокоиться хочу.
Уважить женщинъ — чту закономъ;
Почестъ — обязанъ ихъ всегда;
Служить имъ — радъ всѣхъ силъ съ урономъ;
Любить — хотъ тресну — никогда.

Б л л ъ.

Былъ на праздникѣ огромномъ,
Что намъ принцъ вчера давалъ,
И въ кругу людей отборномъ
Своей любушки искалъ.
Тамъ по всѣмъ угламъ совался,
Встрѣтить взоръ ея хотѣлъ;
То сквозь кучу къ ней бросался,
То ни съ мѣста я не смѣлъ.

Что жъ такое въ насъ родится,
Когда любимъ мы кого?
Гдѣ весь городъ шевелится,
Тамъ намъ сплошь ни до чего.
Куда глазъ своихъ ни киню,
Все богато, все свѣтло;
На всѣхъ вижу ясну мину,
Одному мнѣ тяжело.

Долго ль будешь, страсть любовна,
Покорять сердца себѣ?
Ты лишь мучить ихъ способна,
А они все льнутъ къ тебѣ.
Хоть и видимъ, что мы гинемъ,
Идучи тебѣ во слѣдъ,
Но зажмурившись идемъ
Часто въ пропасть лютыхъ бѣдъ.

Я читалъ въ мой вѣкъ не мало,
Много слышалъ отъ людей —
Сколько умныхъ погибало
Отъ твоихъ, любовь, затѣй!
Часто разумъ мнѣ пѣняеть:
Для чего я то терплю?
Сердце ноетъ, отвѣчаетъ:
Что жъ мнѣ дѣлать — я люблю.

Да, люблю! — любить родился.
Не дышать хочу, лишь — жить!
Чего бъ въ свѣтѣ ни лишился,
Буду вѣчно я любить.

Пока жаръ любви безцѣнной
Будеть каплю крови грѣть,
Я и въ участи стѣсненной
Буду рай на свѣтѣ зрѣть.

Долго, долго не случилось
Мнѣ сойтиться съ дорогой,
Долго сердце мое билось,
Долго духъ стѣснялся мой;
Вдругъ какъ молнія блеснула —
То былъ взоръ ея очей, —
Вспыхла кровь, душа вздохнула,
Ожилъ — и летѣлъ я къ ней.

Въ самомъ праздничномъ собраньи
Для любви есть мигъ вездѣ;
Передать свои вздыханья
Нѣтъ помѣхи намъ нигдѣ.
Тутъ же тотчасъ я на балѣ
Съ ней къ сторонкѣ отошелъ,
И въ ститахъ на опахалѣ
Ей булавкой накололъ:

«Нѣтъ милѣй тебя на свѣтѣ
«Для меня нѣтъ ничего!
«Если бъ царство зрѣлъ въ предметѣ
«Въ замѣнъ сердца твоего,
«Если бъ всѣ порфиры міра
«Мнѣ судьба сейчасъ дала, —
«Моя любушка, хоть сира,
«Верхъ надъ ними бы взяла.

«Сколько лицъ здѣсь суетится,
«Посмотри! я говорилъ;
«А никто не веселится:
«Всякой радъ, что день убилъ.
«Пустота, унынье, скука,
«Право, всѣхъ ихъ здѣсь губить;
«Безъ любви животъ нашъ мука,
«Безъ любви душа въ насъ спитъ.»

Она слушать не стыдилась
Непорочныхъ сихъ рѣчей.
Безъ жеманства согласилась
Вѣрить истинѣ моей.
Я съ тѣхъ поръ въ блаженствѣ новомъ
Встрѣчу день и провожу,
Въ пути жизни сей суровомъ
Я занозъ не нахожу.

Съ той минуты благотворной
Отъ печали я ушелъ,
Молвя ей: слуга покорный!
Я къ блаженству слѣдъ нашелъ;
Веселъ всякою порою,
Жизнь моя утѣхъ полна,
Храмъ любви вседневно строю;
Богъ въ немъ — любушка одна.

П и р ъ.

Ah! il n'est point de fête,
Quand le coeur n'en est pas.

Взманилъ меня на днѣхъ знакомый малый вздор-
ный
Въ деревню къ богачу на праздникъ преогром-
ный;
Тамъ стерлядь; хвасталъ онъ, аршина въ пол-
тора,
Къ тому же, говорилъ, живого осетра
Съ курьеромъ во весь духъ изъ Волги прита-
щили;
Вчера его при мнѣ въ садокъ здѣсь посадили;
Вина — хоть окупись — какого хочешь есть,
И, словомъ, лишь была бъ охота пить и ѣсть,
А впрочемъ, всякой тамъ найдетъ, чего желаетъ;
Гостямъ хозяинъ радъ, какъ принцъ ихъ при-
нимаетъ.
Я слушалъ и молчалъ, смѣкая самъ съ собой:
Ни крошечки не лживъ дѣтина дорогой.
Зачѣмъ поѣду я обѣдать въ дальни гости?
Вереть тридцать отъ Москвы ломать напрасно
кости
Нѣтъ нужды впакой; а если сила въ томъ,
Чтобъ стерлядь запивать диковинымъ виномъ

И въ кучѣ разныхъ лицъ незнаемыхъ шататься,
То, право, лучше мнѣ въ своей семьѣ остаться.
Дворянской нашъ базарь-меня ужь не дивитъ,
А кашею крутой я также буду сытъ.

Но вдругъ поѣхать съ нимъ мнѣ что-то рассу-
дилось,

Иль пуще отъ того, что мнѣ въ тотъ день сгру-
стилось.

Рѣшился, такъ и быть, поѣдемъ! я сказалъ,

И дугомъ заложить коляску приказалъ.

Пока мой экипажъ къ походу снаряжался,

И Колобовъ *) какъ бѣсъ по всѣмъ избамъ про-
шалея —

(У всякаго своя приманка въ свѣтѣ есть:

Любовь не все одну бояреку холить честь,

Не все она къ одной прекрасной тянетъ рождь;

Бродяга часто въ ней поспорить и вельможѣ.

А что до красоты, то свѣтъ давно пустилъ

Пословицу въ Русь: не по хорошу милъ,

А по милу хорошъ) — и такъ, пока впрягали,

Намъ, просто безъ затѣй, завтракать собрали;

Мы съѣвши хлѣба край, хлебнули молочка.

Прекрасенъ былъ тотъ день — ни тучь, ни об-
лочка;

Посоветившись братъ съ собой въ дорогу
книжку,

Отъ голоду въ запасъ взялъ вяземску каврижку.

Не рпему здѣсь хочу для книжки прибирать —

Нѣтъ; истинно люблю я пряники жевать.

*) Слуга мой.

Межь тѣмъ уже въ подъѣздъ коляску подво-
зили;

Мы прыгъ въ нее тотчасъ — тряхнули — по-
катали

Безъ цѣли тридцать верстъ скакать, Богъ вѣсть
зачѣмъ.

Едваль, oprичъ меня, случилось это съ кѣмъ?

Ахъ! если бъ я умѣлъ здѣсь живо и прекрасно
Перомъ то написать, что мнѣ молоть всечасно
Товарищъ на пути . . . увѣренъ бы я былъ,
Что повѣстью такой и мертвыхъ разсмѣшилъ.
Лишь сѣлъ и закричалъ: пошелъ! Какъ тихо
ѣдемъ!

Мы этакъ никогда до мѣста не доѣдемъ —
Помилуй! пять минутъ лишь только со двора —
Какое пять минутъ! часа ужъ съ полтора. —
Фу! что за пекла здѣсь! вѣтъ мочи — заду-
шился!

Вели спустить хоть верхъ. — Ты очень заша-
лился. —

Пожалуй прикажи! — Слуга лишь соскочилъ;
Постой, стой! — Что тамъ? — Я тросточку
забылъ. —

Не ужъ-то намъ за ней турить домой лакея?
Добро, ужъ такъ и быть—пошелъ, да поскорѣя.
Отъѣхали сажень; — ай! ай! вонъ косогоръ;—
Коляска на боку.—Пустое, братецъ, вздоръ! —
Вотъ такъ - то онъ блажилъ, а я все съ нимъ
чинился.

Наскучилъ мнѣ сумбуръ, и я за умъ хватился:
Не слушалъ ничего, что далѣе ни вралъ.

Ахъ, Боже мой, какъ онъ меня тогда залгалъ!
Вѣстей не есть конца, — всего и всѣхъ ко-
снулся

Скакали три часа, хоть въ словѣ бы загнулся;
Да пуще-то всего отъ тѣмъ мнѣ надоѣлъ,
Что сряду двухъ минутъ въ покоѣ не сидѣлъ:
Какъ живчикъ, — то и знай въ коляскѣ онъ
вертится;

Вдругъ крикнетъ: ну, пошелъ! — вдругъ: дай
остановиться!

Тамъ кочка, сямъ бугоръ — ой! вывалятъ тот-
часъ;

Подъѣдемъ ли къ рѣкѣ,—прости, уходятъ насъ!
Я только-что спрошу, когда заколобродитъ:
Да часто ль на тебя такая дрянь находитъ?

Какъ стали мы къ селу верстѣ на пять подъ-
ѣзжать,

Постойте! закричалъ. — Когда теперь стоять!
Что тамъ Богъ далъ еще?—Вонъ въ роцѣ не-
забудка;

Сорви ее, слуга! — И! полно, что за шутка!

Не слушайте его! я людямъ закричалъ,

И кое-какъ въ село къ обѣду прискакалъ.

Оправились, взшли. — Въ прекраснѣйшемъ
строены

Художества вездѣ находимъ превращены.

Хозяинъ изъ-за картъ à bras ouverts бѣжитъ;

Хозяйка на софѣ разнѣжившись лежитъ.

Французскпхъ слова два она намъ отпустила;

Товарищъ мой тотчасъ: Ахъ! какъ у васъ все
милу!

Мы видимъ возлѣ васъ Олимпъ среди полей
И подлинно тогда набѣгъ къ вамъ былъ гостей:
Иной кричитъ бостонъ, иной сампрандру про-
ситъ;

Тотъ пѣсенку поетъ, другой стихи подноситъ;
Французовъ, Немчурь, — безчисленный народъ,
По всеѣмъ угламъ торчитъ иноплеменный сбродъ.
Товарищъ мой ко всеѣмъ съ привѣтствомъ под-
бѣгаетъ;

Иного руку жметъ, другого обнимаетъ.
Дѣвицъ прекрасныхъ строй, любезныхъ женщинъ
тма,
И было бъ, можетъ быть, съ чего сойти съ
ума:

Но, къ счастью моему, умъ дома я оставилъ,
А сердце на житье къ Раидѣ я отправилъ,
И тутъ среди гостей вздохнулъ объ ней тогда:
Съ ней розно не могу быть веселъ никогда.
Пошедши на балконъ окинуть глазомъ виды,
Нечаянно нашелъ въ диванѣ Аониды,
Раскрылъ—мой первый взоръ Парашу повстрѣ-
чалъ:

Подъ именемъ ея тебя тогда мечталъ.
Раида! не страшись въ пріязни ты измѣны;
Всеѣ нами предъ тобой Параша Селимены.
Другъ дома между тѣмъ, гляжу, ко мнѣ катитъ,
И двухъ въ поддачу намъ бостонщиковъ тащитъ.
Но двери настезь въ залъ — когда жъ играть
сидиться?

Народъ и повалилъ — давно всеѣмъ стерлядь
снится.

Кувертовъ я у нихъ безъ мала со сто счѣлъ:
Какой огромный домъ! какой богатый столъ!
Покоемъ пребольшимъ хотя онъ былъ постав-
ленъ,
Привсемъ томъ ихъ сервизъ не могъ быть весь
установленъ

Я подъ-бокъ къ своему товарищу подѣлъ.
Во весь обѣдъ звукъ трубъ и бой литавръ гре-
мѣлъ.

И рыбы, и мяса, и всякія приправы,
Для пищи животамъ и зрѣнья для забавы,
На блюдахъ въ два ряда носили вкругъ стола;
А стерлядь всеѣмъ сама хозяйка раздавала.
Отъ прашуровъ у нихъ посуда та осталась,
Въ ломбардныхъ кладовыхъ доселѣ не валялась.
Откуда ни возьми на пробу и на вѣсъ,
Добра со всеѣхъ сторонъ, и лишнихъ нѣтъ при-
мѣсь.

Попутчикъ мой вездѣ глазами восхищался,
Какъ самой тонкій пухъ, на воздухъ подымался;
А я молчалъ, какъ пень, и крѣпко лишь тужилъ,
Что такъ некстати тутъ я цѣлый день убилъ.
Покушавши, когда неможко толще стали,
Другъ къ другу наклонясь, какъ мухи зажуж-
жали;

Часъ отъ часу потомъ и громче и сильнѣй
Гость каждый рѣчь свою запѣлъ, какъ соловей:
Иной, схватя пирогъ, въ двѣ щеки утираетъ,
И думаетъ, что онъ Моро на штыкъ сажаетъ;
Индѣечье крыло терзая тамъ другою,
Разсказываетъ всеѣмъ про Магдональдовъ бой;

Надъ жирной ветчиной уѣздный Бушма прѣсть,
И крайне о долгахъ дворянскихъ сожалѣть;
Потягивая пуншъ, беззубыхъ двое тутъ,
Грустятъ, что скоро дни послѣднiе придутъ;
Никто ни съ кѣмъ ни въ чемъ не хочетъ быть
согласнымъ,

А всякой свой доводъ считаетъ распрекраснымъ.
Хозяинъ, чтобы вдругъ все мысли согласить,
Спросилъ большой покаль — и ну здоровье пить.
Онъ наше, мы его пока шампанскимъ пили,
По нотѣ много лѣтъ намъ пѣвчiе сулили.
Потомъ со всехъ сторонъ пошли десертъ тас-
кать.

Всего, что́ было тутъ, нельзя пересказать.
Желая истощить всей нѣги услажденья
И самыхъ тонкихъ чувствъ растрогать въ насъ
движенья,

На арфѣ двухъ пѣвицъ заставили играть
И нѣжны голоса со звукомъ струнъ сливать.
Хозяйка между тѣмъ, жемапяся непутво,
Болтала всякой вздоръ французской поминутно;
Дѣвицы про себя: ты знаешь chez Pierrsohn
Препропастъ навезли bonnets à la Nelson.
И вотъ ужъ — быть нельзя — тотчасъ, вѣдь,
спорить стала;

А я вчера за нимъ нарочно заѣзжала. —
Поѣду же и я. — Сегодня ужъ когда? —
Такъ завтра. — А какъ все раскупить — вотъ
бѣда!

Какая здѣсь *coignée*! терпѣнья не достанетъ.
Нѣтъ! маменька меня впередъ ужъ не заманитъ.

А мамешка въ ушко сосѣдкѣ: Ахъ! мой свѣтъ!
Взгляни-ка, шепчетъ ей, не смяся ль мой кор-
сетъ?

Чадъ винный между тѣмъ объявши все утробы,
Тронулись страсти въ пасъ, вспнѣлъ въ устахъ
ядъ злобы.

Мой хватикъ далъ сигналъ, возвыся первый
тонъ;

Исчезли рѣчи все — сталъ слышенъ ревъ и
стонъ.

Хозяйка—Ah! j'ai peur! взвизжала и умчалась,
За нею дамъ толпа въ минуту разбѣжалась, —

И тутъ-то начался порядочный содомъ,
А люди то и знай, что всехъ поятъ виномъ.

Въ иномъ углу дрались, въ иномъ еще брани-
лись;

Кой-гдѣ гостей ужъ нѣтъ — давно подъ столъ
свалились.

За женщинами въ слѣдъ и я было-урывъ;

Да пьяный мой сосѣдъ за фалду ухватилъ:

Постой! послѣ стола спектакль намъ покажутъ.—

Какой тебѣ спектакль; ужъ въ лыко все не
вяжутъ.

Подъ эту рѣчь *Мортмвръ* *), проснувшись со сна,
Дворецкому кричить: дай сладкаго вина!

Пристали все рабы, съ попырокъ у рту пѣна;
Да пьянымъ, говорятъ, и море по колѣна.

Не вѣдаю, какъ я не пьяной уцѣлѣлъ.

Мой хватикъ нагрузаясь, едва уже сидѣлъ.

*) Имя хозяина.

По рюмкѣ поднесли еще намъ дрей-мадеры, —
Тутъ новыя у всѣхъ родилися химеры:

Кто въ шахи захотѣлъ, кто въ знатны господа,
Кто хочетъ милліонъ имѣть рублей всегда,
Иной стрѣльнулъ въ Мадридъ съ Испанцами
подраться,

Другой готовъ весь вѣкъ съ сосѣдями тягаться,
Тотъ весь индійскій скарбъ въ баулъ свой по-
ложилъ,

А этотъ въ свой чуманъ сераль перетанилъ:
Что разумъ, то расчетъ, что сердце, то желаньи.
Хозяинъ среди сихъ пьяныхъ восклицаній
Ко мнѣ оборотясь: «А вы, гость дорогой!
Чего бъ хотѣлось вамъ!» — Домой, сударь, домой,
Отвѣтствовалъ ему я очень равнодушно.

— Такъ рано! — «Да мнѣ здѣсь, помилуй Богъ,
какъ скучно!»

Пострѣлъ мой унимать: — Пожалуй, погоди,
На фейерверкъ ужъ немножко погляди!

Такого, мнѣ повѣрь, не видывалъ вовѣки:

Фонтаны, бураки и пламенные рѣки;

Съ соборъ Успенской щить, и тысячь сто фу-
зей. —

Ахъ! полно, братецъ, вратъ! По милости твоей,
Я слышалъ ужъ и такъ, какъ лжешь ты превос-
ходно,

И далѣе съ тобой транжирить мнѣ несходно. —

Такъ я останусь здѣсь. — О! хотъ до утра

Пожалуй пей и жди живого осетра;

А мнѣ пора въ Москву. — Ни съ кѣмъ я не
прощался;

Вскочилъ изъ-за стола, на цыпочкахъ убрался.
Не долго на крыльцѣ своей коляски ждалъ,
И въ городъ во весь духъ скакать я приказалъ.
Дорогой размышлялъ: вѣдь есть же въ свѣтѣ
люди,

Которы осетровъ хотятъ ловить на улы.
Къ Рандѣ прикатилъ, — Ранды милый взглядъ
И путь мнѣ и обѣдъ вознаградилъ стократъ.
Свободенъ отъ чиновъ, безъ всякихъ принужде-
ній,

Блаженъ, когда могу ей дѣлать угожденьи!
Съ ней малъ и цѣлый день, съ другою длиненъ
часъ.

И тутъ я испыталъ уже не въ первый разъ,
Что гдѣ мнѣ ни польстятъ къ угѣхамъ разны
виды,
Ахъ, нѣтъ! я не могу быть счастливъ безъ Ра-
нды!

1790 годъ.

Le bonheur en une chimère
Tout fait formé pour la douleur
Et le destin nom fit un cœur
Pour mieux sentir notre misère.

Еще промчали годъ, и новый начинаемъ!
Что было, то прошло; что будетъ—ожидаемъ.
Текутъ рѣкою дни одинъ другому въ слѣдъ:
То радость промелькнетъ, то туча грянетъ бѣдъ;

Какъ волны на водѣ, мигъ съ мигомъ съединится

И вѣчности въ туманъ придуть онѣ сокрыться.

Минута, жизни дробь! рѣзва ты и скоро!

Далекъ отъ насъ тотъ день, который былъ вчера.

О, вѣчность! отъ тебя хоть я и не робѣю,

Но что такое ты, постигнуть не умѣю;

Гдѣ былъ твой первый пунктъ, гдѣ будетъ твой
конецъ!

На что хотѣтъ узнать, что скрылъ отъ насъ

Творецъ?

Покорствуя Ему въ безмолвіи глубокомъ,

Да будетъ всякъ изъ насъ своимъ доволенъ ро-
комъ.

Онъ времени велѣлъ придти, пройти, бѣжать,

А намъ опредѣлилъ пожить и умирать.

Премудрости своей Онъ свѣта руль оставилъ,

А смертнымъ повелѣлъ, собой чтобъ каждый
правиль.

Труднѣй сто кратъ свершить столь важный

подвигъ намъ,

Труднѣе, чѣмъ познать кругъ неба, путь звѣз-

дамъ.

Какъ вѣтры въ корабли, когда въ насъ страсти

дуютъ,

И сердце не щадя, тѣснятъ, мнутъ, волнуютъ.

Блаженъ, кто самъ себѣ вскричалъ тогда: по-
стой!

Отъ пропасти свернетъ и сохранитъ покой.

О семъ бы каждый день намъ думать надлежало;

Отъ опытовъ ума и сердце бѣ тише стало.

Но, нѣтъ! лишь новый годъ Москвы,
Что всѣхъ заботитъ насъ? — Парикъ и — ма-
скерадъ.

Игрокъ ли обыгралъ, кокетка ли плѣнила,
Или карриатуръ на балѣ много было, —
Кричатъ: счастливый годъ! — Но что мнѣ до
кого?

Спрошу теперь себя, спрошу я самого:
Поживши тридцать лѣтъ во храминѣ стѣсненной,
Я, мелкой человѣкъ, забытый во вселенной,
Подобно какъ и всѣ, хотъ лишній годъ прогналъ,
Умнѣй ли я другихъ, спокойнѣе ли сталъ?
Ахъ, нѣтъ! Я не солгу: какъ маленькія дѣти,
Обманами живу и вязну въ разны сѣти;
Не такъ какъ въ двадцать лѣтъ, не въ самыхъ
тѣхъ мѣстахъ,

Иначе — но всегда запутанъ въ суетахъ.
По утру, какъ Катонъ, съ собою разсуждаю,
А днемъ въ кругу красоть весь умъ и толкъ
теряю.

О, женщины, мой врагъ! что съ вами дѣлать мнѣ?
Бѣжалъ бы, — да нельзя — я вѣчно въ западнѣ.
Оставимъ мы любовь, источникъ злосюченья,
Посмотримъ на плоды всеобща просвѣщенья:
Умнѣй ли нынѣ сталъ не я одинъ — весь свѣтъ,
Хотъ близокъ онъ къ концу не года лишь — ста
лѣтъ?

Взгляну ли въ мѣръ я на царство колобродно,
Гдѣ свѣтъ наукъ блисталъ донинѣ превосходно, —
Что вижу тамъ? Царей любимыхъ свержень
тронъ!

Что слышу тамъ? Верей темничныхъ страшный
звонъ!

Танталъ и Иксионъ не такъ, какъ тѣ, страдали,
Которыхъ небеса Французу въ жертву дали.

Онъ, грады разоря, селеня остепилъ,
И кровію гражданъ Ѡемиды храмъ кропилъ.

Гдѣ мудрости его плодъ зрѣлый и прекрасный?
Гіены зѣвъ на свѣтъ извергъ тебя, несчастный!

Ты Людвига убилъ! ты Бога не позналъ!

Осмынадцатый сей вѣкъ того ли ожидалъ, —
Тотъ славный вѣкъ для насъ, котораго въ на-
чалѣ,

Уставши прилагать судьба печаль къ печали,
Петру вручила скипръ — сей въ мужествѣ ко-
лосъ

Царямъ далъ ощутить, что значитъ сильный
Россъ?

Тотъ вѣкъ, въ который благъ изящная причина,
Великая въ Мужахъ, о Ты, Екатерина!

Прославя свой народъ, полсвѣта побѣдивъ

И звукомъ громкихъ дѣлъ всю землю оглушивъ,

Не въ трепетѣ рабовъ пріятство зря короны,

Оградой царскихъ правъ не чтя подвластныхъ
стоны,

Душой, умомъ жила, и не мѣшала жить?

Но мнѣ ль моихъ Владыкъ достоинъ восхвалять?

Куда влечетъ меня перо мое свободно?

Лучъ солнца разбрызгать Богамъ единымъ сродно.

Пристойно ль воробью орлиный братъ полетъ?

Гдѣ слава одного, другого гибѣль ждетъ.

Херасковъ! лишь тебѣ дано съ орломъ равняться,

Въ поэзіи небесъ превыспреннихъ касаться,
Согражданъ въ ней своихъ дивить и увѣрять,
Царей прямой хвалою безъ лести возвышать!
Вотще ревную я тебѣ въ воображеніи;
Я чувствами богатъ, но бѣденъ въ изъясненіи.
Не всякъ, кто стихъ сложилъ, въ Парнассѣ го-
сподитъ;

Тамъ карла никогда не будетъ исполнѣнъ.
О! если бъ я тебѣ, Херасковъ, былъ подобенъ
И кистию твоей владѣть бы былъ способенъ,
Я пламеннымъ перомъ и въ радужныхъ чертахъ
Здѣсь Павла бы воспѣлъ, какъ солнца во царяхъ!
Но нѣтъ! рука, и мысль, и духъ мнѣ измѣняютъ.
Сойду къ моимъ друзьямъ — тамъ новый годъ
встрѣчаютъ.

Бѣги прошедшій прочь! — ты былъ для нихъ
жестокъ;
Да свидеть нынѣ къ нимъ благопріятный рокъ
Тамъ пляшутъ безъ затѣй, бесѣдуютъ въ сво-
бодѣ,
Хоть жаль, что и у нихъ парикъ проклятый въ
модѣ:

Но женщинамъ чего любезнымъ не простишь?
Смѣешься отъ ума—отъ сердца къ нимъ горюшь!
Оттуда я въ мое семейство возвращаюсь;
Здѣсь рай души моей, здѣсь счастьемъ наслаж-
даюсь.

Любезная жена и дѣти всѣ въ глазахъ.
Спокойство и любовь! прѣвыше вы всѣхъ благъ!
Я съ вами Января день первый начинаю,
Всецѣдрому Творцу моленья возсылаю,

Да счастливо свершитъ наставшій нынѣ годъ!
А счастливъ по моимъ понятіямъ здѣсь тотъ,
Кто совѣсти прямой, закону Божью вземлетъ,
Сообществъ не мутитъ и троновъ не колеблетъ;
Кто, власти надъ собою разумно зная вѣсь,
Предъ наглостью даетъ смиренью перевѣсъ;
Чинопачалья зря уставъ въ самой природѣ,
Отъ общихъ должностей не ищетъ быть въ сво-
бодѣ;

Кто всѣмъ благотворитъ, какъ можетъ, и когда;
Кто правду языкомъ и сердцемъ чтитъ всегда;
Кто, съ ней сообразивъ поступокъ свой при-
стойно,

Умѣетъ всѣмъ воздать, что каждаго достойно:
Тотъ счастливъ, тотъ блаженъ, тотъ міра кра-
сота!

Его, какъ и другихъ, потѣшитъ суета,
Потѣшитъ, — но прильнуть она къ нему не мо-
жетъ;

Улыбку въ немъ родитъ, а духа не встрево-
житъ.

Заботы отъ него бѣгутъ съ печалью прочь;

Ему не скученъ день, ему не страшна ночь.

Вотъ счастье! Я инымъ его не постигаю;

Себѣ и смертнымъ всѣмъ, какъ другъ, его же-
лаю.

В Е С Н А .

Весны настали дни блаженны!
Ужь въ рощахъ соловьи поютъ;
Огнемъ природы оживленны,
Повсюду птички гнѣзды выютъ;
Лучъ солнца льдины проникаетъ,
Водамъ свободу вновь даетъ;
Струя съ струей въ рѣкахъ играетъ
И въ челнокахъ пловцовъ несетъ.

Врата столичны затворились,
Веѣ скачутъ жить по деревнямъ;
Съ театромъ, съ балами простились,
Обманъ наскучилъ ихъ очамъ:
Природа всякаго искусства
Художныхъ рукъ цѣннѣй стократъ.
Въ поляхъ все нѣжитъ наши чувства;
Въ Москвѣ все маска и нарядъ.

Въ бесѣдѣ дружеской, пріятной,
Помѣщикъ жизнь начнетъ вести;
Коварства чуждъ души развратной,
Онъ будетъ въ радостяхъ цвѣти.
И тамъ онъ всякой день познаетъ,
Что счастья нѣтъ безъ простоты;
Что все, чѣмъ городъ ублажаетъ,
Ничто, какъ вздоръ и суеты.

Блаженъ, кто можетъ устранился
И у кого есть уголокъ,
Куда придетъ онъ схорониться,
Столицу бросивъ на часокъ!
Мое село, мое имѣнье
Въ саду песчаномъ и пустомъ;
Но гдѣ любви есть услажденье,
Не нуженъ тамъ и царскій домъ.

Я здѣсь въ осьмидесятомъ лѣтѣ *)
Младого кедра посадилъ;
На немъ, чтобъ онъ мнѣ былъ въ предметѣ,
Я вензель милой нарубилъ
Мой кедръ растеть и зеленѣеть,
И уже нынѣ въ лѣтній день,
Когда насъ солнце слишкомъ грѣетъ,
Онъ мнѣ даритъ прохладну тѣнь.

Расти, мой кедръ, и возвышайся,
Коснись главою облаковъ,
И твердымъ корнемъ расширяйся,
Готовъ мнѣ къ старости покровъ!
Доколѣ живъ, приду вседневно
Къ тебѣ вздыханьями почтить
Я имя той, кого душевно
Любилъ и буду вѣкъ любить!

*) Т. е. въ лѣто 1780 года, а не на моемъ 80 году отъ рожденія, какъ нѣкоторые подумали-было, читая сіи стихи въ первомъ изданіи. О! нѣтъ, я надѣюсь, что Богъ избавитъ меня скуки дожидаться столь поздней кончины.

Еще вчера, при блескѣ лунномъ,
Самъ-другъ съ печалью здѣсь сидѣлъ,
И на органѣ пятиструнномъ
Игралъ, какъ лѣсъ вокругъ шумѣлъ.
Звукъ струнъ по вѣтру раздавался,
А я бесѣдовалъ съ луной;
Къ ней быстрымъ взоромъ устремлялся,
Дѣлился съ ней моею тоской.

За что, скажи, за что Зефира
Престала другомъ быть моимъ?
Давно ль ей былъ милѣе міра,
До гроба чая быть такимъ?
Ужъ ли она измѣну знаетъ?
Ужъ ли, ни съ кѣмъ не бывъ равна,
Другимъ женамъ уподобляетъ
Ея невѣрность лишь одна?

Не страстенъ тотъ, кто увѣряетъ
Въ любви лишь клятвою одной,
Котору вспыльчивость раждаетъ,
Волнуя въ юности покой.
Любовь не клятвы громкимъ словомъ
Въ сердцахъ чувствительныхъ растетъ;
Но пѣжкимъ вздохомъ, томнымъ взоромъ
Она въ нихъ дѣйствуетъ, живетъ.

Нѣтъ пользы хитры выраженя
Съ трудомъ стараться находить,
Чтобъ сердца страстны возмущеня
Своей любезной изъявить.

Люблю тебя, сказавъ Зефиръ,
Я все, что чувствовалъ, вѣщалъ;
Когда бы зрѣлъ ее въ порфирѣ,
Я, право, то жъ бы ей сказалъ.

Хотя, какъ прочіе, съ богами
Тебя, Зефира, не сравню;
Но вѣрь, что сердцемъ и устами
Тебѣ, мой другъ, не измѣню.
Играть любовію не смѣю
Предъ тѣмъ, кого я не люблю;
Сей даръ небесъ я чтить умѣю,
Во зло я не употреблю.

Но тщетно я къ тебѣ взываю,
Лува, несчастныхъ другъ прямой!
Зефиры тѣмъ не возвращаю;
Зефиры нѣтъ нигдѣ со мной.
Померкни, блѣдное свѣтило!
Навѣкъ затмися для меня!
Что можетъ быть мнѣ въ свѣтѣ мило,
Когда Зефира не моя?

Она меня позабываетъ,
Со мной здѣсь рядомъ не сидитъ;
Ужъ голосъ мой ее пугаетъ
И жертвы сердца не цѣнитъ.
А я, любя ее всѣхъ болѣ,
Приду и завтра тосковать,
Отрадой чтя въ моей злой долѣ
Дражайшій вензель лобызать.

Мои имянины.

Въ отечествѣ Гречанъ есть островъ, или бывалъ,
Въ которомъ,—коль тому повѣрить, что читалъ,
И что Анахарсисъ объ немъ намъ утверждаетъ,—
Осьмое Мая всякъ Діанѣ посвящаетъ.

Делосомъ былъ онъ званъ, а Дянонъ названа
Со времени боговъ языческихъ луна.

Луна, изъ всѣхъ свѣтилъ вѣжнѣйшее свѣтило,
Которое сердцамъ чувствительнымъ такъ мило!
Вездѣ ты въ нихъ найдешь и жертвы и алтарь;
Ты ночью идолъ душъ и мыслей нашихъ царь.
Позволь сей самый день, полночная планета,
Живущему советамъ въ другомъ предѣлѣ свѣта
День имянинъ моихъ тебѣ же подарить!

Кому могу его пристойнѣй посвятить,
Какъ не тебѣ, луна, несчастныхъ благодѣтель,
Заря идущихъ въ путь — безмолвныхъ чувствъ
свидѣтель,

Уединенныхъ другъ, врагъ шума, суеты,
Очей слезящихъ свѣтъ, богиня чистоты!
Да если бѣ ты была хоть пунктъ малѣйшій въ
мѣрѣ,

Любилъ бы и за то, что правишься Глафирѣ.

Что мило для нея, то мило для меня;

Отъ склонности ея рождается моя.

Не въ Греціи одной, вездѣ твой лучъ сіяетъ;

Онъ хижину равно съ чертогомъ озаряетъ.

Вельможа въ городахъ, въ стѣняхъ мужикъ про-
стой,

Равно просвѣщены, равно живутъ съ тобой.

На что воображать, что я въ чужомъ народѣ?

Найду тебя и здѣсь; оно въ моеѣ свободѣ.

Поставить не могу великолѣпный храмъ;

Природа развѣ здѣсь не та же, какъ и тамъ,

Предъ свѣтомъ тѣхъ круговъ, въ которыхъ ты
сіяешь,

Откуда томный лучъ къ намъ долу посылаешь?

О! сколь ничтоженъ видъ огромныхъ тѣхъ тро-
фей,

Что зиждетъ въ честь богамъ художество людей!

Мой садъ да будетъ храмъ твой, жертвы при-
пошенье —

Любви чистѣйшій огонь, — восторгъ ума — слу-
женье!

Узрю Диану тутъ не въ дѣлѣ нашихъ рукъ,

Но въ истинѣ самой, и звѣздъ миллионы вокругъ,

Не мысленный лишь взоръ, покорствуя обману,

Къ изваянну простру яѣмому истукану.

Хотя со мною здѣсь и Аполлона нѣтъ,

Все то же, — у меня Хераскова портретъ.

Но прежде, чѣмъ мой взоръ въ Диану углубится,

Уставу естества я долженъ покориться,

И до вечера день въ мірскихъ обрядахъ гнать,

Несносную толпу гостей увеселять;

Привѣтствовать того, кто больше прочихъ зна-
тенъ,

Въ объятія принять, кто вовсе непріятенъ:

Приудить чувства, мысль, придумать разговоръ,

Пріязни взявши видъ, болтать красивый вздоръ.
О, солнце! ты свѣтло; но какъ съ тобою скучно!
Далеко — студено, вблизи — чрезмѣрно душно.
Хоть выгоды твои я прежде защищалъ
И долго за тебя противъ луны стоялъ;
Но женщины съ умомъ доводомъ убѣдился,
И общимъ съ ней къ лунѣ пристрастіемъ плѣ-
нился.

Приличья права нѣтъ неспосвѣй ничего,
И бѣдный какаду *) мой чувствуетъ его:
При людяхъ выходить изъ клѣтки онъ боится;
Онъ видитъ все чужихъ, и въ робости дичится,
Не смѣетъ на плечо ко мнѣ, бѣднякъ, легѣтъ,
Ни крылышкомъ взмахнуть, ни пѣсенки пропѣтъ.
Линь солнце въ бездну водъ, уставши, погрузится,
Огнемъ его слѣдовъ весь Западъ озарится,
Приду въ мой садъ одинъ сказать тогда лунѣ:
Діана, милый гость! слѣши теперь ко мнѣ!
О, небо! отведи отъ вечера несчастье,
Не возмущай мое минутное ты счастье!
Все скрылось отъ меня, мнѣ чуждъ сталъ цѣлый
свѣтъ,
Воздыханіямъ моимъ свидѣтелей здѣсь нѣтъ.
Пріятной тишиной всѣ чувства упоены,
Уймите быстрый бѣгъ, минуты драгоценны!
Явись на горизонтъ и стань въ свой чинъ, луна!
Ужъ близокъ часъ ея — ужъ близокъ. — Вотъ
она!

*) Какаду называется одна изъ американскихъ птицъ, близкая къ роду попугаевъ.

Мнѣ мнится, я живу одинъ въ пространствѣ
міра:

Въ глазахъ моихъ луна, въ душѣ моей Глафира,—
Глафира, коей ты мила, такъ какъ и мнѣ,

И кою, можетъ быть, ты зришь насдинѣ
Въ сей часъ, въ сей самый часъ, когда по ней
вздыхаю,

Вселенну всю забывъ, объ ней лишь помышляю.

О! если вмѣстѣ съ ней мы на тебя глядимъ,

Какой и чей восторгъ сравняется съ моимъ?

Ты скажешь ей, луна, моеѣ любви всю силу,

Повѣдаешь ей мысль и пѣснь мою унылу,

Что въ жизни безъ любви — лишь скука, тягота,

Обмановъ опытъ злой, соблазновъ суета.

Безстрастный человѣкъ съ досадою неразлучно

Живетъ, какъ хищный звѣрь, разсѣянно и скучно;

Пристанища ему въ природѣ нѣтъ нигдѣ,

Вселенна для него могилою вездѣ;

Изъ мѣди въ немъ душа, на сердцѣ горы льдины,

И къ радостямъ себѣ ни въ чемъ не зрять при-
чины.

О, вѣтъ! съ Глафирой я не чувствую того;

Не въ тягость мнѣ по ней вздохъ сердца моего.

Грустна ль о чемъ она — я съ нею огорчаюсь;

Обрадована ль чѣмъ — я съ нею восхищаюсь.

Твой здѣсь, Пифагоръ, напомнимъ я слова:

Мы съ другомъ ни одни, мы съ другомъ и не два.

О, тайное друзей сердечныхъ отношенъ!

Чье можетъ постигать тебя воображенъ?

Не станетъ ни чьего искусственна пера

На то, чтобъ изъяснить величество добра,

Которое Творецъ съ начала еще вѣка,
Всѣ слабости шадя скудельна челоуѣка,
Во сладостяхъ любви взаимныхъ показалъ
И въ нихъ, что будетъ рай, предчувствовать
намъ даль.

Я зрю сей рай среди вещественнаго міра:
Небесный создалъ Богъ — земной творить Гла-
фира.

Доколь моя любовь угодна будетъ ей,
Доколь ея душа приблизится къ моей,
Дотолѣ всяку ночь приди ты, мѣсяцъ ясный,
Животворить мой садъ, тобою лишь прекрасный!
И праздникъ мой тебѣ и будни я дарю;
Всегда я въ торжествѣ, когда Диану зрю.
Лучамъ твоимъ въ предметъ мою поставлю лиру,
Взыграю — воспою боговъ — любовь — Глафиру.
Не ратныхъ силъ успѣхъ прославлю я на ней;
Такъ много славятъ ихъ на свѣтѣ безъ моей.
А къ вечеру, когда отъ солнечнаго взохода
Закатишься въ лѣса, куда влечетъ природа,
Гдѣ ждетъ тебя въ свои объятія Эдидимонъ,
Тогда, узнавъ и я убогой лиры званъ,
Приду къ себѣ домой, и въ сладкомъ утомленн
До утра обтеку Морфеевы владѣнья;
Оттуда возвратясь, тѣмъ день начнется мой,
Что буду вновь желать увидѣться съ тобой.

О с е н ь .

День зачалъ убывать,—простился я съ весною;
Вдохнулъ ей тяжело въ слѣдъ и такъ вѣщалъ
съ собою:

Сирены отцвѣли, весна какъ мигъ прошла,
Любезная моя погода отошла,
И игры унося съ собою воображенья,
Лишила чувства всѣ сладчайша восхищенья!
Три мѣсяца въ году весенними сльвуть;
Но часто ли они всѣ ясными живутъ?
Изъ возраста въ другой такъ наша жизнь про-
ходитъ,

На кругъ годичной все столѣтіе походитъ.
Ахъ! если бъ, отъ суетъ свободный, человекъ
Исчислить захотѣлъ, великъ ли его вѣкъ,
И внесъ бы въ свой итогъ тѣ скорбныя години,
Въ которыхъ онъ страдалъ подъ гнетомъ злой
судьбины,

Тогда-то бы позналъ всю истину тѣхъ словъ,
Которы произнесъ старинный философъ:
«Миѣ семьдесятъ ужъ лѣтъ природа насчитала,
Но счастливыхъ лишь семь судьба въ нихъ да-
ровала;

А прочихъ шестьдесятъ совался, хлопоталъ,
Былъ нуждами стѣсненъ, въ недугахъ воздыхалъ.»
Какъ правильно для всѣхъ такое изреченье!
Оно раждаетъ въ насъ полезно размышленье.

О, мужи древніе! о, твердые умы!
Какія истины у васъ встрѣчаемъ мы!
Вы свѣтомъ насъ прямымъ разсудка озарили,
Правдиво мысля вы, правдиво говорили,
И истины, что вамъ случилось познать,
На опытѣ самомъ любили показать.
Хоть общая молва твердитъ во всей вселенной,
Что нынѣ-де вездѣ народъ сталъ просвѣщенный,
Я признаковъ того видѣ не нахожу,
Хоть зорко на людей вокругъ себя гляжу.
У дѣдовъ назади во многомъ мы остались
И всеу льстимъ себя, что съ ними поравнялись.
Кто вынѣ, напримѣръ, рѣчь сильну сочинитъ,
Какую Цицеронъ, бывало, возгремитъ?
Кто мысли такъ свои прекрасно въ речахъ
свяжетъ,
Какъ древній тотъ пѣвецъ Энея намъ укажетъ?
Дерзнетъ ли кто себя съ Сократомъ поравнять?
Кто твердостью готовъ Камиллу подражать?
Кто такъ, какъ Аристидъ, по правдѣ побораецъ?
Къ отечеству въ любви кто такъ, какъ Регулъ,
таецъ?
Или, какъ Сципіонъ, красавицу въ плѣнъ взявъ,
Лѣтъ въ 20 съ небольшимъ страсть нѣвну обуз-
давъ,
Кто сниметъ такъ, какъ онъ, невольничьи оковы
И узницу отдастъ въ объятія жениховы?
Кто почестямъ мірскимъ такъ мало будетъ радъ,
Какъ царство получивъ на пашнѣ Цицивиатъ?
Кто, пользою своихъ соотчичей плѣняся,
Пожертвуетъ имъ всѣмъ, и смерти не страшася?

Същите между насъ и Сюлліевъ портретъ.
Увы! такихъ гражданъ на свѣтѣ больше нѣтъ!
Мы Минина вѣнчать умѣемъ похвалами,
И Долгорукова похвастаться дѣлами;
Но людямъ и странамъ что пользы отъ похвалъ,
Когда примѣрамъ ихъ никто не подражалъ?
Мы блесками ума на пиршествахъ любезны,
Тѣ подвигомъ души бывали намъ полезны;
Во дни свои себя заставля уважать,
Умѣли образцемъ и въ наше время стать.
Но дурны стали мы, и дурны чрезвычайно!
Зло было искони, но было лишь случайно;
А нынѣ вообще противно всѣмъ добро.
Не честь владыка нашъ, по злато и серебро.
Но, ахъ! въ какое думъ собраніе плачевно
Влечетъ меня время позорище вседневно?
Сиренъ завялыхъ видъ удобенъ ли раждать
Унылу столько мысль и духъ такъ волновать?
Одна весна прошла, такъ что жъ? и годъ про-
мчится,
И новою весной шалашъ мой озарится,
Сиренъ моихъ кусты опять здѣсь расцвѣтутъ.
Все такъ . . . Но буду ль я тогда? . . . и буду ль
тутъ,
Гдѣ гений мой теперь меня отъ золь спасаетъ,
Щадитъ мою жену и нашихъ чадъ питаетъ,
Гдѣ цвѣтъ, послѣдній цвѣтъ сиренъ моихъ шиплю,
Гдѣ всю вокругъ себя природу я люблю?
Услышу ль тѣхъ же птицъ, чьимъ голосомъ плѣ-
няюсь,
Увижу ль тѣ струи, въ которыхъ я купаюсь?

Кто скажетъ это мнѣ: доколь весна придетъ,
Какъ много здѣсь воды дотолѣ утечетъ?

О, Боже! Ты мои вздыханія исчисли!

Всѣхъ смертныхъ предъ Тобой желанія и мысли.
Не долгой вѣкъ прошу, но краткой въ тишинѣ,
Чтобъ ясной жизнь моя подобилась веснѣ;
Чтобъ жилъ всегда я тамъ, гдѣ дни мнѣ не по-
стылы;

Чтобъ видѣлъ тѣхъ людей, которы сердцу милы;
Женѣ моей, друзьямъ чтобъ дорогъ былъ всегда;
Сирены чтобъ мои не вали никогда;
Чтобъ, мѣру лѣтъ свершивъ Тобой опредѣленну,
Безъ ужаса сію оставилъ я вселенну,
И чтобъ потомокъ мой, увидя гробъ мой, рекъ:
Ахъ! жаль его! онъ былъ хорошій человекъ!

Спасибо 1799 году.

Шумить потокъ времени и бездна лѣтъ играетъ,
Осьмнадцати вѣковъ Сатурнъ конецъ свершаетъ;
Ужъ перваго числа послѣдня Января
Коснулась нашихъ вѣждъ студеная заря.
Московскимъ красотамъ въ пріятныхъ грезахъ
снятся,

Что счастье чѣмъ свѣтъ въ боскеты къ нимъ
свалится.

Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, уже задатокъ взятъ:
Сегодня имъ даютъ театръ и маскарадъ.

А я, при встрѣчѣ сей годичныя денницы,
Мечтаніямъ моимъ опредѣля границы,
Творца благодарю, благодарю сто разъ
За то, что новый годъ дошелъ еще до насъ;
Что старый провели спокойно и здорово,
Прогнавши то, что въ немъ казалось намъ су-
рово.

Но если онъ умчалъ и скуку и печаль,
То сколько жъ и такихъ минутъ, которыхъ жалъ!
По свойству моему впередъ не устремляться,
О прошломъ сожалѣть, а сущнымъ наслаждаться,
Пожду, пожду еще я новый годъ хвалить;
Посмотримъ, какъ его удастся намъ прожить.
Пускай на громкой ладъ во всѣхъ языкахъ міра
Пѣтють въ дневній день настроенная лира
Гремѣтъ, плѣняясь его лишь новостью одной,
Что онъ-то къ намъ посетъ Астрени въѣкъ зла-
той;

Что въ каждомъ его днѣ къ намъ благъ рѣка
полетѣя;

Что міръ весь безъ меча и крови уживется;
Безъ дару Судія невинность защититъ,
Пристрастіе уймѣтъ, злодѣйство сокрушитъ;
Что будутъ люди тѣмъ, чѣмъ вѣчно не бывали—
Безъ желчи и страстей, животъ ихъ безъ пе-
чали;

И, словомъ, пусть сулятъ, что осемисотый годъ

Во агнецъ превратитъ лукавый смертныхъ родъ:

А я тебя пою, о, время дорогое!

Прими, прошедшій годъ, хваленіе простое!

Хоть мраченъ для меня на первыхъ былъ по-
рахахъ;

Но сколь вознаградилъ въ послѣдующихъ дняхъ!

Ни быетрый бѣгъ годовъ, ни сами человѣки

Изъ памяти моей не истребятъ вовѣки

Тѣхъ чувствъ, въ которыхъ далъ ты сердцу
испытать,

Что жизни могу и я во что нибудь считать.

Исчисля все твои кратчайшія мгновенья,

Съ веселыми сложивъ печальны приключенья,

Когда я имъ итогъ сравнительный подвелъ, —

О! сколь счастливымъ я тогда себя нашелъ!

Чего, въ единствѣ мнѣ взятому во вселенной,

Осталось захотѣть для доли совершенной?

Въ семействѣ жилъ весь годъ спокоенъ, безъ
докукъ,

Съ женою не терпѣлъ мучительныхъ разлукъ;

Друзья мои со мной вседневно обращались;

Я имъ, они мной всемъ сердцемъ занимались.

Любя стихи писать, съ Глафирой ихъ читалъ;

Изъ глазъ ея хвалы безцѣнны воспринималъ;

Восторгами любви питаюсь несказанно,

Съ ея душой моя свыкалась безпрестанно.

Сокровищъ не имѣлъ въ хранилищахъ моихъ;

Но роскошь не любя, что было бы мнѣ въ нихъ?

Богатъ быть можетъ всякъ; доволять — кто
умѣетъ,

Кто прихоть различить отъ нужды разумѣетъ.

Злодѣевъ не имѣлъ, или не испыталъ;
Болѣзненныхъ мнѣ ранъ никто не налагалъ.
Горой крутой не шель въ храмъ славы превы-
сокой;
Тѣмъ лучше,—не боюсь свалиться въ ровъ глу-
бокой

И гордости во мзду разбиться какъ стекло.
Тщеславіе меня къ бѣдамъ не увлекло.
Безвредною другимъ свободой наслаждался:
Игралъ своимъ перомъ, а въ праздники катался;
Въ прекрасны лѣта дни все способы имѣлъ
Быть тамъ, и столько разъ, колико гдѣ хотѣлъ.
И такъ, коль то, что мы имѣемъ все въ пред-
метѣ

Подъ словомъ счастья здѣсь, коль вправду есть
то въ свѣтѣ,

Признательно скажу, что для меня оно
Въ протекшій было годъ нарочно создано.
Ахъ! дорого бы далъ, чтобъ онъ назадъ вернулся
И вмѣстѣ бы со мной на свѣтѣ протянулся!
Но что жъ бы и тебѣ сказать мнѣ не польстятъ,
Новорожденное Сатурново дитя,
Дабы противъ меня мечь горьку обращая,
На верхъ главы моей бѣдъ кучу созывая,
Не гнулъ бы и меня, и тѣхъ, кого люблю,
За то, что твоего предметника хвалю?
Коль счастье ты мое продлить еще способенъ,
Пожалуйста во всемъ будь прошлому подобенъ!

ПРИКАЗЪ ШВЕЙЦАРУ.

Андрюшка! кинь топоръ! я въ звать тебя пу-
стилъ,

Изъ русскихъ мужиковъ швейцаромъ окрестилъ.

Живи теперь въ сѣняхъ, опрятно одѣвайся,

Носи большую трость и шпагой величайся;

Будь ловокъ, будь учтивъ, умѣй сказать отвѣтъ,

И здѣсь, вѣдь, ужъ большой открылся нынѣ свѣтъ:

Всѣ по уши въ долгахъ, всѣ знаютъ толкъ въ
уборахъ,

И купчикъ завелся каретой на рессорахъ.

Лишь только кто ко мнѣ пожалуетъ на дворъ,

Ты встрѣть его тотчасъ, ветунай съ нимъ въ
разговоръ.

А что кому сказать на разный спросъ придется,

Однажды навсегда инструкція дается:

«Для знатныхъ баръ меня во весь день дома вѣтъ;

«Пріятелей зови на дружеской обѣдъ;

«Кушамъ скажи, что я въ нихъ нужды не имѣю;

«Попамъ—что и безъ нихъ спастись одинъ умѣю;

«Приказныхъ и судей къ мѣстамъ ихъ посылай;

«А нищихъ и сиротъ всегда ко мнѣ пушай.»

Я требую, чтобъ ты былъ низокъ передъ ними;

Жалѣй о ихъ судьбѣ, и не ругайся ими:

Пускай, увидя твой привѣтливый пріемъ,

Пойдутъ они ко мнѣ, увѣрены въ моемъ.

Кто дряхлъ, кто притѣсненъ, кто паши не имѣетъ,

Того согнать съ двора никто да не посмѣетъ.
Намъ знатность, власть, чины цари даютъ нато,
Чтобы въ подданствѣ ихъ не бѣдствовалъ никто;
Чтобъ люди, не страшась пить скорби чашу
люту,

Блажили свой удѣлъ на каждую минуту,
И нищему велятъ съ тѣмъ руку протянуть,
Чтобъ шагъ ихъ поддержать, а не въ оврагъ
столкнуть.

Я князь не для того, чтобъ чваниться породой,
Другой богатъ не съ тѣмъ, чтобъ жить согласо-
но съ модой;

На то ль иной въ звѣздахъ, чтобъ камней нани-
затъ

И, къ солнцу ими ставъ, какъ пряникомъ играть?
Породою своею кто выситься желаетъ,
Благотворенью тотъ весь вѣкъ свой посвящаетъ;
А кто лишь знатенъ тѣмъ, что знатный носитъ
санъ,

Тотъ прахъ предъ Божествомъ, предъ трономъ—
истукавъ.

Андрюшка! бойся ты сказать: теперь не время
Тому, кто терпитъ золь различныхъ тяжело бремя.
Пріятно ль мужику, вздыхая тяжело,
Дождаться у судьи, чтобъ въ спальнѣ разсвѣло?
Стоять въ его сѣняхъ, покамѣстъ онъ проснется,
Причешетъ паричокъ и кофею напьется?
Зимой мужикъ озябъ, а лѣтомъ недосугъ:
Собрать онъ долженъ хлѣбъ, скосить онъ дол-
женъ лугъ.

Какъ нѣжный сынъ къ отцу въ объятія стре-
мится,

Лобзаніемъ его въ немъ сердце обновится,
Такъ точно и къ судьѣ поселянницъ бѣжить.

Прямой судья примѣръ въ Екатеринѣ зрять:
Ей все часы равны, какъ днемъ, такъ и средь
ночи,

На пользы странъ Ея всегда отверзты очи;
Несчастливыхъ судьбинъ въ ея державѣ нѣтъ:
Ей Россы тѣмъ должны, чѣмъ долженъ Богу
свѣтъ.

У многихъ здѣсь господь, я знаю, что швей-
цару

Приказъ данъ различать четверку, цугъ и пару,
Провести иного въ верхъ, иному отказать,
Иного за порогъ передней не пускать;

Однако, чтобъ швейцаръ отъ этого разбору
Не сдѣлалъ иногда какого-нибудь вздору,
Купца не распознавъ, затѣмъ, что онъ обриту,
Не молвилъ бы врасплохъ, что баринъ еще
спитъ,

То велѣно уже торгующу народу
Во всяку дверь входить дать полную свободу
Хозяина любя отъ искренней души,
Несутъ къ нему наверхъ чай, сахаръ и гроши;
А сей, приѣмля даръ тихонько въ кабинетъ,
Благодаритъ боговъ: не худо жить на свѣтѣ!
И вправду, вѣдь, нельзя того грѣхомъ назвать,
Чтобъ Богу и царю обоемъ вдругъ солгать.
Присяга въ старину считалась важнымъ дѣломъ;

А вынѣ все пустякъ, всѣ люди пишутъ мѣломъ:
Сегодня присягнуль и крестъ разцѣловалъ;
Назавтра обмануль, обидѣль и укралъ.

Блаженъ, стократъ блаженъ, кто въ бѣдности
почтенной

Судъ праведный творить, на мздѣ не положенной,
Кто чести смыслить вѣсь и милости предѣль,
Кто истину судьей своихъ поставилъ дѣль,
Чье имя съ похвалою по стогнать раздается,
Отъ коего нигдѣ прискорбныхъ слезъ не льется!
Вотъ истинный мой другъ! вотъ я кого люблю!
Съ коварствомъ вкогда водиться не терплю.
И что за прибыль мнѣ, что страхъ какой вель-
можа,

Отъ коего подчасъ трещить на многихъ кожа,
Пріѣдетъ не ко мнѣ, а къ чину моему,
Вводитъ въ соблазны духъ и ставитъ сѣть уму?
Въ добрѣ ли отъ меня онъ ищетъ вспоможенья?
Ахъ, нѣтъ! ему мое лишь нужно преступленье.
Я совѣстью своею не жертвую страстямъ
И должность покорить не смѣю прихотямъ;
Ходатаевъ снискать злодѣйствами не жажду:
Предъ всею вселенной чистъ, хоть въ тѣсной
нуждѣ стражду.

Случалось мнѣ видать — и право я не лгу,
Какъ знатный господинъ, согнувшись весь въ
дугу,

Зывалъ къ себѣ въ село судей уѣздныхъ кушать;
По нуждѣ, хоть не радъ, готовъ ихъ вздору слу-
шать;

Вина имъ рѣки льетъ, подносить тму плодовъ,

И смучилъ цѣлый полкъ французскихъ поваровъ;
Про дѣло имъ свое съ доводами толкуетъ,
И каждому въ карманъ подарки разны суетъ.
Вся челядь вдругъ ему въ одинъ вѣщаетъ гласъ:
Хоть дѣло и съ душкомъ, но мы оправимъ васъ....
Металлъ! ты мудрецовъ коверкаешь душами,
Коробишь совѣсть въ нихъ и движешь всѣхъ
умами!

Такъ можно ли хотѣть, чтобъ на чужой алтынъ
Чинovníкъ безъ души не городилъ свой тынъ?
Судьи, обворожась сіяньемъ знатной славы,
Рѣшились портить въ даль свои худые нравы,
И правиломъ пріавъ боярскія слова,
Смѣшали въ честь ему законъ и всѣ права.
А тотъ же господинъ, я самъ слыхалъ верѣдко,
За тридевять земель такъ подбиваетъ ѣдко
Тѣхъ самыхъ, передъ кѣмъ, за то, чѣмъ ихъ
язвить,

Съ поклоновъ и теперь еще спина болитъ.
На что же мнѣ съ такой почетной чернью
знаться,

И ядомъ льстивыхъ словъ на что мнѣ упиваться?
Чѣмъ выше на степенъ входящихъ я видалъ,
Тѣмъ больше къ нимъ мое почтеніе терялъ.
Злодѣйство назовутъ они предразсужденъемъ,
На скорбь и тѣсноту глядятъ съ пренебрежень-
емъ.

Какъ рѣдко сердце въ нихъ займетъ благой
предметъ,

Иль сроднику помочь, иль другу дать совѣтъ!
Онъ самъ все для себя. Разруша связь природы

Запутался въ цѣняхъ мечтательной свободы;
Всѣ средства хороши, невинны для него,
Лишь только бѣ удалось, желаетъ онъ чего.
Отъ гнусныхъ дѣлъ стыда въ лицѣ его нѣтъ
краски;
Съ женою и съ дѣтьми, съ глухими даже въ
маски.

Андрюшка! въ толкъ возьми, что я тебѣ ска-
заль,

И рабски исполняй, что я ни приказаль.
На водку за докладъ просить не покушайся,
Не трися вокругъ мѣщанъ, съ куцями не як-
шайся;

Будь по-просту холопъ. Не мысли никогда,
Кого бы въ кабинетъ пустить ко мнѣ когда:
Проситель ни въ какой мнѣ часъ не помѣша-
етъ:

Онъ, нужду объяснивъ, не медля отъѣзжаетъ.
А въ гости никого къ себѣ я не зову;
Не чванства ради здѣсь, по должности живу.
Зачѣмъ ко мнѣ придетъ охотникъ до попойки?
Что дѣлать и тому, кто вѣкъ сидитъ на двойки?
Зачѣмъ того ко мнѣ нелѣгка понесетъ,
Кто всякой дразгъ и вздоръ изъ дому въ домъ
несетъ,

Кто, скромности презря любезнѣйши уставы,
Какъ аспидъ злой, мутитъ сердца и портитъ
правы?

Сихъ качествъ человѣкъ соскучится со мной.
Бесѣду всякъ на вкусъ пріискиваетъ свой.

Довольно міра я плѣнялся суетою,
Довольно міру я давалъ играть собою;
Хочу отнынѣ впредь я жить уединенъ.
На балы торопясь, я меньше былъ блаженъ,
Чѣмъ нынѣ, въ тѣ часы, въ тѣ сладкія минуты,
Когда, скорбящихъ душъ унявши вздохи люты,
Окончивъ тяжкой срокъ рекрутскихъ злыхъ ча-
совъ,

Домой я прихожу свободенъ отъ трудовъ,
И бросившись къ женѣ, стократъ ее лобзаю,
А дѣтокъ вокругъ нея и тѣшу и ласкаю.
О, сладкая стократъ замѣна тѣмъ пирамъ,
На коихъ я бывалъ не радъ и жизни самъ!
Съ почтеніемъ внималъ несвязную бесѣду,
Желая поскорѣй узрѣть конецъ обѣду;
Что въ мысли мнѣ вошло, сказать не могъ ни-
какъ,

Коль не былъ я готовъ кричать со всѣми: такъ.
Что счастиемъ зовемъ, то разно всѣ толкуютъ,
И часто на судьбу напрасно негодуютъ.
Я въ добродѣтели блаженство полагалъ;
Я въ ней его ищу, и въ ней всегда искалъ. —

Довольно! . . . Но уже какая-то карета
Пріѣхала на дворъ, и ждетъ слуга отвѣта;
Поди и поступиай, какъ я тебѣ велѣлъ.
Мой жребій кабинетъ, а еяни — твой удѣлъ.

Нѣчто для весельчаковъ.

—

Скажи пожалуй мнѣ, любезный мой пріятель,
Обрядовъ календарь и модь образователь!
Кто выдумалъ законъ, который все такъ чтутъ
И пышнымъ титломъ здѣсь *приличія* зовутъ?
Не читывалъ о немъ въ уставахъ я церковныхъ,
Ни въ Правахъ у Римлянъ, ни въ книгахъ басно-
словныхъ,
И думаю, что онъ уставленъ для людей,
Наскучившихъ другимъ свободою своею. —
Охотно данъ платить готовъ связямъ сердечнымъ,
Обязанностямъ всехъ народовъ вѣковѣчнымъ,
Безъ коихъ намъ нельзя между собою жить,
Ни людямъ, ни властямъ, ни Небу угодить.
Позволь однако мнѣ обычаямъ смѣяться
И явно противъ тѣхъ изъ нихъ вооружаться,
Которые людей безъ пользы тяготятъ,
И часто старику мальчишкой быть велятъ!
Любить велѣмъ намъ Богъ отъ чиста сердца
ближнихъ,
Покорствовать властямъ и миловати нижнихъ,
Сносить свою судьбу, какая намъ дана,
И совѣсть уберечь отъ всякаго пятна,
Простой душою чтить родства священны узы,
На чести основать житейскіе союзы,
Чужого ни чего себѣ не присвоять,
Убожество снабдить, несчастью сострадать,

И, словомъ, такъ собою управить осторожно,
Чтобъ счастья въ тишинѣ достигнуть было можно.

Законъ сей сколько разъ и въ книгахъ я читалъ,
И въ школахъ натвердилъ, отъ батюшки слышалъ;
Морали долгъ прямой я очень понимаю,
Совѣтъ ея цѣню, восторги ощущаю;
Но что съ обрядомъ въ ней есть общаго, скажи,
Коль можешь, растолкуй, — коль мастеръ, докажи?

Я знаю тму людей воспитанныхъ прекрасно,
Обширнаго ума, хваленихъ всѣми гласно,
Которые проказъ своихъ теряютъ счетъ,
А весь обрядовъ листъ у нихъ наперечетъ;
Иные же совѣмъ обычаевъ не знаютъ,
Различныхъ сихъ причудъ оковы низлагаютъ,
И чистое добро за правило припявъ,
По немъ кроютъ и мысль и образуютъ правъ,

Приличіе въ глазахъ monkъ ни что иное,
Какъ модныхъ сорванцевъ условіе пустое.
Шагни лишь чуть не такъ, какъ все они хотятъ,
Не привято, бѣда — тотчасъ и закричатъ:
Не принято! — Да кѣмъ? — Господь ихъ, право, знаетъ, —
И этотъ деспотизмъ чрезмѣрно досаждаетъ.
Будь честевъ, добръ, уменъ,—но ежели не такъ
Живешь, какъ все, — прощай — навѣки сталь
чудакъ.

Какъ-будто, чтобъ имѣть отраду наслажденья,
Я мученикомъ быть сужденъ предубѣжденья.
Не смѣй надѣть кафтанъ такимъ покроемъ сшить,
Который въ Декабрѣ отъ стужи защититъ;
Какъ мальчикъ въ двадцать лѣтъ издрогни на
диванѣ,

И вѣтеръ пропусти сквозь десять дыръ въ каф-
танѣ;

Не смѣй бунить сукна, коль любишь яркой
цвѣтъ, —

Чтобъ темень былъ твой фракъ, еще темнѣй
жилетъ;

Чтобъ воротъ былъ похожъ на выкройку такова,
И будь одѣтъ на вкусъ советамъ не свой—дру-
гова.

На балъ ли позовутъ, — не ѣди въ семь ча-
совъ;

Какая старина! — нашъ вѣкъ ужъ не таковъ:
Старайся трафить такъ, чтобъ около полночи,
Пріѣхавши торчать до бѣла дня сверхъ мочи;
А тамъ, какъ повалитъ къ заутренямъ народъ,
Ступай назадъ домой, — и спи хоть цѣлый годъ, —
Хворай, лежи, умри, знакомства не бывало,
Пріѣхать навѣститъ не вздумаютъ ни мало.

Общественный законъ ни въ чемъ не пророчи!
Обѣдать въ два часа — Владыко сохрани!
А голодъ коль пройметъ—ему, вѣдь нѣтъ, уста-
ву —

Съ бифштексомъ заказавъ хорошеньку приправу,
Тарелочку спроси, безъ лишнихъ прихотей
Пожуй минутъ пятокъ, да водочкой запей;

Потомъ, какъ позовуть къ вечернямъ преподоб-
выхъ,

Въ карету — и качай искать обѣдовъ едобныхъ;
Хоть кушай, хоть не ѣшь, да только не молчи,
Сентенціями плюй и въ горло хохочи —

Такъ въ свѣтѣ жить большомъ уставщикъ пре-
восходной

По конституція приказываетъ модной;

И Боже упаси, опомнясь какъ-нибудь,

Къ забавамъ захотѣть другой назначить путь.

Да только ли варядъ, пль суточное время

Такое выносить обязываютъ бремя;

Нѣтъ, цѣлу жизнь хотятъ по-своему вертѣть,

И дома не дадутъ спокойно усидѣть.

Ты какъ бы поскромнѣй подь крышку запе-
реться —

Двѣ трети года спѣгъ, вѣдь надобно погрѣться —

А наши молодцы одно свое везуть:

Не принято, не такъ — и весь догматъ ихъ тутъ;

Руби вѣщи пасквозь, тяни во всю палату

Гостиныхъ цѣльй рядъ, — что нужды до кли-
мату!

Рукъ сотню вдругъ заставь ударить въ топоры,

Окошкамъ свѣту дай сажени полторы,

Чтобъ вѣтеръ въ Поябрѣ взывалъ какъ на па-
ромѣ,

А баринъ бы не зналъ куда дѣваться въ домѣ:

Въ Италиі-де такъ вѣками введено.

Злодѣи! — тамъ печетъ — тамъ можетъ быть оно;

А здѣсь, когда мятель съ полей траву всю сдер-
ветъ,

Че только въ жилахъ кровь, — и ртуть на стѣ-
нахъ мерзнетъ.

Пожалуй имъ толкуй, что Негру рожу мыть,
Такъ точно ихъ на ладъ другой переучить.

А болѣе всего мѣна визитъ замучить!

Кому сей площадной обычай не наскучить!

Изъ края въ край гоняй безъ пользы, безъ
утѣхъ,

Чтобъ только показать пріязни видъ на смѣхъ.

Не ѣхать — зашумять: да жить онъ не умѣетъ,

Почтенья къ старикамъ и къ роду не имѣетъ!

Хоть вовсе не люби, да лишь въ завѣтный день

Толкися къ нимъ пріеѣсть на полчаса, какъ пень.

Или, еще того забавнѣе затѣя,

Отправь по всемъ домамъ съ каретою лакея:

Онъ съ именемъ твоимъ колоду картъ возьметъ,

Въ знакъ дружбы, къ господамъ — швейцарамъ
ихъ свезетъ.

За вздоръ готовы стать врагами человѣки;

Визиту не отдай — поссорись на вѣки;

При нуждѣ бросятъ все, и бабушка, и дѣдъ,

Травою зарастетъ къ твоимъ хоромамъ слѣдъ.

Но смѣй объ Рождествѣ и на Святой недѣли

Кататься на горахъ, явиться подъ качели,

А къ нимъ не завернуть — хоть не зачѣмъ, да
такъ, —

Прощенія себѣ не ожидай никакъ;

На память приведутъ старинное знакомство,

И предковъ воскресятъ, и разродятъ потомство.

За что, скажи, всемъ тѣмъ пріязню долженъ я,

Которы какъ-то мнѣ случилися родня? —

Будь родственникъ мнѣ другъ, я буду его дру-
гомъ,

Быть съ нимъ не отзовусь подложнымъ недоу-
гомъ,

Копѣйку раздѣлю; — а это кто сказалъ,

Чтобъ въ жизни часъ одинъ я попусту терялъ,

И столько-то разъ въ годъ оказывалъ бы ласки

Тому, о комъ слыхалъ отъ мамы вмѣсто сказки,

Что дѣдушку его, когда Петръ I жилъ,

Съ моимъ въ одну купель приходской поць гру-
зилъ?

Роднымъ зову того, кто мыслить благоуравно,

Во счастья твердый другъ, — въ несчастіи по-
давно;

А тѣмъ отнюдь нельзя въ душѣ согрѣть любовь,

Что пращуровъ однихъ смѣшалася въ насъ кровь.

Намедни на пиру, не помню гдѣ-то, званомъ,

Печаянно попалъ я съ моднымъ истуканомъ;

На этотъ же предметъ онъ много говорилъ,

Бѣлъ плотно ветчину, прилежно пиво пилъ,

Да хвастался еще, что можетъ по-французски

Свободнѣй говорить гораздо, чѣмъ по-русски;

Охотникъ всякой споръ пословицей рѣшить,

И тотчасъ отпустилъ: съ волками надо быть;—

Еще что? — въ монастырь чужой, какъ гово-
рится,

Съ своимъ уставомъ вамъ мѣшаться негодится.

Конечно, — я и быть отнюдь не хлопочу

Уставщикомъ нигдѣ, не этого хочу:

Весь свѣтъ перемудрить мечтаютъ лишь уроды;

Я только самому себѣ прошу свободы.
Не вамъ законъ пишу, а вы, напротивъ, мнѣ
Препятствуете жить съ разсудкомъ наравнѣ:
Хотите, чтобы я и ѣлъ, и спать ложился,
И нюхалъ, и дышалъ, и Богу бы молился
Такъ точно, какъ и вы, и въ тотъ же самый
часть,

Когда найдетъ мнѣ обычая указъ.
Нѣтъ, слишкомъ тяжело! Живите какъ угодно,
Да волю дайте жить другимъ, кому какъ сходно!
Но кто жъ вамъ не велитъ, — ударилъ какъ въ
набатъ,

Подслушавъ нашу рѣчь, душистой отомать,
Ходячій косметикъ, простеганъ весь на ваткѣ,
Мурашки не стрехнетъ безъ лайковой перчатки,
Чинится день и ночь, напудренный скелетъ,
Поношенъ какъ букварь и старъ какъ этикетъ;
Лишь чуть пахнетъ зефиръ, верхота не умолк-
петь,

И съ кашлемъ васъ въ глаза послѣднимъ зубомъ
щелкнетъ: —

Да кто же вамъ велитъ, твердитъ мой молодецъ,
Снимать съ другихъ для васъ противной обра-
зецъ?

Какъ, кто, сударь? какъ кто? Приличіе проклято,
Которое, Богъ вѣсть, откуда въ жизни взято!
Насмѣшки попрыгушъ и страшный судъ повѣсь,
Въ которыхъ, на бѣду, вселился модный бѣсъ,
Такой трезвонъ дадутъ и фраку и жилету,
Что завтра жъ попадешь, какъ чучело, въ газету.
Сидите дома. — Ахъ! душею бы я радъ;

Да хвостъ великъ. нельзя — ребята тормозать:
Имъ хочется вездѣ на праздникахъ болтаться,
И я за ними въ слѣдъ повинень тамъ шататься.
Сто разъ бы лучше звалъ къ себѣ гостей со-
домъ, —

По милости Творца, большой имѣю домъ, —
Умѣлъ бы кое-какъ еще пирушку сладить,
Разсохшій въ замѣ полъ велѣлъ бы стругомъ
сладить;

И были по зимѣ рога у насъ въ торгу:
Бѣда! такихъ потѣхъ сносить я не могу,
Попросишь въ семь часовъ, ждешь въ восемь, —
ошибешься;

Устанешь, — отдохнешь, — задремлешь и про-
снешься,

А милые мои голубчики точь-въ-точь,
Ни рапѣй, ни поздѣй, какъ въ самую полночь
Аравою къ тебѣ какъ шавочки нагрянутъ,
Поклонятся едва и по ражире станутъ.
Начнется толкотня — и не подстереги
Лихова слова врагъ — хоть со двора бѣги,
Хоть тресни параличъ, не жди себѣ покою,
Пока бурливый вальсъ не вынудитъ изъ строю;
И сколько прихотей приложится къ тому!

Посмѣшище за все, — не ради ня чему:
На что встрѣчать гостей, и требовать поклона?
Учтивость такова худого признакъ тона.
Зачѣмъ горять свѣчи? — сто кратъ милѣй
кикетъ;

Кчему огромень столъ, — какъ свадебный бан-
кетъ;

Не лучше ли кругъ дамъ, взявъ вилку, наудачу
Съ тарелокъ ихъ ловить пріятную подачу,
И въ страшныхъ торопяхъ, какъ-будто сводъ
летитъ,

У стѣнки прислонясь, потѣшить аппетитъ?
Короче, если ихъ уважить предложенья,
Откажешься ей, ей, отъ вотчинъ, отъ имѣнья,
Или за каждый балъ схлебнешь горячекъ пять;
И вся потѣха въ томъ, чтобъ нагло осмѣять.
Повѣрьте, имъ неидетъ на разумъ веселиться,
Лишь только бъ язычкомъ на счетъ другихъ ос-
триться.

И такъ-то нынѣ всё, въ народѣ егозя,
Мечтаютъ, что живутъ; а прямо жить нельзя.
Въ отвѣтъ ко мнѣ тотчасъ на проповѣдь жестоку
Пословица летитъ: — не всяко лыко въ стро-
ку. —

Межъ тѣмъ одна изъ дамъ свой голосъ воз-
несла,

Поступковъ прочихъ всѣхъ она превыше чла
Искусство на себя принять добра личину,
И грѣшниковъ щадя, любить грѣха причину,
Живой роднѣ помочь не тронется ногой,
По мертвымъ то и знай, что править упокой,
Нижайшая раба, какъ скоро зазритъ ленты,
И даже на медаль особы комплименты, —
Помилуйте! рекла прихоложившись она:
Не лѣвой ли ногой воздвиглись вы отъ сна,
Или, какой-нибудь въ угодность Дульциней
Хотите расплодить Жан-Жаковы идеи? —

Когда изъ пустяковъ такъ желчь у васъ кипить,
Зачѣмъ живете здѣсь? — Бѣгите лучше въ скитъ;
Съ медвѣдями вы тамъ попробуете силы,
Докажете имъ вѣсь чудесной русской вилы;
А ель, береза, дубъ въ награду за труды
Листами зашумятъ, — бесѣда хоть куды!

Насмѣшки слышать мнѣ, сударыня! не въ диво,
Отвѣтствовалъ я ей довольно терпѣливо. —
Когда бы жить въ лѣсахъ съ дубинами хотѣлъ,
Товарищѣй такпхъ и здѣсь бы я нашелъ.
Кчему вы объ Руссо теперь напоминали?
Я самъ его читалъ, — вы, можетъ быть, слыхали.
Вселенная надъ нимъ произнесла свой судъ;
Средину потерявъ, испортилъ онъ свой трудъ.
На четверенькахъ ползать нимаго не забавно,
Да и зачѣмъ, — когда на двухъ ногахъ исправно
Иной такъ мастерски въ глазахъ у насъ ползеть,
Что самый гнусный червь того не перейметъ.
Мнѣ сходбища людей нимаго не постылы;
Напротивъ, безъ вреда и снлетни даже милы.
Люблю ходить въ театръ, охотно я пляшу,
И чувство всѣхъ забавъ въ груди своей ношу;
Въ деревнѣ жить одинъ не чувствуя отваги,
Скрываться не привыкъ во мрачныя овраги,
И паче всѣхъ твержу, и въ прозѣ и въ ститахъ,
Что смерть сама красна бываетъ на людяхъ;
Веселью не злодѣй — клянупишь принужденъе,
Обряды ваши мнѣ Танталово мученье!
И сколько я люблю въ свободѣ суету,
Столь ненавижу модъ ужасну тяготу.

Послушайте меня, — Дельфина въ рѣчь вступила;

Нашъ домъ она давно и искренно любила,
Дельфина, нѣжнѣйшій другъ, любезная жена,
Которая на то, казалось, рождена,
Чтобъ твердости примѣръ, ума и сердца къ славѣ
Предъ свѣтомъ развернуть въ чувствительнѣйшемъ нравѣ:

Свѣтъ созданъ не теперь, — онъ былъ всегда
таковъ;

Вотще хотите вы громадою стиховъ
Исправить смертныхъ родъ, какъ школьника лозою:

Обычая никто не сломить головою.
Вамъ должно напередъ весь мѣръ переродить.
И за-пово потомъ вселенну сотворить;
Иначе, мой совѣтъ: съ приличьемъ соглашаться,
Чтобъ страннымъ чудакомъ въ собраньяхъ не
казаться,

Тѣмъ болѣе, что сколь неволя ни тяжка,
Не людямъ, вѣдь, безъ васъ, — а вамъ безъ нихъ
тоска;

И что за похвальба, при разумѣ немалошь,
Обычаю на зло прослыть оригиналомъ!
По чести, торжества не вижу вовсе тутъ;
Живите лучше такъ, какъ люди все живуть. —

Какъ люди! — я вскричалъ съ горячностью
душевною;
Изъ устъ ли вашихъ ждалъ сей общій крикъ
вседневный;

И вы лв. отъ кого назадъ бѣжить пороку,
Со всѣми сговорясь, даете сей урокъ? —
О! если перенять, что въ людяхъ-то ведется,
То, думаю, едва ль и въ Африкѣ найдется
Такой ужасный звѣрь, какимъ въ нашъ мудрый
вѣкъ

Состроенъ на-показъ изящный человѣкъ.
Все въ свѣтѣ прощено намѣреньямъ постыднымъ,
Лишь только ихъ прикрытой предлогомъ благовид-
нымъ.

Оставя шутки все, дадимъ уму просторъ.
Коль можетъ быть терпимъ безъ лестн разго-
воръ.

Взгляните на людей отличйшаго свѣта!
Душа какъ уголекъ, — во щегольски одѣта.
Иной у всей родни имѣнье отобралъ,
Прекрасный человѣкъ! — онъ праздники давалъ;
Другой съ своихъ крестьянъ сдираетъ по три
кожи,

Не тронь его — смотри съ нимъ все за свой
вельможи;

Мондоръ почасту пьетъ, да только по почамъ,
А днемъ любезенъ всѣмъ за колкость эпиграммъ;
Въ кругу больникъ господъ, разсыпавъ денегъ
слишки,

Прогрывай шутя все, до послѣдней нитки;
Ты пріяты какъ родной, зовутъ тебя вездѣ,
Лишь карты подадутъ—да гдѣ же онъ? да гдѣ?
Невинность оболги поносною клеветою,
И добродушія ругаясь надъ слезою,
Безсовѣстнымъ лицомъ,—вдругъ рѣжь и лобызай,

Мышонка бей съ плеча, а крысу не замай, —
Ты будешь слыть дѣльцомъ и станешь въ рядъ
чинами

Со всеми лучшими отечества сынами;
Тихонько, безъ ножа, шпионскою тропой,
Любова приколив, — да вслухъ молебны пой.
Вотъ что между людьми, кошуяствуя безбожно,
Временщики зовутъ жить въ свѣтѣ осторожно!
Будь на это похожъ, и страннымъ въ наши дни,
Не бось, не прослывешь; — тѣ странны лишь
одни.

Кто правду говорить готовъ непринужденно,
Чтить доблесть въ нищетѣ и рубищѣ смиренно,
Кто друга для того, чтобъ кстати притакнуть,
Въ компаніи не дастъ злорѣчию кольнуть.
Мы въ совѣсти своей хотя всю цѣну знаемъ
Сердечной правоты, но внѣ уничижаемъ;
Ревнивой злобы духъ геройской малитъ ростъ,
Подобно какъ лиса, подрѣзавши свой хвостъ,
Хотѣла, чтобъ у всехъ лисицъ его не стало.
Я часто примѣчалъ, на пиршествахъ бывало
Явится мужъ какъ лунь, и спросишь: кто таковъ?
Отвѣтъ: Мафусалемъ, педантъ, или философъ,
И думаю, что тѣмъ возвысили отчизну,
Когда кому-нибудь изволятъ въ укоризну
Такія имена безъ смысла придавать,
Какія древній міръ любилъ провозглашать.

Когда такую часть имѣютъ добры нравы,
Чего же могутъ ждать невинныя забавы,
Къ которымъ, признаюсь, не равнодушенъ я,

И кой рветъ изъ рукъ обычай у меня.
Еще бы иногда, по милости природы,
Я могъ забыть мои пятидесяты годы;
Одышки не страшась, я могъ бы танцовать
И въ обществѣ друзей комедіи играть;
Вреда нѣтъ никому, — да говорятъ, что стыдно,
Благопристойности, приличію противно.
Бесѣду бы завелъ, — да развѣ ты Вольтеръ,
Все хочешь жить на свой особенный манеръ?
Сберешься посмотрѣть въ деревнѣ хороводовъ,
Наскучивши толпой вертлявыхъ сумасбродовъ,
И тутъ всё не въ-попадъ; наскажутъ тотчасъ
всѣмъ:

Сосѣдей разогналъ, — не знается ни съ кѣмъ.
Пошутить ли въ семьѣ, — пасквиль прескверный
сложутъ

И къ сочиненіямъ твоимъ его приложутъ.
Отъ шуму не уйдешь, — вертись и такъ и сякъ.
Умень ли, — все ты плутъ! а скромень — все ду-
ракъ!

Вотъ такъ-то волю жмутъ въ желаніяхъ сердеч-
ныхъ

Законодатели обрядовъ безконечныхъ.

Дельфина! можетъ быть, я вышелъ изъ себя,
И слишкомъ горячо оспаривалъ тебя,
Тебя, въ комъ зрю добротъ столь многихъ со-
вершенство,
Семейства моего, души моей блаженство!
Прости, я виноватъ! — Желалъ бы такъ, какъ ты,
Оставя далеко владычество мечты,

Отъ общества сокрывъ сердечныя вздыханья,
Природы лишь одной вкушать очарованья, —
Гулять, писать, цвѣты рукой своей садить,
И чтеньемъ отъ друзей сладчайшихъ писемъ
жить;

Но, ахъ! сама велить въ томъ истина признаться,
Что въ твердости души съ тобой нельзя рав-
няться!

Не всѣмъ дано сіе небесное добро,
Терпѣваемъ что нарекъ языкъ нашъ и перо. —

Воротимся къ тебѣ, всѣхъ тоновъ провозвѣст-
никъ,

Судилищъ ихъ органъ, державы ихъ намѣстникъ!
И слѣдующій здѣсь опредѣлимъ конецъ:
Чему не учить насъ небесный нашъ Отецъ,
Не требуютъ чего гражданскіе законы,
По мыслямъ то моимъ пустыя лишь препоны;
Доколѣ будутъ насъ поддѣльные друзья
Водить на помочахъ, — не будетъ здѣсь житья:
Гдѣ страха вовсе нѣтъ, тамъ нечего страшиться,
Въ чемъ нѣтъ стыда, того напрасно и стыдиться.

Таковъ мой приговоръ внесите въ свой жур-
наль! —

Шить одинъ давно въ побасочкѣ сказалъ:
«Когда мы будемъ всѣ чужія слушать рѣчи,
Придется намъ осла взвалить себѣ на плечи.»
Идею ту же здѣсь хотѣлъ я намекнуть;
И позво! — ужъ пора дать пальцамъ отдохнуть.

А в о с ь.

Хочу стихи писать отъ скуки,
Отъ скуки, точно для себя.
Беру перо теперь я въ руки,
О, ближній мой! не для тебя.
Да что писать? Ей-ей не знаю.
Предметовъ много я встрѣчаю,
Но было писано про все;
За мысль чужую ухватиться,
По мнѣ, такъ это негодится:
Нѣтъ! — лучше выдумать свое.

Любовь! тебя во всѣхъ возможныхъ
Нарѣчїяхъ стихотворятъ;
Боговъ и истинныхъ и ложныхъ
Давно ужъ римами дарятъ;
Давно Псалтирь въ нихъ наряжали,
Царямъ какъ паръ ихъ поддавали;
Что знатный панъ, то акростихъ!
Бездѣлки, рѣченьки, камины,
Измѣну Лизы, вѣрность Нины,
И Оеклу кто-то впряталъ въ стихъ.

Съ чего жъ начать свою мнѣ оду,
Покаместъ жаръ мой не простылъ,
Чтобы попасться ею въ моду,
Чтобъ все кричали: какъ онъ милъ!

Съ чего? — Или кто мнѣ безмѣрно,
На вкусы всѣхъ тотъ трафилъ вѣрно?
Нѣтъ, также, чаю, на авось.
Авось! — — что лучше сей обновки?
Твой я стану пѣть уловки;
Какъ bravo, кетати ты пришлось!

О, слово милое, простое!
Тебя въ стихахъ я восхваляю!
Словцо ты русское прямое,
Тебя всѣмъ сердцемъ я люблю!
Безъ важныхъ вычуръ, но прекрасно!
Ты кратко всякому и ясно
Свой вѣсъ почувствовать даешь:
Куда съ копытомъ конь помчится,
Туда же ракъ ползкомъ тащится;
Обоихъ въ путь одинъ ведешь.

Исчислить всѣхъ чудесъ не можно,
Какія строишь ты, авось!
Скажу — и это, чай, не ложно —
Что безъ тебя весь умъ хоть брось.
Трудись, потѣй, слагая темы,
Исчерпай естества системы, —
И все ты съ мѣста никуда;
А тотъ, кто за авось возметя,
Ни думавъ, ни гадавъ, плетется,
И промахъ рѣдко дастъ когда.

Со мной не хочешь ли поспорить,
Высокомудрый философъ?

Напрасно станешь умъ задорить;
На правду-матку мало словъ. —
Пожалуй разводи бобами,
Слыхалъ я ихъ семи вѣками,
Красны она лишь на письмѣ;
А какъ на дѣлѣ пѣшку сдвинуть,
Къ царю свою ладью придвинуть —
Такъ тутъ у всѣхъ авось въ умѣ.

На свѣтѣ мыкался я много,
Ходилъ, ѣзжалъ и такъ, и сякъ;
Пойдешь авось — вездѣ отлого,
Пойдешь съ умомъ — все буеракъ.
Удача, матушка ты наша!
Земля такая нынѣ каша,
Что безъ тебя все наплевать.
Наперекоръ разсудку смѣло
Ломай, коверкай всяко дѣло;
Коль тутъ авось — все тишь, да гладь.

Не нынѣ, ахъ! во всяко время
Удача богъ была земной!
Прочтите древнихъ книгъ беремя,
Давно сей сякнетъ ключъ дрянной.
Взгляните вы на Римлянъ, Грековъ,
На бѣлыхъ, черныхъ человѣковъ, —
Откуда что у нихъ взялось?
Что былъ бы Ромуль, витязь бравый,
Сей Римлянъ царь превеличавый,
Что былъ бы, если бъ не авось?

Коснусь ли здѣсь я, для примѣра,
Вина непьющихъ Музульманъ?
Взгляните тамъ на изувѣра,
Алтарь низвергша Христіанъ?
Что Магометъ Богохулителъ
Востока вредный обольстителъ?
Что Александръ, весь свѣтъ плѣня?
Что бѣ были знатные герои,
Богатырей водящи строи?
Что безъ авось? Точь-вточь, что я!

Колико пѣжныхъ сибаритовъ,
Блестящихъ златомъ и серебромъ,
Дающихъ дань толпѣ пинтовъ,
Чтобъ зла ихъ тонкость звать добромъ?
Когда бѣднякъ потъ крови точить,
Слезами каждый грошъ промочить;
По лѣстницѣ тотъ благъ летитъ:
Авось взойду! себѣ вѣщаетъ,
И гдѣ не сѣялъ, пожинаетъ,
Что восхотѣлъ, то и творитъ.

А сколько тѣхъ сиренъ прекрасныхъ,
Что знать бы вѣкъ не довелось,
Когда бы въ помыслахъ ихъ страстныхъ
Не поселилося авось?
Но въ ростъ пустивъ свои пріятства,
Списками славу, честь, богатства,
Пошевелился какъ-то въ часъ. —
Когда иная шить устанетъ,

Цѣной камзола хлѣбъ достанетъ,
И съѣсть, не осушая глазъ.

Авось всему и всѣмъ подпора,
Съ нимъ любо и за карты сѣсть;
Не глядя въ нихъ, кричи знай скоро:
Бостонъ! — открылъ — онъ тутъ и есть!
Въ бесѣдѣ миленькой дѣвчонки,
Влюбился ль кто въ ея глазѣнки, —
Скажи люблю, скажи, не боюсь;
И вѣрь, что нѣжно то словечко
Пройдетъ насквозь ея сердечко.
Въ любви премудрость вся — авось.

Вѣшайте, мудрецы! вѣшайте,
Дѣля на классы школьный бредъ!
Птенцамъ его преподавайте;
А тотъ смѣется вамъ, кто сѣдъ.
Вы то, а свѣтъ твердитъ иное,
Хотя и мнится, что пустое,
Да вѣдь его не стать учить;
Не къ намъ обычай примѣнится,
А намъ съ нимъ надо согласиться:
Съ волками надо волчьи выть.

Въ глазахъ у матушки играя,
Ребенокъ иногда шалить,
По мѣрѣ лѣтъ обманъ слагая,
Авось она не разглядитъ;
Растетъ — тогда шалитъ важнѣе,
Все съ тою цѣлью, хоть скромнѣе,

Что съ рукъ авось-либо сойдетъ;
Мужаетъ съ тою же повадкою,
Питаяся надеждою сладкою,
Что онъ-то всѣхъ и проведетъ.

Сожитель жонку увѣряетъ,
Что онъ чужихъ не терпитъ женъ;
Супруга мужа лобызаетъ,
Твердя, что болѣ всѣхъ милъ онъ;
Скупой свою шкатулку прячетъ;
Бродяга весь свой вѣкъ маячетъ;
Приказный крадетъ, что есть силъ;
А всякой самъ въ себѣ смекаетъ:
Авось никто-де не узнаетъ,
Что я проказу сгородилъ.

Старикъ, одной ногою въ гробѣ,
Мечтаетъ годъ прожить еще;
Онъ, чая жизни новой въ небѣ,
Здѣсь любить суеты вотще;
По склонности своей природной,
Въ часокъ, отъ немощи свободной,
Карабкается мыслью вверхъ:
Авось-дескать я знатень буду,
И денегъ наживу я груду!
Меня чѣмъ лучше сей извергъ?

За что зовемъ того злодѣемъ,
Кто мастеръ счастье добывать,
Кто случаемъ, какъ дѣти змѣемъ
По вѣтру, смыслить управлять?

Чужое благо насъ тревожитъ;
Но развѣ всякъ изъ насъ не можетъ
Одною съ нимъ стезей идти?
Его авось вѣдь удается;
Поди за нимъ, коль не споткнется
Твоя пога на семъ пути.

Авось велико, право, дѣло!
Онъ всѣхъ затѣвѣ нашихъ руль;
Лови успѣхъ, чтобъ все кипѣло,
Коль въ мѣрѣ быть не хочешь нуль:
У всѣхъ такія нынѣ мысли.
По мнѣ, меня чѣмъ хочешь числи,
Лишь былъ бы я здоровъ и сытъ;
Затѣмъ ни въ шахи не желаю,
И предковъ словъ не забываю:
Законъ мой — правда, Богъ — мой щитъ!

Итакъ, тебѣ хвалу воздавши,
Словцо языка моего!
Твои доброты описавши,
Прошу вниманья твоего!
Въ отечествѣ моемъ преславномъ,
Ни съ чѣмъ въ подсолнечной не равномъ,
Останься другъ мнѣ навсегда!
А если я подчасъ ряхнуся,
Къ тебѣ подъ крылья подобьюся,
Не посрами меня тогда!

И точно такъ, коль другъ по модѣ,
Чтобъ дружбу сильно мнѣ явить,

Отъ важныхъ дѣлъ своихъ въ свободѣ
Задумаетъ мнѣ яму рыть;
Но средствъ на то честныхъ не зная,
А на тебя лишь уповая,
Коль станеть гнуть меня въ дугу:
Ты съ нимъ, пожалуй, не якшайся;
Въ оврагъ спехнуть его старайся,
Вступясь за вѣрнаго слугу.

О, часъ досуга вождедѣнна!
Прошелъ, и въ вѣчность кануль ты;
Съ нимъ вмѣстѣ духа восхищенна
Исчезли пылкія мечты!
Но плодъ сей незабвенъ пребудеть,
Въ бюро моемъ храниться будетъ,
Доколѣ жить мнѣ довелось!
Созрѣй ты тамъ возлѣ Камина *)!
Его устроена судьбина;
Но ты сравнишься ль съ нимъ? . . . Авось!

*) Сіе относится къ одѣ моей подъ названіемъ: Каминъ.

В е з ё т ь.

Я пѣлъ авось и мнѣ сказали,
Что эта пѣсня хороша;
Ее всѣ взапуски читали;
И добрая моя душа,
Не зная по себѣ притворства,
Возмнила, будто стихотворства
Ей боги низпослали даръ;
Съ тѣхъ поръ, хотъ изрѣдка бывало,
Стиховъ я писывалъ не мало,
Сдавалъ бумагѣ весь мой жаръ.

Теперь я сталъ мужикъ свободный,
И дѣлать всячину досугъ;
Хотя пѣть не превосходный,
Но все гожусь въ семейный кругъ.
Бумагу цѣлый день мараю,
Перепишу, да прочитаю;
Моя цензура все жуесть.
Она не смѣетъ бить тревогу,
Затѣмъ, что дома, слава Богу!
Черезвычайно мнѣ везётъ!

Блаженъ не тотъ, кому природа
Даритъ ключи чужихъ сердець,
Не тотъ, кому дала порода
Права на знатность и вѣнецъ;

Повѣрьте, — все мечта пустая . . .
Нерѣдко, слезы проливая,
И царь какъ подданный живетъ;
А только тотъ лишь, безъ сомнѣнья,
Во всемъ пространствѣ выраженья,
Советѣмъ счастливъ, — кому везётъ!

На что чему-нибудь учиться?
Безъ пользы тратить краткій вѣкъ!
И звѣздочетъ подчасъ крушится,
Какъ и безъ смысла человѣкъ.
На свѣтѣ что-то есть другое,
Непостижимое, живое,
Чего премудрость не даетъ,
Чего въ рядахъ не покупаютъ,
Ни въ житницы не собираютъ,
Что просто мы зовемъ — везётъ! —

Въ одномъ прекрасномъ этомъ словѣ
Сокрытъ чудесный талисманъ . . .
Вседневно счастья въ обновѣ
Горитъ въ алмазахъ истуканъ.
Убѣй, — украдь, — сожги, — насилуй,
Невинныхъ корчь, — злодѣевъ милуй, —
Какъ съ горь вода, все съ рукъ сойдѣтъ.
Любви усердной подъ предлогомъ
Тебя зовутъ всѣ полубогомъ;
Чему дивиться тутъ — везётъ!

Кому не хочется быть знатнымъ
На мѣсяцъ, на день, на часокъ;

Не вѣчно можетъ быть пріятнымъ
Смиранный сельскій уголокъ.
О комъ-то, помню, баспя пѣла *):
Онъ спалъ, а у него сидѣла
Сама Фортуна въ головахъ.
Сказать-то можно все гладенько;
Но стоя прямо — мудрененько
Быть въ холѣ въ царскихъ теремахъ.

Римлянъ дни древніе промчались,
Бояръ не видно за сохой,
А мы ихъ сказокъ начитались
И бредимъ тою же мечтой.
Народъ не шлетъ ужъ нынѣ въ поле
Просить на царство по неволѣ,
И Цинцинатовъ не видать.
Фортуны всякой искомъ нищеть,
Пѣшкомъ, верхомъ, на тройкѣ рыщеть;
Догналь — такъ и пошла писать.

Гостепрѣимства добродѣтель
Напрасно мы даемъ себѣ;
Корысть и страхъ — я самъ свидѣтель,
Одни лишь дѣйствуютъ въ избѣ.
Коль денегъ нѣтъ, коль нѣтъ и власти,
Среди отчаянной напасти
Вы не добьетесь нигдѣ
Ни ѣсть, ни пить, ниже почлегу;

*) Сочиненіе Дмитріева.

Вамъ клячи не впрягутъ въ телѣгу,
И нагло вытѣснятъ вездѣ.

Мораль—фальшивая монета,
И уничтожена давно. . .
Во время ветхаго завѣта
Извѣстно было ужъ оно, —
И новый старъ, но все не видно,
Чтобъ смыслилъ кто, ей безобидно,
Прямую таксу положить;
А на мѣнѣ съ такимъ товаромъ,
Слыхалъ я ходя по базарамъ,
Сегодня врядъ и харчъ нажить.

Осмотримъ весь народъ крещеный—
Вездѣ проказами живутъ:
Арабъ на солнышкѣ копченый,
И замороженный Якутъ, . . .
Съ конца въ конецъ все козни строятъ,
Плетутъ силки, да ямы роютъ,
И князь, и графъ, и баринъ лжетъ;
Но только тотъ уменъ, достоинъ,
Хорошъ, пригожъ, богатъ, покоенъ,
И словомъ, хватъ — кому везетъ.

На это нѣтъ въ законахъ права,
Не схватишь пушкой на-проломъ,
Ни самымъ лучшимъ свойствомъ нрава,
Ни твердымъ духомъ, ни умомъ;
Пускай одно благотворенье,
Твой долгъ и честь и наслажденье.

Прекрасно! — только въ прокъ вейдетъ.
Себѣ тѣмъ счастья не устроишь,
Отъ темной ночи не устроишь; —
За малымъ стало — не везётъ!

Другой за-все, про-все рискуетъ —
И не теряетъ ничего;
Колоду картъ возьметъ, стасуетъ,
Во банкъ пустилъ — и все его.
Надъ нимъ не грянетъ громъ изъ тучи;
При нуждѣ вдругъ червонныхъ кучи —
И тотъ и тотъ въ займы даетъ;
На чай, на балъ откушать просятъ;
Студенты въ риомахъ превозносятся. —
Вотъ то ли дѣло, какъ везётъ!

Везло и мнѣ, какъ былъ моложе;
Я славно сѣялъ, — чисто жалъ.
Мой конь всего мнѣ былъ дороже;
На дугъ его бѣ не промѣнялъ.
Свою сработавъ десятину,
Любилъ запахивать чужбину, —
И въ землю рылся глубоко.
Въ загоицѣ маленькомъ пушистомъ,
На бѣгунѣ моемъ рысистойъ,
Умѣлъ уѣхать далеко.

Везде — когда съ подругой милой.
Катался въ шляпкахъ по Невѣ,
Или со всей душевной силой
Влюблялся каждый день въ Москвѣ.

Мечтами сердце восхищалось,
Кого ни встрѣчу, — мнѣ казалось,
Что всякой внутренно хорошъ.
Не зналъ, что есть такія души,
Для коихъ на морѣ и суши
Другого Бога нѣтъ — какъ грошъ.

Везло — когда въ дворянску шайку
Попалъ театрить *) во дворцѣ,
Съ богатыремъ играли въ свайку,
Или въ воланы на крыльцѣ;
Ходилъ за столъ его къ обѣду,
И на вечернюю бесѣду
Дверей никто не затворялъ.
А какъ женился я — то права
Такой былъ балъ, огонь, забава **),
Какихъ я вѣчно не давалъ.

Тогда летѣли мы, летѣли,
Неслись на крыльяхъ счастья въ рай;
А нынѣ все пошли мятели,
На ясны дни неурожай.
Пришлось и мнѣ сквозь огонь и воду
Стерпѣть ужасную погоду;

*) Слово собственное мое, чтобъ, посредствомъ его, избѣжать цѣлой рѣчи; ибо слово одно играть не значило бы еще точно играть комедию; а это много ничего разумѣть не даетъ.

**) Свадьба моя была на Каменномъ Острову, во дворцѣ тогдашняго Наслѣдника, въ 1787 году.

Духъ бурный перья всѣ ошибъ,
Со всѣхъ сторонъ бѣды жестоки
Отверзли горькихъ слезъ потоки:
Но Богъ взглянулъ, — и я не сгибъ.

Ему одну покланяюсь
Въ душѣ и совѣти моей,
Его десницей ущедряюсь,
Живу, дышу и движусь ей. —
Не гнѣвъ бояръ, — гнѣвъ Божій страшенъ;
Не судъ людской, — Его ужасенъ;
Онъ выюги вѣетъ, — Онъ уйметъ;
Велитъ зарѣ во мглу проникнуть —
Тогда и мнѣ удастся вскрикнуть:
Ура! друзья мои — везетъ! —

Ж и в ё т ь.

Кто вамъ сказалъ, любезны други,
Что-будто грамота у насъ
Для стихотворческой прислуги,
Когда зарѣзвится Пегасъ,
Бѣдна, подма и такъ ничтожна,
Что даже врядъ ли намъ возможно

Смѣнить съ чужою нашу рѣчь?
Конечно, сей расколъ ужасный
Въ Руси завелъ Французъ опасный;
Пора бы моду сбросить съ плечъ.

На все языкъ россійской годенъ
Тому, кто даръ стяжалъ писать;
Онъ силенъ, звученъ, благороденъ,
И все способенъ выражать.
На немъ читаемъ Россіяду,
Поемъ любовь, печаль, досаду,
Есть Душенька, Фелица, Богъ!
Кому въ какомъ угодно родѣ,
Стиховъ премножество въ народѣ;
По вкусу выбирайте слогъ.

Своя у всякаго есть Муза,
Бумаги пропасть, перьевъ тма,
Идейъ подъ черепомъ обуза,
Какъ мошки льнутъ вокругъ ума.
Прихожанъ въ храмѣ Аполлона
Такъ много, что отъ ихъ трезвона
Онъ самъ ужъ мѣста не найдетъ.
А я у притолки тамъ стоя,
Худую балалайку строя,
Мурнычу кой-что — и живётъ!

И радъ бы въ рай, какъ говорится,
Да не пускаютъ насъ грѣхи.
Иной надъ стопами трудится,
Кладетъ, какъ зданіе, стихи,

А толку нѣтъ; — да и не диво,
Воображеніе лѣживо.
Въ страницѣ многосложныхъ словъ,
Безъ пѣстического дара,
Безъ мыслей рѣзкихъ и безъ жара
Распуститъ кучу пустяковъ.

Не всякой можетъ какъ Державинъ
Вспорхнуть — и на небо летѣть,
Быть арфой и свирѣлью славенъ;
Одной тронуть, другой гремѣть.
Изящность прочимъ уступаю,
Я звѣзды съ неба не хватаю;
На откупъ взялъ парнасскій соръ.
Писать пустое — наше дѣло,
За это мы беремся смѣло.
Послушайте жъ мой новой вздоръ!

«Ужъ ли Творецъ подлунной сферы,
Вселенну такъ расположилъ,
Чтобы красоть однѣхъ примѣры
Повсюду смертный находилъ?
Никакъ; всему различны свойства;
И тѣмъ-то связь благоустройства
Природа въ существахъ блюдетъ:
Иному видъ даетъ нарядный,
Кому простой, кому изрядный,
А гдѣ со всячинкой, — живётъ!

По мыслямъ п слова рождаются,
А навикъ, сей большой деспотъ,

Уча свободно изъясняться,
Знакомитъ съ ними весь народъ.
Во всѣхъ странахъ языкъ природный
Свой духъ имѣетъ превосходный;
Но нашъ всѣхъ за поясъ заткнетъ.
Ну какъ Французъ, Швейцаръ и Нѣмецъ,
Какой хотите иноземецъ,
Посвойски выразитъ: живётъ?

А мы прекрасно вразумились
Въ натуру этого словца,
Играть имъ кстати научились
Отъ самыхъ хижинъ до дворца.
Вездѣ, во всякомъ разговорѣ,
Хоть за-просто, хотя въ уборѣ,
Оно приличіе найдетъ;
И баба въ грубомъ сарафанѣ,
И шеголиха на диванѣ,
Твердятъ частехонько: живётъ!

Плѣня большого господина
Расхожей прелестью своей,
Выпрашиваетъ мужу чина
Наглѣйшая изъ дульциней.
Для сильныхъ есть ли невозможность?
Готовъ и крестъ, и чинъ, и должность —
И вмѣстѣ рогъ на лбу растеть.
Вотще разсудокъ возражаетъ:
Постой! онъ грамотѣ не знаетъ!
У страсти свой отвѣтъ: — живётъ!

Бояринъ длиннаго заглавья
Готовась къ праздничному дню,
Когда сберется, изъ тщеславья,
Дарить убогую родню,
Велитъ сыскать въ рядахъ бездѣлку,
Или лежалыхъ смокъ тарелку
Съ большими вычурами шлетъ.
Что дрянъ такая не годится,
Онъ тѣмъ ни мало не стыдится:
Бормочетъ сквозь зубовъ: живётъ!

Судейка проситъ на крестины
Мелкопомѣтнаго къ себѣ:
Сперва попробуетъ всѣ вины
У ключницы своей въ избѣ,
И лучшихъ сортовъ прочь отставитъ,
А кислыя медкомъ приправитъ,
Смолой замажетъ — и черкнетъ
Своей рукою: дрей-мадера!
Весьма хозяйственная мѣра! —
А гдѣ же лучше взять? — живётъ!

Купецъ, нанявши щель, торгуетъ,
И мѣтитъ какъ бы обмануть;
Повѣса, вздернувъ носъ, гарцуетъ,
И всюду хочетъ заглянуть.
Попалось взору нѣчто мило,
На видъ красно, — на пользу гнило,
Онъ туго денежки даетъ;
Сидѣлецъ фарсы выпускаетъ,

Купите баринъ! приступаетъ,
Товаръ по васъ, сударь! — живётъ.

Мастеровой ли, — тотъ, конечно,
Шага не ступитъ безъ него.
Верстакъ ворочая безпечно,
Путемъ не сладитъ ничего;
У всѣхъ работой заберется
И тѣмъ исторія начнется,
Что весь задатокъ онъ проплетъ;
Потомъ, съ похмѣлья, каждую штуку
Испортитъ онъ на скору руку,
И кончитъ пѣсенкой: — живётъ!

Отпущенный на госпожинки
Къ отцу домой семинаристъ,
Обнюхавши домашни скрипки,
Нашелъ въ оберткахъ драный листъ,
И ну съ ужасною методой
Потѣтъ надъ чрезвычайной одой;
Риторика такъ и плыветъ.
А батъка, веселясь о чадѣ,
Воркуетъ при умильномъ взглядѣ
Съ улыбкой скромною: — живётъ!

Сосватай сваха мнѣ невѣсту,
Просилъ безчестный женишокъ,
На фижмахъ, сдобную, прелесту;
Я мѣди дамъ тебѣ мѣшокъ.
Старухѣ дѣвки всѣ знакомы;
Она ошмыгала всѣ дома,

Нашла калѣку, и ведетъ
Играть въ игрушку чѣтъ и нечетъ,
А суженому въ ухо шепчетъ:
Вѣнчайся, батька мой! — живѣтъ!

На свѣтѣ много штукъ подобныхъ,
А свѣтъ — огромная семья,
И въ ней не безъ людей негодныхъ,
Уродовъ разныхъ видѣлъ я.
Богъ знаетъ, что на нихъ находитъ!
Иной такую дрянъ городитъ,
Что Соломонъ не разберетъ;
Другого идеалы мучатъ,
Какъ женщину на сносяхъ пучатъ, —
Родится мышъ — и чуть живѣтъ!

Пускай бы такъ; — но вотъ несчастье!
О, Небо! отвори его!
Исчезло въ родинѣ участие,
И свой не любитъ своего;
Благоутробіе пропало,
Въ устахъ кипитъ змѣнно жало,
А сердце каждый день гніетъ.
Смотря на эту зла картину,
И видя прежнихъ благъ руину,
Никакъ нельзя сказать — живѣтъ!

Забыли вовсе мы природу,
И отступились отъ нее;
Сулимъ пріязнь, твердимъ свободу,
А какъ до дѣла, — басня все.

Впадешь невольно въ прегрѣшенье,
Фонъ-Визина стихотворенье
Тотчасъ на разумъ набредеть:
Мы точно на столъ игрушки;
Вездѣ въ насъ козыряютъ пушки:
А игроки кричатъ: — живётъ!!!

О, суетная горделивость,
Всѣхъ низкихъ побуждений мать,
Почто ты гонишь справедливость,
Не дашь и слова ей сказать!
Скорѣе понтъ оземлится
И бѣсъ полуденный смирится,
Чѣмъ самолюбіе простить
Того, кто въ глазъ его уколетъ!
Ничто кичливыхъ не умолитъ:
Во чревѣ ихъ весь адъ кипитъ.

Но сбился я съ своей дороги,
Совеѣмъ заѣхалъ не туда.
Съ дудою ломится въ чертоги
Нашъ братъ не всякой, не всегда;
Тамъ виртуозы лишь играютъ,
Тамъ двери настежъ растворяютъ
Златымъ цѣвницамъ и трубамъ:
А мнѣ чего же добиваться? —
Я радъ, что любятъ посмѣяться
На площади моимъ стихамъ.

Прощай, дитя новорожденно:
Да не задорься изъ похвалъ;

Не требуй ихъ уничиженно,
Не будь пожалуйста нахаль.
По чести, я не сокрушуся,
Ни на кого не разсержуся,
Коль журналистъ тебя хлеснетъ. . . . —
Я знаю самъ, что соли мало
Въ мою чернильницу попало;
Но такъ и быть — ступай — живётъ!!!

Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкѣ.

Люблю пріятельску бесѣду,
Гдѣ нѣтъ насмѣшки никакой,
Гдѣ можно за столомъ сосѣду
Сказать словца два, три за свой;
Люблю я тамъ играть, рѣзвиться,
Гдѣ принять просто, безъ чиновъ,
Гдѣ не боюсь тѣмъ провиниться,
Что на bon mot я не готовъ.

Бывало, дѣдъ почтенный въ родѣ,
Когда семейный пиръ даетъ,
По чувствамъ сердца, не по модѣ,
Своихъ гостей къ себѣ зоветъ,

Трапезу ставить не богату,
Виномъ заморскимъ не поить,
Не штофомъ убираетъ хату, —
А всякой весель тамъ и сытъ.

Тамъ вѣтъ вѣстей, переговоровъ,
Надутый баринъ не шипить;
Не сѣютъ сплетницы раздоровъ,
Богачъ надъ бѣднымъ не трунитъ.
Прошли тѣ годы, какъ любили
Такимъ манеромъ въ свѣтѣ жить;
То дни золотого вѣка были,
Какихъ намъ снова не najтъ.

Тогда супругъ женѣ былъ вѣренъ,
Сестру любилъ всѣмъ сердцемъ братъ,
Родитель въ дѣтяхъ былъ увѣренъ,
И ближній ближнему былъ радъ;
Но столь похвальные примѣры
Не попадаютъ ужъ намъ;
Другой всѣ люди стали вѣры,
Себѣ всякъ нынѣ строитъ храмъ.

Мы ближнихъ и друзей не знаемъ;
Куда ни сунься — все одинъ;
Взаимны связи презираемъ, —
Корысть намъ Богъ и господинъ.
Гдѣ есть хоть малая выгоды,
Умѣемъ тотчасъ ихъ смекнуть;
Для нихъ чрезъ пропасти и воды
Бездѣлка намъ перешагнуть.

Въ большой великолѣпной залѣ
Посмотришь надѣ — тма людей!
Всѣ пляшутъ до поту на балѣ,
А скука ждетъ всѣхъ у дверей.
Пріятель друга обнимаетъ,
Его ни мало не любя;
Тотъ той же лаской отвѣчаетъ,
И шепчетъ: чортъ бы взялъ тебя!

Видалъ я часто обращенье
Обоихъ половъ межъ собой;
Ихъ вальсъ приводитъ въ восхищенье, { *)
Мазурка рай для нихъ земной;
Повсюду слышатся всечасно:
Ахъ, какъ мила! ахъ, распремилъ!
Все въ ней божественно, прекрасно! —
Гудки съ двора — и жаръ простылъ.

Мужчинъ ли гдѣ кружокъ сойдется,
Тамъ беспорядокъ и содомъ;
Бостономъ день у нихъ начнется,
А вечеръ кончится виномъ.
Потомъ раздѣлка за глазами
Пойдетъ порядочная всѣмъ;
Въ злословьѣ хвастаютъ умами,
Никто не дорожитъ ни кѣмъ.

Вотъ такъ-то жить мы научились!
О, предки! если бъ вы сюда

*) Имена плясокъ, тогда употребляемыхъ.

Хоть на минуту къ намъ явились,
Едва повѣрили бъ тогда,
Что ложь, обманъ и лицемѣрство
Умовъ отличныхъ нынѣ знакъ;
Что честь слыветъ за суетѣрство;
Что кто не льститъ, тотъ и дуракъ.

Въ замѣну древня благородства
Взгляните вы на нашу спѣсь,
Взгляните, чада патріотства,
Колико эгоистовъ здѣсь!
Сіе угрюмое созданье,
Лукавства смертныхъ горькій плодъ;
За нашу хитрость въ воздаянье
Возникъ на свѣтѣ сей уродъ.

Лякуй, холодный себялюбецъ!
Твой праздникъ и пора теперь;
Лежи въ диванѣ сластолюбецъ
Одинъ, какъ въ дебри дикій звѣрь!
Тебя никто, никто не любитъ,
Хотя ты знатенъ и великъ;
Твой дѣла не слава трубитъ,
Но купленный бродягъ языкъ.

Когда желѣзный пруть судьбины,
Который школитъ смертныхъ вѣхъ,
Пробьетъ на лбу твоёмъ морщины,
Тогда болѣзнь уйметъ твой смѣхъ;
Вздохнешь, ума забывъ игрушки;
Никто не повторитъ твой вздохъ;

Обнявъ парчевыя подушки,
Тошнѣй меня ты скажешь: — охъ!!!

Тошнѣй, чѣмъ я, который въ свѣтѣ
Тропянкой узенькой бреду,
Имѣя малое въ предметѣ,
Тихонько жизнь свою веду.
Жена мнѣ другъ, она мнѣ рада;
Дѣтей у насъ полна изба:
Вотъ въ мѣрѣ семь Небесъ награда!
Красна простыхъ сердце судьба!

О, другъ мой, мать и вождь природа!
Твои дары милѣй всего;
Здоровье, пища и свобода —
Не надо больше ничего.
Пускай въ златую колесницу
Другой садится, а не я;
Пускай крестьянинъ въ поясицу
Не гнется, встрѣтивши меня.

Мои не трогаются чувства,
Когда я Крезовъ свѣтскихъ зрю;
Стяжать мнѣ не дано искусства,
За то Творца благодарю!
А если бъ даль богатства много,
Когда бъ возвысилъ Онъ мой рогъ, —
Сошедъ убожества съ порога,
Я бъ, можетъ быть, забылъ, гдѣ Богъ.

Итакъ, ты думай, какъ угодно,
Въ послѣднемъ вкусѣ челоуѣкъ!

Но мнѣ съ тобою никакъ не сходно
Своимъ на твой мѣняться вѣкъ.
Я буду жить, какъ жилъ доселѣ,
Твоя пусть жизнь идетъ какъ шла;
Когда жъ не будетъ духа въ тѣлѣ,
Тогда увидимъ — чья взяла! . . .

СЕМИРА БОЛЕСЛАВНА.

Послушайте меня, Семира Болеславна!
Открою тайну вамъ; она весьма забавна. —
Вѣстимо буди вамъ, чтобъ въ добрый молвить
часть,
Что дернулъ сатана меня влюбиться въ васъ.
Не въ мочь уже терпѣть; или сейчасъ же-
ниться,
Иль тяжкой сдѣлать грѣхъ, — на сворѣ уда-
виться.
А что бы за резонъ? Понять изволь, мой свѣтъ:
Петровъ день на дворѣ — мнѣ стукнетъ двад-
цать лѣтъ;
У матушки въ селѣ крестьяне въ это время
Всѣ женятся. Давно мнѣ жизнь безъ друга —
время,

Слоняюсь все одинъ; ни бабы, ни дѣтей,
И не кому ходить за пажитью моею.
Нѣтъ, полно! ужъ пора зажить домкомъ господ-
скимъ;
Объ этомъ толковалъ я и съ попомъ приход-
скимъ,
А къ намъ вотъ на Святой лишь только посвя-
щенъ
Какой-то богословъ — и сильно обученъ.
Онъ часто мнѣ твердить, что лучше обвѣн-
чаться,
Чѣмъ страстию любви сунуться и терзаться.
И впрямъ, коль разсудить, голубушка моя,
Что толку одному маячить вѣкъ, какъ я?
Господь благословилъ меня таки-достаткомъ:
Крестьянъ за мной въ стени душъ триста и съ
остаткомъ:
Скота — не перечесть! а жита что — а птицъ!
Суеѣковъ не стаетъ, — нигдѣ такихъ пшеницъ!
Овса ли, какъ у насъ въ уѣздѣ, не родится;
Что лѣсу на бору, и въ стройку весь годится;
А рыбы-то въ прудахъ — невидано такой,
И наши караси весь круглый годъ съ икрой. —
Ужъ то ли не житье! — Да чтобъ добра ни было,
Безъ милаго дружка на свѣтѣ все постыло, —
И солнце не свѣтло, и мѣсяцъ не на вкусъ,
И въ душу никакой нейдетъ любимый кусъ.
Пойдешь на скотный дворъ — съ навозу ста-
нетъ душно,
А съ матушкой сидѣть помилуй Богъ какъ
скучно!

Такая лѣзетъ дрянь, такой найдетъ столбнякъ,
Что сутокъ пять лежишь какъ въ стойлѣ арга-
макъ.

Лишь только бѣ до вѣнца мнѣ какъ-нибудь до-
браться,

А то я молодець могу хоть съ кѣмъ равняться;
Дѣтина на-показъ, натурою счастливъ,

И туловищемъ дюжь и рожею смазливъ;

Хоть рѣчью говорить заморскою не умѣю,

Признаться, и свою тупенько разумѣю, —

Да развѣ тѣмъ однимъ на свѣтѣ только жить,

И бабу цѣловать и дѣтушекъ родить,

Которые, съ тѣхъ поръ, какъ школы появились,

Невѣдомо какой грамматикѣ учились?

Пустое непотачь! — Хоть я не грамотѣй,

Дай сроку, какъ женюсь, и я взведу дѣтей.

Что много разсуждать, Семира Болеславна!

Поди-ка за меня — и заживемъ мы славна!

Все, ягода моя, тебѣ во власть отдамъ,

Прошенье въ земскій судъ по формѣ я подамъ;

Велю въ немъ написать, что весь мой скоть ро-
гатый,

И закромъ, и подвалъ, и пчельникъ мой богатый

Потомственно тебѣ, сударушка, дарю: . . .

Пускай же знаютъ все, какъ жарко я горю,

И пусть по всемъ торгамъ разносится молвою,

Что скоро я вступлю въ законный бракъ съ то-
бою. —

Исправникъ и судьи гурьбой къ намъ налетятъ,

Нацѣдимъ пива чанъ, — нарѣжемъ поросятъ;

Въ день свадьбы подарю волосяно колечко,

И съ перламутрами явтарное сердечко;
А самъ надѣну фракъ, что мой отецъ носилъ,
Когда по сторонамъ амуриться ходилъ.
Кой часъ изъ-подъ вѣнца воротиться со мною,
Велю псарямъ встрѣчать музыкой роговою;
А тамъ я приложусь къ малиновымъ устамъ, —
Хе! хе! — и будешь ты, какъ водится, *Мадамъ*.
Назавтра пиръ горой; — мой староста съ наро-
домъ

Ударится челомъ, — а бабы хоровадомъ
Придутъ вокругъ тебя вѣнки зелены плестъ
И стануть пѣсни пѣть, что силы въ груди есть.

Какъ праздники пройдутъ, начнемъ сушить
овины,
Подъ ивами гулять мы станемъ вдоль плотины,
Холопей за собой нарядимъ ровно двухъ,
Чтобъ вѣничкомъ они обмахивали мухъ;
Не то — велимъ по насъ прѣхать дрожкамъ съ
клячей,
Объѣдемъ вмѣстѣ хлѣбъ молоченой, стоячей;
Для случая велю срубить сотъ пять деревь,
Плотами по рѣкѣ пригонимъ ихъ въ Веневь,
Чтобъ можно было тамъ, на временну забаву,
Поставить флигелекъ съ свѣтелочкой на славу,
И было бы куда просить гостей къ себѣ;
А ежели и то соскучится тебѣ, —
Такъ что жъ? — неволи нѣтъ: раскланявшись
миру,
Въ коляску — и махнемъ по близости въ Ка-
ширу.

Тамъ станемъ день и ночь по улицамъ катать,
Съ настойкой чаю пить, къ знакомымъ заѣзжать.
Ужъ то ли, я скажу, не разливанно море? —
Какое можетъ насъ тогда постигнуть горе?
Сорокоумники напрасно все твердятъ,
Что Питеръ да Москва одни лишь веселятъ; —
Пустое! — въ этомъ нашъ поспорить около-
токъ.

Во-первыхъ, нѣтъ нигдѣ такихъ отмѣнныхъ во-
докъ;

Къ тому же никакой въ столицѣ господинъ
Не ссплитъ вышнѣ то, что нашъ братъ, дворя-
нинъ.

У насъ вѣдь то и знай попоничкамъ причины:
Поминки ли, сговоръ, рожденье, именины,
Безъ хмѣлю никакой здѣсь случай не пройдетъ;
Хозяинъ всемъ поитъ, — а гость всего прищеть.
По крайней мѣрѣ мы когда набьемъ утробы,
Хоть съѣдшишь и въ високъ сосѣда, да безъ
злобы,

Назавтра же и миръ — и снова наливай;
А индѣ-то не бось, со всячицкой; я чай!
Да что намъ до людей, предбудуща супруга!
Мы будемъ ликовать взаимно другъ для друга.

По милости Творца, я полный господинъ!
Все вдоволь у меня; — на что мнѣ важный чинъ?
Я съ роду не служилъ, по вольности дворянства,
И впредь изъ одного лишь только окаянства,
Какъ многіе у насъ, служить я не хочу;
Достаточекъ Богъ далъ, — а вдаль не хлопочу.

Взбредеть ли мнѣ на мысль смотрѣть какой по-
тѣхи —

Велѣлъ запрячь коней, и нѣтъ ни въ чемъ по-
мѣхи;

На мѣсяцъ, или два, слетать куда сберусь,
Во власти все моей — и въ отпускъ не про-
шусь.

Скажу не хвастовски, Семира Болеславна!

Башка моя дотоль блага и своенравна,

Что ежели въ нее какая дичь влетитъ,

Никто не выбьетъ вошь, хоть будь митрополитъ;

Но вѣрь, что для твоихъ забавъ не пожалѣю

Ни дворни, ни скота, всего, что я имѣю.

Убравшись въ красны дни работой полевой,

Мы хлѣбецъ продадимъ, а съ деньгами зимой

Въ широкихъ розвальняхъ, морозу не робѣя,

И совокупно въ нихъ подъ полетью мягкой грѣя,

Мы держемъ, — напримѣръ, куда бы? — въ

Елифанъ —

Ужъ не Москвѣ чета!—и Питеръ-то ихъ дрянъ.

Тамъ славный есть трактиръ, всеневная жерѣха!

За гривну серебра увидишь скомороха;

Онъ въ обручъ проползетъ, свернувшись коль-
цомъ,

Иль шпагу на носу поставитъ остріемъ,

И столь онъ кажетъ тамъ ужасныя фигуры,

Что ваши сестры все ваяются какъ дуры;

Прахъ вѣдаетъ его, откуда въ полчаса

Непостижимыя берутся чудеса!

Прыгнетъ сперва на столь, въ отдушину подъ
крышку,

Подуесть порошокъ, и дать такую вспышку,
Что вида задрожитъ хоромина та вся.
А фокусъ отойдетъ, поднимется возня;
Тутъ стряпчій удалой въ присядку славно пля-
шетъ,
А засѣдательша надъ нимъ ширинкой машеть. —
Да мало ли забавъ! Лишь денѣга бы была,
Ужъ залобуешься, красотка, до зѣла.

Свезу тебя къ сестрѣ недѣли на двѣ въ гости;
У ней по вечерамъ играютъ часто въ кости.
Малеваный гусекъ, и восемь гнѣздъ вокругъ,
На каждомъ свой цифирь — раскинуть надо
вдругъ;
И если трафишь такъ, что кость числомъ тѣмъ
ляжетъ,

Которое гнѣздо гусиное покажетъ,
То ставочка твоя. — Я самъ любилъ играть;
Да больно дома битъ, пришлось перестать,
А то бы и своихъ костей не досчитался.
Я съ этою сестрой съ младенчества свикался. —
Мой дядюшка ея былъ деверю своякъ,
А ближе довести родства не знаю какъ;
Но слышалъ отъ того, кто насъ училъ Закону,
Что Богъ велитъ любить Далматову Пюну
Затѣмъ, что я ей братъ, а мнѣ она сестра.
Родно свою хвалить не гоже — а востра! —

Довольно ль изъяснилъ, Семира Болеславна,
Всѣ выгоды житья со мною вамъ исправна?
Мудреныхъ отъ меня не ждите вы словесъ,

А въ срокъ купить гораздъ и сѣно и овесъ;
Но если, какъ осель, подь выюкомъ я вспотѣю,
То лучше ничего сказать вамъ не съумѣю,
Какъ то, что отъ любви шатаюсь безъ ума,
И въ тѣлѣ и въ мозгу ужасна кутерьма. —
Готовъ я и на то, противъ природной лѣни,
Чтобъ, ставши на часокъ предъ вами на колѣни,
Изъ книжки прочесть страницу наизусть,
Какъ нѣкій описалъ свою любовну грусть
Восточный *Дуриломъ*, собравшій важну силу,
Чтобъ въ плѣнъ съ собой угнать съ орды княж-
ну *Ненмлу*;

«О ты, таинственна небесна красота!

«Воображенія сладчайшая мечта!

«Души моею кумиръ и ландышъ благовонный!

«Воззри на гордый духъ, красѣ твоей преклон-
ный! . . .»

Ахъ! какъ бишь тамъ еще? Пойдите! да, —
«Луна

«На Сѣверѣ не такъ въ кругу своемъ полна,

«Не столько видно мачтъ на гордомъ Океанѣ,

«Не столько Магометъ сумбуритъ въ Алкоранѣ,

«Не столько даль добра ости-индскій намъ на-
родъ,

«Колико мнѣ любви, тебѣ даль Богъ красоты!»

Каковъ восточный шахъ, — но я косноязы-
ченъ,

И къ вычурамъ такимъ смаленька не обыченъ;

Я попросту одно заладилъ и твержу,

Когда къ тебѣ въ окно съ плотины погляжу:

Вѣнчаться поскорѣй! — и мать сбиль съ ногъ
родную,

Да высватай же мнѣ сосѣдку дорогу!

А матушка твердитъ всеобщую молву:

Сынокъ! да поѣзжай искать жены въ Москву;

Тамъ дѣвокъ, говорятъ, тма-тмушая въ народѣ,

Какъ рѣпы родилось на нашемъ огородѣ; —

Лишь стоитъ кошелекъ пошире развязать,

Изъ тысячи дадутъ любую выбирать;

Для трехъ сотъ душъ степныхъ одну жеманну
душу

Кто за-мужъ не отдастъ за этакую тушу?

Вотъ мой тебѣ совѣтъ! Надумайся, ступай,

И съ милою женой по ярмаркамъ качай.

Ну, что тебя, скажи, къ плотинѣ привязало? —

Кормилицу спроси — меня приколдовала

Какимъ-то корешкомъ одна ворожея;

Вѣдь драться съ сатаной не станешь, и нельзя, —

На томъ и кончимъ споръ. — Я губу вдругъ на-
дуу,

Уйду въ дремучій лѣсъ, да мѣсяць и бунтую;

А тамъ опять за то жъ. — Ужъ будетъ ли конецъ?

Или кинжаломъ въ бокъ, — или надѣтъ вѣнецъ. —

Усовѣтись, прошу, Семира Болеславна!

Грѣхъ смертный волочить меня и такъ издавна. —

Подходить мясоѣдъ — рѣши мою судьбу!

Я къ свадьбѣ заказалъ миндальную трубу;

Уже готово все: двуспальная перина,

Подножіе, свѣчи, попу съ дьячкомъ полтина,

Трезвоны на мази — вся дворня маршируй!

Лишь только скажешь: да! — Ісаіе ликуй!!!

Д у б и н а .

—

Помѣщикъ наряжалъ прикащика въ село,
Велѣлъ позвать Кузьму, и давъ ему дубину,
Ступай! сказалъ, храни мой домъ, крестьянъ,
скотину,

Деревней всею правь! — Кузьма склонилъ чело;
По-рабски стукнулъ въ землю,
И говоритъ: Я внемлю
Боярскій твой указъ, —
И скачетъ на приказъ.

Въ селѣ лишь только то узнали,
Крестьяне съ хлѣбомъ и сотою
Собравшись въ церкви всей толпой,
Начальника встрѣчали,
И какъ быть водится, по-русски величали. . .
На первыхъ онъ порахъ казался нѣшто крутъ,
Однако же и тутъ
Не очень передъ нимъ кто смѣлъ бы ротъ ра-
зинутъ:

Дубина-то была велика и жестка,
И разъ лишь ею двинутъ,
Такъ тотчасъ сатана измелетъ всѣ бока.
Годъ за годъ помирнѣй, а тамъ и полюбился,
За всякую вину медвѣдемъ не ершился, —
Повошенный голикъ не такъ уже мететь;
Любилъ прикащикъ жить, на брагу не скупился,
Почасту на пирогъ всю вотчину зоветъ. —

Кто подлинно богатъ,
Иль только тороватъ,
Вѣдь міръ не разсуждаетъ,
А знай лишь опиваетъ;
Нерѣдко и бабье,
Составя посидѣлки,
Умѣли брать свое
И въ жмурки и горѣлки;

И, словомъ, стали всѣ прикащика любить,
Или такъ говорить. —

На сходкахъ въ полный слухъ кричали право-
славны:

Спасибо-ста, у насъ прикащикъ благоправный!

По милости своей и кормить и поить,
Не мучить по судамъ, и всячески ща-
дить;

Да лучше намъ его и вовѣки ненадо.

Кузьма растеть — любовь души его отрада;

Покажется ли гдѣ,
Тотчасъ кричатъ вездѣ:

Мы вовѣки твоихъ дѣлъ добрыхъ не забудемъ,

И гдѣ ты ни живи, любить до смерти будемъ!

На все своя пора,
А ябѣда скоро. —

За что-то на Кузьму вся дворня разсердчала,

И барина смутя, съ приказу вонъ согнала.

Кузьма и тамъ и сямъ
Словялся по дворамъ;

Въ иныхъ не дешевъ харчъ, а денегъ онъ не
нажилъ,

Иной отъ грабежа и поломя не зажилъ;

Не слыхано слыхомъ о немъ въ той сторонѣ.
Крестится мой Кузьма, не грезится ль во снѣ?
Бѣжитъ въ гурьбу крестьянъ, кричитъ: здоро-
во, други!

Оглохли всѣ!—Давно ль у васъ такъ уши туги?
Припомните, какъ вы клялись меня любить,
Меня, по мнѣ самомъ, до смерти не забыть,
За что же вдругъ теперь ворочаете рыло?
Вѣдь, кажется, со мной вамъ жить не худо было?
Взгляните на меня! я тотъ же все Кузьма,
И, право, не сошелъ еще совсѣмъ съ ума;
Якъ вамъ пріѣхалъ жить—отъ бури пріютиться.—
Куда те Богъ несетъ? Здѣсь тѣсно, негодится,—

Дворовъ лишь про себя;

Куда дѣвать тебя?

Ряхнулся ты, конечно!

Ну жаль же мнѣ сердечно,

Что могъ я безъ вины вамъ сдѣлаться постыль.
За что же въ старину, скажите, былъ такъ милъ?

За что? На это есть причины. —

Какія же? чего во мнѣ недостаетъ?

Весь міръ ему въ отвѣтъ: —

Дубины. —

Едва ли и вездѣ не такъ насъ любятъ точно,
По мѣсту, — по чинамъ, — ей-ей! всегда на-
рочно.

Б А Р К А С Ъ.

У пристани баркасъ, привязанъ, колыхался,
Безъ груза, безъ снастей, — погоды дожидался,
На днѣ его бурлакъ какъ дюжій песь храпѣлъ;
И парусъ некошной на шестикѣ висѣлъ:
Вдругъ сверху внизъ бѣжитъ большой построй-
ки судно,
Оснащено совѣмъ, расписанное чудно;
Отъ мачты въ три ряда склоняся къ ребру,
Шумѣли паруса, какъ листья на вѣтру;
Широкій равендукъ, гордяся красотою,
И тму своихъ заслугъ считая самъ съ собою,
Съ насмѣшкой усмотрѣлъ вокругъ тонкаго шеста
На судяѣ присталомъ лоскутишко холста.
Откуда рѣчь взялась, — вѣдь гордость чудотворна:
Она и не въ холстахъ, помилуй Богъ! задорна:
Уже ли и тебя равно со мною чтутъ,
Гнилое ветошье, и парусомъ зовутъ?
Смотри, какъ шибко я весь воздухъ разѣкаю,
Бѣгу — и зданье все собою погоняю
Земля чистѣйшій лень на ткань мою дала,
Работа многихъ рукъ меня произвела.
Сквозь мѣдное зубье основу пропускали,
Утокъ въ два челнока четыре руки гнали,
И вышло изъ меня прекрасно полотно,
Что фламскимъ въ языкѣ торговомъ крещено.
Сравнить ли кто въ умѣ твое съ моимъ издѣльемъ.
Дерюга ты, вотъ все; я знатно рукодѣлье! —
Ну, полво же, уймись, любезный мой землякъ!
Холстина полотну отвѣтствовала такъ:

Некстати ты весьма породю кичишься
И славъ у людей неправильной дивишься.
На томъ же стебелькѣ съ тобою мы взошли,
Подъ тѣмъ же дождичкомъ и рядышкомъ росли,
Давали вмѣстѣ цвѣтъ и сѣмя вмѣстѣ зрѣло,
Однимъ лицомъ на насъ и солнышко глядѣло.
Что тоиѣ меня сработанъ и нѣжнѣй,
Оспоривать нельзя: я грубъ, да и прочнѣй;
За всѣмъ однако тѣмъ, и всякой это знаетъ,
Не качество насъ двухъ на суднѣ расширяетъ.
Коль тихо на дворѣ, ты кажешься тряпьемъ;
А дуетъ вѣтерокъ, и я стою шатромъ.
Сказалъ — и въ мигъ примѣръ: — бурлакъ давно
проснулся,
Пора уже и въ путь, — съ казной своей смек-
нулся;
Покамѣстъ я писалъ, онъ судно нагрузилъ,
Пока большое шло, и онъ свое снастилъ,
И парусъ навязавъ посредственнаго кошту,
Летитъ какъ на крыжахъ по водяному мосту.
Борей распучилъ холостъ, — и легкой на ходу
Плыветъ уже баркасъ съ товарищемъ въ ряду;
Уже опередилъ, ужъ глазъ не видитъ друга...—
Когда попутенъ вѣтръ — велика и дерюга...—

Случалось, чаю, вамъ
Видать и тамъ и сямъ,
Какъ, вздернувъ носъ, дуракъ шагаетъ,
Рѣшитъ, велитъ, опредѣляетъ . . .
У всѣхъ передъ беретъ! —
Что за диковина — — везетъ!!!

Исповѣдь грѣховодника.

Охота вамъ любить,
Забывъ себя, другаго?
Что пользы все тужить
О бѣдствіяхъ чужова?
По мнѣ — пусть ближній мой
Живетъ, какъ Богъ поможетъ;
Что рветъ его покой,
Меня то не тревожитъ.

Довольно горевать
О собственной кручинѣ,
И небу не спускать
Въ отчаянной судьбинѣ;
А впрочемъ, вокругъ меня
Будь моръ, пожаръ, ненастье,
Безъ горя вижу я
Всеобщее несчастье.
На дняхъ къ сосѣду въ домъ
Летѣла съ вихремъ туча,
Внезапу грянулъ громъ, —
И все развалинъ куча;
А я въ тотъ самый часъ
Въ бесѣдѣ наслаждался,
Отъ двухъ прекрасныхъ глазъ
Любовью заражался.

Недавно мертвеца
Подъ окнами моими

Съ земли на небеса
Попы переносили,
А я игралъ въ бостонъ,
И картъ изъ рукъ не кинулъ,
Услышавъ плачь и стонъ,
Лишь столъ поотодвинулъ.

Въ лохмотьяхъ нищобродъ
Меня не поражаетъ:
Домашній мой народъ
Его съ двора гоняетъ.
Больной мяѣ незнакомъ,
Съ печальнымъ не съѣзжаюсь,
Безсовѣстнымъ займомъ
Съ богатыми равняюсь.

Хоть судятъ, что не такъ
Мораль намъ жить велѣла,
Не слушаю сихъ вракъ;
До нихъ какое дѣло.
Я молодъ и здоровъ,
Къ чему спѣшить спасаться;
Бѣгу отъ всѣхъ трудовъ:
Въ нихъ тяжело отличатся.

Но вотъ чему ей-ей!
Никакъ не надивлюся,
И въ томъ столицы всей
На публику пошлюся:
Меня и тамъ, и сямъ
Хоть скаредомъ злословятъ,

А праздникъ только дамъ,
То всё въ объятъя ловятъ.

На карточки мои
Отказъ совсѣмъ не въ модѣ;
Чужіе и свои
Летятъ ко мнѣ въ свободѣ,
Мое здоровье пьютъ,
Столъ, домъ, услугу хвалятъ,
Съ пріязнью руку жмутъ,
А послѣ — крѣпко жалятъ! —

Что я имъ всѣмъ посылъ,
Я это точно знаю,
Что мнѣ никто не милъ,
То имъ извѣстно, чаю;
На что жъ такой обмѣнъ
Поступковъ пренегодныхъ?
Ума ли онъ безменъ
Въ сословьи благородныхъ?

У опыта спросись,
Увидишь очень ясно,
Что какъ ни суетись
Для ближнихъ, — все напрасно.
Любви не наживешь,
Довѣренности то же;
Всю жизнь въ трудахъ убьешь —
На что это похоже? —

Коль Богъ, Который далъ
Природу, жизнь, вселенну,

За то во мзду пріялъ
Лишь смерть униженну, —
Чего же отъ людей
Ждать долженъ имъ подобной?
Трегранныхъ ста ножей
И ямы безнадгробной.

Нѣтъ, нѣтъ, не положу
Животъ свой за друга;
Я тутъ не нахожу
Веселья никакова!
А лучше всякой день,
Гостей созвавъ араву,
Вкушать пріятну лѣнь
И веѣмъ дарить забаву.

Внемлите, господа!
Здѣсь пунишь, картежь и бубны. —
Пожалуйте сюда
Хвалить во гласы трубы
Меня, мою мораль,
И послѣ скажемъ вмѣстѣ:
Какой хозяинъ враль!
Какая жъ дрянъ и гости!

СТАРОСТЬ НЕ РАДОСТЬ.

—
Такъ точно, такъ, сѣдые мужи!
Заставилъ опытъ вѣрить вамъ,
Что ничего нѣтъ въ свѣтѣ хуже,
Какъ шибко слѣдовать страстямъ. —

Но въ двадцать лѣтъ, скажите сами,
Кому воздержность не скучна?
Увы! — проходитъ все съ годами;
Лишь зубы вонъ — какъ тутъ она.

Живаль я самъ какъ баринъ знатный,
Все было вдоволь у меня!
Съ Амуромъ день встрѣчалъ пріятный,
Съ Венерой спать ложился я;
Морозъ ли, слякоть за стѣнами,
Меня всегда кидало въ жаръ . . . —
Увы! проходитъ все съ годами:
Я сталъ и хилъ, и слабъ, и старъ.

Затѣи всяки удавались,
Сбывался каждый милый сонъ;
При мнѣ забавы начинались,
При мнѣ печаль бѣжала вонъ;
Любилъ душой, умомъ, глазами,
У милыхъ дѣвушекъ въ кругу . . . —
Увы! — проходитъ все съ годами:
И радъ любить, да не смогу. —

За чашей крѣпкой дрей-мадеры
Готовъ былъ пиръ тянуть до свѣтъ,
Въ бреду паровъ раждать химеры,
Въ пылу страстей всю душу жечь;
Смѣшавши недруговъ съ друзьями,
Кто ихъ узнаетъ, хохочу.
Увы! проходитъ все съ годами:
Теперь смиряюсь и кряхчу.

На деньги глядя безъ вниманья,
Когда копѣйку Богъ пошлетъ,
И ту на балъ, театръ, катанье
Въ минуту дьяволъ унесетъ;
Что нужда сплошь не за горами,
О томъ не грезилъ и во снѣ. —
Увы! — проходить все съ годами:
Пришлось о черномъ плакать днѣ.

Вотъ какъ любезная природа
Распоряжается всегда:
Потѣшитъ часъ — да два, три года,
Или до гроба иногда,
Перешептавшись съ небесами,
Въ аптеку выучить ходить.
Увы! — проходить все съ годами:
Ерѣ-фиксѣ и мнѣ велятъ ужъ пить *).

Врачи войну мнѣ объявили,
Во флягъ, и въ центръ, и въ тылъ гнетутъ,
Такъ точно, помню, говорили,
Ямщикъ заштатный, спрятавъ кнутъ,
На тройку яркихъ коней глядя,
Летащихъ быстро до Москвы,
Кричитъ, усы въ задорѣ глядя:
Бзжали парень-ста я мы!

*) Меня лечили отъ камня.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

НАПИСАННЫЯ ПОСЛѢ ИЗДАНІЯ

БЫТІЯ СЕРДЦА МОЕГО.

Гласъ Вѣры.

Внемлите истинѣ священной
Судьи, владыки и жрецы!
Внушите проповѣдь вселенной,
Во все гремящую концы!
Есть Богъ, нечестія каратель,
Благимъ дѣламъ мздовоздаятель! —
Есть Богъ, — есть судъ — и казнь, и рай!
Не суемудрствуйте, народы!
Отъ дня послѣдня нѣтъ свободы!
О, тварь! Творца не раздражай!

Есть Богъ; — Его я ошущаю,
Куда свой взоръ ни обращаю.
Какъ плоть — колѣна преггибаю!
Какъ духъ — горѣ къ Нему лечу!
Куда бѣ мое воображенье
И мыслей быстрое паренье
Меня въ мечтахъ ни увлекло;
Во глубинахъ-ль низринусь бездны,
Иль вознесусь надъ кровы звѣзды, —
Вездѣ Богъ зреть мое чело!

Вездѣ на семь челѣ надменномъ
Онъ тайный грѣхъ души прочтетъ;
Въ изгибѣ сердца сокровенномъ
Онъ беззаконіе найдетъ.
Сколь разумъ смертныхъ ни кичится
Въ коварствѣ мыслей обличится
Ослушникъ дерзостный Творца;
Не сыщеть темной той пещеры,
Куда бы могъ хулитель Вѣры
Сокрыть стыдѣвія лица.

Есть Богъ! — Взгляну-ль на чинъ природы, —
Міровъ зиждителя въ ней зрю.
Десной небесны движетъ своды;
Творить въ стихіяхъ міръ и прю;
Бросаетъ молніи на землю;
Въ громахъ Его я гласу внимаю,
И въ огнедышущихъ жерлахъ,
Отколь колеблетъ всю вселенну.
Кто власть Его неизречену
Не ощутилъ во всѣхъ странахъ!

Вотще язычникъ своевольный
Главу кумирамъ преклонялъ,
Иль новыхъ дней мудрецъ крамольный
Его безумно отвергалъ;
Доколь шаръ земной кружится
И ось подъ нимъ не сокрушится,
Дотолѣ тварь возопіетъ:
Есть Богъ! — Онъ крѣпкихъ посрамляетъ

И хутородныхъ избираетъ,
И силу въ немощахъ даетъ.

Не тотъ Его достоинъ взора
И можетъ къ благодати склонить,
Кто хитростью словесна спора
Его нещуетъ равнымъ быть;
Кто за предѣлы умозрѣнья
Помѣшанна воображенья
Проникнуть ищетъ Божество;
Подобно солнечну свѣтилу,
Творца мірьядъ измѣривъ силу,
Опредѣляетъ существо.

Не тотъ Всевышнему угоденъ,
Кто, отвергая цѣлый свѣтъ;
Какъ мертвый трупъ въ землѣ бесплоденъ,
Любовью къ ближнимъ не согрѣтъ,
Ни съ кѣмъ сообщества не водитъ,
Стезей кривой въ пустыняхъ ходитъ,
Блазнитъ, — и соблазняетъ самъ;
Прочтя ученыхъ бредней томы,
Овъ чрезъ монады и атомы
Продратся мыслить къ небесамъ.

Текли до насъ огромны вѣки,
И послѣ насъ ихъ не сочтутъ;
Но любопытны человѣки
Предвѣчной тайны не поймутъ;
Во испытаніяхъ глубокихъ
И заблужденіяхъ жестокихъ

Лишатея свѣтозарна дня.
Все въ Богѣ намъ непостижимо,
Одною вѣрой ошутимо.
Онъ Богъ, — довольно для меня!

Я въ мѣрѣ тѣлѣнномъ и духовномъ
Зрю въ Богѣ всяческихъ Творца;
Я въ чувствѣ совѣсти спокойномъ
Въ немъ чту Создателя — Отца;
Отъ нечестивыхъ удаляюсь,
Съ строптивыми не премираюсь,
Ни рая долу не вшу.
Коварства ядъ и тонкость злую
Премудростью не именую,
Какъ беззаконникъ трепещу.

Почто намъ, бѣднымъ, домогаться,
Доколь въ земной оберткѣ мы,
Съ духами горними равняться,
И безразсудные умы
Простря въ заоблачныя сферы,
Искать того, чего отъ Вѣры
Одной горячей должно ждать?
Когда насъ хищный мѣръ тревожитъ,
Одна лишь успокоить можетъ
Божественная благодать.

Такъ, такъ, я вѣрю несомнѣнно,
Что Богу только тотъ одинъ
Угоденъ будетъ совершенно,
Кто надъ страстями господинъ,

Кто духъ смиренія имѣетъ,
И съ добротой души умѣетъ
Ума невинность съединить;
Не любопытствуя ни мало,
Откуда міръ влечетъ начало,
Позналъ, какъ въ немъ правдиво жить!

Супругъ — обѣту сердца вѣренъ;
Отецъ — не раздражая чадъ,
Коль сынъ съ отцомъ нелицемѣренъ,
Сосѣдъ — помочь сосѣду радъ;
Владѣлецъ — благъ къ поселянину;
Слуга покоренъ господину,
И ближнимъ всѣмъ радушный другъ:
Вотъ долгъ людей — залогъ спасенья.
Одушевленнаго творенья!
Для Неба нѣтъ иныхъ заслугъ!

Когда бы такъ мы поступали
Во храмъ внутреннемъ сердцецъ,
О, вѣрно бы не обуяли;
И грѣхъ, сей первородный льстецъ,
Плѣня насъ міра красотами,
Съ богоподобными душами
Не попустилъ бы въ тину пасть,
Изъ коей насъ извлечь насильно
Богатствомъ благости обильна
Одна лишь можетъ Божья власть.

О семъ молитесь прилежно,
Служители земныхъ царей!

Не увлекайтесь небрежно
Въ кумирницы отъ алтарей!
Держите помыслы на стражѣ!
Во смертныхъ смертнаго нѣтъ гаже,
Какъ изувѣръ и суесвятъ.
Всему есть вѣсь, число и мѣра.
Одна спасетъ разумна вѣра,
Чей духъ намъ искушать велятъ.

Живи средь ближнихъ осторожно,
Какъ змѣй будь мудръ, какъ голубь цѣль!
Сей гласъ, гласъ истины веложной,
Изъ устъ Христовыхъ возгремѣль.
Когда съ душой придетъ разлука,
Ей уготованъ рай, иль мука!
Межъ тѣмъ, какъ плоть погубитъ тля,
Насъ въ тѣлѣ степень раздѣляетъ;
Но въ духъ тамъ Богъ всѣхъ равняетъ:
И царь, и рабъ — предъ Нимъ земля.

Взглядъ старца на заходящее солнце.

Красно солнышко садится,
Слышу колоколъ донской;
Изъ очей слеза струится,
Духъ обьемлетъ тоской. —

Скоро, скоро, солнце красно,
Я послѣдую тебѣ;
Окончавши вѣкъ ненастно,
Заплачу свой долгъ судьбѣ!

Скоро духъ угомонится:
Злые вѣстники пришли,
Подзываютъ спать ложиться
На сыру постель земли. —
Жизнь какъ молнія сверкнула;
Гдѣ ты, призракъ дорогой?...
Буря смертная подула;
Громъ гремитъ; — онъ роковой!

Новый мѣсяцъ родился,
Робко смотритъ изъ-за тучъ,
Частымъ дождичкомъ обмылся. —
Вижу тотъ же томный лучъ,
Коемъ прежде, вдохновенный,
Счастье юныхъ дней пѣвалъ,
И, восторгомъ увлеченный,
Имъ конца не ожидалъ!

Тотъ же мѣсяцъ озаряетъ
Садъ и хижину мою;
Тщетно чувства возбуждаетъ,
Геній скрылся, — не пою;
Слабымъ перстомъ движу лиру:
Звукъ исчезъ! — кому внимать?
Тщетно кличу я Глафиру,
Отголоска не слышать.

Жизнь есть рай, когда любовью
Сердце сердцу вѣсть даетъ,
Пылкой умъ съ горячей кровью
Радость неба въ душу льетъ.
Жизнь есть адъ, когда взаимной
Связи нѣтъ у двухъ сердецъ,
Тутъ природы всей противной
Милъ становится конецъ.

Что въ картинѣ мнѣ прекрасной
Міроздавія всего?
Безъ любви въ восторгахъ страстной
Вся вселенна — ничего!
Если должно — но боюся —
Нитку дней моихъ продлить;
Провидѣніе! молюся,
Силу дай всегда любить!

Нѣтъ, сей даръ не возвращаетъ
Царь природы никому;
Въ юну грудь огонь кидаетъ,
Въ сердце старца вноситъ тму;
Такъ и я въ послѣдніи годы
Суетамъ сказавъ: прости!
Жду отъ узъ земныхъ свободы,
Стоя смерти на пути.

Не минетъ меня лихая:
Гнется выя — серпъ готовъ;
Лютымъ недугомъ страдая,
Вижу гроба близкій кровъ.

Какъ щепя въ рѣкѣ съ волною
Притекаетъ къ берегамъ,
Такъ и я, влекомъ судьбою,
Проплылъ жизнь, — и скоро тамъ!

Тамъ, гдѣ всѣ, сливаясь, вѣки
Временамъ кладутъ предѣлъ;
Гдѣ приѣмлютъ человѣки
Казнь, плъ славу здѣшнихъ дѣлъ.
Все по мнѣ пребудетъ то же;
Паки солнышко взойдетъ; —
Другъ придетъ, — заглянетъ въ ложе,
Но души ужъ не найдетъ!

Онъ почтитъ меня слезами,
Тяжкій вздохъ мнѣ подаритъ,
И нельстивыми устами
Тризну мирну сотворитъ;
Скажетъ: былъ и онъ на свѣтѣ,
Мыслилъ, чувствовалъ, вѣщалъ,
Вѣренъ былъ друзьямъ въ обѣтѣ,
И любилъ — пока дышалъ!

Чистый Понедѣльникъ.

1.

Прошла недѣля суматохи;
Умолкли гусли и пѣвцы,
И покаенья тяжки вздохи
Разносятся во всѣ концы;

Спѣшать пресвитеры избраины
Лечить сердце глубоки рапы
И пятна совѣсти смывать;
Безбожныхъ къ Вѣрѣ Православной,
Порочныхъ къ жизни благонравной
Постомъ съ молитвой обращать.

2.

Какая смѣшенна картина
Является въ дѣлахъ людей!
Предметы розны; но причина
Одна и та жъ: игра страстей. . . .
Вчера я пѣлъ, игралъ, прельщался,
Ни съ кѣмъ судьбою не мѣнялся,
И видѣлъ небо на земли: —
Сегодня всѣ мечты пропали,
И мрачной совѣсти печали,
Какъ камень на сердце легли.

3.

Давно ль, доволенъ самъ собою,
Забывъ ведугъ, и лѣтъ число,
Я съ вѣчно-пламенной душою
Искалъ тамъ благъ, гдѣ было зло?
Плѣнялъ свой слухъ небеснымъ пѣньемъ,
Глаза — красотъ всѣхъ лицезрѣньемъ;
Всего себя страстямъ отдавъ,
Я мнилъ: восторгъ очарованья
Есть рай души — есть цѣль созданья;
Что радость — Богъ; міръ — храмъ забавъ

4.

И вдругъ волшебство исчезаетъ! — —
Едва народъ глаза смежилъ,
Иванъ Великій возбуждаетъ,
И томный благовѣстъ завылъ.
Какъ-будто преставленье свѣта,
Съ минутой первою разсвѣта,
Великій Постъ уже насталь;
Во мракъ ночи сердце бьется,
Угаръ прошелъ — душа мятется,
И тайный гласъ миѣ такъ вѣщаль:

5.

«Съ какимъ отчетомъ ты представишь
Къ повѣренному Божества?
Предъ нимъ оправдывать чѣмъ ставишь
Дѣла разумна существа?
Любилъ — не Небо, прелесть міра;
Святилъ — не Бога, но кумира;
Прощаль — кому отметить не могъ;
Богатъ — съ убогимъ не дѣлился;
Высокъ — предъ нижними гордился;
Къ себѣ былъ благъ—къ другимъ былъ строгъ!»

6.

О! сколь мы слабы, малодушны,
Когда, лобзая суеты,
Владычню Промыслу преслушны,
И помрачаемъ въ насъ черты,
Самимъ Творцемъ изображенны,
Его подобьемъ освященны,

Въ которыхъ долженъ духъ витать;
Но духъ — замѣтимъ осторожно —
Не тотъ, какимъ гордимся ложно,
А Духа Свята благодать.

7.

Когда бъ мы чаще разсуждали,
Прогнавъ туманы нашихъ грезъ,
За мигъ веселья бъ не дерзали
Удары рока, гнѣвъ Небесъ
Предпочитать тому блаженству,
Непостижиму совершенству,
Какое любящимъ его
Богъ мира, непреложнымъ словомъ,
Предуготовалъ въ царствѣ новомъ
Сынамъ наслѣдья своего.

8.

Но мы, привыкнувъ заблуждаться,
Легко бѣды переносить;
Чтобъ мигъ одинъ лишь наслаждаться,
Готовы цѣлый вѣкъ тужить;
Подъ игомъ сладостнаго чувства,
Мы истощаемъ всѣ искусства
И дѣятельность всю ума
На то, чтобъ жизнью скоротечной
Утратить блага жизни вѣчной,
Гдѣ ждетъ насъ жупель, червь и тма.

9.

О, люди! съ тлѣнной сей юдоли
Прострите къ вѣчности вашъ взглядъ,

Доколѣ въ вашей еще волѣ
Стяжать въ ней рай — избѣгнуть адъ!
На гений свой не полагайтесь,
Хвалою людскою не соблазняйтесь!
По смерти слава — звукъ пустой.
Земное все въ землѣ истлѣетъ.
Блаженъ стократъ, кто разумѣтъ
Науку — править самъ собою!

10.

Блаженъ, кто чувствуетъ всечасно,
И съ убѣжденіемъ прямымъ,
Что все, что въ мірѣ ни прекрасно,
Есть тусклый призракъ, мрачный дымъ;
Что персти сынъ не для забавы,
Не для своей безплодной славы,
Всему творенью предпочтенъ;
Что онъ, какъ царь всея природы,
Съ дарамъ разума, свободы,
Во славу Божью сотворенъ.

11.

Къ сему единственно предмету
Теките сверстники мои!
Мы долго дань платили свѣту;
Пора бѣлить дѣла свои!
Пора готовиться къ жилищу,
Въ которомъ кесарю и нищу
Нѣтъ очистительныхъ седмиць,
Гдѣ духъ, оставя здѣсь заботы,
Постигнетъ Господа субботы
Въ единосушіи Трехъ Лиць.

Послание къ другу.

Ужъ осень на дворѣ и снѣгъ перепадаетъ;
Зима своихъ предтечь на Сѣверъ посылаетъ.
Бывало, въ эти дни, на праздникъ храмовой,
Несется пыль столбомъ, летитъ гостей къ намъ
рой;

Для каждаго на вкусъ забавы тамъ готовы,
Приличія не жмутъ тиранскія оковы.
Всѣ за-просто — свои, чужіе и родня;
Не ищемъ кое-какъ убить лишь только дня;
Играемъ безъ причудъ, бесѣдуемъ радушно,
Весь домъ идетъ вверхъ дномъ, никто не молвитъ:
скучно.

Бывало, пиршество отправя такъ въ селѣ,
И новы сѣмена покнувши въ землѣ,
На нивы испрося Небесъ благословенья, —
Хозяйства день, другой, займетъ насъ упраж-
ненье.

Въ скирды сложивши хлѣбъ, въ стога сметавъ
траву,

Бывало, мы теперь собираемся въ Москву.
Проживши лѣто все въ деревнѣ, на свободѣ,
Безъ всякихъ лишнихъ тратъ, въ угодность глу-
пой модѣ,

Объявимъ свой отлѣздъ; и тотъ, и тотъ сосѣдъ
На проводахъ даютъ прощальный намъ обѣдъ;
Покаломъ чокъ да чокъ, наполненнымъ до края,

Другъ съ другомъ мы опять прощаемся до Мая.
А ты межъ тѣмъ, мой другъ, въ Узоровѣ своемъ
То жь дѣлая, что я, и вечеромъ и днемъ,
Епистолы ко мнѣ стихами посылаешь,
На встрѣчу отъ меня такія жь получаешь;
Но шуму не любя и волею принявъ
Уединенья крестъ, философа уставъ,
Живешь одинъ въ семьѣ, какъ пастырь домовитый,
И орощаешь самъ свой садикъ плодovitый.
Ботаникъ учась не тщетно много лѣтъ,
Умѣешь сохранить и дерево и цвѣтъ,
Отъ нихъ и аромать и пользы добиваться. —
Я, бѣдный, не въ тебя: люблю въ толпѣ сло-
ваться;

Я суетенъ какъ червь, охотно въ томъ вяньюсь,
Лишь ползать не гораздъ, а все-таки рѣзвлюсь;
Но время и ко мнѣ немилосердо стало! —
Не даромъ затвердилъ: бывало, да бывало?
Я нынѣ круглый годъ въ деревню не съѣзжалъ,
На Вражкѣ у себя Пометномъ прохворалъ. —
Хоть лѣтомъ моему завидуютъ все́ дому,
Но, ахъ! и красный день не взмилится больному.
Поклонная-Гора съ окрестностью своей,
Фили, Москва-рѣка, хоть куры бродятъ въ ней,
Прекраснѣйшій ландшафтъ; но кто жь не согла-
сится,

Что то жь, да то же все и въ Римѣ пригля-
дится? —

Какъ послушникъ скажу, что басня говоритъ:
Для проходимаго какой прекрасный видъ!
Признаемся, мой другъ, оставя все́ затѣи,

Которыми въ восторгъ приводятъ грамотѣи,
Что мало для того, чтобъ человѣкъ былъ радъ,
Смотрѣть на пейзажъ и слушать водопадъ;
Шафгаузъ, Чатырдагъ, Темпейскія Долины
Прекрасны для писца фламандскія картины.
Не спорю; но душа — о! вѣрь мнѣ, для нее
Безъ сообщенія мертво на свѣтѣ все.
Умъ, сердце, голова суть органы такіе,
Которыхъ не взманишь, какъ стеклышки глазныя:
Имъ нуженъ не раѣкъ — бесѣда, разговоръ. —
Поѣдетъ ли въ Москвѣ къ больному кто на дворъ!
Въ печали и тоскѣ друзей не дожидайся;
Дай праздникъ: — ихъ тутъ тма; а слегъ —
одинъ валяйся.

Но толку нѣтъ роптать; объ этомъ ужъ давно,
И въ прозѣ и стихахъ, вездѣ говорено.
Философы, жрецы, не проходило вѣка,
Старались исправлять безъ пользы человѣка.
Во времени своемъ, я помню, говорилъ
Мнѣ то же мой отецъ, а я за нимъ твердилъ.
Сердились до насъ, зрявъ ближнемъ вѣроломство;
Пришлось сердиться намъ, озлится и потомство;
Вертится такъ весь міръ; не сыщешь наконецъ
Ты въ сотнѣ хитрыхъ душъ двухъ добренькихъ
сердецъ.

У многихъ я слыхалъ, есть проповѣдь прекрасна.
Какъ скуку звать въ семьѣ, когда она согласна?
На что тебѣ скликать со всѣхъ сторонъ гостей?
Съ женою вообще воспитывай дѣтей,
Пиши, читай, своимъ хозяйствомъ занимайся,

Для воздуха выйдь въ садъ, природой наслаждайся.
Такъ точно, господа! вся ваша рѣчь красна,
И Кондильякова въ ней логика полна; —
Но маленькое мнѣ позвольте возраженье:
Мнѣ нужно чувство въ васъ, отнюдь не умо-
зрѣнье;

Такія же гораздъ баласы я точить
И, можетъ быть, другихъ съумѣю научить;
Но дѣло не о томъ: хотъ все благополучно
Въ семьѣ моей, хотъ я готовъ съ ней неразлучно
Въ чухонскомъ дымовѣ, въ темницѣ мрачной
жить,
Судьбу, какую Богъ вошлетъ, съ ней раздѣлить;
Блаженство нахожу среди семейна круга;
Любовью всѣхъ ко мнѣ богатъ подъ крышкою
моей,

Повѣрьте, точно такъ; но знаете ли скуку,
Несносную сію однообразья муку?
Взгляните, какъ Дамонъ доволенъ у себя!
Лѣнивое свое спокойствие любя,
Онъ счастливъ, у него все есть, онъ не хлопо-
четъ;

Базалось бы рай; зачѣмъ же не хохочетъ?
Онъ пасмуренъ, улыль: вотъ скука, господа!
Царь рядомъ съ ней сидитъ на тронѣ иногда.
Мы можемъ у себя быть счастливы, довольны,
Въ издержкахъ широки, въ поступкахъ очень
вольны;

Но недостаточно спокойства одвого. —
Чтобъ скуку имъ изгнать изъ сердца своего,
И слова и пера, какъ ни хитри искусство,

Веселости нельзя изобразить намъ чувство.
Умѣя ощущать, не можемъ изъяснить;
Ни славой, ни честыми ее нельзя купить.
Ее не привлечешь ни баломъ, ни обѣдомъ,
И часто въ деревняхъ сосѣдъ съ своимъ сосѣ-
домъ

Стократно веселѣй въ свѣтелочкѣ сидитъ,
Чѣмъ тотъ, чей въ златѣ домъ, какъ жаръ въ
Москвѣ горитъ.

Веселость! ты одна животворишь созданье.
Отвергнешь ли твое волшебное влiянiе?
Шепни мнѣ на ушко: куда ты скрылась, гдѣ?
То въ насъ самихъ, то виѣ; то всюду, то нигдѣ.
Я помню, какъ бывалъ я очень, очень молодъ,
Повѣса, какъ и всѣ, терпя безъ шубы холодъ,
Лишь только поутру одѣнусь, приберусь,
И задними дверьми коѣ-какъ увернусь
Отъ злыхъ ростовщиковъ, замученъ сильнымъ
страхомъ,
Нанявъ четверку въ долгъ, лечу орлинымъ ма-
хомъ

Рѣзвиться тамъ и сямъ, комедiю играть:
Улыбки цѣлый день не могъ я потерять.
Былъ веселъ, не смотря на всѣ мои заботы; —
Насталъ и для меня вѣкъ тягостной работы.
Казалось, отъ земли сажени полторы
Честолюбивые взнесли меня пары;
При всемъ однако томъ величiи и славѣ,
Путь тернiемъ заросъ къ весельямъ и забавѣ:
Былъ счастливъ, не таюсь, спокойенъ, даже радъ,
Но скука вкрадась въ духъ — пошло все на разладъ

О, вѣтъ, мой другъ, о, вѣтъ! веселость есть
стихія,

Которой не дадутъ ни камни дорогіе,

Ни канцлерскій дипломъ, ни тысящи крестовъ.—

Что опытъ доказалъ, на то не нужно словъ.

Людей спокойныхъ лѣвъ, а мудрыхъ осторож-
ность

Веселости всегда суть противоположность.

Намъ надо для нее—Богъ знаетъ что!—всего:—

Шумъ, роскошь, суета, а часто — ничего!

Безъ зова къ намъ на дворъ ее случайность вво-
дитъ;

Иной порой зовешь, зовешь, и не приходишь.

Итакъ, сколь ни гордись семьею ты своей,

Спокойство въ ней найдешь, но весель безъ лю-
дей,

Безъ общества никто, конечно, быть не можетъ,

И скуку разогнать бесѣда лишь поможетъ.

Бесѣдой я зову пріятный разговоръ.

На то ль даръ слова данъ, молоть чтобъ всякій
вздоръ?

День цѣлый толковать о травлѣ, картахъ, модахъ.

О сплетняхъ по домамъ, о свадьбахъ и разводахъ?

И съ вѣтра подцѣпя на рынкахъ анекдотъ,

О немъ повѣствовать, не зажимая ротъ?

Разказъ не разговоръ; иной промелетъ сутки

О томъ, что между бабъ слышалось у будки.

Да, если бъ, напримѣръ, не смысла вовсе зла.

О важномъ чемъ-нибудь въ семействѣ рѣчь за-
шла,

Подобный разговоръ не долго продолжится.
И тотчасъ да, или нѣтъ, на языкѣ родится;
Иначе быть нельзя; какъ разумъ ни точи,
Вседневно, всякій часъ, другъ съ другомъ жи-
вучи,

Знакомы до того идеи всѣхъ и чувство,
Что разговорное теряется искусство.
Я знаю, что другой мнѣ будетъ возражать,
А тотъ, чѣмъ я готовъ его опровергать,
И кончатся успѣхъ домашнихъ разговоровъ
Лишь выразительной словесностию взоровъ.

Согласная семья — обитель есть друзей;
Довольство, миръ, покой, мы все находимъ въ
ней.

Тутъ искреннихъ сердець сливаются всѣ тайны,
Тутъ подвиги любви бывають обычайны;
При встрѣчахъ роковыхъ участіе, совѣтъ,
Или въ семьѣ найдешь, или вездѣ ихъ нѣтъ!
Такъ чувствую и самъ; но это не мѣшаетъ
Тому, кто отъ людей и обществъ убѣгаетъ,
Скучать иной день такъ, что Боже упаси!
Коль хочешь веселье быть, людей къ себѣ проси,
Самъ ѣзди по гостямъ, не будь Анахоретомъ;
Нѣтъ легче ничего, какъ связь прервать со свѣ-
томъ,

И замуравиться навѣкъ въ своихъ стѣнахъ;
Ищи спокойства въ нихъ, веселья — въ суетахъ.
Частехонько острякъ, хотя безъ характера,
Скорѣй развеселить, чѣмъ дружба безъ при-
мѣра.

Начавъ сіе письмо, я взялъ себѣ въ предметъ,
По прошлагоднему тебѣ прислать отчетъ,
Чѣмъ тамъ, гдѣ полагалъ ты насъ, я занимался:—
Ты видѣлъ, что съ Москвой я годъ не расста-
вался.

Недугомъ изнуренъ, уныlostью томимъ,
Три мѣсяца почти былъ вовсе недвижимъ.
Аптека всякій день кувертъ миѣ присылала,
И долго у себя нахлѣбникомъ считала.
Юля лишь въ концѣ сталъ на ноги опять;
Ужъ поздно было намъ въ деревню помышлять;
Спустивши лѣто, въ лѣсѣ кто ходитъ за малиной?
И сей остановленъ невольною причиною,
Сошелъ бы, можетъ быть, съ ума въ пустой
Москвѣ,

Ко счастью, тма идей кипѣла въ головѣ.
Съ моленіемъ прибѣгъ я къ Фебу златовласу,
Явится въ кабинетъ велѣлъ ко мнѣ Пегасу,
И въ области на немъ Фантазьи полетѣлъ.
Ужъ онъ скакалъ, скакалъ; ужъ я потѣлъ, по-
тѣлъ! . . .

Повѣришь ли, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ перо
братъ въ руки,
Не помню, чтобъ когда, отъ радости ль, отъ
скуки,

Такъ много нечернилъ бумажныхъ я листовъ!
Легко ли написать три тысячи стиховъ?
Итогъ имъ подведенъ! вѣсъ тяжкой! ужасаюсь
И самъ, когда на нихъ въ досуги озираюсь;
И думалъ на яву, различны грезя сны,
Что Музы поднесли миѣ чашу бѣлены,

Нечаянно, что я въ Демьяна превратился,
И за грѣхи мои въ Бедламѣ очутился.

Но риѣма не одна съ ума меня свела;
Рука моя стопу на прозу извела:
На роздыхѣ, шутя и ею занимался.
Мнѣ Богдановича томъ мелочи попался;
Провербы тамъ нашель и, глядя на него,
Пословицъ написалъ — полдюжины всего.
Въ семьѣ моей тотчасъ, ихъ выуча исправно,
Похвастаться могу, разыгрывали славно. —
Хотя онѣ и всѣ лишь — на вѣсъ тяжелы,
Для чтенья, не ахти, въ игрѣ не веселы;
Но дѣти при отцѣ и вздоръ когда болтають,
Въ немъ сердце веселятъ и чувства наслаждають.
Вотъ такъ-то, мой дружокъ, я время прогонялъ;
Однако же не все еще я рассказалъ.

Но ты, пожавъ плеча, я вижу, содрогнулся
И вѣрить ужъ готовъ, что въ правду я ряхнулся.
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, давно тебѣ знакомъ
мой нравъ;
Ты знаешь, для меня пріятнѣй нѣтъ забавъ,
Какъ чтеньемъ и письмомъ вседневно заниматься;
Отнюдь я не ищу стихами прославляться;
Пишу ихъ для себя и прозу точно тожъ.
На нашихъ мудрецовъ я вовсе не похожъ;
До совершенства всѣ они такъ нынѣ падки,
Что въ тысячѣ стиховъ, коль два или три не
гладки,
Творенье и творца на плаху поведутъ.

Анаемѣ тотчасъ соборомъ предадутъ.
Богъ съ ними! не для нихъ свое я трачу время.
Изящны письма мнѣ сладость, а не бремя. —
И то ужъ для меня безцѣнное добро,
Что скуку отогнать поможетъ мнѣ перо.
Пріятель въ смертный грѣхъ ошибки не поставитъ;
Что ладно, скажетъ такъ; что худо, то поправитъ,
Не станетъ за глаза браня, въ глаза хвалить,
Чужія на лету сентенціи ловить.
О! нынѣшни друзья, насмѣшники подспудны,
На это мастера! слыхаль я судъ ихъ чудный!
Иной на выборъ словъ, другой на риему золь,
Идеи не появлявъ, тотъ подму рѣчь нашель;
Не ужъ ли и слова и мысли выраженьи
По смыслу хороши, по звуку лишь въ презрѣньи,
Разставиться должны по классамъ въ словаряхъ
Такъ точно, какъ чины въ адресъ-календаряхъ?
Тотъ, нюхая табакъ, съ таинственной ухваткой,
Прекрасно! возгласитъ; а шепчетъ: слогъ пре-
гадкой;
Тотъ словомъ, какъ сказалъ Державинъ,
богъ стиховъ,
Кто хочетъ леденцу, кто мерзлыхъ огурцовъ.
Оставя сихъ господъ на олимпійскомъ лонѣ,
Разсказъ мой довершу въ моемъ обычномъ тонѣ. —
Я пѣтическимъ мечтамъ не зрю препонъ,
И вздумалъ сочинить знакомыхъ лексиконъ,
Въ которыхъ собраны сердечны отношенія: —
Тутъ врагъ мой, тутъ и другъ, любовь и заблу-
ждение. —

Актеровъ тму съ собой на сцену вывожу;
Жизнь — драма, міръ — театръ; играю и гляжу;
Гдѣ плачу, гдѣ смѣюсь, тутъ гнѣвомъ я пылаю,
А тамъ, какъ Карашель, на солнышкѣ притаю.
Какъ весело, нельзя тебѣ изобразить,
Биографическій словарь такой чертитъ!
Вседневно предо мной мѣняются предметы,
И люди, и мѣста, и случаи, и лѣты;
Въ одинъ и тотъ же часъ я сплошь перелеталъ
Изъ Пензы въ Вильманstrandъ, съ Невы и за
Байкаль;
Ребенокъ, школьникъ, мужъ, старикъ, въ одно
мгновенье:
То ѣзжу на конѣ, то строю ополченье.

День за день, такъ-то я до осени доплелъ;
Съ гнѣзда не шевелясь, опять каминъ развелъ;
Опять его пѣвецъ, въ пристрастьи постоянной,
Ждать будетъ здѣсь зимы со свитой окаянной;—
Пускай морозъ стучить, ему нельзя меня
Веселости лишить: она — здѣсь у огня.

РАЗМЫШЛЕНІЕ НЕДУЖНАГО.

Для вѣчности намъ Богъ жизнь временную далъ;
За временную скорбь рай вѣчный обѣщалъ;
Тамъ родина души, всѣхъ таянь совершенство.
Спать трупы подъ землей, ихъ въ небѣ ждетъ
блаженство;

И кровію Христа обѣтъ запечатлѣнъ.
Вселенна въ лѣпотѣ, одинъ лишь призракъ тлѣнъ;
Колико въ ней красотъ чудесныхъ ни встрѣчаю,
Но міръ назвать Небесъ подобьемъ не дерзаю;
Далеко нашу мысль и чувство превзойдетъ
Тотъ рай, который Богъ для праведныхъ блю-
детъ,

Далеко не вмѣститъ и мудрыхъ постиженье
Великаго Творца ко твари снисхожденье.
Сей велегѣнный міръ, чудесъ огромный храмъ,
Оттѣнокъ лишь того, что Богъ назначилъ намъ.
Пускай мы здѣсь цари, пустьъ въ силѣ торжест-
вуемъ

И предковъ утоптавъ, потомковъ образуемъ,
На долгій рядъ вѣковъ и зиждемъ и творимъ,
Какъ волны безъ береговъ среди пучинъ кипимъ;
Но міру есть предѣлъ, и — смертному кончина,
Какъ громко бы его ни славилась судьбина!
Ничто не отвратитъ Всевышняго законъ:
Ни доблести, ни мзда, ни покаянный стонъ.
Но ежели судить о жизни человѣка
По подвигамъ его, — ему не будетъ вѣка.
Вотще въ дѣлахъ искать мы вѣчности хотимъ,
Дивясь старинѣ, внучатъ дивить спѣшимъ.
Пока тѣснится духъ въ вещественномъ составѣ,
Ему причастья нѣтъ въ готовящейся славѣ,
Которой, на краю послѣднихъ нашихъ дней,
Достигнуть суждено отъ юности своей.
Утративши ее въ плачевной сей юдолѣ,
Мы тяжелой подъ грѣзомъ подвержены неволѣ;
Недуги и печаль и всякая бѣда

Соблазновъ свѣтскихъ, суть горчайшій плодъ и
мзда.

Состарѣвшись, на гробъ со трепетомъзираемъ
И, браткой мигъ прожизнь, въ немъ скоро засы-
паемъ.

Чего же ради такъ мятемся въ животѣ
И въ жертву небеса приносимъ суетѣ?
Дымъ славы обонять — безъ устали трудимся;
Съ кумирами страстей встаемъ и спать ложимся?
Не смысла, что всему конецъ на свѣтѣ — тля,
Что въ землю сндетъ все, — понеже все земля.

О, Ты, Душа духовъ, превыспреннихъ зиждитель!
Поправшій смертью смерть, Адамовъ искупитель!
Приникни съ высоты въ чертогъ моей души,
Гнѣздящихся страстей волненье утши!
Какъ Симону Петру, въ моряхъ тиверіадскихъ,
Десницу мѣъ прости, изми изъ пламенъ адскихъ!
Смирря, научи геройски все терпѣть,
По благодати жить, и — съ миромъ умереть!!!

Воспоминаніе въ Александровѣ, близъ
гроба падчерицы моей, Е. А. П.

На мѣстѣ томъ, гдѣ ты родилась
И отцвѣла въ пятнадцать лѣтъ,
Гдѣ мать тобою веселилась,
Ты замѣняла ей весь свѣтъ,

Увы! что вижу? За холмами,
Сквозь оконъ, куполь тотъ блеститъ,
Подъ копь прахъ твой, межъ гробами,
Ужъ восемь лѣтъ отъ насъ сокрытъ.

Все то же здѣсь! куда ни броситъ
Отчаянная мать свой взглядъ;
И всякій шагъ за нею носить
Мечту потерянныхъ отрадъ.
Судьба жестокая судила
Здѣсь вѣкъ Елену пережить;
Гдѣ все собой животворила,
Одну ее тамъ не найтить.

Въ тѣни ночной, съ душой стѣсненной,
И я, полмертвый человѣкъ,
Бѣдой такой же пораженной,
Люблю вспоминать твой вѣкъ;
Но въ немъ едва четверту долю
Сочтя моихъ бесплодныхъ дней,
Небесъ оплакиваю волю,
Стеню — и покоряюсь ей!

Алёночка! уже ты съ нами
Ни дня, ни вечера не зришь,
И легкими съ саду стопами
За бабочкою не бѣжишь;
Въ объятыхъ матери счастливой
Ты сердца къ сердцу не прижмешь;
Отъ рѣзвости нетерпѣливой
У ногъ ея не отдохнешь.

Но сколь сугубо ты блаженна
Въ сравненїи съ нашею судьбой!
Жилище смертное: вселенна
Уже не рушить твой покой!
Ты въ ликахъ ангельскихъ сіяешь
И, дѣвства чистотой гордясь,
На блага здѣшнія зриаешь
Со всей ихъ славой, какъ на грязь!

Но намъ, любезна бывши въ тѣлѣ,
И внѣ твоя душа мила;
Въ твоей безчувственной скудели
Любовь источникъ слезъ нашла;
И мать въ ужасномъ сокрушенїи
Дотоль его не осушить,
Доколь благое Провидѣнье
Ея дней тяжкихъ не свершитъ!

СТИХИ ЛЮБВИ.

Подарокъ Ан. Ив. Вил-вой.

Ко счастью путь лежитъ одинъ:
Любовь! — другого нѣтъ въ природѣ.
И самый знатный господинъ,
И низшій рабъ въ простомъ народѣ,
Любовью движутся, живутъ.
Не слава дни даетъ блаженны;

Мгновенья жизни вождельны
Отъ сердца нѣжнаго текутъ.

Для славы тяжко могъ прожитьъ,
Для сердца радъ бы жить два вѣка.
Воспламеняться и любить
Есть рокъ и свойство человѣка.
Дадимъ царямъ земной весь шаръ,
И пусть на немъ все покоряютъ;
Но что потомъ? — Они скупаютъ,
Когда любви въ нихъ стынетъ жаръ.

Любовь есть искра Божества,
Непостижимая причина
Началъ и дѣйствій естества;
Любви конецъ — души кончина.
Вездѣ находимъ суету,
И славы гибнуть возглашеньи
Въ одномъ любовномъ восхищеньи
Безсмертныхъ благъ мы зримъ черту.

Взгляните вы вокругъ себя
На все, что мiръ сей населяетъ:
Все ищетъ счастья, любя,
Восторгамъ чувства посвящаетъ.
Тѣснитъ ли врагъ, вельможъ соборъ,
Сама-ль спиной Фортуна стала:
Подруга сердца приласкала —
И вся печаль — какъ-будто вздоръ.

Творецъ такъ свѣтъ образовалъ,
Что въ немъ любви все строить сила.

Примѣровъ опытъ не казалъ,
Чего бѣ она не побѣдила.
Всѣ дань платили страсти сей,
И въ спискахъ слугъ ея стояли.
Монархи въявь пренебрегали,
А тайно жгли кадило ей.

Тебѣ одной принадлежитъ
Самодержавіе вселенной!
Тебѣ во слѣдъ вся тварь бѣжитъ,
Ты узелъ міра совершенной! —
Когда злостраждетъ скорбный духъ,
Въ тебѣ онъ ищетъ утѣшенья:
Любовь источникъ наслажденья
Обворожаетъ взоръ и слухъ.

Приди жъ теперь въ поникшіи домъ
Дѣлить со мной невзгоды міра!
Тебѣ давно уже знакомъ
Песчаный садъ, камень мой, лира.
Все ту же бѣдность ты найдешь;
Но чудеса тебѣ не чужды:
Въ богатство превратятся нужды,
И небо тамъ, гдѣ ты живешь!

ЭЛЬФРИДЪ.

С..... Н..... За-ной.

Коль сердца нѣжнаго довольно,
Чтобы любви достойнымъ быть,
Эльфрида! ты должна невольно
Меня всю жизнь свою любить.
Должна за то, что я съ тобою
Готовъ дѣлить на свѣтѣ все:
Готовъ навѣкъ съ твоей судьбою
Связать все счастье мое.

Не вѣрь лукавому внушенью
Толпы обманчивыхъ льстецовъ:
Чтобъ дать видъ правды оболъщенью,
Языкъ богатъ въ наборѣ словъ.
Я самъ на свѣтѣ прожилъ много,
Страстей тревоги испыталъ;
Страстями былъ наказанъ строго,
Любви прямой не измѣнялъ.

Чета сердець и откровенность,
Взаимныхъ чувствъ между людей:
Такая въ жизни драгоценность,
Какой подъ солнцемъ нѣтъ милѣй.
Любовникъ сто побѣдъ исчислить,
Но что въ нихъ проку? — пустоцвѣтъ!

Уроковъ опыта не смыслить,
Добыча есть — да счастья нѣтъ.

Эльфрида! другъ мой — восхищаться
Не вѣчно можетъ человѣкъ!
Онъ любитъ жить и наслаждаться,
Его такъ кратокъ, — трудень вѣкъ.
Восторгъ минутный утомится,
Какъ легкій вѣтеръ прелетитъ, —
Любовь до самой смерти длится:
Она и прахъ животворитъ.

Любовь и за предѣломъ жизни
Надежды якорь утвердя,
Въ небесной ангельской отчизнѣ,
Свои отрады возродя,
Зари ждетъ вѣчности прекрасной,
И, милый встрѣтя тамъ предметъ,
Не призракъ дѣлитъ съ нимъ опасной,
Но чистый огонь — и тихій свѣтъ!

ПОСЛАНІЕ КЪ Н. Д. ИВАНЧИНУ-ПИСАРЕВУ.

—

Въ альбомѣ писать стихи—мое ли, право, дѣло?
Ты требуешь того — я приступаю смѣло; . . .
Но что писать къ тому, кто такъ взраститъ
какъ ты

Неувядаемы поэзіи цвѣты,
Кто смѣлъ (твои слова) близъ ангела молиться,
И съ образомъ его отъ свѣта удалиться? *)
Хоть два раза почти я старѣе тебя,
Но такъ же горячо и самъ еще любя,
Довѣренности въ знакъ здѣсь молвлю откровенно,
Что пламенной любви въ насъ чувство неизмѣнно;
Оно еще въ раю, какъ самый даръ благой
Дано Творцемъ міровъ съ безсмертною намъ ду-
шой.

Пускай смѣется свѣтъ, сіи читая строки,
Что старый хрѣнъ, какъ я, даетъ любви уроки:
Зачѣмъ же вѣтъ? Скажу, душа моя жива,
Ко сладости любви она еще нова.
Ее не умертвятъ ни времена, ни годы,
И старецъ во сто лѣтъ въ пріятный мигъ сво-
боды,
Способенъ иногда блаженства чашу пить, . . .
Въ хоромнѣхъ простой все небо заключить.
Любовь, которая насъ то вѣжитъ, то тревожитъ,

*) Относится къ однимъ изъ стиховъ хозяина альбома.

Которой изъяснить ни чей языкъ не можетъ,
Любовь есть нашъ удѣлъ, сокровище души,
Богатство въ нищетѣ — величье въ глуши;
Отъ прелестей ея какой мудрецъ спасется?
Мы любимъ всякой день, доколѣ сердце бьется,
И даже, признаюсь, подъ крышкою гробовой.
Мнѣ кажется, туда сокроется со мной
Послѣдняя мечта, послѣдній видъ предмета,
Который былъ мнѣ здѣсь всего дороже свѣта.
Законъ души моей въ альбомѣ вмѣщаю твой:
Кто любить — тотъ въ раю; кто миль — тотъ
богъ земной!

СПЛА ГЕНІЯ.

Господинъ Сегюръ, бывши нѣкогда посломъ своего двора при Екатеринѣ, допущенъ былъ въ Ея приватное общество и удостоивался нерѣдко бесѣдовать съ Нею о разныхъ философическихъ предметахъ, въ кругу отборныхъ мужей Ея Имперіи. Сіи часы составляли золотые досуги Екатерины. Думать надобно, что однажды угодно Ей было разсуждать съ французскимъ министромъ о причинахъ моральнаго зла въ мірѣ, и, по поводу сего разговора, онъ написалъ

небольшое сочиненіе въ стихахъ, которое посвящено Императрицѣ въ видѣ посланія, и которое я перевелъ на російской языкъ.

Напрасно мыслишь Ты, что нравственное зло
Отъ мѣстнаго небесъ вліянья истекаетъ;
Натура, въ простотѣ, какъ чистое стекло,
Намъ кажется видъ вещей, но ихъ не созидаетъ;
Она пестритъ цвѣты, питаетъ всякой знакъ,
Даетъ морозъ и зной, свѣтъ солнечный и мракъ;—
Но нравы улучшить, ума дары свободны, —
Законы лишь одни, не климаты способны.
Ты видѣла въ землѣ кремнистой и пустой,
Гдѣ съ нуждой Скандинавъ съѣдаетъ хлѣбъ су-
хой,
Съ какимъ умомъ, когда Густавовъ родъ тамъ
правилъ,
Бояться онъ себя Германію заставилъ;
Ты зрѣла, какъ среди болотныхъ камышей,
Голландія войной и твердостью своей
Умѣла приобрести довѣренность вселенной,
Отчизну создала, воздвигла сильный флотъ
И, областію ставъ въ расчетахъ несравненной,
Сокровищами свой прославила народъ.
Проникнемъ въ нѣдра мы, владычица полсвѣта,
Чей блескъ еще теперь восторгу стоитъ слезъ:
Взгляни на Римъ и Тибръ—тщеславны два пред-
мета —
Тамъ Зевсовъ куполь цѣль, духъ Цезаревъ —
исчезъ!

Сойдемъ въ волшебный край, столь памяти при-
ятный,

Гдѣ Музъ былъ и витій разсадникъ благодатный,
Прославленныхъ вождей златая колыбель,

Гдѣ каждая пядень утоптаныхъ земель

Есть дива монументъ.... Что съ Греціею стало?—

Подъ тѣнію гробовъ чело ея увяло.

Чего смотрѣть летитъ къ ней любопытный
взглядъ?

Развалинъ лишь одѣхъ величественный рядъ,

.

Хотя Пермесь и Пиндъ еще хранитъ судьбина,

Темпейская цвѣтетъ блаженная долина,

Хотя мѣста все тѣ жъ, но Греціи ужъ нѣтъ!

И въ солнечныхъ лучахъ смеркъ Аполлоновъ
свѣтъ!

Изъ сихъ горячихъ странъ преиди со мной въ
другія,

Гдѣ вся противна имъ вещественна стихія,

Гдѣ вовсе нѣтъ весны, родится тошій хлѣбъ,

Моритъ въ снѣгахъ свой зракъ оледенѣлый
Фебъ:

Тамъ варварствомъ однимъ взмелѣянны народы,

Славянъ и Гунновъ тмы — чудовища природы —

Чугунныя поля оставя за собой,

Текли весь міръ страшить ужасною войной,

И ярости во мзду ихъ витязи суровы

Къ татарскимъ племенамъ попалися въ оковы.

Казалось, вѣчный мракъ забвеніемъ покрылъ

Несмысленной толпы набѣги дерзновенны;

Исплавлены мечи въ серпы порабощенны —

И бить челомъ въ Орду ихъ гордый царь хо-
дилъ. . . .

Явился Исполнѣ! — Все Генію покорно! —
Онъ, само естество преодолевъ упорно,
Россію выше всѣхъ широкихъ царствъ возвелъ;
Всякъ подданный подъ Нимъ въ геройствѣ по-
сѣдѣлъ.

Законы начерталъ, Монархію поставилъ,
И тѣхъ, чью цѣпь сломалъ, враговъ ковать за-
ставилъ;

Царей съ престола свергъ, Стамбуль затренилъ
И безднами морей югъ съ сѣверомъ вѣнчалъ.

Стезей Его идя, въ слѣдъ мудру вдохновеную,

Екатерина вдругъ, Европы къ изумленью,

Наказомъ и мечемъ Совмѣстница Петра,

Россіи показавъ ключи ея добра —

Одѣла въ новый блескъ, вела отъ силы въ силу

Ту жъ самую страну, издревле столь унылу,

И въ тѣхъ краяхъ ея поставила предѣлъ,

Куда Филипповъ сынъ проникнуть не успѣлъ;—

У ногъ Ея заглохъ звукъ древней ея славы;

Явились при дворѣ художества, забавы,

И снова въ немъ процвѣлъ тотъ Людовика вѣкъъ,

Въ которомъ жилъ умомъ и сердцемъ человекъъ,

Учился размышлять судья и драться воинъ, —

Равно тотъ и другой вниманья былъ достоинъ.

Дымилася Чесма подъ заревомъ побѣдъ

И Турокъ былъ въ грозѣ; смиренъ Полякъ и
Шведъ;

А свой народъ, Ея стяжавъ благотворенья,

Блаженства не искалъ въ софизмахъ умозрѣнья;

Терпимость и законъ, дѣятельность труда
Селятъ въ степяхъ людей и красятъ города.
Итакъ, въ картинѣ сей увидимъ, сколь напрасно
Въ предубѣжденье мы вдаемся ежечасно,
Считая, будто царствъ вѣкъ, такъ сказать, златой
Образовать должны земной съ воздушнымъ слой.
Не почва, а законъ ихъ благо созидаетъ,
И славою престолъ не климатъ озаряетъ.
Державы всѣ равны, а блескъ ихъ отражать
Принадлежитъ тому, кто знаетъ управлять.
Во всѣхъ вѣкахъ сія вамъ истина открылась:
Гдѣ Геній повелѣлъ — натура покорилась!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ

СОЧИНЕНІЯМЪ

ДОЛГОРУКАГО.

ТОМЪ I.

Предисловіе къ III-му изданію «Бытіе сердца моего»	стр. V
--	--------

БОГУ.

Гимнъ въ день моего рожденія.	17
Акrostикъ.	20
Размышленіе о смерти.	22

МЕРТВЫМЪ.

На кончину Ея Величества Королевы Виртембергской.	29
На кончину митрополита московскаго Платона.	32
На кончину дочери моей княж. М. . . И.	34
На кончину Ивана Ивановича Шувалова.	38
На кончину Г. Горяча.	42
На кончину Ф. М. Толстова.	43
На кончину Ф. И. Глѣбова.	44
На кончину П. Ф. Глѣбова.	45
На кончину В. М. Жукова.	46
На кончину И. И. Нарышкина.	48
На кончину кв. Е. П. Долгоруковой.	49

	стр.
На кончину кн. Н. С. Долгоруковой	50
На кончину В. И. Горловой	52
На смерть Г. Моро	53

НАДГРОБНЫЯ.

К. Е. П. Долгорукой	54
Ф. И. Глѣбову	—
Юнощѣ Давыдову	55

О Д Ы.

На открытіе зданія для ботика Петра I-го въ Пере- славѣ	59
На открытіе Владимірской Гимназіи 1804 г. Авг. 7 дня .	67
Князю Пожарскому	72
На ностриженіе благородной особы	83
Невинность	87
Пѣснь послѣдняя моимъ современникамъ	94
Разсужденіе о судьбѣ	102
На имянной указъ о дачѣ женамъ убитыхъ въ арміи штабъ и оберъ-офицеровъ пенсіонеровъ	113
На имянной указъ о карточныхъ играхъ	116
На освобожденіе князя Сибирскаго	118

ПОСЛАНИЯ.

Кн. Гр. Сем. Волконскому	123
Нѣсчастной Красавицѣ	126
Счастливый человѣкъ	130
Прогулка на трехъ горахъ	138
Прогулка въ Савинскомъ	143
Прогулка въ Кусковѣ	148
Плачь надъ Москвою	153
Черты свободнаго писателя	161
Торжество совѣсти	167
Пріятелю шутка за шутку	180

ПОСЛАНИЯ КЪ АНОНИМАМЪ.

	стр.
Глафиръ	197
Ей же	202
Ей же	207
Людмилъ	212
Незнакомой въ столицъ	214
Незнакомой въ уѣздъ	219
Парашъ	222
Судьбъ	226
Сослуживцу	232
Сердечкину	236
Сосѣду	244
Морфею	251
Парфену	254

СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ОТКРЫТЫМЪ ЛИЦАМЪ.

А... И... Вил...вой	261
Воспоминаніе въ Рамзаѣ Н... М... Заг...вой	263
П... П... Нарышкину	266
М... Н... Ма...ву	272
И... Н... Классону	277
Н. Ф. Остолопову	281

Княжѣ В. П. Волконской:

I. На именины	286
II. На Новый годъ	287
III. Въ день Свѣтлаго Воскресенья	289
IV. На именины	290
V. — —	292

Княжѣ В. Н. Долгорукой:

I. Приношеніе	293
II. Пѣсня	294
III. На именины	296

	стр.
Переписка въ стихахъ съ княгинею В. А. Трубецкой.	
I. Акrostихъ ея.	297
II. Акrostихъ мой.	298
III. Возраженіе ея.	300
IV. Мой отвѣтъ.	301
V. На Любовь.	302
VI. На Надежду	305
VII. Стихи, присланные ею же ко мнѣ, по случаю изданія мною книжки: Сумерки моей жизни.	307
VIII. Отвѣтъ мой на нихъ.	309
Споръ.	311

СТИХИ НА РАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

Я.	317
Низовая повѣсть. Ана!.	325
Самому себѣ.	338
Дружбѣ.	340
Восхищеніе.	345
Каминъ въ Пензѣ.	348
Каминъ въ Москвѣ.	355
Война каминовъ.	365
За женщинъ.	368
Противъ женщинъ.	374
Балъ.	378
Царь.	382
1790-й годъ.	391
Весна.	397
Мои имянины.	401
Осень.	406
Спасибо 1799 году.	409
Приказъ швейцару.	413
Нѣчто для весельчаковъ.	420
Авось.	435
Взвѣтъ.	443

	стр.
Живеть.	449
Въ послѣднемъ вкусѣ челоуѣкъ.	457
Семира Болеславна	462
Дубина.	471
Баркасѣ.	475
Исповѣдь грѣховодника.	477
Старость не радость.	481
Гласъ Вѣры.	485
Взглядъ старца на заходящее солнце	490
Чистый Понедѣльникъ.	493
Посланіе къ пріятелю	498
Размышленіе недужнаго.	508
Воспоминаніе въ Александровѣ близъ гроба надчери- цы моею.	510
Стихи Любви.	512
Эльфридъ С. Н. За-ной.	515
Посланіе къ Н. Д. Иванчину-Шисареву.	517
Сила Генія.	518

